

Даша Пар

ЧЁРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Кажется, что всё в жизни предопределено судьбой. И адрес, записанный на самой последней странице записной книжки, обязательно окажется судьбоносным, ведущем по такой длинной и извилистой дорожке жизни. У Марго пропал брат и Элли единственная кто может его найти. Судьбы двух таких похожих девушек переплетаются в терновый узел, цветущий пышным цветом на той стороне реальности — на Изнанке. И первая любовь окажется роковой, и воспоминания о детстве не тем, чем кажутся. И мир — совсем не такой, каким видится! А над ними громадной тенью нависает он, Чёрный человек.

Даша Пар
Черный человек

Предисловие

Черный цвет массивен, он полон оттенков, сочетаний самых мрачных и скрытых помыслов, он способен увлечь за собой на самое дно сожалений, грусти и отчаяния. В темноте есть истина, есть своя прелесть непознанного, нераскрытого, запретного. Она — олицетворение наших самых глубоких и чувственных желаний. Если долго смотреть во тьму, можно увидеть в ней своё отражение. Увидеть то, что не желаешь видеть, познать самую пугающую сторону своего существа.

Ни одна история не обойдётся без истинного злодея, слишком долго всматривавшегося во мрак. Ни одна легенда не может существовать без злых духов, обитающих по ту сторону бытия.

Тьма полна холода, страданий, бесчисленных путей, ведущих на нижние уровни беспросветной глубины. Она вся наполнена этой горестью, колючим льдом, сковывающем душу в оковы страха. Но самым пугающим является истина — это навсегда. И тогда отчаяние становится твоей постоянной спутницей, и только со временем она будет замещена более глубинным, опасным чувством — смирением. Тоской. И всё, что тебе остаётся — вспоминать, шаг за шагом погружаться в своё прошлое, ведь только там сохранились те немногие остатки света. Только благодаря немногочисленным воспоминаниям, можно вновь почувствовать на себе тепло солнца, его ласку и нежность. Вспомнить каким счастливым и беззаботным ты был когда-то. Это всё, что остаётся утопающему в бескрайних водах чистой тьмы. Ты больше никогда не познаешь свет.

***

Ночной проспект. Крик, надорванный прямо в глотке. К шумной толпе прохожих, окутанных флёром ранней зимы, из глухого переулка выбегает молодая девушка в разорванном пальто сиреневого цвета. Она падает, спотыкаясь о неровную брусчатку и ей на помощь подбегает молодой человек.

— С вами всё в порядке? — спрашивает, помогая подняться.

— Он идёт за мной, — шепчет девушка и в её глазах просыпается безумие. — Он идёт!

Вырывается из рук и, отталкивая парня, бежит напрямик прямо под колёса машин.

— Постой! — но она уже ничего не слышит.

Ведомая рукой невидимых ангелов-хранителей, черноволосая пересекает проспект и скрывается среди облупившихся, старых, похожих на лабиринт, домов.

— Быстрее-быстрее-быстрее, — проговаривает про себя, обхватывая плечи в попытках унять холод и дрожь.

Сорванные коленки саднят, каждый шаг отзывается болью, с потрескавшихся и лопнувших, искусанных губ падает кровь, но она не замечает ни боли, ни усталости, страх толкает вперёд.

— Автомат!

Как раритет, реликвия, перед ней возник пережиток прошлого, чудом сохранившийся в центре Москвы. Ускорившись, цепляется за грязные стёкла, лихорадочно ощупывает карманы, пытаясь наскрести мелочи, снимает с рычага трубку и...

— Это только между нами, блистательная! Зачем ты убежала, любовь моя? Ведь нам было так хорошо! — раздаётся обольстительный голос.

Тихонько вскрикнув, она роняет монеты и трубку и отступает, прижимая ладони ко рту. — Нет! Нет! — всхлипывает, сдерживая рыдания, замирает, ужас сковал её.

Поворачивает голову в сторону тёмного тупика, как будто слыша — он уже близко, как будто чувствуя — он там.

Какая-то сила поднимает девушку в воздух, а затем опрокидывает на грязный асфальт, последний крик и она исчезает в тупике, оставив после себя кровавые царапины на земле.

На улочку спустилась тишина.

Глава 1

Элли

Черный день похож на грубую картинку сюрреалиста. Открыть глаза, вдохнуть полной грудью пронзительно-ледяной воздух — разве это не может быть самым честным и светлым пробуждением?

Вдыхая зиму, в полной темноте нащупала на полу мягкий ворс халата и затащила под одеяло, не желая полностью окунаться в лёд, окружающий смятую от бесконечных кошмаров постель.

Выбираясь наружу, блаженно тяну руки вверх, отрываясь от земли, замирая на самых кончиках пальцев ног. Босая, ёжусь, ступая по шершавости замёрзшего пола, подхожу к закрытому чёрными экранами окну и открывая их, подставляю лицо прозрачной ясности морозного утра.

Изо рта вырываются облака пара, отчего вновь содрогаюсь холодом. Не могу сделать полный вдох, вытягиваюсь вперёд и закрываю окна, а затем опускаю заочевшие пальцы вниз, прикасаясь к старым обогревательным трубам. От них идёт жар как от печки, скоро помещение прогреется и станет тепло, но мерзко. Холод освежает мысли, делает их кристально-чёткими и ясными, но, в тоже время, закрывает от тебя способность жить, мешает желать простых вещей. Всё, что остаётся — бесконечный, бескрайний поток сознания, плавно погружающий тебя на самое дно сновидений.

Разворачиваюсь и, шурясь от охватившего комнату яркого дневного света, медленно бреду в ванную комнату, чтобы окунуться в горячие струи воды, согреваясь и пробуждаясь от очередного мрачного и злого сна.

После, проснувшись и посвежевшая, спущусь по старым скрипучим половицам на второй этаж, где на кухне меня дожидается хитрая чёрная кошка по имени Черри. Она обязательно будет сидеть на холодильнике или, свернувшись клубком, на широком подоконнике, где располагается моё лежбище с тёплым шерстяным пледом и пепельницей, доверху наполненной старыми окурками. Кошка будет следить за тем, как открываю дверцу холодильника, достаю сухой корм, а также контейнер с мясными кусочками, который поставлю в микроволновку, чтобы завтрак кошки был сытным и тёплым. Как, пока еда греется, включу чайник и нажму кнопку пуск у ноутбука на широком обеденном столе. Она обязательно спустится вниз и начнёт тереться возле ног в тот момент, когда раздастся долгожданный звонок и я выложу куриное филе в кошачью миску. После заберу блюдо со старой застоявшейся водой, вымою в раковине и наполню свежей, с улыбкой наблюдая за трапезой любимой кошки.

Когда она закончит, то обязательно благодарно мяукнет, а затем, легко вспрыгнув на подоконник, попросится наружу — гулять по своим кошачьим важным делам. Выпустив её, приготовлю себе растворимый кофе с большим количеством сахара и сливок, уютно расположусь возле окна, приоткрою форточку, достану сигареты и установлю ноутбук на коленях, погружаясь в длинные колонки цифр, процентов и прочих прелестей реальной жизни. Это вырвет меня из действительности где-то на час — два, в течении которых успею приготовить себе простой завтрак, выпью несколько чашек кофе и чая, съем пирожное с эклером и шоколадной подливкой, выкурю около пяти сигарет и окончательно проснусь.

За это время успеет вернуться кошка и я подготовлюсь к выходу на улицу. Выключу

ноутбук, слезу с подоконника и поднимусь на третий этаж, где располагается спальня. Переоденусь в тёплый, болотного цвета, свитер, расшитый на белых полосках розовыми оленями, и в утеплённые джинсы тёмно-синего цвета. Натяну новые белые носки, расчешу волосы, забирая их в тугий высокий хвост, а также сбрызну запястья любимыми духами с приятным, но чуть горьковатым, ароматом полевых цветов. Встав перед зеркалом внимательно изучу отражение и, кивнув мыслям, достану самый важный и ценный предмет гардероба — широкую голубую шёлковую ленту, которой закрою шею. Без неё уже очень давно не выхожу на улицу.

Теперь готова спуститься на заброшенный первый этаж.

***

Здесь всё, как всегда. Покрытые толстым слоем пыли зеркала, заваленные всякой устаревшей мелочью полки, подставки, столики. Старые сушилки для волос, расчёски, валяющиеся на грязном сером полу. За стойкой, где когда-то заседала мама, пусто и темно, только несколько журналов с «модными» причёсками, которые из-за грязи и разглядеть-то издали нельзя, не то, чтобы взять в руки и посмотреть.

Здесь царит атмосфера похорон, запустенья, одиночества и печали. Раньше цвета парикмахерской были сочными и яркими. На стенах висели постеры со знаменитостями и известными моделями со стильными причудливыми причёсками, с томным и хищным взглядом победительниц. Здесь пахло дорогими духами, лаками для волос, красотой и жизнью. Она была здесь, эта жизнь.

Это был мир свежести, мир счастья, мир обновления. Девушки, приходившие сюда, с радостью расставались со старыми образами, отказываясь от прошлого, чтобы окунуться в мир своего будущего. Новая причёска символизировала новое начало, новый путь, она придавала уверенность и дарила чувство радости.

Таким было моё далёкое прошлое, которое почти не сохранилось в памяти. От него остались только путаные воспоминания бесконечного счастья и любви, что дарили родители. Это было беззаботное детство, чувство защищённости, чувство причастности к чему-то большему — к семье. У меня было это.

Время, когда не знала, что мир жесток и несправедлив. Время, когда была совсем маленькой и до боли невинной. Настоящее детство, разрушающееся день от дня. И конечно, я об этом ничего не знала. Родители делали всё, чтобы скрыть горечь преходящего, но нутром быстро начала осознавать, насколько хрупок этот покой и как легко его можно разрушить.

Сейчас, спустя годы, говорю себе: «У тебя было оно. Детство. Твоё детство. Пускай недолгое, хрупкое, но оно было. И в те дни ты была счастлива. Не многие могут этим похвастаться».

Чем старше становишься — тем сложнее засыпать. И сложнее просыпаться. Сон превращается в жуткую пропасть, из которой нет не только выхода, но и входа. Это как провал посередине — чуть упустишь волну и вот ты уже не можешь вырваться из жарких объятий зыбучего песка, полного скорпионов. Но самым страшным кошмаром становится жизнь, подчинённая бесконечным приливам сновидений. Когда ты словно отказываешься жить в угоду своим кошмарам. Тогда сон прорывается в явь и всё мешается, путается, превращая действительность в сладкую патоку дрёмы.

Иногда спрашиваю себя — жива ли я? Всё, что происходит со мной — это сон или явь?

Быть может я ненастоящая? Всего лишь фантазия мёртвого, погребённого в шелка сна? От таких мыслей обкусываю губы до крови, а затем мажу их бальзамом, чтобы на холодном зимнем ветру не болели, не стягивали, превращая меня в безмолвную мумию, которой и была на самом деле. Всего лишь тень настоящего человека, дыхание на смёрзшемся окне автобуса, чей-то окрик в конце улицы. Пустота, отчаянно пытающаяся жить.

***

Моё имя — Елизавета Воронцова, но все зовут меня Элли. Я родилась накануне дня всех святых, тридцать первого октября восемьдесят седьмого года и сейчас мне двадцать семь лет. Мои родители давно мертвы, других родственников не имею, близких друзей тоже. Каждый день проживаю как предыдущий, особо не задумываясь о прошлом или будущем. Я не строю планы, не хожу в церковь, не верю в Бога и не поклоняюсь Сатане. Я вижу призраков почти каждый день и в этом вся проблема.

Я обладаю способностью, за которую многие многое отдали бы, но те, у кого она есть — сделали бы всё, чтобы избавиться от неё. Этот дар, персональное проклятье, связующая нить с тем, от чего нужно бежать как можно быстрее. Всё тайное, скрытое пеленой туманов и кладбищ, старинных замков и роскошных столетних отелей, истории, передаваемые из уст в уста, городские легенды, секреты, которые не должны вставать из могил. Это плач, скорбь, боль и невыносимая, нестерпимая тоска с острой примесью горьких страхов. Это всё, о чём мы думаем с самого детства, всё, что мы прячем в своих сердцах, боясь хотя бы раз подумать об этом или думая так сильно в минуты губительной нужды. Это секрет. Это наша судьба. Ответ на вопрос, причисляемый к тем самым вечным вопросам. Надежда и горечь, религия и наука. Вопрос, который должен был оставаться в разделе философии, должен был не иметь ответа для нас, но... Я спрошу себя в миллионный раз: «Элли, ты знаешь, что будет после смерти?» И в миллионный раз отвечу: «Да».

После смерти люди становятся призраками. У этого термина сотня имён, различий и вариаций, для жителей разных уголков мира в их религиях свои ответы на то, что же такое быть призраком. И то, что значит быть призраком в Европе, совсем не означает то же бытие для призрака из Японии. Разная вера, разная религия, разная *Изнанка*.

Мои призраки — это души тех, у кого остались незавершённые дела на земле. Самые разные печали и горести задерживают их на *Изнанке*. Самые страшные и тёмные секреты, пугающие мысли, ноющие в их раскалённых смертью душах. Обречённые вновь и вновь переживать случившееся, не знающие, что мертвы... Но это лишь малая часть обитателей *Изнанки*. Проклятые несчастные души... сотни тысяч и каждый из них — на краю, ведь *та сторона* безжалостна к тем, кто не может справиться и унять свою боль, отпустить живых и двинуться дальше.

Люди знают об этом. Я вижу своих двойников на телевидении, читаю о них в книгах и слушаю бредни лжецов на ток-шоу. Люди всегда говорили о том, что мир духов существует. Они верили, что есть экстрасенсы, способные с ними общаться и быть проводниками между миром живых и миром мёртвых. В разные годы эта вера становилась то сильнее, то слабее, в зависимости от того, идёт ли сейчас война, эпидемия, финансовый кризис... в те годы, когда количество мёртвых растёт по экспоненте, живые начинают сильнее всматриваться в смерть, их снедает острая жажда надежды и обманщики ловко этим пользуются.

Раньше часто сравнивала то, о чём пишут в книгах и то, что происходит на самом деле. Книги не лгут о тех, кто не может уйти, потому что у них остались незаконченные дела.

Таких большинство. Не лгут они и о существовании полтергейстов, духов намеренно причиняющих людям вред. Не солгали и о мифических дверях, дорогах, ведущих нас вперёд. И да, городские легенды частенько описывают реальных призраков — Кровавая Мэри или Женщина в белом. Нередко эти существа и правда исполняют то зло или добро, что им вменяют. Но есть вещи, которые не найти в книгах. Например, тот факт, что *Изнанка* может измениться. Что там случаются войны и битвы, рождаются новые идеи и умирают старые. Что там есть жизнь. Жизнь после смерти. Вернее, её самая жуткая и химеричная часть. Я знаю, о чём говорю — я была там.

Каждый день пытаюсь помочь несчастным, угодившим в ловушку между двух миров. Пускай немногим, но по мере моих сил. Это мой дар, моё призвание, моё проклятие, от которого невозможно сбежать, даже укутавшись в шёлковый голубой плащ, сотканный из тысяч защитных ниток. Они лишь оберегают меня от внешних угроз, но защитить от самой себя не в силах. Иногда жалею, что не могу пройти мимо. Жалею, что чувствую их, вижу их боль, их отчаянную попытку прорваться обратно на землю, стать частью круговорота жизни, вновь ощутить вкус солнца на губах... Жалею, что способна облегчить им боль, ведь мои страдания, мои горести и несчастья — они облегчить не в силах.

Ведь это они во всём виноваты.

***

Полночь на часах. Вечерние сумерки давно собрали в небе чёрный цвет, приправив его белыми точками звёзд. Здесь на мосту пронзительный холодный ветер будоражит душу, сбивая волосы с присущей им прямоты в длинные тонкие нити, заползающие в глаза, рот и нос. Бесконечно поправляя их, грущу о забытой шапке и ниже опускаю капюшон, надеясь почувствовать давно окоченевшие уши. За спиной с шумом и грохотом проносятся поезда, из вестибюля станции сюда спускается тёплый жёлтый свет, озаряя под ногами снег, а над всем этим громко шумит магистраль, слышны клаксоны автомобилей, скрежет покрышек и визг тормозов. Мост едва заметно подрагивает, будто бы спящий кит, просыпающийся на мгновение от соприкосновения с шумным поездом. Здесь, возле парапета отсутствует тишина, но всё равно слышу собственное дыхание и биение спокойного сердца.

Днём прохаживая под мостом, видела серебристую вспышку, прыгнувшую с моста. Остановившись в кафетерии неподалёку, прошерстила новостные сводки в поисках нужной информации.

Шмыгаю носом, поправляю толстый вязаный шарф и опять вглядываюсь в черноту города, щедро приправленную огнями зданий, фонарями вдоль берега, сиянием далёких дорог. Москва-река спит, она погружена в долгий зимний сон толстыми и острыми льдами, сковавшими её поздней осенью. То здесь, то там, виднеются резкие ледяные глыбы, припорошенные грязно-серым, а в темноте и вовсе чёрным, снегом.

Пустынно. Лишь изредка, засунув руки в карманы, по обледеневшему тротуару, покрытому солью и песком, спешат припозднившиеся прохожие, похожие на нахохлившихся голубей. Один, два, три... всего десять человек за последний час. Не так много, а мимо меня и вовсе никто не проходил. Тем лучше.

Вновь достав телефон, чтобы посмотреть на время, негромко выдохнула. Она уже должна была появиться. Ждать осталось недолго. На её поиски потратила больше часа, но не разочаровалась. Девушка достойна моей помощи. Да даже если бы и не хотела помогать — не смогла бы пройти мимо. Не могу бросить, не могу уйти.

Над мостом пронёсся острый режущий ветер, от которого глаза мгновенно заслезались, отчего всё расплылось в световые пятна. Вытирая слёзы, вдруг ощутила, как ветер меняет свой настрой. Стало неправдоподобно тепло и сухо.

Началось.

А ты танцуй!

Дурочка, танцуй!

И улыбайся!

Тебе ведь все это действительно идёт...

Женское бессвязное пение раздаётся неправдоподобно громко — шум магистрали, поездов, ночного города смолк, оставив меня наедине с этой песней и пьяной девушкой, нетрезвой походкой, направлявшейся в мою сторону.

Она была бы красивой. Была бы светлой и яркой, если бы не потёки туши по щекам, измазанных ярко-красной помадой губ и щёк, этот жуткий лихорадочный румянец, чёрные волосы, колтунами спутавшиеся на голове, испачканная одежда, порванные джинсы, бутылка дешёвого пойла в руках. Она идёт, шатаясь, горланя во всё горло, зло с отрывом, периодически прикладываясь к горлышку бутылки. Жадные глотки, надрывистый кашель и слёзы, слёзы...

Девушка встаёт рядом со мной, меня не видя. Она смотрит на мутную воду Москва-реки и кривит губы. Её переполняет тьма, злость и гнев, и острое, почти невозможное сожаление.

— Я докажу тебе, сволочь! — кричит она в безмолвные воды летней реки. — А, да пропади оно всё пропадом!

И она бросает бутылку в воду, смотрит с секунду, а затем с лёгкостью перелезает через парапет и, обхватив железку руками, запрокидывает голову назад, улыбается, подставляя лицо тёплому воздуху, закрывает глаза, набираясь пьяной смелости.

— Не стоит, — говорю едва слышно, но для неё мой голос сравним с криком в горах, он отражается эхом, вновь и вновь повторяется в её ушах.

Девушка резко оборачивается, смотрит на меня, а затем в испуге назад.

— Возвращайся, Аня, — продолжаю говорить шёпотом, видя её нерешительность. Она ещё не осознала, что происходит. — Медленно и аккуратно, иначе свалишься.

— Да что меня здесь ждёт? — недоумение сменяется язвительной желчью. — Ничего! — кричит громко, почти в лицо.

— Я не буду повторять дважды — прыгнешь и я на следующую ночь не приду. Так и будешь прыгать, пока воды Москвы-реки не сменятся печальными водами реки Стикс, текущей по *Изнанке*, — говорю почти равнодушно, зная, что именно такой оттенок голоса заденет девушку больше всего.

— О чём ты говоришь? — хмурится, злится, но парапет держит крепко — уже легче, значит призрачный хмель почти выветрился.

— Давай посмотрим, — кривлю губы в подобии улыбки, а затем достаю из кармана телефон, нахожу нужную заметку и вслух зачитываю:

В ночь на 22 июня 2014 года в водах Москвы-реки возле Андреевской набережной было обнаружено тело, принадлежащее восемнадцатилетней Анне Ивановой. Предположительно, девушка покончила с собой, будучи в состоянии алкогольного опьянения из-за ссоры с любимым человеком.

Представитель пресс-службы Следственного управления СК РФ по городу Москва. «Обстоятельства произошедшего устанавливаются. Проверяется основная версия смерти»

девушки — суицид»

— Тут много написано, мне дальше читать? — спрашиваю по возможности невозмутимо, догадываясь, как она отреагирует на мои слова.

— Откуда ты меня знаешь? Кто ты вообще такая? Что за бред ты тут несёшь? — закричала она с детской обидой на лице.

— Давай ты сначала вернёшься, а потом мы поговорим, — сказала тихо, как опытный танцор, ступающий по тонкому льду.

От моих дальнейших слов зависит — вернётся ли она, или всё-таки река Стикс заполучит ещё одну душу.

Я смогла её заинтересовать. Смогла добиться от неё желаемого, поэтому она быстро перемахнула обратно, держась от меня на расстоянии. Её глаза, тёмные в ночном свете, пристально смотрели на меня, не в силах оторваться. Ты ещё не знаешь, но для призраков я как мороженое, бесплатное лакомство, тёплая подушка, о которую так любят тереться щеками лежебоки. Находясь под этим влиянием, она не может бросить меня и вернуться в свой бесконечный сон, где раз за разом прыгает вниз, крича от страха, когда разум просыпается от алкогольной спячки.

— Ты умерла, Анна, — говорю терпеливо, а затем подхожу ближе. — В ночь на 22 июня ты прыгнула вниз и утонула. Сейчас пятое декабря 2014 года.

— Да что за бред? — она смеётся. — Послушайте, не знаю кто вы, но спасибо вам — я и правда могла прыгнуть! Вы мне жизнь спасли! Скажите вы что-нибудь другое и я обязательно прыгнула бы, но вы смогли подобраться ко мне, я искренне благодар... — девушка попыталась дотронуться до меня, а когда я отвела плечо, чтобы помешать сделать это, запнулась.

— Анна, посмотри на берег, — говорю негромко, кивком головы ведя в сторону Андреевской набережной.

Девушка вновь улыбается и качает головой. Я пристально всматриваюсь в её лицо, ожидая того момента, когда она всё поймёт. Взгляд медленный и спокойный стремительно теряет силу, брови хмурятся, Анна кривит губы, вновь качает головой, не веря.

Столько снега, столько холода. В воздух поднимается колючая пурга, стремящаяся уколоть, да побольнее! Всех, кто попадётся ей на пути... Белые воздушные снежинки сбиваются в клыкастые стаи, выскивающие своих жертв. От их колкости, их холодности нельзя ни спрятаться, ни убежать и как бы ты сильно не натягивал на лицо тёплый шарф, совсем немного да попадёт и в глаза, и в нос, и в рот, обожжёт, как крапивой, щёки, полоснёт по оголённому лбу... Нет следов, но боли от этого не станет меньше. И улицы, и так пустые, обезлюдели вконец, оставив за собой лишь ровный свет от фонарей да требовательное гудение клаксонов.

Но здесь, в этом оазисе тишины и спокойствия — нет снега, он давно растаял под ногами, уступая перед безжалостной поступью запутавшегося призрака. Здесь тепло, даже жарко, так, как бывает только в конце июня накануне грозы. И при желании, при хорошем слухе, можно услышать, как бьётся река, заключённая в каменные путы тротуаров, дорог, парапетов, мостов. Я давно уже стянула с шеи шарф, сняла перчатки и расстегнула куртку, нежась от прилива нежданного тепла.

Но!

Всё меняет да так резко, что горло сводит от подступивших порывов холода. Лицо Анны превращается в ледяную маску ужаса. Её щёки бледнеют, дыхание прерывается, она жадно,

испуганно шарит взглядом по бесконечному снегу, укутавшему своими белыми покрывалами зимнюю столицу. Она цепляется пальцами за парапет, теряя на мгновение равновесие, её губы шевелятся, твердя опять и опять:

— Не верю, этого не может быть!

Анна как изваяние, как серенада, посвящённая отчаянию и потере. Девушка обхватывает горло руками и развернувшись спиной к реке, медленно сползает вниз. А затем её рвёт и изо рта выплёскивается мутная речная вода, девушка заходится страшным кашлем, не может никак остановиться, слишком много воды, слишком много...

И только тогда опускаюсь к ней вниз, наматывая обратно на шею шарф, касаюсь сначала робко, а затем с силой её плеча, чтобы через секунду мощно ударить по спине, разом прекращая бесконечные спазмы. Обхватываю за плечи и поворачиваю к себе лицом.

— Эй, тебе не кажется, что на этом нужно остановиться? — говорю мягко, заглядывая в её мутные от страха глаза.

— Сколько?..

— Каждый день ты прыгаешь с этого моста чуть позже полуночи. Тонешь и воскресаетешь вновь. Раз за разом, ничего не помня и не осознавая, — отвечая на вопрос, убираю непослушные прядки с её мокрого от волнения лица, попутно захватывая в её воспоминаниях всю её прошлую жизнь.

И то, как она впервые увидела родителей, сказала первое слово, пошла в школу, подралась, влюбилась, разочаровалась, содрала колени, украла у подружки шоколадку, подарила своё тело любимому, выкурила первую сигарету, попробовала коньяк, поссорилась с отцом, помирилась с братом, тайком поступила на театральное, вылетела за прогулы, снова влюбилась, пробовала писать стихи, нашла работу, умерла...

Воспоминания тихой чередой, как в старом чёрно-белом кинотеатре, проносились перед глазами, принося как радость, так и боль. Видела всё, что с ней случилось, чувствовала всё, что она чувствовала. На крошечное мгновение сама стала ею. Словно душа девушки влетела ко мне в сердце вытеснив мою собственную. Это было мимолётно, но следы присутствия её души остались, как и слова, что нужно было сказать, как и тепло, объединившее нас, сблизившее, позволившее ей открыться мне.

Нет-нет, девушка не стала говорить слова: «Я так молода, мне ещё рано умирать!» Не стала просить о пощаде, не стала спрашивать, что стало с её близкими после кончины, она даже не подумала о нём. Моё присутствие избавило её от сомнений, очистило душу, подготавливая к дальнейшему. *К переходу.*

— Ты остановила это, не так ли? Если бы не ты, я так и прыгала бы день за днём, пока дни не закончатся, верно? Это происходит с самоубийцами? — спросила она отстранённо.

Вижу, как медленно из неё уходит чувство живости. Как неторопливо с лица сползают чувства, присущие живым. Она становится полноценным призраком, который даже и не помнит — каково это быть живым.

— Не со всеми. Просто в момент смерти ты запуталась, и перенесла эту путаницу и нерешительность через грань, — улыбаюсь сочувственно, разделяя последние человеческие эмоции девушки.

Пурга над нами набирает злые обороты, она свистит, шумит и с силой преодолевает воздушные преграды, стремясь нарушить наше пристанище лета. Вот, моего лица касаются первые робкие лазутчики-снежинки. Пока они не смелые, в них присутствует немного остужающей ласки, как бывает в новогодний снегопад, но скоро, как Анна перейдёт, зима

полностью поглотит это место, возвращая порядок в естественный ход событий.

— Как глупо, — она разочарованно смотрит на меня, готовая проронить последние слёзы, не зная ещё — призраки не умеют плакать.

— Не глупее, чем поцеловать парня лучшей подруги Ксюши, — отвечаю лукаво, ловя ответную улыбку.

— И то верно.

Чувствую — начинается. Одно моё присутствие и вот у девушки появился шанс. Не всегда бывает всё так просто, зачастую приходится изрядно попотеть, прежде чем призрак видит своё место перехода. У каждого из них это происходит по-своему. И сейчас, для Анны, знаю, что может помочь.

— Анна, послушай меня очень внимательно. У нас не так много времени, но у тебя есть уникальный шанс сделать нечто, что поможет тебе.

— О чём ты говоришь? — она говорит через силу, устало.

Её лицо — теперь лицо призрака. Мелькают очертания утопленницы, как масло скользкие, многообразные...

— Ты должна вновь прыгнуть, Анна. Это твоё искупление. Ты должна умереть осознанно, не в пьяном угаре и призрачном бреде — а по-настоящему, сделав этот шаг своим решением. Иначе ты застрянешь на *Изнанке* навсегда.

— Но разве это будет правильным поступком? Во всех религиях указано, что самоубийцы отправляются в ад, — почти рассеяно отвечает она, отводя взгляд в сторону окон вестибюля станции метро.

— А ты не считаешь, что уже находишься в аду? Повторяя вновь и вновь то, что совершила. Тебе просто нужно это закончить и уйти отсюда.

— Куда?

— Кто я такая, чтобы дать тебе правильный ответ на вопрос? Всего лишь живая, способная говорить с такими, как ты. Способная понимать таких, как ты. Я не посланница неведомых высших сил, не проводник, всего лишь человек. И когда выйдет мой срок годности, окажусь в твоём положении — стоящая напротив неизвестности. Разница лишь в том, что я точно знаю: если осознанно останусь, никогда уже не смогу перейти.

Она кивает головой, делает глубокий вдох и смотрит на небо.

— Нет, сейчас лето, июнь 2014 года, — говорит твёрдо, но как будто бы издалека.

Девушка поднимается на ноги и вот, последнее чудо Изнанки — зима исчезает, растворяется в далёком будущем, уступая место жаркой душной ночи, когда юная девушка спрыгнула вниз. В руках Анны как из ниоткуда появляется бутылка и она с горечью смотрит на неё, прежде чем сделать последний в своей жизни глоток. Он был жадным, он был прощальным. Она выбрасывает её вниз, слышит далёкий всплеск, а затем смотрит на меня.

— Мне жаль тебя, — говорит девушка. — Жаль, что тебе приходится видеть это.

На её губах расцветает ироничная улыбка. Анна перелезает через парапет, обхватывает его руками и выгибается вперёд. Она закрывает глаза, подставляет лицо тёплом ночному ветру и отпускает руки, секунда пролетает быстро, даже не успеваю поймать мгновение, когда она исчезает, а вместе с ней и летний зной.

Зима бьёт по нервам, заставляя зажмуриться. Застёгиваю куртку, натягиваю перчатки, прячу голову под капюшоном, а затем иду в сторону стоянки, даже и не думая оглянуться — мёртвым не нужны прощания. Своё дело я сделала.

Глава 2

Черный день. Чёрный как смоль и такой же серый, тусклый, бесконечно усталый и седой. Смотреть через окно на выцветшие краски невыносимо противно и до бесконечности одиноко.

В руках фарфоровая чашка с холодным давно остывшим чаем, на подоконнике в полупрозрачной, отсвечивающей зеленцой, пепельнице тлеет сигарета. Тоскливо и холодно, совсем никак не удаётся собрать вместе ускользающие мысли и выйти, наконец, за порог, чтобы окунуться в противный, заунывный ветреный холод.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, пытаюсь найти немного света в душе, немного тепла и приязни, немного надежды и любви, но всё тщетно. В такие минуты самым страшным становится желание свалиться на пол, как комок незащитной плоти, уткнуться в стену и не думать, не мечтать и не желать ничего. Стать пустым местом, секундой за секундой проживающей жизнь. О, как же хочется отказаться от всего, просто растаять, как этот снег за окном, превратиться в слякоть и грязь под ногами прохожих. Чувствую себя ненужной и бесполезной, беззащитной и грязной. Отвратительной.

Напрягаю пальцы рук и с силой ставлю чашку перед собой, наблюдая за тягостной дрожью пальцев. Это даже приятно, как если бы сделала глубокий-глубокий вдох-выдох и выпустила из себя всю накопившуюся боль.

И в этот момент раздаётся оглушительная трель, разрывающая тишину пустого дома. Закрываю вновь глаза и выжидаю. Дверной звонок вновь надывается. А затем опять и опять. Значит не ошиблись и точно пришли ко мне.

Не знаю и давно уже не спрашиваю, откуда и как они меня находят. Я не люблю работать с людьми. Слишком сложно, слишком противно, слишком мелко. Большинство и не задумывается по-настоящему о том, что происходит, они просто хотят избавиться от малейшего напоминания о собственной смертности. Они грубы, озлоблены и в ожидании подвоха, ведь мы живём в глубоко материальном мире. И при том количестве верующих, истинная вера живёт в очень редких людях.

Но те, кто находят меня, другие. Совсем иной склад ума, совсем иные чувства и беды. Зачастую не они ищут, а те, кто приходит к ним, находят меня и за собой приводят несчастных. В этом нет радости, ведь боль столь остра, что они не могут по-другому, а мне лишь остаётся пытаться разрешить их от невыносимого бремени.

Спускаюсь по лестнице, по пути захватывая тёплую шаль и укутывая оголённые плечи. Мельком смотрю на мутное отражение в зеркалах первого этажа и замираю у входа.

Никогда не угадаешь, кто ждёт за порогом. Это может быть и старушка, сражённая страхом недавно умершего мужа, и молодая девочка, сжираемая не родившимся братом-близнецом, и мужчина с тоской в сердце, кого тащит за собой погибшая возлюбленная, словом — любой человек переживший утрату. С другими проблемами разбираются совсем другие *видящие*.

И вновь трель, но в этот раз с нотами отчаяния, как будто человек за дверью уже и не думает застать меня дома, и теперь считает полной глупостью, что появился неизвестно куда и неизвестно к кому.

Вот теперь можно открыть дверь. Именно сейчас самые скептические мысли покинули его, и он будет слишком растерян, чтобы сопротивляться моим знаниями и словам. Так

быстрее пойму, что приключилось и быстрее решу проблему.

Щелчок замка и дверь открылась.

Марго

Этот адрес был последним. Имя, фамилия, род деятельности — медиум. Я не знала, кто эта женщина, не знала, как с ней был связан мой брат. Его подчёрк на страницах записной книжки сильно отличался от обычного, так будто бы был написан другой рукой. Это всё, что осталось у меня.

Не видел, не слышал, давно не встречались, куда он пропал? Вот, чем были заполнены остальные страницы и адреса социальных сетей. Старые и новые знакомые, бывшие девушки, друзья по работе, клиенты, телефоны справочных и многое-многое другое, но ничего по-настоящему полезного нет. Только этот адрес выделялся и именно поэтому оставила его напоследок.

Моя надежда.

Я не смогла найти никакой информации об Элли, так словно бы её, как медиум, не существовало. Нет записей о её жизни, нет социальных страничек, подходящих к тому, чем она занималась. Не могу представить, как она выглядит, старая или молодая? Берёт деньги за работу или работает безвозмездно? Сотни вопросов, а дверной звонок такой глухой и далёкий, что его почти не слышу, отчего кажется, что ошиблась адресом и пришла не туда.

Хоть парикмахерская и называлась «У Элли», сомнения оставались тяжкими камешками в груди. Сердце гулко стучало и вот почти была готова отказаться и уйти, как дверь открылась и на пороге появилась она.

Девушка оказалась моложе, чем думала. Гораздо-гораздо моложе. Лет двадцать пять, может чуть постарше. Длинные ноги, тонкая талия с высокой грудью, спрятанной под белой майкой и толстым пледом. Пухлые нежные губы почти бесцветные на фоне белого овала лица. Она была именно такой — чёрно-белой, как старая фотография сороковых годов. Узкий прямой нос, высокие скулы, глубоко посаженные большие глаза, формой ближе к кукольным. Чёрные как смоль вьющиеся волосы, прикрывающие грудь, узкие плечи и бёдра. Девушка казалась почти больной, анемичной, с ворохом проблем и неприятностей, она походила на героиню старинных викторианских романов про заброшенные замки и призраков в белом, про несчастных слабых дам и опасных герцогов.

Но было то, что резко меняло представление о ней. Её взгляд. Прямой и холодный, нестигаемый, острый, как бритва, как хирургический скальпель, взгляд человека, привыкшего препарировать жизнь. Карие, почти чёрные глаза смотрят неотрывно, внимательно, изучая каждую чёрточку, составляя мнение обо мне. Это был опасный взгляд, однако он же внушал доверие к этой девушке. Говорил о знаниях, которых мне не хватало.

— Здравствуйте, — поздоровалась, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Не похоже, что вы ошиблись дверью, так что проходите, мне холодно.

Голос девушки приятно удивил. Глубокий, нежный, женственный и совсем не враждебный, как можно было ожидать.

— Спасибо, — кивнула неловко, проходя следом за ней.

Мы оказались в самом настоящем парикмахерском салоне. Справа стойка регистрации, прямо несколько стульев напротив зеркал, в отдалении за небольшой цветной ширмой скрывались раковины для мытья волос. Когда-то здесь было весьма неплохо, однако сейчас сразу становилось ясно — здесь давно уже никого не стригут. Толстые клочья пыли,

залапанная грязью зеркала, старые пожелтые журналы. Удивительно, что хозяйка этого места просто не вынесет всё отсюда и не превратит этаж в жилое помещение. Это было так странно, что я невольно чихнула. Аллергия на пыль.

— Идёмте, — резко сказала она, заметив мой взгляд. — Нам на второй этаж. И сейчас лучше соберитесь с мыслями, нет нужды рассказывать всё подряд.

— Да-да, — засуетилась, следуя за ней. — По правде сказать, я только хотела...

— Неважно, — оборвала она. — Не думаю, что вы случайно сюда попали. Скорее всего вас сюда привели.

— Что? — от удивления остановилась, а когда девушка не соизволила ответить или замедлить шаг, поспешила за ней, резво поднимаясь по ступенькам.

Мы минули небольшой пролёт и оказались перед чуть приоткрытой дверью, за которой скрывалась уютная жилая гостиная со всеми атрибутами быта — разбросанные вещи, какие-то книги на журнальном столике перед небольшим телевизором. Салфетки, бумажки. Здесь явно жили, отчего вновь задумалась, к кому я попала. Разве может в подобном месте работать медиум? Нет ничего, что говорило бы о духах или оккультных науках.

Рядом с дверью обнаружилась небольшая гардеробная, где я переобулась в гостевые тапочки и оставила верхнюю одежду. Девушка тем временем скрылась за поворотом, откуда громко спросила:

— Чай, кофе, воды?

— Если можно, то чай, — ответила, проходя в кухню.

Светло и просторно. На секунду ощутила явный укол зависти. Такие просторные кухни встречала очень и очень давно. Теперь довольствуюсь маленькой кухонькой вагонного типа на втором этаже рядом с трамвайным депо. Нет, я не жалею, ко всему можно привыкнуть, просто слишком неожиданно. Так бывает, когда морально готовишься, что и на порог не пустят, а в результате сидишь за кухонным столом, пьёшь вкусный травяной чай, а перед тобой вазочка с конфетами. А напротив сидит девушка, задумчиво водящая пальцем по кромке чашки и ждущая, с чем же я к ней пришла.

— У меня пропал брат.

Вот просто выложила случившееся, отчего вымученно улыбнулась.

— Понимаете...

— Можно на ты, — мягко поправила она, однако взгляд стал более серьёзным.

— Мой брат... ох, наверное, нужно начать с самого начала... — хоть она и просила подготовиться, однако не получалось так просто высказать всё, что случилось по порядку, мысли цеплялись то к одному, то к другому, сложно понять, что важнее.

— Мой брат видит призраков, — замерла, ожидая насмешек или неприязни, не получив ни того, ни другого, облегчённо выдохнула, улыбнулась, продолжила. — Так было с детства. Он не просто видел их, он помогал умершим перейти. Мы всегда были близки, поэтому никогда не верила словам родителей, что мой брат всё выдумывает. Вместе мы нашли способ скрывать правду от родителей, мы оба понимали, что если не будем этого делать, то рано или поздно ему могут навредить, — я нервно сглотнула, сделала глубокий вдох. — В семнадцать мы ушли из дома. Уехали из северной столицы и поступили в вузы Москвы. Мой брат пошёл учиться на психолога в МГУ, я выбрала экономическое... Суть в том, что Максим до сих пор помогает духам. После окончания института, он полностью сосредоточился на этом. Но... он не всегда помогает именно призракам, ведь чаще всего к нему обращаются люди, у которых нет проблем с миром мёртвых, — невольно замялась,

стушеввалась под строгим взглядом Элли.

— Твой брат мошенник..?

— Марго, меня зовут Маргарита, — ответила, правильно поняв паузу. — Нет, он не такой. Максим говорит, что иногда люди, пережившие утрату, нуждаются именно в такой помощи. И пусть им попадётся человек с дипломом, чем настоящий мошенник. Он помогает им таким способом.

— Продолжай, — кивнула она.

Это тяжело — по-настоящему собраться с мыслями. Они пугаются, цепляются друг за другом, ускользают между пальцев или же наоборот наскокивают на тебя с разбегу, все и сразу, отчего полная каша и не знаешь, что сказать, чтобы звучало складно, чтобы звучало действительно реально и не лишённым смысла.

На подоконник вскочила, взявшаяся из ниоткуда, кошка, она требовательно мяукнула и дождавшись скупой ласки со стороны хозяйки, развалилась, сощуриив глаза, наблюдая за мной, как за посторонней. И стало легче. Не знаю почему, но слова полились как горный поток легко и уверенно.

— Мы были очень близки. Это правда. Но это было очень давно. Пока его не отправили в школу для мальчиков, а меня в школу для девочек. Нас разлучили, потому что нашему деду не нравилось, что мы были слишком близки. Наши родители ничего не сделали, чтобы этому помешать и возможно в этом всё и дело, — я допила чай, криво улыбнулась и продолжила:

— Безволие отца и большие ожидания деда сделали моего брата сильным, но в то же время слабым. Ему нужен был авторитетный наставник, который поможет разобраться в том, что с ним происходит. Я на эту роль, естественно, не годилась. Он справлялся, много читал, изучал легенды, мифы, пытался найти сторонников, людей похожих на него, но ничего не получалось. По крайней мере, я так думала.

— Он кого-то нашёл? — спросила Элли, разливая очередную порцию теперь уже достаточно горького чая.

— Это началось чуть больше года назад. Брат только-только стал магистром и собирался продолжить обучение. У него было столько планов и мы постоянно были на связи. Часто встречались, гуляли, мы были семьёй, а потом... даже не знаю, как сказать, но он словно исчез. Прогулки короче, звонки реже, общение почти на нуле. Дошло до того, что я писала ему в сеть, потому что на звонки он не отвечал. А потом он просто пропал. Тогда осознала, что происходит что-то совсем не то. Он очень изменился за прошедший год. Изменились его взгляды, то, как он говорил и двигался. Его отношение к окружающему миру стало чуждым, не таким, как было раньше. Когда он перестал выходить в сеть, поехала к нему в общежитие, где узнала, что его собираются выселять, потому что брат перестал появляться в институте, прекратил вести лекции, просто исчез! За прошедшие два месяца от него не было ни слуху, ни духу. В его комнате образцовый порядок, но сама комната как не жилая! Зная его характер, смогла найти тайник, а в нём вот это, — потеряв замок на сумке, вытащила толстую записную книгу с обложкой из искусственной кожи. — Он всегда вёл записи. Писал о призраках, которым смог помочь. Записывал свои мысли и чувства.

— Что там было? — спросила Элли внимательно.

— У него появился друг. Наставник, который очень много знал о призрачном мире. Этот человек изменил брата. Заразил странными идеями о том, что наш мир должен принадлежать духам, что призраки не заслуживают своей участи. Там очень много идей, и брат следовал им. Последняя запись была сделана неделю назад, в ней было очень много

написано об Изнанке.

— Ты знаешь об этом месте? — удивилась она, неотрывно глядя на дневник брата.

— Немного, Максим говорил, что это место, где обитают призраки. Какая-то ловушка для них, он не говорил подробно. Сказал, что узнал об этом от призрака.

— И да, и нет, — покачала головой Элли. — Там написано имя этого учителя?

— Да, — кивнула, открывая книжку на заложенной странице. — Его имя — Чёрный человек.

Элли свистяще выдохнула, ненавистью обожгла обнажённые страницы книги.

— Его зовут Клаус. Чёрный человек — это не прозвище, а титул, — сухо ответила она, откидываясь обратно в кресло и закрывая глаза. Девушка помассировала виски и сделала глубокий вдох.

— Что ты хочешь этим сказать? — внутренне напряглась, понимая, что не хочу слышать то, что она скажет.

— Твой брат у Чёрного человека, призрака. Ты не найдёшь его самостоятельно. Тебе действительно нужна моя помощь.

Элли встала со стула, достала из пачки сигарету и закурила.

— Вот как мы поступим. Оставь дневник, мне нужно понять, с чем конкретно имею дело. Если права, то твой брат жив, но в опасности, если нет, то он уже мёртв. Вот такие варианты.

— Я не понимаю...

— Езжай домой, Марго, и хорошенько выспись этой ночью. Завтра мы пойдём к одной моей знакомой, которая скажет точно, что случилось с твоим братом. Сейчас ты только изводишь себя. Тебе нужен отдых.

Я смотрела на то, как Элли двигается по кухне. Нервно кусает губы, жадно затягивается сигаретой и думает, думает, поминутно глядя на дневник. Мне это не нравилось. Очень не нравилось, но я ничего не могла сказать или сделать.

Вдруг чётко поняла, что девушка передо мной — единственная, кто может помочь. И стало легче.

Элли

Всё повторяется. Вновь и вновь, по этому порочному кругу. Воспоминания перемешиваются и каждая новая прочитанная страница как откровение, как *deja vu*.

Меня так же обманывали. Теми же словами и посылками, теми же открытиями и чувствами. Он попал в такую же ловушку, как когда-то и я. Ещё одна жертва этих безумцев, этих дьяволов, жертв собственных ошибок и порочных мыслей.

Первые страницы просты и незатейливы. Максим помогал и живым, и мёртвым, на удивление, неопытный мальчик неплохо справлялся со своими обязанностями. Он гордился тем, что делает и, как и многие молодые медиумы, задавался вопросами, зачем и почему. Красной нитью через весь дневник шли его надежды о встрече с кем-то вроде него. Ему было недостаточно Марго, он нуждался в Наставнике, в том, кто поможет лучше понять мир, в котором он живёт. Не зная истинной сущности Изнанки, парень не понимал, как всё устроено и эта ущербность сильно тяготила его, из-за чего встреча с особенным призраком оказалась роковой.

Он был такой же, как и я. Потерянный и бескрайно одинокий. Это привело его к Клаусу, также, как когда-то я досталась своему Учителю. Мы шли одинаковой дорогой, разве только

я познакомилась с Михаэлем, когда мне было около одиннадцати лет, а он встретил Чёрного человека значительно позже. Но это не помешало ему увлечься своим новым другом с той же силой, что и я когда-то. Максим боготворил Клауса, но в их отношениях не было тепла, парень воздвиг пьедестал для своего наставника и не хотел пересекать черту.

Последние страницы явно указывали, что обучение подходило к концу. Я так и не смогла понять истинную природу интереса Клауса к Максиму, кроме как навязать ему свои мысли и взгляды. По сути, я мало что подчёрпнула из дневника, пожалуй, только несколько предложений заставили меня насторожиться — Максим писал о сестре:

«...Иногда не понимаю, почему она такая. Почему не видит того, что вижу я? В детстве всё было наоборот. Она видела, а я нет. Я так завидовал ей, что стал притворяться, что тоже вижу. А потом всё изменилось и она стала притворяться, что не видит их. А я действительно стал видеть. Мы поменялись местами или же она придумывала, а я подхватил её фантазии и пробудил свой дар? Медиум не может потерять свой дар и если бы он у неё был — она была бы рядом со мной...»

«...Я всё время порываюсь рассказать ей о Чёрном человеке. Это желание нестерпимо сильное, но Учитель запрещает рассказывать о нём и тому есть объективные причины, например, Институт ублюдков. Те ещё твари. После всего, что узнал о них, желание взорвать это здание ко всем чертям становится непреодолимым. Но и тут Учитель нашёл, чем успокоить: «Их время ещё придёт.» Жду с нетерпением! Жаль, что сестре нельзя рассказывать... Она бы поняла мои чувства. После всего, что они сделали с призраками, они заслуживают смерти. Я так хочу поделиться всем с ней...»

«...Скоро всё решится. Чёрный человек говорит, что ждать осталось недолго, а значит скоро придёт время рассказать всё Марго. Как же нелегко скрывать такие вещи. Я так отдалился от неё, но мне тяжело говорить о пустяках, когда происходит такое... Ничего, она всё поймёт. Мы слишком близки, а значит она пойдёт за мной, когда настанет срок. Учитель говорит, что для неё не всё потеряно. Он считает, в ней есть нечто особенное, что неудивительно, ведь мы...»

На это запись обрывалась, но смутные догадки закрадывались в душу, как въедливые червяки. Кто они? Какие могут быть варианты? Самый верный и очевидный — близнецы. А если так, то слова Клауса небезосновательны. Как и привязанность брата к сестре. Плохо, что она похоже не понимает, что уготовил братец. Бедная девочка, ей придётся несладко, если мы не решим эту проблему.

Мысли, как мушки, летают перед глазами. На часах — третий час ночи, время позднее. Кошка давно спит, её ласковое посапывание доносится со шкафа, куда давным-давно перетасила подстилку, убедившись, что среди предков Чернышки, были и обезьянки. Потянувшись, отставила дневник в сторону и выбралась из кресла, попутно подхватив задетую локтем пепельницу. Вовремя, иначе пришлось бы идти за тряпкой. Глаза нещадно болели, поэтому сбросила с себя одежду и забралась под контрастный душ, чтобы освежиться. Дышать стало легче. Прислонившись к стенке, запрокинула голову, подставляя лицо едва тёплым струям воды. Вот так хорошо. Мне этого не хватало.

***

— Михаэль! А бывают плохие призраки? Ну, те, что причиняют вред, как в фильмах? Девочка сосредоточена, она смотрит в пустоту не мигая, словно бы что-то или кого-то видит перед собой.

Комната залита солнечным светом, отчего в воздухе виден танец миллионов

бесцветных пылинок, превращающих уютную гостиную в нечто сказочное и волшебное. Тёплый жёлтый цвет пробуждает рыжий блеск в волосах маленькой серьёзной девчушки в простом сером платье. Перед ней, на стене, висит картинка с сельским видом, с небольшой часовенкой в окружении невысоких берёзок на фоне лазурного неба. Со стороны, по началу кажется, что она разглядывает этот незамысловатый пейзаж, но чем больше смотришь, тем больше понимаешь — она смотрит в пустоту, видя что-то, недоступное простому смертному.

— Я сегодня встретила странного призрака, — нахмурившись, сказала она. — Он выглядел каким-то грязным и неухоженным. Кажется, он чем-то был болен, прежде чем умер. Когда мужчина понял, что я вижу его, то попытался схватить за руку. Я сделала как ты сказал — закрыла глаза и стала считать до десяти, но, когда открыла, он стоял прямо перед моим лицом! — в голосе девочки послышался страх. — Тогда я не выдержала и убежала. Он следовал за мной до спуска в метро, а затем отстал. Он придёт сюда? Почему он был таким злым?

Она замолчала, как будто бы и правда разговаривала с невидимым собеседником. Закусив губу, упрямо мотнула головой, а затем нехотя кивнула.

— Да, я успела считать его. Но он был таким мутным, что мазнула лишь по поверхности. Не думаю, что этого будет достаточно, — сказала она. — Но почему он злой? Ведь я ему могу помочь, зачем он так поступил?

Ответ ошеломил девочку, она вновь нахмурилась, переваривая услышанное и вновь прикусив губу.

— Да кто придумал все эти правила? — возмутилась она. — Что за скотство?! Он же не виноват в том, что случилось! Я успела это понять, за что так с ним? Ведь не факт, что я смогу его вновь найти!

Новый ответ лишь сильнее разозлил её, однако запал быстро иссяк, видимо у собеседника было что сказать.

— Понимаю, — кивнула она. — Теперь понимаю. Но ведь ты не стал таким, хотя как призрак ты существуешь гораздо дольше.

— Да, конечно, — девочка смутилась, а затем обернулась в сторону входной двери. — Отец скоро вернётся, мне нужно делать уроки.

— Обязательно помогу, это же мои обязанности, — с лёгкой улыбкой, сказала она пустоте. — До скорой встречи, Белый человек!

Марго

Чёрный цвет с детства вызывал во мне отвращение, с тех пор, как меня и Максима заставили пойти на похороны бабушки. Я мало, что помню, кроме бесчисленных противных родственников и их фальшивых сочувствий и причитаний. Бабку никто не любил, но все любили деньги. А их у деда много. Очень много. Поэтому похороны были пышными и многолюдными. А мне пришлось надеть кружевное чёрное платье со шляпкой, прикрывающей лицо сетчатой вуалью. Мерзость, как вспомню, сразу становится противно. Теперь чёрный цвет вызывает неприязнь, но сегодня решила поступиться своими принципами и одеться во всё чёрное, немаркое, как и просила Элли. Не знаю, куда пойдём, но видимо это будет не центр столицы.

Сегодня ночью плохо спала. Мучили сны о брате. Мне постоянно казалось, что он попал в беду, что он зовёт меня. Просит прийти за ним и спасти. Мы близнецы, может так проявляется наша связь? Ведь он действительно в беде, может...

За спиной раздаётся стук колёс от очередного выезжающего из депо трамвая. В квартире никого, только тикают старые часы в коридоре, да солнце неторопливо подбирается к входной двери, широкой полосой скользя по полу, демонстрируя пятна и грязные разводы тряпки от совершённой наспех уборки. Сегодня моя очередь, но желания нет. Девчонки будут злиться, но об этом подумаю в другой раз. Как и о прогулах, и том, что деньги кончаются. Наверное, придётся звонить матери, выслушивать её стенания и сожаления, а потом просить выслать немного денег. Не хотелось бы, но сейчас та ситуация, когда ни на что другое нет ни времени, ни сил. Негромко застонав, подошла к зеркалу и посмотрела на отражение.

Белое, застывшее лицо, обрамлённое длинными рыжими волосами. Россыпь веснушек на щеках и курносом носе, бледные полные губы, синяки под глазами, следы морщин на лбу от того, что часто хмурилась. Усталая, не выспавшаяся, вымотавшаяся. Руки сами потянулись к косметичке. Здесь штрих, здесь росчерк и вот, глаза засияли прежней голубизной, губы наполнились цветом, а синяки сошли на нет. Так мало надо, чтобы вновь хорошо выглядеть. Жаль, что также просто не могу решить все проблемы.

Накинув зимнее пальто и подхватив сумочку, вышла из дома, направляясь в метро.

Меня терзало волнение и дурные предчувствия. Словно бы уже попрощалась с братом, готовая услышать безнадёжное: «Он мёртв». Вспоминая слова на страницах дневника, становилось дурно, ведь там он открывал свою душу, рассказывая о своих чувствах истинно, без прикрас. А я влезла, натоптала, да ещё позволила чужому человеку прочитать о сокровенном. Какой я после этого человек?

Всё перекрывала простая истина. Если брат мёртв, то это означает, что я осталась один на один со своей семьёй. Когда они узнают, что случилось, боже, мне даже представить тяжело, что они сделают. Никто из них не знает, чем на самом деле он занимался. Как же хорошо, что они находятся в другом городе и редко приезжают в Москву. Как же хорошо, что они не могут нас контролировать. Но боюсь, скоро всё изменится. Ведь предчувствия меня редко обманывают.

Элли разговаривала с незнакомкой неподалёку от выхода из метро. Она была необычайно серьёзна и даже мрачна. Одетая не по погоде легко, девушка обмотала шею длинным-длинным тёмно-серым шарфом, почти касающимся покрытого ледяной изморозью асфальта. Она спрятала руки в карманы, прислонившись к каменной стене, согнув правую ногу для равновесия. Тяжело выдохнув, она кивнула незнакомке, после чего они пожали руки. До меня донеслись последние слова:

— Скоро увидимся, я слов на ветер не бросаю, — сказала Элли, после чего незнакомка быстрым шагом ушла в противоположную сторону и скрылась за углом.

Всё, что запомнила — длинные зелёные волосы, скрывающиеся под вязаной шапочкой, шарф в крупную рыжую полоску, туго обмотавший горло, перчатки ему под тон, виднеющиеся под потёртым серым пуховиком да высокие военные ботинки.

— Кто это был? — поинтересовалась после того, как поздоровалась.

Элли криво улыбнулась, как-то странно посмотрела, после чего всё-таки ответила, пусть и не сразу.

— Клиентка. Мы договорились, что я решу её проблему, — скупой ответила она. — Идём, время не ждёт.

— У неё проблема с призраком? — с интересом спрашиваю, следуя за Элли.

Сегодня по морозному свежо. Лёгкий ветер приятно холодил кожу, а яркое сочно-синее небо с блестящим солнечным диском в центре настраивал на лёгкий лад. Сложно представить, что в такую ясную погоду может случиться беда. Единственное неизменное — люди. Никто из них не смотрел наверх, никто не дышал полной грудью, не наслаждался приятной погодой. Все куда-то спешили, торопились, хмурились или же просто скорбели так, будто бы у них кто-то умер. Такие люди живут в крупных городах. Стеснительные в проявлениях эмоций. Они словно боятся показать, что умеют радоваться, будто бы счастье запрещено. Будто бы улыбка — это нарушение закона. Пихающие, толкающие, воняющие, да просто противные, словно бы поставившие себе цель — испортить жизнь другим, вот какие люди. А чуть копнёшь, так и вовсе, как будто бы и не люди. Как будто бы простые животные, одержимые естественными для животных желаниями — есть, пить, размножаться. Такие мысли навевали отвращение и злость.

Мы с братом часто обсуждали горожан. Он смеялся, говорил, что после смерти до многих доходит, что они делали что-то не так, да в большинстве случаев поздно что-либо менять. Он говорил, что чем легче человек жил, тем проще ему после смерти. Максим имел в виду, что люди должны дышать и жить полной грудью. Что чем больше они тянут обязательства на своих плечах, тем ниже пригибаются к земле, тем сложнее после смерти от неё оторваться. Нельзя тащить на себе весь мир — надорвёшься.

— Ну да, — немного рассеяно ответила она. — Здесь направо.

Мы свернули в переулок и как будто оказались в другом мире. Особенность крупных городов — умение прятать тишину рядом с шумными проспектами. Скрытая высокими массивными зданиями тишь расцвела пышностью и спокойствием. Редкие пешеходы сновали мимо по асфальтированным дорожкам, голуби клевали несуществующие крошки, а солнце, сокрытое где-то в вышине, освещало арку, образующую проход прямо в доме, закрытую железными ставнями, в которых была вырезана небольшая, открытая нараспашку, дверца. За ней скрывался двор с маленькой детской площадкой, к которой не подобраться из-за снега, а вокруг всё заставлено машинами, покрытыми толстым слоем снега.

Элли уверено свернула влево, ведя к очередному подъезду. Перед входом остановилась и

достала сигареты из сумочки.

— Не против? Катерина всегда ворчит, когда я курю.

— Пожалуйста, — кивнула, махнув рукой, пряча озябшие пальцы в карманы.

— Прежде всего должна объяснить тебе, куда мы пришли, — закуривая, медленно заговорила она. — Катерина экстрасенс. Хотя... ну ладно, это слово подходит лучше всего. Она ищейка и иногда провидец. Может заглянуть за грань, предсказать будущее, иногда выступает как детектор лжи, — затянувшись, девушка продолжила. — Не удивляйся, если она скажет что-то, что можешь знать только ты. И вообще постарайся поменьше удивляться, Катя весьма своеобразна, хоть по виду и не скажешь. Она поможет понять нам, где твой брат.

— Это замечательно, — воскликнула, моментально воодушевившись. — То, что надо, спасибо, Элли!

— Рано радуешься, — помрачнела она, тяжело глядя прямо в глаза. — Я изучила дневник и, судя по всему, твой брат серьёзно влип. Так что не думай, что всё так просто. Как я говорила — тебе стоит готовиться к худшему.

— Ты о чём?

— Помнишь последние записи? Он хотел что-то рассказать тебе. Он хотел, что ты стала частью его... делишек. А учитывая, что они связаны с Чёрным человеком, не думаю, что он прежде спросит тебя, хочешь ли ты этого.

— Я не понимаю.

Элли говорила весьма странные вещи, от чего не переставала хмуриться. Вспоминая слова Максима, и правда испытывала уколы тревоги, но не думаю, что всё так страшно. Он мой брат, он не причинит мне вреда.

— Не будем забегать вперёд, — она покачала головой, а затем выбросила бычок в мусорное ведро. — Не стоит пугать тебя раньше времени, Марго. Пусть это сделает Катерина.

***

У экстрасенса оказалось на удивление мило. И опять отсутствовал соответствующий антураж, отчего стала больше раздражаться на свои ожидания. Квартира светлая и по-домашнему обжитая. Клетчатые занавески в кухне, в коридоре каштанового цвета ламинат, гостевые тапочки у входа, в гостиной круглый обеденный стол, накрытый кружевной скатертью, плазменный телевизор, включённый компьютер с кошачьей заставкой на письменном столе. Под ногами мягкий пушистый ковёр, на стенах фотографии горных ландшафтов. Всё в тёплых, коричневых оттенках, от обоев с незамысловатым золотым узором, до плюшевой мебели с небольшими потёртостями и царапинами от присутствующей в доме персидской кошки.

И хозяйка квартиры под стать. Огромный безразмерный белый мягкий свитер со светлыми синими леггинсами, белые тапочки, на запястьях несколько тонких серебряных браслетов, в ушах длинные серёжки, звенящие на ходу. Катерина обладала внушительной женственной красотой. Признаться честно, ожидала увидеть молодую девушку наподобие Элли, однако встретила женщину в возрасте за сорок. Крупная налитая грудь, широкие бёдра, миловидное, дышащее здоровьем лицо. Круглые щёки, улыбка вишнёвых губ, шикарные ресницы усиливающие голубой цвет раскосых глаз. Длинные каштановые волосы, убранные в тугую косу, прямые ухоженные брови, вздёрнутый нос, уверенность во взоре. Эта

женщина меньше всего походила на человека, общающегося с духами. Она слишком полна жизнью. Слишком яркая. Катерина скорее выглядела как обладательница большой семьи и огромным списком домашних обязанностей, приносящих ей искреннее удовольствие, чем экстрасенс, призывающий мёртвых или ищущий пропавших без вести.

Такой дисбаланс ошеломил, поэтому здоровалась, раздевалась, переобувалась скорее на автомате, не решаясь сказать что-то лишнее, в то время, как Элли общалась с Катериной, как со старой подругой.

— Давно ты не навещала меня, родная, — притворно обижаясь, сказала Катя, пропуская нас на кухню. — Марг, ты будешь чай или кофе, или может сразу что покрепче? — спросила, подходя к кухонным шкафам и доставая чашки. — погоди, не отвечай. Будешь кофе, три ложки сахара, без молока. А ты Элли, с нашим любимым ликёром, как и я.

— Как вы меня назвали? — не ожидая такой словоохотливости, не сразу поняла, что она назвала меня так, как называл брат.

— А? — она как будто бы ничего не поняла, продолжая заниматься приготовлением напитков, а затем резко развернулась и уставилась на Элли внезапно холодным, пронизывающим взглядом. — А ты ещё больше погрузилась во тьму. Она ледяная, колючая, злая, тянет тебя за собой на дно, убивая и свет, и тепло. А ты позволяешь. Дозволяешь, разрешаешь, как будто бы не за что зацепиться и всё самое дорогое ушло за грань. Дура ты, Элли, но ты и сама это знаешь.

Вновь переключившись, как ни в чём не бывало взяла чашки, расставляя их перед нами.

— Я не хочу это обсуждать, — совершенно спокойно сказала Элли. — Ты мне ничем не поможешь. Да и помогать тут не с чем. Я пришла сюда не за этим.

— Бедный мальчик, — женщина цокнула языком и помотала головой. — Почти как ты, неправда ли? Запутался, перепутался, влез не в своё дело. Как все мальчишки и девчонки. Ну да ладно, не всем удаётся взлететь так высоко, как ты.

— Ты о чём? — кажется и Элли не совсем была готова к такому, отчего внутренне немного расслабилась.

— Неважно, что будет, что было. Всё случится так, как и должно быть, — мягко сказала Катерина, нежно коснувшись щеки Элли. — Просто не бери в голову, а пей кофе. Он вкусный, как и всегда.

— Загадочна и непонятна, — рассмеялась девушка, делая небольшой глоток, а затем с удовольствием облизнула губы. — И как всегда права.

— Ладно, мы собрались здесь ради Маргариты. Девочка, что ты хочешь узнать? — лучезарно улыбаясь, развернувшись ко мне лицом, спросила Катерина. — Ну же, не робей!

За поддержкой обернулась к Элли, но та только кивнула, поэтому осторожно сказала:

— Мой брат пропал. Я хочу узнать, где он.

— Вы близнецы? — глядя остро, спросил она. — Вижу, что да. Как интересно! — она всплеснула руками, а затем неожиданно резко схватила меня за запястье. — Вы оба *видите*?

— Я не медиум!

Она отпустила меня так же быстро, как и схватила, но на запястье наверняка проступят синяки. Чем больше здесь находилась, тем неудобнее чувствовала себя. Мне начинало казаться, что эта женщина не вполне здорова. Что её дар как-то повредил ей, спутал её мысли.

— Со мной всё в порядке, — сказала она, как будто бы прочитала мои мысли. — Не стоит думать так громко. А то, что ты не медиум, уже вижу. Интересно. Обычно у близнецов

дар разбит поровну. В старину даже бытовала легенда, что, объединив силы, близнецы способны отправить кого угодно через дверь. Это, конечно, небылицы, но чертовски интересные, не находишь? И многое объясняет.

— Думаешь, поэтому Клаус так заинтересовался Максимом, что взял его в ученики? — влезла Элли. — Не думаю, что всё так просто.

— Разумеется, нет, — фыркнула экстрасенс, делая глоток кофе. — Когда с ними было всё просто? Нет, если только один Максим *видит*, то получается здесь что-то иное. Может он просто очень сильный? Кто его знает. Нам же лучше, раз они близнецы, значит и найти будет пропащего проще.

— Вы сможете его найти? — взволнованно воскликнула, отставляя чашку в сторону. — Мне нужно было что-то с собой взять? Что-то из его вещей, да?

— Зачем? — удивилась она. — У нас есть ты. И дневник. Всё самое важное. Ладно, заканчиваем «кофейничать», пора браться за дело.

Мы подошли к самому сложному вопросу. Я знала, что экстрасенсы берут деньги за свои услуги, так же, как и медиумы. А денег у меня не было. Вчера не успела обсудить этот вопрос с Элли, сегодня же просто не знала, как заговорить об этом.

— О, не волнуйся, — убирая чашки в раковину, сказала Катерина. — Я зарабатываю иначе. В наше время настоящие экстрасенсы не получают деньги прямыми услугами, за этим есть кому следить, поэтому пользуемся обходными путями. Я вот даю экономические и политические консультации, очень удобно и выгодно. Даже ВУЗ соответствующий когда-то закончила.

— Ох, — залилась краской, стараясь не смотреть на Элли.

Катерина стояла спиной и мне не видно было её лица, но что-то подсказывало — она улыбается.

— Прости, иначе не могу. Некоторые люди очень громко думают, а я не в настроении экранироваться. Да и делу может помешать, так что терпи и думай о брате. Так будет лучше всего.

Мы вернулись в гостиную. Катерина закрыла окна светофильтрами и задёрнула шторы, создавая на удивление плотную темноту. Затем достала небольшую лампу в форме красного шара и водрузила её в центр стола, приглашая расположиться по обе стороны от неё.

— Берёмся за руки, девочки. Сейчас будем смотреть, куда это твой брат забрёл, — с неунывающим оптимизмом воскликнула она, цепко хватая меня за ладонь.

Элли оставалась на удивление спокойной и сосредоточенной. Казалось, она находится где-то не здесь, будучи полностью погружённой в свои мысли. Внезапно мне стало холодно и неуютно. Отблески лампы на стенах образовывали причудливые узоры, мне почудилось, что шторы колышет невидимый ветер, а откуда-то потянуло могильным холодом. Передёрнув плечами, попыталась выглядеть расслабленной и уверенной, как Элли, но получалось плохо. Всё тянуло куда-то бежать, что-то делать, как будто бы вернулась в первые дни, когда поняла, что брат пропал. Тревога нарастала, как и улыбка Катерины.

— Хватит, Кать, — негромко проговорила Элли. — Это было ни к чему.

— Зато теперь она в нужном настроении.

И всё сразу прекратилось. Комната, до этого момента наполненная неясными тревогами и подозрительными звуками, стихла, превратившись в самую обычную гостиную. Внезапно на стол вскочила кошка, замурлыкала, подходя к хозяйке, тыкаясь ей в лицо.

— Фифа, ты как раз вовремя! — воодушевилась Катерина. — Хорошо, что она сама

пришла, значит в подходящем настроении. Приступим.

Даже опомниться не успела, как женщина сильнее схватила за руку, закрывая глаза. Сидя друг напротив друга, сжимая ладони, образовывали круг, в центре которого сидела кошка, внимательно рассматривающая хозяйку. Элли, как Катерина, закрыла глаза, поэтому последовала их примеру.

Мне хотелось, чтобы всё было глупым. Не знаю, откуда появилось такое желание, но оно не соответствовало действительности. После странного холода, чувствовала себя крайне неуютно, так, будто бы зашла в комнату, полную людей, а они замолчали и уставились на меня немигающим взором. С закрытыми глазами это чувство усилилось, вновь послышался нестройный шёпот, окружающий, заполняющий пространство. Силилась расслышать хоть что-нибудь, но только ветер шумел в ушах, да Катерина сжимает ладонь всё сильнее, перекрывая поток крови, до боли, до пронзительного биения сердца.

Так продолжалось довольно долго. На меня накатило странное оцепенение, не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть полной грудью. Постепенно в голове всё сильнее проступал образ брата. Он появился словно из ниоткуда, но был такой яркий, как наяву. Максим что-то говорил мне, улыбался, смотрел с прищуром, а затем покачал головой и рассмеялся. Это видение расслабило, внушило мысль, что с ним всё в порядке, что он жив. Мне захотелось что-то сказать в ответ, и я видела, как он напрягся, подался вперёд, чтобы услышать меня, но тут послышалось вполне реальное шипение кошки. Она зарычала, но не смогла прорваться сквозь пелену оцепенения. Меня тянуло к брату, тащила на аркане непонятная сила, которая отчаянно стремилась дать возможность сказать что-то ему. Всё реальное становится нереальным. Я покидаю своё тело, устремляясь куда-то в неизвестность. Улыбка брата становится всё шире и шире, превращаясь в зловещий оскал.

— *Марг*, — доносится до меня его шёпот и я тянусь к нему, открываю рот, чтобы позвать, но... звонкая пощёчина резко выдёргивает из ниоткуда. В панике открываю глаза и напарываюсь взгляд на злую Катерину.

— Тебя в детстве не учили, что на сеансах работает только экстрасенс, а все остальные молчат в тряпочку? — грубо вопрошает девушка. — Ты зачем полезла туда, куда не знаешь?

— Простите, — щека горела огнём, на глаза набежали слёзы. — Я...

— Отстань от ней, Кать, — устало сказала Элли, всё ещё сидящая за столом. Девушка держала руки перед собой, сложив их в замок и неотрывно смотрела на узорчатую скатерть стола. — Не видишь, она сама не знает, что сделала. Кто же знал, что она и на такое способна.

— Вы... о чём? — спросила, мгновенно насторожившись. — Способна на что? Что всё это было?

— Позже поговорим, — оборвала Катерина. — Знаешь, у меня на кухне есть бутылка коньяка в ящике возле плиты, достань её и налей себе пару стопок. А мы пока поговорим наедине.

Я поджала губы, чувствуя себя отвратно. Не знаю, что такого сделала, не знаю, что всё это было, но мне заранее не нравился итог. Не нравилось, что меня вот так выставляют. Видение никак не хотело отпустить. Перед глазами всё ещё виднелось лицо брата, окружённое непроглядной тьмой. Он был так близко и так бесконечно далеко...

Выйдя из комнаты, плотно закрыла за собой дверь и направилась на кухню. У меня не было желания подслушивать, о чём они будут говорить. Всё, что поняла, так это то, что со мной не всё в порядке. Я что-то сделала, чего не могла никак. Это пугало до чёртиков, до

той самой пары стопок коньяка.

Элли

— Значит всё-таки медиум? — тихо сказала Катерина, возвращаясь обратно за стол. — Почему раньше не сказала? Зачем было так рисковать?

— Не была уверена, — отвечаю, пожав плечами. — Она видела призрака, но только потому, что та заговорила со мной. Это могло быть эхо дара брата. А так даже интереснее вышло, чем я думала.

— А о ней ты подумала? — раздражённо бросила та, качая головой. — Элли, ты иногда ведёшь себя, как они. Отказываешься чувствовать, предпочитая наблюдать. Такой образ жизни и ведёт тебя во тьму.

— Это не новость для меня, — фыркнула, с прищуром глядя на усталую женщину. — Лучше скажи, я была права? Он и правда на той стороне?

— А где же ещё ему быть? — усмехнулась Катерина. — Став учеником Чёрного человека, он и не мог оказаться в ином месте, кроме как на Изнанке. Хорошо, что живой. Значит не всё ещё потеряно.

— А ведь действительно интересно получилось, — сказала улыбаясь, проведя языком по нижнему краю верхней губы. — Клаус ошибся, выбрал не того близнеца. Как думаешь, он уже понял это?

— Не знаю, но если нет, то скоро поймёт. И придёт за ней, а она побежит за братом, в этом сомнений нет.

На стол вскочила, убежавшая по окончанию сеанса, кошка. Она отряхнулась, негромко мяукнула, требуя хозяйской ласки, Катерина рассеянно провела рукой по спине кошки, отчего та заурчала, устраиваясь поудобнее.

Встав, подошла к окну и, раздвинув шторы, подняла экран, чтобы посмотреть на разгорающийся на небе закат. Проведя пальцем по холодному стеклу, ненадолго прикрыла глаза, пытаюсь остудить воспламенённый разум.

— Ты же знаешь, что я должна сделать.

— Элли, ты всегда умела скрывать свои мысли, но здесь не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, чего ты хочешь, — раздался недовольный голос за спиной. — Ты хочешь вернуться туда и девчонку с собой прихватить. Но это плохая затея, дорогая. Предчувствую, что всё кончится не так, как ты планируешь.

— А что ты предлагаешь? Бросить её? Сказать, что брат мёртв и всё кончено? Я не хочу, чтобы она погибла, — говорю громче, чем хотелось бы. — Ты знаешь, что задумал Чёрный человек? Я — нет. Но это стоит выяснить. Потому, что через это мы уже проходили. Они преследуют какую-то цель и им нужны близнецы. А обладающих даром близнецов очень и очень мало. И я думаю, таких сильных, как Марго и Максим, нет. Ты же сама видела, что она сделала. В обход Стража самостоятельно была готова перейти. Кто на такое способен?! И она перенеслась бы полностью, что в принципе считается невозможным. Такие вещи нельзя игнорировать.

— Она и вправду так сильна? — недоверчиво нахмурилась Катерина. — По виду и не скажешь. Когда она вошла, я ничего не почувствовала. Если бы не видела своими глазами...

— Только очень сильный медиум способен блокировать свой дар. Невероятно сильный. Даже я на такое не способна, а ты знаешь, насколько я теперь сильна, — заговорила уверенно, зная, что права.

— Ты сама не знаешь, насколько.

Я увидела, как Катерина изменила свой взгляд. Он потемнел, наполнился потусторонней глубиной. Так всегда происходит, когда она усиливает свои способности. Кошка недовольно замурлыкала, затем легко спрыгнула со стола и подошла ко мне, увиваясь и касаясь головой ног. Стало зябко, потянуло неуверенностью, которую с лёгкостью отбросила. Я не Марго, знаю, как с этим бороться.

В ответ Катерина поморщилась и всё закончилось.

— Могла бы и потерпеть, я ничего такого не делала, — недовольно сказала женщина. — Прежде чем вы уйдёте, позволь я скажу несколько слов.

— Неужели ты решила расщедриться на истину? — воскликнула недоверчиво, зная, как неохотно истинные экстрасенсы дают слово правды.

Это всегда очень сильно влияло на них. Вероятно, дело и правда дрянь, раз Катерина решилась на это. Нужно будет ей принести что-нибудь особенное, отчего ей станет легче.

— Твоя сила будет расти с каждым твоим погружением во тьму. Но и каждое погружение будет делать тебя слабей. Ты можешь разорвать этот круг, но последствия не заставят себя ждать. И могу предположить, что они тебе не понравятся, — спокойно и размеренно выдала она, пристально наблюдая за выражением лица. Я постаралась выглядеть бесстрашной, но похоже не преуспела в этом.

— А если я оставлю всё, как есть?

— Если не умрёшь, то станешь невероятно сильным медиумом. Чем чёрт не шутит, вдруг и правда без слов сможешь их отправлять за дверь, — улыбнулась она. — Но я не думаю, что всё так просто. То, что с тобой случилось девять лет назад... словом, это не просто так. Не жди спокойной жизни.

— О да, если такие, как Клаус активизировались, значит пора и мне что-то делать, — кивнула согласно.

— Не думаешь обратиться в Институт за помощью?

Мгновенно скривилась от упоминания этого места.

— Спасибо за предложение, дорогая, но нет. Ситуация не настолько критичная, чтобы я пришла туда по собственной воле.

— Как знаешь. Ладно, одевайся, покури на улице, вижу, что сильно хочется, а я пока поболтаю с нашей подругой. Марго уже четыре стопки хлебнула, так что есть вероятность, что придётся вызывать такси. Ей нужно время, чтобы расслабиться.

— Для неё тоже есть слова?

— Ну, а как же, — вставая из-за стола, кивнула женщина.

***

Марго спустилась вниз быстрее, чем я ожидала. Её ощутимо пошатывало, но взгляд выдавал трезвость ума и внимательность к деталям, показывая, что она сможет добраться без проблем домой. Другое было важнее — её печаль. Казалось, слова Катерины что-то надломили внутри неё, отчего девушка никак не могла оправиться. Рассеянность, скованность, на грани злости, вот, какие чувства её переполняли.

Зимой темнеет быстро, пожалуй, слишком быстро. Вместе с чёрными красками на землю спускался холод, голодный ветер, а также тьма. Она выползала из щелей вместе с удлиняющимися тенями, струилась под ногами, спускалась с почерневших небес, обволакивая, нащёптывая неразборчивые тайны и секреты. Голые ветви деревьев под гнётом

мрака превращались в уродливые скульптуры жутких чудищ, а легонько трепавший их ветер, заставлял оживать тени на тусклом, оранжевом от света фонарей, снегу. И днём не особо популярный двор, сейчас превратился в безлюдный капкан, продуваемый всеми сквозняками, и лишь раздающиеся в отдалении клаксоны автомобилей да шум проспектов немного оживлял это место, даруя чувство причастности, чувство жизни.

Холод не был мне помехой, к нему слишком давно привыкла. Он преследует меня уже девять лет и с годами его проклятие слабеет, а я становлюсь всё сильнее и сильнее. Мрак не так пугает, как прежде. Напротив, сейчас чувствую себя гораздо увереннее, чем при свете дня. Не об этом ли говорила мне Катерина? В этом скрывается секрет моей силы? Не знаю. Но явно одно — Марго не такая, как я, а значит, нам нужно уйти отсюда, пока и её не зацепило. Рядом со мной в такие моменты может быть опасно.

— Катерина сказала, что ты можешь найти Максима, это правда? — неожиданно чётко спросила девушка, глядя мне в глаза. — Она сказала, что он ещё жив и что есть шанс его спасти.

— Что-то мне подсказывает, что она не только это тебе сказала, — отвечаю с прищуром, чуть хрипло от дыма, застрявшего в лёгких. — Но это останется между вами, как и должно было быть. Марго, она сказала правду. Но прежде чем пойти на это, я должна спросить: готова ли ты рискнуть всем, чтобы спасти его? Шанс есть, но он ничтожно мал, я предупреждаю тебя об этом.

— Он мой близнец, я не могу оставить его, — с какой-то странной безнадёгой сказала она. — Максим сделал бы тоже самое.

— Тогда сегодня ты ночуешь у меня в гостевой комнате. Там ты выспишься, а завтра на рассвете двинемся за ингредиентами, — мой голос прозвучал фальшиво-бодро и с некоторым холодным коварством, которое Марго предпочла не заметить.

Идея пригласить её домой пришла только что, а учитывая, куда нам предстоит ехать, она была на удивление своевременна.

— Ты же не против переночевать у меня?

— Да, конечно, — девушка немного сбилась, она явно была изрядно измучена случившимися сегодня событиями.

Но Марго старалась держаться, и, думаю четыре, а то и пять стопок коньяка, были не лишними.

— Тогда поехали, время не ждёт.

Марго

Чёрный цвет окружает со всех сторон. Голова гудит и в ушах отдаёт ударами молота по наковальне, отчего всё расплывается перед глазами. С трудом приподнявшись на локтях, огляделась. Комната незнакома, но в воспоминаниях остались слова Элли, значит ночевала у неё в гостях. Та ещё ночёвка была. От воспоминаний стало хуже и я опустила обратно на подушку, закрыв глаза. Нестерпимо сильно захотелось пить, а ещё почистить зубы и принять холодный душ. И завтрак, и домой. Но, к несчастью, вчерашнее не было обычной вечеринкой, а значит только моя глупость привела к подобным последствиям. Нельзя столько пить, особенно если не умеешь это делать.

Выбравшись из кровати, подошла к окну и раздвинула шторы. Солнечный свет больно ударил, поэтому отвернулась, сощурилась адаптируясь. Голова немилосердно ныла, мне и стоять-то было трудно, не то, чтобы попытаться понять, что делать.

Подойдя к кровати, подхватила лежащие на стуле вещи, стянув с кровати чистую простынку, вышла из комнаты, оказавшись в гостиной. Значит я на втором этаже, а ванная комната справа от кухни. Воодушевившись, быстро прошла туда, с неприязнью ощущая под босыми ногами не слишком чистый пол. Ванная оказалась почище, хоть ею давно не пользовались.

Сквозь толстый слой пыли на зеркале просвечивался страшный опухлый лик человека, не умеющего пить. Неожиданно для себя улыбнулась и тут же стало немного легче. Во всех смыслах. Забравшись в душ, включила воду и наскоро ополоснулась, используя заскорузлый кусок мыла. Зубы пришлось чистить пальцами и опять-таки мылом. Простирнув нижнее бельё, завернулась в простыни и вышла обратно в гостиную.

— Я надеялась, что ты встанешь позже.

Раздался голос со стороны кухни. В дверях стояла Элли, а в её руках было всё, что нужно — новая зубная щётка, полотенце, мочалка и другие мелочи, необходимые любой девушке. Она улыбнулась, а затем кивком головы велела следовать за ней.

— Ладно, в другой раз. Вещи оставлю в комнате, не знаю, насколько они могут понадобиться, но пусть будут, — мы вернулись в гостевую комнату, где она оставила свёрток с банными принадлежностями. — Новое бельё посмотри в шкафу, кажется там оставались не распакованные, сейчас переодевайся, завтрак скоро будет готов.

— Спасибо, — сказала хрипло.

Элли в ответ улыбнулась и вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Стало как-то неудобно, ведь осталась в гостях у совершенно чужого человека, которому так многим обязана. А учитывая моё состояние вчера... Да, впечатление оставила, скажем прямо, не самое лучшее. Сглотнув нервный ком, прошла по ящикам длинного шкафа, в одном из которых нашла то, о чём она говорила. Спортивное нижнее бельё и несколько видов домашней одежды. Наверное, у неё много друзей, раз она хранит столько не распакованных комплектов. Или это для клиентов?

Переодевшись, проверила мобильный телефон. Так и есть, пять пропущенных сообщений с работы, затем сообщение: «Ты уволена». Не сложно было догадаться, учитывая, где работала. Да неважно. За последний год сменила шесть мест, и уже привыкла к этому.

Выйдя из комнаты, почувствовала приятный аромат, идущий с кухни. Элли не стала

заморачиваться и приготовила простую овсянку с бутербродами. На столе, возле моей тарелки стоял стакан с водой и лежала таблетка активированного угля. Очень предусмотрительно.

— Ты должна быть в форме, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Садись и ешь, у нас много работы.

— О чём ты?

— Ну, если ты не передумала, то сегодня ночью мы пойдём за твоим братом, — почти невозмутимым голосом, сказала она, доедая кашу. — Ты ведь не передумала?

Вспомнив слова Катерины, отрицательно качнула головой. Даже если бы и передумала, деваться некуда. Уж лучше попытаться хоть что-то сделать, чем сидеть и ожидать смерти.

— Что конкретно от меня требуется? — спросила позже, распивая крепкий кофе без сахара и молока.

— Пусть это будет сюрпризом, не хочу, чтобы ты себя накручивала, — она загадочно подмигнула, с удовольствием раскуривая очередную сигарету. — Поверь, это будет незабываемо.

— Жду с нетерпением, — вымученно улыбнулась.

Голова не переставала болеть, но хотя бы не так сильно, как вначале. От солнечных лучей, струящихся сквозь сетчатые шторы, разыгралась мигрень, поэтому будь моя воля, нацепила бы солнцезащитные очки и носа на улице не казалась бы. Но кто же спрашивать будет?

А потом меня прошиб холодный пот. Как водой ледяной окатило осознание предстоящего.

— Эй, не раскисай! — бодро воскликнула она, заметив моё состояние. — Понимаю, коньяк был то, что надо, столько дней в неизвестности, неудивительно, что ты так сильно расслабилась. Просто прими всё как есть. У нас действительно много работы и мало времени. Сама понимаешь, чем дольше он там... тем...

— Где там? — наконец решилась я. — Ты говоришь о Изнанке? Что же всё-таки это за место?

— Точно, брат не посвящал тебя в детали. Может он и сам не знал, — на лице Элли проступило понимание. — Прости, я иногда забываю, что ты живая. Обычно мои клиенты уже мертвы и пришли оттуда.

— Так откуда они? — спросила тихо.

— Самое простое название — Изнанка. Иногда называют «Та сторона», Чистилище, Лимб, хотя по католицизму последние — разные вещи, также Ёми, Тартар и многие-многие другие имена. Изнанка не является чем-то постоянным, она изменчива, непредсказуема, непоследовательна. И у каждого она своя. Пожалуй, единственное, что делает её цельной, это представления людей о ней, — Элли улыбнулась, видя, как медленно вытягивается у меня лицо. — Что было первым, наше представление о смерти или же сама смерть? Загадка. В любом случае, та часть, на которую мы идём, очень похожа на Москву. Скажем так, нынешнее коллективное мышление было настроено на её апокалиптический вид. И твой брат сейчас находится там, — спокойно заключила девушка, допивая кофе.

— Но что это такое?

— Не увидишь, не узнаешь, — она нахмурилась. — Понимаешь, Марго, тот, кто создал Изнанку, изначально планировал сделать её именно Чистилищем. Местом, где люди принимают смерть и отказываются от прожитой жизни, чтобы перейти. Ведь многие,

умирая, даже не понимают этого. Поэтому Изнанка такая многообразная. У каждого она своя. Она проецирует то, что поможет человеку справиться со своими внутренними демонами, — девушка достала очередную сигарету. — Признаться честно, не очень люблю об этом рассказывать, но, пожалуй, тебе следует это услышать. Не все люди справляются со смертью. Не перед всеми открывается дверь. Ты же знаешь, что это такое?

— Да, брат рассказывал, — согласно закивала, внимательно слушая, о чём она говорит.

— Те, кто не справляются, со временем сходят с ума. И попадают в чёрные воды Изнанки. Что-то вроде реки Стикс из греческой мифологии, — видя, что я не понимаю, о чём она говорит, вздохнула и разъяснила. — Они уходят в никуда. Исчезают, перестают существовать. Их личность рассеивается. Понимаешь? Небытие.

— О, — вот и всё, что смогла вымолвить.

После того, как брат рассказал, что после смерти есть жизнь, мне стало легче. Правда легче. Знание, что ты будешь жить и дальше, это внушает оптимизм. Даёт небывалую лёгкость бытия. Но слова Элли сковали холодом. Ведь это не просто слова, это истина. Атеисты утверждают, что после смерти ничего нет, но твёрдых доказательств не имеют, поэтому это просто слова, догадки, предположения. Но за словами Элли стоит нечто большее.

— И таких становится всё больше, — добила меня девушка. Её взгляд ничего не выражал, но мне было видно, что она разделяет моё чувство потери. — Поэтому мы так нужны. Медиумы помогают призракам пройти через дверь. Говорят, что очень сильные медиумы способны создавать двери. Тебе об этом вчера Катерина говорила, помнишь? И здесь мы подходим к самому главному. Причина, по которой твой брат оказался там.

— Он нужен призракам, чтобы перейти? — быстро сообразила я. — Но зачем он им нужен там, ведь он умрёт и сам станет призраком, как он тогда сможет им помочь?

— После смерти медиумы не попадают на Изнанку. Мы сразу идём дальше без дверей. Медиум может стать призраком, если его душа при жизни окажется на той стороне. Говорят, что и мёртвый медиум способен провожать души, правда это или нет — не знаю, не встречала таких. С той стороны есть три пути, через дверь дальше, воды Изнанки и... обратно на Землю, — Элли невесело улыбнулась. — И я без понятия, какая дорога интересует Чёрного человека.

***

Вчера утром мне казалось, что я так много знаю о мире духов. Мне казалось, что этот мир мал и разобщён. Что каждая душа страдает и мечтает о свободе. Мне думалось, что понимаю, что происходит. Верилось, что духи не способны причинить истинное зло. Теперь знаю, насколько же была наивной. Насколько недалёкой и глупой. Верю ли в то, что брат в ловушке, что он хочет выбраться с Изнанке и вернуться домой? Нет. Обманывать себя и дальше не стоит. Остаётся только надеяться на то, что он и правда не знает, на что идёт.

Элли сказала, что не знает о будущем тех медиумов, что умерли на Изнанке. Она без понятия, есть ли у них возможность отправиться дальше или же они обречены застрять на той стороне навсегда. Поэтому не могу представить, что ждёт брата.

Самое жуткое — это понимание мотивов Клауса. Желание жить, желание **быть**. Разве можно упрекнуть человека в подобных стремлениях?

Призрак, который долгое время не может перейти, способен вновь обрести сознание, адаптироваться к жизни на той стороне. Главное условие, чтобы тебя знали, чтобы о тебе

помнили, как на той стороне, так и на этой. Городские легенды, байки, предания. Всё это даёт призраку силы существовать. Когда о призраке забывают, он исчезает, становясь изменчивой частью Изнанки. Это сделка, которую ты заключаешь, боясь своего будущего. Ты получаешь имя, продолжаешь существовать, пока твоё время не выйдет. Нечестная сделка, но отчаявшийся призрак согласен и на такой вариант.

Мы проезжали мимо небольших городков, в старом автобусе, со слишком хорошо работающей печкой, отчего было нестерпимо жарко и душно. Прошедший вечер вновь раскалился головной болью, из-за чего прислонилась к прохладному стеклу, равнодушно наблюдая за зимним пейзажем за окном.

Впереди нас ожидает кладбище. За чем именно мы на него едем, Элли не говорит, только продолжает загадочно улыбаться.

Чем больше общаюсь с ней, тем больше возникает вопросов. Кто она такая? Девушка совершенно не похожа на Максима. Кажется, будто бы она с другой планеты, настолько чужеродно выглядит в этом автобусе, среди самых обычных, земных людей. Она сидит возле прохода, листает в очередной раз дневник брата, хмурится, иногда что-то шепчет себе под нос, постукивая пальцем по особо заинтересовавшим строкам. Мне сложно понять, зачем она помогает мне.

Элли была чужой. Не такой. И кажется, что это как-то связано с её прошлым. Что она прошла через что-то такое, что полностью изменило девушку. Что-то, что сделало её выше остальных, но при этом полностью опустошило. Разрушило самые естественные желания. Но что это было? И как это связано с братом? А ведь это связано, видела, как изменилось её лицо, узнав титул учителя Максима. Чёрный человек. Похоже, они встречались. Она была его ученицей? Чем всё это закончилось?

Из раздумий вывела резкая остановка автобуса. Мы приехали.

Надевая тяжёлую зимнюю куртку, вышла на свежий воздух вслед за Элли. Как же хорошо. В голове сразу прояснилось, отчего непроизвольно улыбнулась. Но радость быстро прошла. Кладбище. Не самое светлое место на земле. От одной мысли, что там, за чёрной оградой скрываются сотни могил становилось весьма зябко. И зачем мы сюда приехали?

Это было старое кладбище. Некрасивое, не старинное, не принадлежащее европейским ценностям, а обычное русское кладбище. Неровное, неухоженное, закрытое сугробами и коваными, а иногда и деревянными оградками. Вперемешку, стоящие памятники, покосившиеся кресты, надписи на которых давно стёрлись. Запустение и холод, не утопающее в цветах, которые изредка, но всё же украшали чёрно-белую палитру могил.

В будний день на кладбище почти никого нет: несколько старушек, какие-то серые, тусклые люди, потерянно бредущие, оступающиеся и не смотрящие под ноги. Сегодня не было процессий, так что нам удалось легко затеряться и оказаться в пустынной части кладбища. Элли несколько раз останавливалась у недавних захоронений, закрывала глаза, глубоко дышала, а потом качала головой, отмечая что-то и идя дальше. И, наконец, мы пришли.

Возле старого дерева располагалось несколько могил, принадлежащих одной семье, окружённых общей оградой с покосившейся калиткой. Здесь девушка задержалась дольше. Удовлетворённо кивнув, с трудом отворила дверцу и мы зашли внутрь, остановившись возле свежей, ещё не покрытой толстым слоем снега, могилы. Добротный каменный памятник с вкраплениями мрамора, сообщил, что здесь похоронен молодой человек, которого все любили. Невнятная цитата из Библии, несколько завитушек, покрытых фальшивым золотом,

да большой венчик, вот и всё, что осталось от жизненного пути этого парня. Даже обидно. А от мысли, что там, на глубине, в деревянном гробу покоится разлагающееся тело, стало зябко.

— Зачем мы сюда пришли? — спросила наконец, не выдержав затянувшегося молчания.

Элли встряхнулась, а затем заявила:

— Будем копать!

Достав из сумки небольшую лопатку, протянула мне.

— То есть? — я заметно напряглась, совсем не ожидая такого предложения. — Что ты имеешь в виду?

— Ах да, — лицо прояснилось и она вновь полезла в сумочку.

Достав маленькое зеркальце, открыла его и выудила небольшую иголку. Проколов палец до крови, поднесла руку к середине могилы и с силой выдавила несколько капель.

— Вот теперь точно можешь начинать копать.

— Я не понимаю, — процедила сквозь зубы. — Что ты имеешь в виду под словом копать? Ты хочешь, чтобы я раскопала могилу? Лопаткой?!

— Прости, — она, не выдержав, рассмеялась. — Прости-прости, но это так забавно! Я, когда маленькая была, всё время мечтала о всяких магических ритуалах, заклинаниях и прочих штучках. Теперь вот, мы на кладбище, возле могилы, орошённой моей кровью. Это глупо, я знаю, но так надо. И да, тебе не нужно раскапывать гроб, да этой лопаткой ты и не сможешь. Просто копай и очень скоро поймёшь, зачем.

— А просто сказать ты не можешь?

Деваться было некуда, поэтому опустившись на четвереньки, постучала лопатой по стылой земле.

— Мне просто интересно, получится или нет, — пожав плечами, сказала она, доставая из сумки небольшой пластырь и закрывая кровоточащий палец. — В теории знаю, что должно получиться, но на практике никогда этого не делала. Так что вперёд.

Вздыхнув, ещё пару раз ударила по земле, а затем сделала небольшую ямку. Ещё глубже, и ещё. И ещё немного, а потом... ну, словом сказать, я не ожидала накопать червей.

— Мы идём на рыбалку?!

— Черви? — радостно воскликнула она, опускаясь на колени и внимательно рассматривая несколько червяков, ползающих по краю лопаты. — Вот чёрт, а это и правда работает!

— Мы приехали сюда, чтобы накопать на могиле недавно умершего парня червей?! — выпалила ошарашенно, цепенея от нахлынувших чувств. — Ты серьёзно?!

— Марго, начнём с того, что червей зимой в наших широтах нет. Если ты отойдёшь от могилы на пару метров и попытаешься сквозь снег и твёрдую землю копать, то ничего не получится, — терпеливо проговорила она. — И да, мы приехали сюда именно за ними. Могильные черви. Настоящие могильные черви. Не те, что обитают в разлагающемся трупе, а те, что пожирают связь человека с нашей реальностью. Нам повезло, этот парень застрял на Изнанке, поэтому они здесь.

Девушка достала небольшую баночку и пинцет, которым ловко подхватила несколько червяков и засунула их всех внутрь вместе с небольшим количеством земли, после чего отклеила пластырь и бросила его туда же, плотно прикрыв крышку и убирая обратно в сумку.

— Зачем нам эти червяки?

— Я тот человек, который считает, что информацию нужно выдавать строго

дозированными порциями, — она как-то неприятно улыбнулась, а затем нахмурилась. — Но, пожалуйста, не думай, что мы напрасно теряем время. Всё, что мы делаем — необходимо, уж поверь.

— У меня как-то нет других вариантов. Всё, что я могу — довериться тебе, — пожала плечами, вставая. — А сейчас, раз нам больше здесь ничего не нужно, пошли отсюда, холодно. Не хочу и минуты больше провести на этом кладбище.

— Но всё-таки придётся чуть подождать, — отрицательно качнув головой, сказала она, а затем подошла к надгробию и положила на него руки. — Сейчас, ради бога, молчи, хорошо?

Не дожидаясь ответа, девушка вновь закрыла глаза и глубоко выдохнула.

Ожидание затянулось. Элли сама стала выглядеть как часть непонятной композиции, настолько неподвижно стояла возле могилы. Только побелевшие пальцы выдавали в ней томящийся холод, но она не выказывала нетерпения или неудовольствия. Уж не знаю, что она делала, но это было важно.

Несколько раз мимо проходили какие-то люди и каждый раз я вымученно улыбалась, стараясь придать вид скорбный, но не зловещий или враждебный. Пусть думают, что хотят.

От холода била крупная дрожь и уже не в первый раз подумала, что наверняка заболую, когда вернусь домой. Мысль о более тёплой одежде посещала не раз, не говоря уж о чашке чая, тёплом пледе или горячей ванне.

А затем всё резко изменилось. В один миг кладбище перестало быть обычным. День перестал быть днём, а реальность реальной. Всё смешалось, стало немного, но другим. Ирреальным, как и человек, возникший как из ниоткуда возле Элли. Я быстро подавила изумлённый возглас, памятуя о просьбе девушки, и обратилась в слух.

— Ты долго шёл, — резюмировала Элли. — Я уже решила, что ты не придёшь.

— Моя могила, — когда-то отчаянно рыжий и также отчаянно веснушчатый парень поморщился. — Кто любит приходить на свою могилу? Это пахнет извращением.

— О! Так ты в курсе происходящего! Неожиданно, — холодно сказала она. — Раз знаешь, что не вернёшься, почему всё ещё здесь? Не вижу ничего, что держит тебя. Значит дверь уже появлялась, почему не перешёл?

— Не хочу, — равнодушно пожав плечами, сказал он. — Мне интересно. Что там за дверью не знает никто, а я хочу узнать, что будет здесь. Через год, десятилетие, столетие. У меня появились друзья, которых никогда не было при жизни. Появились способности, о которых раньше только мечтал! Возможности видеть события такими, какие они есть на самом деле. Не хочу уходить, вот и не ушёл.

— Дурак! — сквозь зубы выпалила Элли. — Ты просто идиот! Боже и я на тебя собиралась тратить силы? Да зачем мне это надо! Оставайся здесь, наслаждайся зрелищем, пока Изнанка не поглотит и от тебя не останется ничего!

— Ты имеешь ввиду небытие? — спокойно переспросил он, никак не отреагировав на слова девушки. — Мне говорили об этом. Но также сказали, что я воскресну раньше, чем безумие толкнёт меня в воды Изнанки.

— Они солгали, — Элли покачала головой. — Боже, и сколько же вас таких, обманутых... Вы не сможете вернуться. Не сможете отвернуться от Изнанки. Ты сам сойдёшь с ума, когда черви дожрут твою связь с реальностью. Для изменения слишком поздно, тебе не стать личностью Изнанки, не хватит сил и опыта. Она просто не примет тебя.

— Я не понимаю, — а парня оказалось сбить не так просто, как казалось. Он был уверен в своих словах и просто не поверил Элли. — Кто ты такая, чтобы утверждать такое?

— Медиум, — пожав плечами, ответила она. — Я могу помочь тебе перейти. А могу просто уйти отсюда и бросить тебя. Выбор за тобой. И учти, у меня не так много времени, чтобы тратить его на мечтателей, вроде тебя. На свете полно призраков, которым я нужнее.

Элли отошла от памятника к калитке, делая вид, что собирается уйти.

— Постой! — крикнул он. — То, что ты говоришь — правда? Я не воскресну?

— Как ты себе это представляешь? Думаешь, вы все вдруг раз и превратитесь в Лазаря? — повернув голову, иронично воскликнула она. — Нет, конечно нет.

— Но тогда я... — на его лице проступили смешанные чувства.

— Я не лгу, Артём. И в глубине души ты знаешь это. Просто некоторые призраки завидуют тем, кто может перейти. Они делают всё, чтобы не дать им это сделать.

Над нами вспыхнуло ослепительно-белым цветом небо. Как будто ядерный гриб, взрыв, выбил тени из реальности, путая зрение и чувства. Ослепнув от невыносимо яркого света, закрыла глаза, а когда открыла, как будто бы ничего и не было. Всё пропало, в мир вернулись звуки, переливчатое пение птиц, шум деревьев, скрипящих на ветру, далёкие голоса людей, небо насытилось голубыми красками с редким вкраплением белых рассеянных облаков. Неподаляку как из ниоткуда появились люди, о чём-то разговаривающие возле одной из могил. И только Элли осталась неизменной. Всё такая же отстранённая и далёкая, как и всегда. Она смотрела на то место, где раньше стоял призрак с тёплой облегчённой улыбкой.

— Что случилось?

— Он перешёл, — улыбка расширилась, образовав на щеках премилые ямочки, заставив глаза заискриться теплом. — Дверь это всего лишь образ и у каждого он свой. Иногда буквально, иногда вот так. Каждый представляет переход по-своему.

— Так работает медиум? Я думала, это будет иначе. Как в книгах, у каждого призрака есть незавершённое дело. Ты узнаёшь какое, а затем решив, наблюдаешь как он уходит. Что изменилось? Как ты это сделала, ведь вы так мало друг другу сказали?

— Я уходила, — терпеливо сказала она. — Не понарошку, а по-настоящему. И он это понял. Только после этого осознал, что его обманули. Моё присутствие облегчило его сознание, открыв дверь. Вот он и ушёл.

— Это выглядит так просто...

— Всё зависит от силы. Вот увидишь, когда сама начнёшь помогать, — девушка вздёрнула правую бровь, подмигнула, а затем кивком головы пригласила следовать за собой. — Пошли отсюда, а то кто-то говорил, что он замёрз, а нам ещё ехать долго.

— Подожди-подожди, что значит помогать?

Слова Элли не сразу дошли до меня, но смысл был понятен ещё со вчерашнего вечера. Катерина говорила об этом, а я не поняла. Не хотела понимать. Я всегда знала, что внутри меня есть небольшая дверца, закрытая на тяжёлый амбарный замок. Что за этой дверью, не знала и знать не хотела. Но все происходящие события по досочке разбирали эту дверь, так что остался один замок, да и он разваливался на части. Близнецы — это как приговор в любой мифологической культуре. Если мой брат медиум, не удивительно, что и меня эта чаша не миновала.

— Да, это твоя природа, Марго, — очень спокойно сказала Элли, коснувшись плеча. — Ты уже не ребёнок, не маленькая девочка, закрывающая глаза на то, чего не хочешь видеть.

Из тебя получится очень сильный медиум, ведь только сильные способны так долго глушить своё видение. Но и этому пришёл конец.

Элли

Как же мне хотелось выпить. Просто взять и напиться до невменяемого состояния и забыть всё и вся. Всё кружится перед глазами от сковавших в холодные тиски волнения и тревоги. Нестерпимо. Невыносимо больно. А вот Марго наоборот на удивление спокойна и задумчива. Мне нравится эта девушка. Она не отрицает, не отказывается, не смеётся, а думает. Обдумывает всё, что с ней случилось и происходит до сих пор. Хорошая черта. Она умеет слушать, а значит справится. Другой вопрос, а не слишком ли я замахнулась для нас двоих? Изнанка не любит живых. Не любит слабых. А учитывая обстоятельства, слабости хватит с избытком. Не уверена, что затея выйдет, но шанс есть, пусть и крошечный. Когда-то этого было достаточно. Хватит ли сейчас?

Вернувшись в город, мы, по обоюдному согласию, решили заскочить в небольшую кафешку, чтобы перекусить и немного согреться. Предстоящее пугало, как и тот контраст, что так ярко проявляется именно здесь, среди людей. Интересно, что чувствуют солдаты, отправляясь на войну? Мне кажется, что по-настоящему они ничего не чувствуют. Всё приходит позже, в самолёте или уже на земле, среди таких же, как и они. Но в городе только появляется чувство отчуждённости, иррациональности, громкого смеха и замирания на месте, уставившись в одну точку. Потому что иначе сойдёшь с ума. Иначе завопишь и откажешься, сбежишь, дезертируешь, лишь бы не встретиться со своими страхами лицом к лицу.

— Почему ты помогаешь мне, Элли?

Марго слишком внимательно смотрит. Она неуютно чувствует себя в моём присутствии, словно пытается придумать слова, чтобы извиниться, чтобы высказаться о своей признательности. Она не знает, как реагировать на мои действия, не знает, как себя вести. По этому поведению видно, как *много* у неё друзей было в жизни. Как *много* людей помогали ей просто так. Как *много* доброты она видела. И это я себя считаю аутсайдером.

— Потому что никто больше не сможет тебе помочь, — отвечаю просто.

— Это не ответ, — упрямо покачав головой, почти насупившись, говорит она.

— Что ты хочешь от меня? Я делаю то, что делала всегда. Помогаю тем, кто обратился ко мне за помощью. Как думаешь, откуда в записной книжке твоего брата мой адрес, если мы с ним не знакомы? Причём именно адрес, не телефон. Позвони ты мне, я бы сказала, что не знаю твоего брата и мы скорее всего так и не встретились бы. А если и встретились, то это случилось бы гораздо позже. И тогда уж точно всё было бы потеряно. А пока у нас есть шанс, маленький, но он есть.

— Твои ответы сводят с ума, — нервно пробормотала она.

— Марго, выдыхай. Тебе предстоит через многое пройти. Мой совет — думай над тем, что скажешь брату. Думай, как можно тщательней, чтобы в минуту волнения не потеряться и сказать то, что нужно. Ведь, по сути, только ты можешь его увести от Чёрного человека.

Она лихорадочно вздохнула и заметно напряглась.

— Я иногда думаю, какой была бы наша жизнь, если бы наш отец не был бы таким жалким, — глухо сказала она. — Понимаешь, моя семья очень богата. Очень-очень богата и всё благодаря деду. Так уж вышло, что мой отец был старшим из трёх сыновей. То есть прямым наследником состояния и всех проектов. Его с детства к этому готовили. Но вот

беда, мой папа оказался очень слабым и вялым, совсем не приспособленным к миру бизнеса. Неудивительно, что дед в нём разочаровался и, когда отец вырос, почти отказался от него, полностью сосредоточившись на остальных сыновьях. Средний брат оказался неплохим финансистом, но в нём не было лидерских качеств, в отличие от младшего. Тот был просто копией деда. Мама говорит, что в то время всё складывалось просто замечательно. Мой отец открыл небольшое дело, связанное с реставрационными работами, встретил маму, через год родились мы. А потом он прогорел и в это же время умирает младший брат. Это мутная история, дед как-то даже обвинял моего отца в смерти брата, но я не знаю подробностей. О таком не говорят. В любом случае, у среднего брата одни девочки и дед вспоминает о Максиме. Так мы принудительно оказались в гостях у деда. И начинается ад, что для Максима, что для меня. Нам было всего семь лет! Мы знали любовь и не знали боли и насилия. Бабка была хуже всего, но она быстро сдохла... — поперхнувшись, она сделала глубокий плоток порядком остывшего чая, а затем посмотрела в окно. — Да ещё призраки... Бабка была первым духом, которого увидел Максим. Я думаю, поэтому он так вцепился в Чёрного человека. В нём он видит не только Учителя, в нём он видит ещё и отца. Настоящего, того, кому хватит сил дать отпор деду.

— Как же вы тогда уехали? Как он смог пойти против деда?

— Он сказал, что если дед будет на него давить, то потом от семейного бизнеса и мокрого места не останется. Что он жизнь положит на то, чтобы всё развалить, — Марго сардонически рассмеялась. — Мне кажется дед отпустил его именно из-за того, что Максим дал отпор. Только младший сын был на такое способен. Думаю, дед ждёт, когда Максим вернётся. Он уверен, что это скоро случится.

— Надеюсь ненависть к семье у него не настолько сильная, чтобы отказаться возвращаться в мир живых, — криво улыбаюсь, достаю пластиковую карточку, чтобы расплатиться за обед.

Время расслаблений прошло, впереди самое важное. Черви.

— *Неужели ты не видишь, какая она слабая? — голос, доносящийся за стеной противный и резкий, наполненный холодом и презрением.*

Девочка подошла к закрытой двери, прислонилась, чтобы лучше слышать, а затем чуть наклонилась, чтобы попытаться хоть что-нибудь увидеть через замочную скважину. Поздний вечер, тёмная гостиная, оранжевый свет от фонарей и проезжающих мимо машин, всё это создавало иллюзорное движение, скомканное узким смотровым отверстием. Казалось, что в пустой комнате два человека, стоящих друг напротив друга. Один прямой как палка, как фонарный столб, другой как скопище ветвистых деревьев, верткий и костлявый.

— *Она не слабая, просто ещё маленькая, — в ответ доносится усталый голос.*

— *Да брось, она не способна ни на что стоящее. Зачем ты тратишь своё время на неё? Лучше избавься от неё и найди кого-нибудь попроще! — фыркнула костлявая фигура, отходя к окну.*

— *Зато ты меняешь своих учеников как перчатки. Так и не нашёл себе идеального ученика? — сыронизировал второй мужчина.*

— *Я в поисках бриллианта. Мне не нужны поддельные алмазы. Я охочусь за редкостью и добыю своего.*

— *Как бы эта редкость не оказалась сильнее и умнее тебя.*

— Волнуешься за меня? — в голосе послышалось саркастическое удивление. — О да, тебе же об этом волноваться не приходится. Твоя малышка никогда не превзойдёт тебя.

— Ты всегда недооценивал таких как она. Элли ещё удивит тебя...

— Элли! Ты что делаешь? — послышался отцовский голос за спиной.

Девочка, увлечённая подслушиванием, пропустила момент, когда в дверях появился отец.

— Что там такое интересное происходит? — с улыбкой он подходит к девочке, взъерошивает её волосы, а затем открывает двери гостиной и включает свет.

Светлая гостиная совершенно пуста и обыденна. Девочка осторожно выглядывает из-за широкой спины отца и улыбается.

— Папочка, это всего лишь игра такая. Я в шпионов играю. Ты мне всё испортил! — немного фальшивым голосом заявляет она.

— Ладно маленькая шпионка, пора ложиться спать, — мягко говорит отец.

— Ага! — девочка кивнула.

Выходя из комнаты, обернулась и кому-то подмигнула.

Чёрный пёс был так неподвижен, что сначала приняла его за тень. Доберман с дымящимися чёрными провалами вместо глаз. Собака лежала, положив морду на лапы, но, когда мы оказались у подъезда, встрепенулась, беззвучно уставившись прямо на меня. Она провожала взглядом до тех пор, пока мы не скрылись за дверью и что-то мне подсказывает, она останется лежать и следить за домом.

— Странная собака, — проворчала, передёрнув плечами, разуваясь в прихожей. — Никогда не видела собак-призраков.

— Что? — Марго вскинулась, изумлённо уставившись. — А такое возможно?

— Раньше думала, что нет, — ответила, покачав головой.

— Где ты её углядела?

— Да прямо напротив дома. Сложно не заметить огромного чёрного добермана, — раздражённо фыркнула.

— Я ничего не видела, — расстроилась Марго.

Вместо ответа, подошла к окну, выходящую на ту часть улицы. Собаки уже не было, как и следов того, что она там была.

— Не забивай голову, — встряхнув волосы, сказала негромко. — У нас и так много дел.

Выложив на стол банку с червями, достала из запасников настойку черники, небольшую миску и седой порошок. Из чего сделан последний лучше никому не знать.

Выгрузив шевелящихся червяков в миску под пристальным любопытным взглядом Марго, принялась их толочь, постепенно, по чуть-чуть, добавляя густую, почти как сироп, настойку, чуть позже чайную ложку порошка, немного сахара и главный ингредиент — три капли собственной крови.

— Давай руку, — не поднимая глаз от получившийся смеси, приказала девушке.

Марго безропотно подчинилась, поморщилась только, когда проколола палец и выдавила кровь в миску.

— А зачем это?

— Понимаешь, призраки не любят живых. Очень сильно не любят. Особенно, когда те забредают на их территорию. Все легенды и сказки не врут — там погибель. Но есть способы обмануть духов. Для этого нам нужно стать такими же, как и они. Мёртвыми. Я делаю маску для лица, которая исказит восприятие. А кровь для привязки. Всё просто. Конечно, было бы лучше, если бы мы получили приглашение от призрака, но что есть, то есть. Лучше никому не знать, что мы идём на Изнанку.

— То есть эту гадость я должна нанести на лицо? — в голосе Марго прорезались истеричные нотки. — Ты серьёзно?!

— Радуйся, что пить не надо. Напиток был бы более действенным, хоть и значительно рискованным для организма, — пренебрежительно фыркнув, поставила миску в микроволновку, запустив на самом медленном режиме. — Пойдём, нужно всё смыть с лица для лучшего впитывания.

— И сколько эта гадость будет держаться? — сквозь зубы и с несчастным видом спросила девушка спустя время, сидя как изваяние в кресле, боясь пошевелиться и потревожить сметанную массу на лице.

— О, за пару часов она полностью впитается. Маска влияет на более тонкие вещи, чем наши физиономии, — заявила оптимистично. — Зато потом сразу отправимся за твоим братом.

— Ты меня сильно успокоила, — проворчала она. — Слушай, маска щиплет кожу, так и должно быть?

— Значит действует. Не нервничай, лицо не пострадает. Не могу сказать о положительных эффектах, но отрицательных точно не будет.

— Я просто не могу так долго сидеть и ничего не делать. Мы начинает колотить от холода.

— Если хочешь, можешь лечь в гостевой комнате и поспать. Так даже лучше — во сне маска быстрее впитается. Как проснёшься — сразу станет легче, — говорю, пожав плечами.

Девушка тотчас поднимается.

— Так и поступлю, — заявила она, покидая комнату.

Негромко фыркнув, достала сигареты и аккуратно прикурила. Для меня это тоже было в новинку. Мне никогда не требовались подобные ухищрения. Я всегда была под защитой.

Вновь подойдя к окну, уставилась на снег перед домом. Собаки нет. Как и ожидалось. На секунду, задумалась о том, откуда она взялась. Чего хотела? Чёрный псы в мифологии всегда были предвестниками бед. Блэк Шака, Пэдфут, Макл Блэк Тайка, Гвилги, Харгест, Чёрный Шак и, наконец, Гримм. Говорят, что этот пёс является потомком Цербера или Гарма. Но что это значит?

Марго

Резко, как по щелчку, подскакиваю над кроватью, моментально выбираясь из сумбурного сна. Всё перемешалось — и прошлое, и настоящее, и будущее. Такой вязкий и липкий ком, от которого с радостью избавилась, выбравшись из постели.

Сколько я спала? Часы показывают восьмой час, а значит очень и очень много. Подойдя к зеркалу, убедилась, что маска полностью впиталась. Такая плотная консистенция и так быстро исчезла. Провела рукой по щеке, прикоснулась к губам, задумалась о чём-то мимолётном.

— Ты уже проснулась?

За спиной появилась полностью готовая Элли.

— Давай по кофейку и поедем. Такси я уже вызвала, так что готовься, через полчаса выходим.

— Так быстро? — вырвалось невольно, отчего поморщилась.

— Просто смиришься с тем, что теперь в твоей жизни всё будет происходить быстро, — вымученно улыбнулась она. — Идём, чайник уже закипел.

Спустя десять минут и одной выкуренной сигареты, Элли, наконец, перешла к делу.

— Послушай, то, что мы сделаем, очень опасно. В первую очередь потому, что мы идём в место, для живых непредназначенное. Понимаешь? Там обитают мёртвые, а значит и законы действуют иные. Поэтому ты должна запомнить несколько правил. Первое, ничему не верь. Второе, слушай только то, что я говорю. Третье, когда будем уходить, не оборачивайся, даже если услышишь самые отчаянные мольбы о помощи.

— Я где-то читала об этом. Это из греческой мифологии? — нахмурилась, вспоминая курс школьной истории.

— Эвредика. Она умерла, а её муж отправился вслед за ней в царство мёртвых. Он

получил разрешение забрать её у Аида и Персефоны, но они поставили условие — не оглядываться, идёт ли за ним его жена. Он оглянулся, Эвредика осталась в мире мёртвых. По-моему, что-то ещё было про жену Лота, но это уже из Библии, поэтому не совсем то. В целом это классика для мифов, так что, если поискать, можно найти что-нибудь ещё, — пояснила Элли. — В любом случае, это правда. Нельзя оборачиваться и нельзя ничему верить. Я уже была там, поэтому ты должна слушаться меня, иначе не сможешь найти выход.

— Как мы туда попадём?

— О, это самая интересная часть, — девушка прищурилась и подмигнула, а затем достала сумку из-под стола и открыла её, выложив на стол небольшой предмет, замотанный в шёлковую голубую ткань. — Догадаешься, что здесь?

Отрицательно помотав головой, с любопытством откинула ткань.

— Чёрт, это же золото!

— Смеёшься? — скептически воскликнула Элли, поднимая золотую ветвь. — Позолота, только и всего. Настоящее золото ни тебе, ни мне не по карману, да это и не нужно. Главное, чтобы блестело золотым, он любит такие подарки.

— Подожди-подожди, это то, о чём я думаю? — моментально нахмурилась, лихорадочно перебирая всё, что помнила о Греции. — Золотая ветвь, царство мёртвых, Эвредика... мы идём к Аиду?

— Почти, — девушка улыбалась ну очень уж ехидно, усиливая мои сомнения.

Кто в здравом уме поверит в такое?

— То есть ты хочешь сказать, что из всех религий мира, греки оказались правыми? Зевс, Олимп и прочее? Серьёзно?!

Элли скорчила невозмутимую физиономию, но очень быстро сдалась, звонко рассмеявшись.

— Нет конечно, если бы всё было так просто, не было бы других религий. Нет, ну правда, мы медиумы существуем очень давно, уж как-нибудь да донесли бы до людей всю правду. На самом деле, реальность гораздо прозаичнее. И сложнее одновременно. Как уже говорила, Изнанка многолика. Она переменчива, она непостоянна, она формируется из представлений людей о ней. Так получилось, что те, кто общается с духами в нашем регионе, а я имею ввиду Европу, предпочёл отголоски греческой мифологии. Однако мы не брезгуем и классикой, Библия, буддизм и многое другое по мелочи. Сразу говорю, что творится в Китае и Индии — не знаю, мы туда не ездим, опасно. Азия вообще в плане призраков повёрнута на всю голову, да ты и сама видела эти фильмы ужасов. От правды они не так уж далеки.

— Ты меня запутала, — простонала, закрывая лицо волосами.

— У тебя вся жизнь впереди, разберёшься. На то, чтобы всё понять у меня ушло много времени. Здесь столько тонкостей, столько деталей, а...

Снизу послышался негромкий звон.

— А вот и таксист, — по-другому закончила она. — Просто запомни то, что я тебе сказала. Три правила. Соблюдая их — выживешь.

***

В такси было холодно. Или это меня знобило несмотря на палящую жаром печку. Водитель что-то с жаром втолковывал поддакивающей Элли, расположившейся на переднем сиденье, я же, прислонившись лбом к стеклу, прокручивала в голове всё, что случилось за

последние сутки. Боже, почему всё так произошло? Ведь не бывает так вот всё? Не бывает, ведь правда?

В груди клубок шипящих растревоженных змей и мне никак не удаётся успокоиться. Всё хочется что-то сделать, что-то сказать, на что-то решиться, но прямо сейчас машина едет так медленно. Что скажу Максиму? Вот что должна сказать ему, чтобы он вернулся? Не уверена, что он просто бросился в тот мир с головой, не думая ни о чём. Нас по-другому воспитывали, а значит он знает, на что идёт. Как мне вернуть брата? Как достучаться?

Автомобиль остановился на окраине Москвы, где-то возле Серебряного бора. Район незнаком и неприветливо холоден. Небо, окрашенное в мутные рыжие тона с густыми грязно-серыми облаками, нависал тяжестью и мелкими букашками-снежинками, забирающимися при помощи ветра, за воротник, неприятно холодя шею. Поёжившись, плотнее засунула руки в карманы, дожидаясь, когда Элли расплатиться с таксистом.

— Потерпи, мы почти на месте.

Оглядевшись, заметно напряглась, поскольку понятия не имела, о чём она говорит. Мы находились возле кромки леса, на клочке старого, полуразрушенного асфальта, щедро укутанного толстой полоской льда, припорошенного лёгким снежком. Напротив, через широкую дорогу, располагались складские здания, закрытые высокими заборами, украшенные колючими проволоками и небольшими видеокамерами. На территориях вяло побрехивали дворовые псы, мимо проносились машины, ослепляя вспышками фар, а за спиной, завывая пронзительной стужей, шумел ночной лес. С нашей стороны, за поворотом, спрятанный темнотой, но освещённый всего двумя фонарями, виднелся то ли клуб, то ли магазин с причудливым входом в виде распахнутой пасти дико улыбающегося клоуна. Наверное, при свете это выглядит не так страшно, а скорее даже привлекательно для посетителей, но сейчас, в эту свинцовую ночь, здание выглядело пугающе, отталкивающе-непритязательно и явно дёшево. Не удивлюсь, если нам именно туда.

Я не ошиблась.

— Элли, что это за место? Я словно иду прямо в фильм ужасов. В них обожают такие декорации! — воскликнула, осторожно ступая по скользкому асфальту, не поспевая за прущей напролом девушкой. — Там вход на Изнанку?!

— А, — она махнула рукой, даже не оглянувшись. — Поверь на слово, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Такое не забывается. Доверься мне.

У входа стояла покосившаяся тумба с объявлениями старых, прямиком из девяностых, концертов, перекрытых огромным плакатом с объявлением:

Клуб развлечений!

Приходите, ведь только у нас — «Зеркальный лабиринт», «Комната страха», «Гадальный будуар» и многое другое!

Судя по всему, и объявление висит здесь не меньше десяти лет. Странно, что за столько времени клуб не закрылся и всё ещё радуется облупившейся краской на лице клоуна, расписанием работы касс и временем приёма на входе. От всей картинки, запорошенной зимним антуражем, веяло истинным духом сюрреализма. Только соответствующей музыки не хватало. Однако сама мысль о том, зачем мы сюда пришли, перебивала всё и вся. О да, мы идём в Царство теней. Из «Клуба развлечений». Я вся в предвкушении.

Элли направилась прямиком ко входу, едва не поскользнувшись на огромной ледяной луже. Она нащупала во тьме дверной звонок и несколько раз нажала, вызвав в глубине далёкую трель, после чего отошла и встала рядом, ободряюще улыбнувшись.

— Ничего не бойся, Марго, — шепнула она за мгновение до того, как открылась входная дверь.

На пороге появился полуголый юнец в одних штанах и дешёвых шлёпках. Его лицо, густо усыпанное как веснушками, так и прыщами, выражало крайнюю степень удивления. Он явно не ожидал кого-либо увидеть.

— Я не заказывал! — резко воскликнул он, почесав нос и недовольно прищурившись. — Чего вам надо?

— Мы не к тебе, — Элли вышла вперёд и негромко хмыкнула. — Паша, ты же помнишь меня?

— А, это ты, — снисходительно пробурчал парнишка, открывая по шире дверь, — ну, заходите, раз пришли.

Элли уверенно переступила порог странного клуба, я следом юркнула мимо скользящего парня.

Разочарована. Вот, верное слово к тому, что увидела. Вместо таинственного полумрака с густым зеленоватым туманом и странным шёпотом по углам, перед нами оказалось обычное фойе с классическим набором: касса с мелким окошком, гардеробная на три с половиной калекки, небольшой магазинчик, застеклённый и похоже давно не открывавшийся, двери, украшенные дешёвой мистической символикой, как пауки, паутина, кривые красные глаза и «зловещая» надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий» на латыни с ошибками. Полный антураж.

Именно в этот момент расслабилась. Нервное напряжение, не отпускавшее с самого дома, рассосалось, оставив лишь лёгкую дрожь, да и та, в тепле, быстро сошла на нет. Не знаю, чего именно ожидала, но явно не этого. Здесь всё было настолько примитивно, настолько предсказуемо и плоско, что ожидать чего-то пугающего и сверхъестественного, не приходилось. Мне стало легче.

— Чай, кофе? — раздался голос за спиной. — Он скоро придёт, так что если хотите...

— Нам ничего не нужно, — Элли отрицательно мотнула головой, остановившись возле старых рекламных плакатов. — М-мм, новый постер. 2007 год. Не видела его раньше, решили чуть изменить интерьер?

— Мне было скучно, — вяло отреагировал Паша, обходя меня по дуге. — Раньше ты приходила одна. Это кто?

— Подруга, — коротко ответила она.

— Ну и ладно, — равнодушно сказал он, вновь почесав нос, а затем нахмурился. — Скоро приду.

Когда он ушёл, сразу подошла к Элли с вопросом:

— Кто это?

— Маска, — ответила она. — Просто маска. Тот, к кому мы пришли не может находится в одном месте, слишком большой объём задач, слишком много людей, с которыми нужно встречаться и это только с нашей стороны. Вот и приходится пользоваться подобными ухищрениями.

— Не поняла.

— И не надо понимать, рано ещё. Нам бы вернуться живыми, потом у тебя будет много времени, чтобы во всё вникнуть, — она махнула рукой.

— Элли, давно не виделись!

Голос оказался намного приятнее ломающегося голоска подростка, обернувшись, с

удивлением увидела Пашу. Но только это был уже не он. Черты лица плыли, стекали, как вода, его одежда стала продолжением кожи, как раскраска плотными красками, она переливалась, менялась, плотнела и растекалась. Тоже самое творилось и с волосами, которые как мелкие змеи то спускались вниз, то завивались тонкими кудрями. И только глаза, уж точно не Пашины, оставались неизменными. Глубокие седые, испарывающие душу ножом. В них не было ни зла, ни добра, ни равнодушия. **Ничто.** Но в тоже время **всё.**

Элли резко придвинулась и закрыла ладонями моё лицо.

— Не смотри ему в глаза, — прошептала она на ухо. — Иначе затянет и станешь очередной маской. Но мы же пришли сюда не за этим?

Наваждение спало как будто его и не было.

— Здравствуй, Харон, — вежливо, но с теплотой, поприветствовала его Элли, убирая от лица руки.

Теперь изменчивость внешности спала, оставив перед нами интересного, в возрасте тридцати — тридцати пяти лет, мужчину с приятными, но незапоминающимися чертами лица. Всё в нём было такое, лёгкое и незамысловатое, как пятиминутный набросок на крафтовой бумаге, быстрый и только основные черты. Мягкие полные губы пастельно-розового оттенка, круглый овал светлого, почти белого, лица с теряющимися скулами от яркого света, широкие брови и аккуратный нос, волосы цвета льна с рыжиной, тёплые оттенки в выборе одежды — мягкий, крупной вязки, свитер, коричневые брюки, туфли в тон.

Единственное неизменное — глаза, от которых так сложно оторваться, поэтому смотрю на переносицу, так немного, но легче.

Он производил довольно странное впечатление. словно бы перед тобой человек-открытие, кто-то необычный, нестандартный, кого встретишь в метро или автобусе и будешь всю дорогу разглядывать, но в тоже время он терялся, растворялся в окружающей обстановке, как будто его никогда и не было. Очень чуждый. Не смотря на приятную внешность, скорее пугал, чем притягивал. Собственно, если правильно помню мифологию, Харон является Стражем подземного мира. Наверное, в современном мире, именно так он и должен выглядеть. Не знаю.

— Дай угадаю, зачем пожаловали: на ту сторону хотите перейти? — с лёгкой улыбкой сказал он, подходя ближе. — Я ждал этого от тебя, Элли. Но не думал, что полезешь не одна. Кто с тобой?

— Её брат попал в схожую ситуацию, что и я когда-то. Нужно вытащить, — сухо ответила девушка, а затем достала из сумки голубой свёрток и развернула его. — У меня есть, что предложить.

Харон пересёк разделявшее нас пространство и почти выхватил ветвь из её рук. Взвесил, поднял над собой поближе к свету, прищурился, а затем провёл ногтем по краешку.

— Позолота, — разочаровано протянул он. — Думал, ты всё-таки расщедришься на нечто более дорогое.

— Прости, но я решила, что и так сойдёт, — иронично хмыкнула она. — Берёшь?

— Куда я денусь, — после чего он посмотрел на меня и немного поджал губы. — Близнецы. Как всё скверно.

— В чём дело? — нахмурилась Элли, переводя взгляд с меня на него.

— Если парень в беде, сестру за собой потащит. Вопрос только в том, кто окажется сильнее. Ставлю на неё, но у него хорошая поддержка, — Харон холодно посмотрел на Элли. — Тебе бы в это не лезть. Слишком опасно.

— Предлагаешь её бросить?! — возмущённо воскликнула она.

— Не бросишь, конечно. Но я бы на твоём месте обдумал варианты. Лучше запихни её в Институт, там о ней смогут позаботиться.

— Я брата не брошу, — вступилась резко. — И защита от него мне не нужна. Он меня любит и ничего мне не сделает. Вообще, о чём вы таком говорите? Утащит, опасен... это смешно! Максим мой брат. Единственный человек, который действительно любит меня. Он никогда не причинит мне вред. Это невозможно!

— Да ты сама-то веришь в то, что говоришь? — саркастически воскликнул мужчина, прижимая к груди ветвь.

Хотела возразить, но осеклась. Нет, не верила. И верила одновременно.

— Я буду всю жизнь себя ненавидеть, если не проверю. Если не узнаю наверняка, — опустив взгляд в пол, ответила очень тихо.

— Ладно, — просто сказал он.

Удивлённо посмотрев на него, изумилась — ветвь исчезла, но в груди мужчины оказалось золотое, медленно расплывающееся пятно, которое проступало на венах рук и шее тёмным сверкающим светом, который через несколько мгновений потух.

— Могла бы всё-таки расщедриться на что-то более ценное, — кисло пробурчал Харон.

— Прости, — почти вежливо ответила она.

Я задумалась, а какие их всё-таки связывают отношения? Не похоже, что просто деловые. Это было как минимум интересно.

— Думаю, ты хочешь покурить на дорожку, — заметил он, вкладывая в свой голос какой-то намёк, который девушка сразу же рассекретила.

— Да, Марго, подождёшь нас здесь?

Я махнула рукой. Хотят посекретничать, пусть их.

Элли

Достав из пачки сигарету, почти вплотную придвинулась к Харону, чтобы дикий ветер не сбил пламя зажигалки, закурив, отошла в сторону и мрачно уставилась на него. Он никогда не говорил мне ничего хорошего. Все вести от Стража были плохими.

— Ох, не смотри на меня так, — укоризненно вздохнул он. — Ты меня нервируешь.

— Рада, что способна вызвать в тебе хоть какие-то эмоции, — сказала, ничуть не покривившись. — Что скажешь?

— Отговаривать её — бессмысленно, тебя — тем более, так что я просто хочу убедить тебя быть осторожной. Ты выбрала это место не случайно, а значит вы идёте в одну из башен. Чёрная или Белая? И к гадалке не ходи, в белую ты и ради святой Терезы не полезешь, зная, кто там сидит, значит Чёрная. А раз парнишка как ты, то у него есть учитель — Чёрный человек. Всё правильно?

— Удивительно, что ты узнаёшь всё это от меня, — заявила холодно. — Помнится, обо мне ты знал с самого начала.

— Ты многого о себе не знаешь, Элли. Твой случай настолько уникален, насколько и прозаичен случай этого Максима. Он хоть жив? Не в пустую идёте?

— Катерина уверена. Значит шанс есть, — ответила, пожав плечами и стряхивая пепел на стылую землю.

Его слова, как и прежде, вызвали с трудом подавленную волну вопросов. Харон частенько говорит загадками, и никогда не отвечает прямо. Мне послышался лай собак и в

этой какофонии звуков вдалеке померещился особой вой, неживой.

— Ты напугана. Чем?

— Это всё нервы, — покачав головой, отказываясь говорить правду, оборвала его.

— Что тебе снится, Элли? Неужели Изнанка, что ты так рвёшься туда? — он говорит тихо, а черты лица вновь плывут, сбивая с ног своей расплывчатостью, непостоянством, пугающей белизной мягких линий.

Раньше это не раздражало, теперь безумно злило.

— Хватит, — резко закончила разговор. — Ты знаешь, зачем мы пришли. Так давай уже приступим.

— Ваши маски продержаться не дольше суток, так что не задерживайтесь, — он вновь уплотнился, на лице проявилась извечная скука и отрешённость. — Действуй, как знаешь, Элли. Кто я такой, чтобы вмешиваться в дела живых.

Марго

Они вернулись на удивление быстро и по лицу Элли понятно — разговор был не из приятных.

Посмотрев на нас, Харон почти учтиво проговорил:

— Дамы, прошу за мной, в самую увлекательную часть клуба развлечений. Сегодня вам предстоит побывать в интереснейшем месте, где самые мрачные частицы нашего «я» оживают!

Он театральным жестом открыл перед нами двери, ведущие в коридор, украшенный постерами из фильмов ужасов, несколькими, весьма потрёпанными жизнью, скелетами и, неожиданно, приятной музыкой, напоминавшей ту, что играла в старинных английских лифтах, доносившейся как будто из старого приёмника под потолком. По правую и левую стороны, располагались двери, каждая была выполнена в стиле заявленных на плакате у входа развлечений. Тут была и комната страха, с традиционными пауками, и будуар гадалки, со знаком вопроса и малопонятным числом под ним: «42», а также зеркальный лабиринт, самая крайняя с противоположного конца дверь, с дешёвым дождиком, обрамлявшим небольшое зеркало с призывом поверху: «А ты рискнёшь заглянуть себе в сердце?» Как примитивно. Но почему-то эта атмосфера напомнила мне старый фильм Стэнли Кубрика про отель, в котором главный герой сходит с ума. Странное чувство.

И из всех вариантов, разумеется, он остановился рядом с последней дверью. Вновь посмотрев тяжёлым взглядом, спросил:

— Вы уверены в своём решении? У вас есть последний шанс отказаться и повернуть назад.

Элли выжидающе посмотрела на меня, как бы напоминая всё то, что говорила раньше. И про брата, и про то, как это может быть опасно. Мне вспомнился сеанс, во время которого чуть не отправилась следом за призывно зовущим Максимом. Нет, дороги назад нет.

— Да, мы уверены, — заявила твёрдо, выдерживая опасный взгляд Харона.

— Ну что ж, тогда повторю правила, на всякий случай, — почти язвительно сказал он. — У вас есть сутки, после чего вы не сможете вернуться через этот выход. Ничего не ешьте и не пейте, старайтесь избегать призраков, не лезьте на нижние уровни и самое главное, как пойдёте назад — не оборачивайтесь, чтобы вы ни услышали. Обернётесь и останетесь там навсегда.

Дождавшись от нас согласного кивка, он секунду помедлил, а затем открыл нараспашку

дверь, ведущую в темноту.

— Проходите, — тихо сказал он.

Когда мы оказались по ту сторону двери, Харон крикнул напоследок:

— Элли! Если ты застрянешь, в этот раз я не смогу тебя вернуть.

Я внимательно посмотрела на девушку, ожидая её решения, но она лишь повела плечами, как будто сбрасывая с себя невидимую ношу.

— Учту, — упрямо сказала она и Страж закрыл за нами дверь, оставив в полной темноте.

— Тебе страшно? — раздался её тихий голос.

Сердце вновь выбивало канонаду, поэтому кивнула, не сразу сообразив, что в темноте, она этого не увидит.

— Очень.

— Это хорошо. Надеюсь, ты не из тех, кто впадает в ступор. Раз боишься, значит глупостей делать не станешь.

После чего Элли взяла за руку и крепко сжала.

— Смотри внимательно, глаза скоро адаптируются.

И правда, через несколько минут вполне сносно видела, что нас окружают миллионы двойников, запрятанных в пыльных зеркалах. Обстановка вызывала безотчётный приступ паники, отчего принялась высчитывать удары сердца, боясь хоть что-то сказать.

Элли уверенно повела за собой. Девушка шла с закрытыми глазами, поворачивая то направо, то налево, ни разу не сбившись и не ударившись о зеркала. Наконец, она остановилась перед одним из них, который ничем не выделялся и был как брат-близнец соседним.

Она сделала глубокий вдох и медленный выдох, плотнее сжала мою руку, а затем постучала в зеркало, как будто бы это была дверь.

***

Как можно описать Изнанку? Как можно описать что-то, настолько отличное от привычного мира?

Каждый день мы просыпаемся, умываемся, чистим зубы, варим кофе, смотрим на температуру, читаем новости, едем в метро, работаем, обедаем, ужинаем, смотрим фильмы, общаемся, умываемся, занимаемся сексом, ложимся спать... Всё происходит в таких привычных декорациях, что просто не замечаем мир вокруг. Мы его уже оценили, когда были детьми. Попробовали на вкус, пощупали, смотрели по сторонам широко открытыми глазами. Мы ощутили его, приняли, научились в нём жить, абстрагировались от всего обыденного, обращая свой взгляд только на то, что было нужно. Многие, чтобы избежать замысленности, отправляются в длительные кругосветные путешествия, стараясь взять от жизни все возможные цвета и краски.

Каждый раз, когда человек оказывается в неизвестном месте он, хоть на секунду, но теряется, стараясь казаться невозмутимым. Он впитывает всё, отыскивая тот опыт, что получил в детстве. Найдя реперные точки, успокаивается и более здраво оценивает окружающее.

Так вот, на Изнанке не нашла ни одной реперной точки. Ни одной. Описать это место живыми словами невозможно. Но попробовать стоит.

Изнанка — это как побывать на иной стороне жизни. Здесь всё другое, всё наоборот.

Яркие краски, наполняющие наш мир и летом, и зимой, здесь тусклы и невыразительны. Воздух лёгок, но неощутим, безвкусен, как будто запорошен пылью. Звуки приглушены, они почти отсутствуют, как и голубизна неба, заменённая уходящей в полную черноту серость. Солнца не было видно, даже тусклого шара, как это обычно бывает в облачную погоду, но свет как будто бы был везде. Из-за этого становилось страшно, потому что я не отбрасывала тень. Наличие света и его отсутствие. Одновременно. Нет ветра, нет вкуса, нет цвета, и что-то подсказывает, коснись чего-нибудь — не почувствую касания. Изнанка — это отсутствие жизни. Здесь ничего нет.

И это касалось не только ощущений абсолютной чуждости. Здесь в принципе ничего не было. Когда попыталась вдохнуть, то чуть не захлебнулась ужасом, понимая, что не могу этого сделать. Не могу ничего сказать. В панике попыталась поднять руки и только в этот момент дошло — меня нет. Нет рук, ног, головы, нет тела. Я не существую. Только мысль, бьющаяся в неизвестности, ещё секунду и её не станет. Но как же я вижу это бесконечную пустоту? Как же чувствую отсутствие чувств? Как могу мыслить, если не обладаю плотью, мозгом в конце концов? Знание о призраках подразумевает знание о душе, но вот так столкнуться с пониманием, что плоть — это ничто, было страшно. Я мыслью, а значит существую. Это немного успокоило, отрезвило, но планка страха всё ещё была слишком высока. Здесь, кроме пустоты, ничего нет. И Элли тоже.

Как я сюда попала? Может что-то пошло не так? Может меня выкинуло куда-то не туда?

Постучав в зеркало, Элли шагнула в него, ведя меня за собой как на привязи. И я шагнула в неизвестность, а оказалась здесь. Что теперь делать? Как отсюда выбраться? Если это Изнанка, то как мне найти брата, если я сама себя не вижу? Я абсолютно точно не призрак. У них хотя бы есть эфемерное тело. У меня нет и этого. Просто мысль, лёгкая как пёрышко и такая же невесомая. Кажется дунь — и исчезну, потому что нет тела, не за что зацепиться...

И что будет теперь?..

***

Мне казалось, что прошли годы, столетия, прежде чем пустота рассеялась, прежде чем всё смешалось, сдвинулось, изменилось, стало плотным и реальным.

Рухнув на серый асфальт, судорожно хватая ртом безвкусный воздух, пальцами карябая поверхность, в бесконечном шоке ощутила себя живой. Настоящей! Я здесь и сейчас существую! Не исчезла, не растворилась в пустоте, а вернулась и стала реальной. Выжила.

— Да, подруга, досталось же тебе, — раздался до боли знакомый голос надо мной.

Подняв голову, увидела Элли в сером платье с распущенными волосами и в лёгких балетках. Словом, совсем не в той одежде, в которой мы отправились в путь. Так же, как и я. С удивлением, обнаружила на себе старые-старые джинсы с модными заплатками, любимую майку, поверх которой почти до колен спускался не менее любимый вязаный чехол. Под джинсами прятались туфли без каблуков, тоже из прошлого, только раньше были каблуки, один сломался, пришлось выкинуть. Эти явно лучше.

— Что это было? Что всё это было? — в горле пересохло, перед глазами летали мушки страха и потрясения.

Сложно вновь ощутить себя плотной. Всё время казалось, что ещё мгновение и улечу в никуда. В снова настанет та черед пустоты.

— Самый верхний уровень Изнанки. Ты, моя дорогая, оказалась намного легче, чем я

думала. А значит и намного сильнее, — ответила девушка. — Помнишь, я говорила, что медиумы не остаются на Изнанке, а словно на экспрессе отправляются дальше? Ну вот, так это и происходит. Только ты ещё жива, поэтому и застряла. Окажись слабее, я бы утащила за собой, но что есть, то есть. Пришлось искать и вытаскивать.

— Не понимаю, — нахмурилась, но затем отбросила как лишнее.

Больше волновало то, что видела вокруг себя. А именно город. Москву.

Это столица, но в то же время и нет. Город, отбрасывающий разноцветные тени, и серые, теряющиеся в мерцающей дымке, здания. Воздух полон сомнениями, тихим шёпотом, далёким криком, призывом, уходящим в глубину улиц. Всё передо мной как поддёрнуто дымкой, лёгкой рябью по воздуху, эфемерной плотью. Всё не так и всё не то.

— Сейчас это не важно, — отмахнулась Элли. — Видишь город? Интересно, не правда ли? Мы как будто бы над ним, хотя в реальности Щукино не способно подарить такой вид. Пожалуй, Воробьёвы горы, да ещё какие-нибудь возвышенности, но явно не то место, откуда мы вышли сюда. Можно сказать, главное отличие — все входы на Изнанку, как будто спуск с небес, находятся на возвышенностях, меняя рельеф.

— Всё так зыбко, — провожу рукой перед глазами, стараясь унять непослушную рябь.

— Привыкнешь. Здесь нет ничего постоянного, всё меняется, всё не на своих местах.

Элли с некоторой мрачной торжественностью уставилась на город, спрятав руки в карманы чёрного осеннего пальто. Это перемена удивила сильнее всего остального. Минуту назад девушка была одета в летнее платье, а сейчас такой осенний наряд... Осмотрев себя, не заметила перемен, что, в свою очередь, вызвало ещё большее любопытство. Заметив это, Элли пояснила:

— Всё меняется. И мы в том числе, — лицо Элли поплыло как маска Харона, черты исказились, сквозь них проступили птичьи, совиные очертания. А затем всё пропало и передо мной вновь стояла девушка. — Прежде чем пойдём, нам нужен ориентир, чтобы вернуться. Найди что-нибудь в местности особенное, за что можно зацепиться. После тебе нужно будет только вспомнить это, чтобы появился коридор, который выведет тебя обратно в реальность.

Оглядевшись, ненадолго впала в подобие ступора, так как никак не могла сообразить, что происходит. Попадание на первый уровень Изнанки не прошло даром, всё казалось, что я ещё там. Застряла в пустоте.

— Выбрала.

— Отлично, тогда пошли, — кивнула Элли.

Мой выбор пал на простенькую деревянную табличку, валявшуюся у входа в клуб. Она была наиболее плотной из всей обстановки. Даже лицо клоуна постоянно шло волнами, то исчезая, то меняя цвет. А вот табличка со стёртым временем названием, была настолько реальной, что я бы рискнула взять её в руки.

Элли повела меня за собой и это было не менее удивительным чувством, чем всё остальное. Её прикосновение в этом ненастоящем мире такое реальное, такое тёплое.

Эмоции притупились, смазались, как вся эта рябь, от чего путешествие, как сквозь туман, семимильными шагами, не вызвало даже лёгкого удивления, не говоря уже о чём-то большем. Мне просто любопытно смотреть по сторонам как через плотную сетку — отстранённо и далеко.

Но если бы у меня и были эмоции, то полностью описать происходящее — невозможно. Каждый шаг нереален в нашем мире. Элли шагает сквозь улицы, как какой-то волшебник из

страны Оз. Она делает это с закрытыми глазами и очень сосредоточенным лицом. Чуть шевеля губами, хмурится, морщится, но шаг за шагом, приближает нас к виднеющейся на горизонте башне, похожей на чёрный вариант английской башни «Мэри-Экс».

То, что мы проходили, вызывало не меньший интерес. Я видела всё и вся. Секунды, ударяющиеся друг о друга, вызывали мелкую мурашку по коже, это было невозможно. Дождь, льющий как из ведра, только над взявшейся из ниоткуда автобусной остановки. Дикий порыв пурпурного ветра, с запутавшимися льдинками, режущими без крови щёки. Плач сотни разодетых в белые одёжи дев, заламывающие руки передо мной. Здания всего за один шаг меняющие до неузнаваемости внешний вид. Монах в серой рясе провожавший нас крестным знаменем, из глаз которого текли чёрные слёзы. Стая собак с человеческими глазами, вой и лай которых нёсся ещё долго вслед. Улицы и мостовые под ногами то из грязи, то из брусчатки, то из асфальта, а то и вовсе — раскалённые угли новорожденной земли. А звёзды! Какие звёзды озаряли нашу дорогу из жёлтого кирпича! Млечный путь, такой, какой и не увидишь даже в самую чёрную ночь. И так быстро, как вспышки, падающие жёлтые, сиреневые, красные, голубые, синие звёзды...

Я видела всё и вся. И не могла остановиться, чтобы не смотреть. Не могла закрыть глаза, настолько невозможно было то, что видела. С каждым шагом всё больше и больше понимаю — брось меня Элли, не вышла бы отсюда живой. Это просто невозможно, настолько всё ярко, настолько всё необычно и чуждо. Я не чувствую опасности, но знаю, что она на каждом шагу. Это ясно как день. Только вера в медиума позволяла мне идти за ней. Только сомнения в том, что блёклое воспоминание о табличке поможет мне вернуться. Я доверяю слепо. Но иначе нельзя.

— Всё, — выдыхает девушка, замирая, как вкопанная.

До башни ещё так далеко! Она, как копьё, пронзающее свинцовое небо, виднеется вдаль. Меня удивила остановка, но и подарила возможность отдышаться, немного прийти в себя после столь головокружительной прогулки.

Мы остановились в лете. В районе, очень сильно напоминавшем Патриаршие пруды, однако в более старом виде. Удушающий зной да низкие тёмные-тёмные тучи, высветляющие далёким солнцем до желтизны листву склонившихся над водой деревьев. В воздухе разлит неприятный гнилостный аромат низины и болот. Липкий пот тонкими каплями спускается между лопаток, оставляя за собой зудящий след. Волосы завились в мелкую кудряшку, одежда сменилась на лёгкое совсем детское платье и босоножки с разболтавшимся ремешком. В голове пронеслись туманные воспоминания из детства. Лето, первая жара, велосипед и наперегонки до речки... боже, это было так давно!

— Почему мы остановились? До башни ещё далеко!

— На самом деле один шаг, — ответила она, не двигаясь с места и не давая сделать это мне. — И его сделаешь только ты. Но прежде послушай меня очень внимательно. Ты ненадолго окажешься наедине со своим братом. Минут двадцать максимум. Будь готова к тому, что он откажется. Будь готова к тому, что он захочет помешать уйти. Как заподозришь неладное, вспомни ту зацепку и уходи. Я это почувствую и пойду за тобой, поняла?

— Да, — в горле моментально пересохло. — А если он согласится?

— Тогда бери его за руку и следуй за своим символом, — Элли развела руки. — А я последую за вами.

— Это так работает?

— Изнанка — это мир иллюзий. Мир фантазий. Какие-то плотные, какие-то

фантазмагоричные, а какие-то выглядят совсем как настоящие. Изнанка является отражением своих обитателей. И выглядит так, как они хотят.

— Да-да...

Она говорила, но я почти не слышала, о чём. В голове стоял невыносимый гул, хотелось выключить всё и забыться. Невыносимая дорога. Невыносимая жара.

— Тогда удачи, — ответила она, увидев моё состояние. — Иди.

***

Это был кабинет отца. Старый деревянный стол с дорогой лакировкой, придающий ему тёплый оранжево-красный цвет. Центр покрыт тёмным сукном, а по бокам вплоть до ножек спускается причудливая узорчатая вязь, заканчивающаяся изгибом в виде хвостов рыб. Отец очень гордился своей покупкой, он считал, что этот стол придаёт ему солидности, хотя на самом деле выглядел скорее аляповато, учитывая остальную обстановку комнаты.

Длинный красный ковёр в восточном стиле, от дверей до самого окна, несколько разномастных стульев вдоль стен, сельская картина, покрытая кракелюрой, в потрескавшейся раме, огромная люстра с половиной неработающих лампочек и с несколькими отсутствующими деталями. Пластиковые окна, фиолетовая тюль, обои в зелёный горошек. Комната вся была такая... *разноцветная*. Всё в разных стилях, выполнено разным качеством и заставлено как придётся.

Но папе нравилось. Ему всё в нашем доме нравилось. Потому что было **его**. Он сам или вместе с мамой выбирал мебель, покупал обои и заказывал стол. Он любил наш старый дом, и эта любовь передалась нам. Даже после того как отец разорился и мы были вынуждены переехать к деду, в царство чистоты и порядка, мы нет-нет, да вспоминали, как носились по старому дому, играя и шумя на все лады. Счастлирое было время.

Максим сидел за отцовским столом и что-то печатал на старом компьютере, вглядываясь в пожелтевший от старости ЭЛТ-монитор.

Чувство ирреальности происходящего усилилось. Всё, что видела, противоестественно и естественно одновременно. Мне нестерпимо захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, поскольку именно в эту секунду окончательно запуталась, смешав в голове и Изнанку, и реальный мир. Здесь, в этой комнате, показалось, что всё случившееся за последние дни насмешка и на самом деле иллюзия, а то, что вижу — правда.

— Марг?! — раздался неуверенный голос брата. — Как ты здесь очутилась?

Это и правда был мой брат. Его голос нельзя спутать. Он такой же, как и прежде. Короткие «ершистые» волосы, рыжие, но более светлого оттенка, чем у меня. Упрямая линия губ, прямой взгляд и такая же, почти зеркальная копия, россыпь веснушек на курносом носу и щеках. В глазах травяная зелень, глубже и темнее, чем была прежде, под ними — фиолетовые синяки, как будто он вновь переписывает диплом на последнем курсе. Руки перед собой сжаты в кулаки, а взгляд... такой жадный, ненасытный... **чужой**.

Это уже не мой брат. И от этого на душе стало так тоскливо. Я знаю Максима до каждой чёрточки, до каждой клеточки и до каждого шрама, спрятанного под отглаженной рубашкой и аккуратными штанами. Знаю о нём всё, как и он обо мне. Но теперь передо мной как будто бы сидит совсем чужой человек. Сидит и смотрит, пристально и тяжело. И я тушуюсь перед этим взглядом, падая ниже и ниже, забывая всё, о чём хотела спросить, оставив лишь главное:

— Макси, пойдём домой...

Но разве он может ответить так, как того желаю?

— Здесь мой дом, — он сжимает руки в замок, совсем как отец и чуть наклоняет голову вперёд. — Я почувствовал тебя на днях. Ты искала меня. Значит теперь ты видишь мёртвых?

— Да, — отвечаю чувствуя, как внутри всё холодеет. — Ты потащил меня за собой.

— Я не тащил. Ты сама пошла, — он говорит уверенно, но я знаю — лжёт. — Как и сейчас. Марго, нам нужно о многом поговорить...

— Нет, не нужно, — отрицательно качаю головой. — Знаешь, когда искала тебя, ещё на что-то надеялась. Думала, что дневник — это просто набор слов, бессмысленный поток мыслей, не имеющий ничего общего с реальностью, ведь я тебя помнила совсем другим. Но теперь всё изменилось. Я нашла тебя. И сразу потеряла, — глубокий вдох, жду его реакции, ведь это, скорее всего, наш последний разговор.

— Ошибаешься. Я не изменился. Мой учитель открыл то, что уже было во мне. Чувство справедливости, — жёстко ответил Максим.

Зелень глаз потемнела, налилась холодной бирюзой. Брат поднялся из-за стола и обогнул его, прислонившись к краю, словно зная — подойдёт ближе — и я сбегу.

— Это есть и в тебе. Наш дед невольно посадил семена этого чувства в наши сердца. Не понимаешь? Вижу, что нет. Скажи, Марг, мы ведь не просто ушли из дома, мы отказались от всего, что обещала нам семья. Почему? Может потому, что это было неправильно — так жить? Я всегда знал, что рано или поздно, но ты откроешься. Как в детстве, помнишь?

— Не понимаю о чём ты говоришь, — осторожничаю, смотрю прищурившись, всматриваясь в его потемневшее лицо.

— Я говорю о том, что из нас двоих, ты была первой. Именно ты увидела бабушку, не я. Помнишь? Ты закричала на похоронах, увидев её. Все решили, что ты просто перенервничала. Потом бабушка приходила к тебе, раз за разом, и ты никак не могла от неё спрятаться. Марг, неужели ты этого не помнишь?

— Она приходила к тебе, — упрямо мотаю головой. — И ты с ней разобрался.

— Ошибаешься, — он кривит губы. — Ты плакала каждую ночь. Плакала и приходила ко мне, потому что только рядом со мной старуха отступала. Ты постоянно спрашивала меня: «Ты её видишь, Макс? Ты видишь её?» А я отвечал, что никого не вижу. Но потом, зная, как ты страдаешь, стал лгать. Притворяться, что вижу её. И мы поменялись местами. Ты перестала видеть, а я обрёл этот дар. Маятник качнулся, вот только я был готов к встрече, поэтому справился. И снова, и снова, каждый день видя духов, научился справляться со своим даром, в то время, как ты училась в пансионате для девочек, не видя и не слыша мёртвых. Но теперь всё изменилось, не так ли? Ты теперь одна из нас.

— Заткнись! — закричала, не выдержав его слов.

— Ты моя сестра, Марг! Как ты можешь отворачиваться от меня после всего, что я сделал для тебя? Тебе не кажется это несправедливым? — говорит с мягкой укоризной, но взгляд холоден как лёд и такой же тяжёлый, жгучий. — Я люблю тебя, Марго. Ты — моя семья, как и Чёрный человек. Ты же читала дневник, а значит знаешь, почему я здесь. Неужели так сложно понять зачем?!

— Я... — запнулась, не зная, что сказать.

— Что плохого в том, что призраки хотят жить? Кто вправе решать, кому переходить, а кому умирать? И почему это призракам нельзя пытаться изменить навязанную судьбу, которую они не выбрали! Почему мы все должны играть в игру, правила которой известны только тем, кто уже на той стороне? Марго, дорогая, поверь мне, то, что мы делаем,

правильно. Мы берём судьбу в свои руки и решаем сами, как нам жить после смерти.

— Но ты же умрёшь! — вырвалось непроизвольно. — Ты сейчас умираешь! Максим, я говорила с Элли, она знает, что призраки не так добры, как тебе кажется!

— Элли? Ты сказала Элли?

Облик брата мгновенно преобразился. И если раньше передо мной был действительно мой брат, то сейчас он превратился в совершенно иного человека, только черты лица остались прежними, но изгиб бровей, складки возле губ, морщинки вокруг глаз, всё изменилось, стало почти отталкивающе злым. Настороженный, жадный взгляд, крылья носа в разлёт, он смотрит, сжимая пальцами край стола. — Она здесь, с тобой?

— Максим...

Чувство непоправимой ошибки накрыло с головой. Нужно уходить, нужно бежать отсюда!

Элли

Марго исчезла на удивление быстро. Девочка настоящий подарок для сообщества медиумов. Как только преодолет страхи и своё сопротивление, станет ценным участником нашего мира. Она сильна, очень сильна. Немногие способны вернуться с первого уровня Изнанки. Поражена, что она сделала это. Но в тоже время, это очень странно, ведь я вела её за собой, как же она оказалась там?

Достав из кармана пачку сигарет, прошлась по неподвижной улице и присела на одну из лавочек прямо напротив памятника горящей алым жар-птицы. Интересно, в реальности здесь памятник Крылову, откуда взялась пернатая? Пожалуй, в этом есть особая прелесть Изнанки — она способна удивлять живых. Мёртвым, по большому счёту, всё равно. Они формируют образы из подсознания, маскируя таким образом, что всё воспринимается как обыденность. С налётом тусклой серой краски, вызывающей тошноту. Я, будучи живой, чувствую себя здесь вполне уютно.

Запрокинув голову, уставилась в насыщенное тёмной синевой небо. Скоро пойдёт дождь. Воздух, звенящий озоновым напряжением, дрожит, как провода высоковольтных линий, всё замерло словно перед прыжком. Ты чувствуешь, как с каждой секундой всё тяжелее и тяжелее становятся тучи над тобой. Где-то поблизости уже звенят, гремят по мостовым, упругие разноцветные капли дождя. Они с грохотом ударяются о землю, отскакивают и падают вновь и вновь под звуки грома, вспышек молний, проснувшейся свежести воздуха.

Но здесь, в эти мгновения, дождя нет. И не будет, потому что Изнанка не обладает физикой реальности, она подвластна фантазиям своих обитателей. И, видимо, на ближайшее будущее, Патриаршие пруды будут выглядеть именно так. Застывшие в оранжево-синей гамме закатных лучей, прикрытых тяжёлым одеялом из дождевых туч.

Мне нравится привкус сигарет на Изнанке. Здесь он идеален. Та самая неуловимая дозировка, наступающая в реальности либо с первой сигаретой, либо в момент сильного напряжения после трудного дела. Тяжёлая, расслабляющая, закручивающая дым в причудливые узоры, полностью подвластных моей фантазии. Я развлекалась минут десять и всё это время, сигарета тлела и не думая заканчиваться. Слишком увлекательно, чтобы продлиться дольше.

На землю упали мелкие капли, а со стороны Садовой улицы потянуло осенним холодом. Вмиг подскочив, укутавшись в осенний плащ с высоким горлом и длинным-длинным рыжим

шарфом, уставилась напряжённо в пустоту. Небо надо мной серело и темнело, фонари вспыхнули оранжево-зелёным светом, в набухающих тенях проявилась густая синева. Сюда кто-то идёт.

Мне бы скрыться, шагнуть в пустоту, закрыв глаза, но тогда потеряю Марго. Она не знает, что кто-то идёт, и я не уверена, что она сможет вернуться без моей помощи. Поэтому остаюсь здесь, плотнее и плотнее кутаясь в серость и сырость, в ветер из промозглых капель и жухлых листьев, в тихое жужжание фонарей, прячась на дне покрывшегося тонкой гладью льда пруда. Раствориться, исчезнуть, спрятаться и не думать, не дышать, не существовать. Маска должна подействовать, иначе мой обман раскроется как дважды два.

Затаившись, напряжённо вслушиваюсь в пустоту. Надо мной качаются деревья, осыпавшиеся листья шуршат по голой смёрзшейся земле, а неровные дорожки испачкались в грязевых лужах, щедро созданные невидимыми каплями дождя.

Незнакомец возник как из ниоткуда, как чёртик из табакерки выпрыгнул напротив потускневшей от холода птицы. Мне не увидеть его лица так, чтобы не раскрыться, но я и так знаю, кто стоит на площади, сжимая руки по-военному — за спиной. Одетый во всё чёрное — плащ по фигуре, блестящие лакированные туфли, кожаные перчатки, брюки. Волосы белые и светлые, короткие до ворота, обрезанные, открывающие уши. Всё строго, чётко, аж до скрипа. Натянута как струна.

— Ах, Элли, не стоило тебе возвращаться, — голос с сильным акцентом, в нём и фальшивая мягкость, и жёсткость, доступная лишь тем, кто с роду говорит на немецком.

Он знал, что я здесь, значит Марго у них. Значит это всё же была ловушка. Максим не уйдёт с нами, а сделает всё, чтобы мы остались здесь.

Вынырнув из воды, возникла прямо напротив мужчины, чуть склонила голову набок, криво улыбнулась, сжимая кулаки. Мой наряд изменился, не было нужды притворяться — живым чужд и холод, и зной Изнанки. Мы здесь лишь гости. Поэтому простое белое платье, распущенные волосы — всё на контрасте с чернотой призрака. Он не имеет власти надо мной и погода по велению моих желаний меняется, ночь уступает сумеркам, холод весенней свежести, рыжие краски — серым и голубым. На большее не хватает сил, всё же Чёрный человек умеет укрощать своё окружение. Но показать силу стоило — иначе он с лёгкостью подомнёт, и я растворюсь в неизвестности, оставшись здесь навсегда.

С Клаусом виделась всего несколько раз. И это было так давно, что остались лишь призрачные воспоминания о неприятии и скрытой злости.

Тогда и сейчас — всё едино. Он не изменился, та же одежда, тот же взгляд и осанка. Гордый, серьёзный, холодный как лёд. Нордический тип лица. Светлые, почти прозрачные брови, но сильный надбровный изгиб, придающий твёрдости и суровости. Скулы низкие, но чётко очерченные, а глаза серые пронзительные, глубоко посаженные. Он выглядит молодо, моложе «своей смерти». Приятное дополнение к обретению имени.

— Как я могла оставить вас надолго, — голос хриплый, но твёрдый, в самый раз. — Мы же так и не решили все вопросы.

— Из-за тебя Белый человек оказался заперт здесь, — верхняя губа нервно дёрнулась, но больше он никак не выразил своих эмоций. — Из-за такой маленькой и никчёмной девочки, как ты.

— Недоценили меня, не так ли? — на лице расцветает ядовитая ухмылка.

Мне нужно его отвлечь. Всего на секунду, но так, чтобы хватило времени улизнуть, сделать один шаг и увести за собой Марго.

Он стоит и немигающе смотрит. Обдумывает следующий шаг. Вероятно, моё появление здесь всё же было неожиданным. Они готовили ловушку для Марго, не для меня, а значит он просто не знает, что делать. Только один человек способен поймать меня. Только один знает меня достаточно хорошо, чтобы это сработало. И он носит белое.

Делаю шаг назад, а затем обрушиваю какофонию звуков, привлекающую внимание всех призраков, что таятся поблизости. Срываю с лица резиновую маску, на всю Изнанку заявляя: «Смотрите, медиум здесь!» И моментально слышу их крики, надежды, их веру в лучшее. Они идут за мной. А значит у меня появилось время.

— Блестящих ход, драгоценная Элли, — зло процедил сквозь зубы призрак. — Думаешь, успеешь уйти?

— А меня уже здесь нет.

Закрытые глаза, шаг назад, чувствую, как воздух передо мной вибрирует — Клаус пытается ухватить, но поздно. Открываю глаза — передо мной престранная картинка: Максим сжимает за плечи сестру, прижимая её к стене. Он смотрит зло и видно, что он что-то доказывал Марго до моего прихода.

— Марго! — кричу резко, сходя с места и подлетая к ним. — А ну, отпусти её! — мне бы не хватило сил, но парень оказался слишком ошеломлён, чтобы сопротивляться, поэтому девушка с лёгкостью освободилась с моей помощью.

Её брат ещё жив, а значит его способности здесь малы до безобразия — он не сможет навредить. А Чёрного человека задержат несносные призраки, он не успеет прийти на помощь своему ученику.

— Ты сняла маску! — пронизательно с удивлением заявляет Марго.

— Нет времени, идём, — хватаю напряжённую девушку за руку и тащу за собой.

Вслед летят злые гневные слова:

— Марго! Не уходи, Марг, мы не закончили!

— Готова? — шепчу тихо, сжимая ладонь, Марго кивает, видно, что вспоминает свою зацепку.

Всё вокруг меняется. Из кабинета пропадает мебель, стены оплывают, проваливаясь в черноту. Впереди виден свет — наш путеводный знак. В этот раз дорога на землю выглядит как фантазмагоричная шутка — туннель наоборот, из смерти в жизнь.

Я держу её за руку, и мы идём вперёд. *«Только не оглядывайся, только не оборачивайся, Марго»*, — в голове проносятся лихорадочные мысли. Сейчас самое сложное — дойти. Ведь если обернёшься — останешься навсегда. От этих мыслей адреналин скачет, просыпается глупое желание объесться шоколадом, и я мысленно обещаю себе горячую кружку какао, как вернусь домой. Боже, хоть бы ничего не сорвалось!

Но, разумеется, мои молитвы не были услышаны. Первый удар призраки решили нанести по мне.

— Маленькая принцесса вернулась, — раздался такой знакомый и родной голос за спиной, что непроизвольно оступилась, закрывая глаза. Не оборачивайся, это ложь.

— Элли, Мышонок, почему ты уходишь? Я так давно хотел увидеть тебя, пожалуйста, не уходи! — голос тёплый, доброжелательный, близкий. Из-за него сводит плечи, а зубы сжимаются от боли, разлившейся по сердцу. — Милая моя, не уходи! Мы так мало времени провели вместе, что же ты опять бросаешь меня?

— Убирайся! — не выдержав, кричу, но всё же не оборачиваюсь. — Я знаю, это ложь! Моего отца здесь нет!

— Элли!

Голос с укоризной вновь и вновь зовёт на все лады по имени. Так, как это делал мой папа. Вновь и вновь, он обращается ко мне, просит хотя бы взглянуть на него, подарить улыбку, смех. Он режет сердце и не желает умолкнуть.

Я оставляю на запястье Марго синяки — слишком сильно сжимаю руку, но девушка не сопротивляется. Не могу видеть её лица, но догадываюсь — она понимает меня.

А затем они переключились на неё. И боже, насколько же это было просто!

— Марго! — крик отчаяния за спиной почти до ультразвука. — Помоги, сестра! Они тащат меня в воду! — вопль ужаса и паники нарастает, я не успеваю среагировать, не успеваю хоть слово сказать — девушка с небывалой лёгкостью вырывается из рук и делает шаг назад.

— Нет! — теперь уже мой крик разносится по туннелю. — Марго, вернись! — но было поздно.

Замираю на месте, мучительно и невыносимо больно. Сжимая пальцы до крови. Я не могу её оставить!

— Уходи, — едва слышный шёпот. Я почти чувствую его касание, он шепчет на ухо: — беги, Элли, останешься — погубишь и её, и себя. Она сильная, сможет продержаться до твоего возвращения. Беги, родная, иначе всё проиграешь.

Я делаю глубокий выдох и срываюсь с места. Не думать, не думать, только не думать. Не чувствовать мурашки по коже от чувства близости. От того, что он был рядом.

Белый человек.

Чёрный цвет быстро сменяется мушками белого. Вдох и выдох. Падаю вперёд, больно приложившись лбом о кафельную плитку. Глаза закрыты, после череды резко сменяющихся вспышек, ничего не видно, нужно привыкнуть. Ко всему. К вернувшимся запахам, объёмным звукам, по-настоящему ярким краскам, к вкусу воздуха, к тому, насколько многогранен реальный мир.

— Я уже вызвал их.

Открываю глаза. Надо мной, как памятник укоризны и еле сдерживаемой злости, возвышается Харон. Внешность изменилась, хоть и осталась прежней. Как и всегда. Страж — олицетворение его сущности, переменчивой, текучей, как вода. Он одет в ту же одежду, но тональность изменилась на холодные оттенки, черты лица заострились, в них появилась отчуждённость и суровость, сделавшие его старше. Этот человек или не человек, всегда поражал меня. То, насколько он разносторонен. Необычен. То, насколько он чужд всему реальному и нереальному.

— Я предупреждала её, — говорю устало, поднимаясь с колен. — Где она?

— На кушетке. Её тело вернулось раньше, — говорит невыразительно, скрестив руки на груди. — Что ты теперь будешь делать?

— Ты ведь мне не поможешь?

— Не в этот раз. Сама знаешь, существуют законы, которые не изменить. Я не могу забрать её с Изнанки. А в сложившихся обстоятельствах, не думаю, что у меня это вышло бы, даже если бы захотел.

— Всё настолько плохо? Почему ты об этом не говорил? — нахмурилась, следуя за ним в каморку сторожа.

— Потому что ничего нельзя изменить, — он качает головой, останавливаясь возле захлапленного стола, наблюдая, как я опускаюсь на корточки возле спящей Марго.

Девушка выглядит совсем безмятежной. Ничто в этом мире не потревожит её сон. Теперь она во власти Изнанки и, если ничего не делать, скоро окончательно перейдёт на ту сторону. Она умрёт.

— Но ты можешь, — продолжает он. — Ведь ты вернулась, а значит не так потеряна, как я думал.

— А ты считал, что я искала предлог, чтобы вернуться к нему? — поворачиваю голову, смотрю с упрёком, а он и бровью не повёл. — Я не настолько безрассудна.

— Они приехали, — он уставился в стену, чуть сощурившись. — Мне пора. Надеюсь, у тебя получится всё исправить.

— А куда я денусь, — говорю растворяющемуся в воздухе Харону.

Почти в ту же секунду на пороге появилось несколько человек с носилками. Всё, как в тот раз. Разница лишь в том, что я вернулась, а Марго нет.

***

Выбравшись на свежий воздух, с облегчением вздохнула, забирая пронзительную свежесть в лёгкие. Ранний рассвет. Ночь отступила, но день ещё не наполнил красками воздух. Тени светлеют, от былой мрачности не осталось и следа. Небо будет ясным, солнечным, безветренным. От этого мороз крепче, но не так тоскливо, как в ветреные дни, с

серыми безбрежными облаками, голыми деревьями и тусклым светом.

Достала сигарету из сумки, наблюдая, как носилки со спящей девушкой грузят в частную машину скорой помощи с эмблемой института. Закурив, подождала, пока молодой мужчина, вылезшей из второй машины, подойдёт ко мне.

Он всё такой же, как и прежде, вихрастый, серьёзный, но вот искры лукавства, обитавшие на дне его зелёных глаз, исчезли, как дым. Теперь он просто копия своего отца. Подтянутый, сердитый, в чёрном зимнем пальто классического кроя с клетчатым шарфом. Руки в перчатках то сжимает, то разжимает, как будто что-то давит изнутри, наверное, та сила, что всегда просыпалась на заданиях. Он всегда был таким. Неугомонным, упрямым, честным. Взял лучшее от своих родителей, привнеся порывистость, резкость в суждениях, но странную наивность, открывавшуюся лишь перед близкими. Такой букет невозможно забыть. Как и невозможно быть рядом с ним.

— Андрей, какая встреча, давно не виделись! — восклицаю тоскливо-жизнерадостным голосом. — И что подняло тебя в такую рань?

— Я мог бы догадаться, что ты будешь здесь, — он хмурится. — Всё, что связано с Хароном, связано и с тобой. Он здесь?

— Разумеется нет, — отвечаю, негромко хмыкнув. — Он вас не жалует.

— Однако, когда что-то случается, требуется наша помощь. Ситуация весьма напоминает то, что случилось с тобой, не правда ли?

— Ну тут целая история, за две минуты не расскажешь.

***

— Молодец, Элли, ты как всегда, лучше всех знаешь, что делаешь.

Даже не видя его взгляда, могла себе представить всю степень его негодования. За рулём он всегда был полностью поглощён дорогой, но поджатые губы и напряжённые руки явно на это указывали. Я закончила рассказ, когда мы въезжали на парковку института, следуя за амбулаторной машиной. Сейчас, в тепле, день казался невероятно привлекательным, от солнца шурилась, однако мрачность никуда не уходит. Как и осознание того, что натворила.

— Это был единственный выход. Я бы не смогла убедить Марго в том, что её брата больше нет. Что став учеником Чёрного человека, он перестал быть её братом, — огрызаюсь, доставая сигареты. — Или ты думаешь, что я бы смогла бросить её, зная, на что они способны?

Заглушив машину, он развернулся ко мне и покачал головой.

— Ты могла обратиться за помощью к нам. В прошлый раз это сработало.

— В прошлый раз это обернулось трагедией. И да, могла. Но не стала.

— А ко мне? Ко мне ты могла обратиться? После всего, через что мы прошли?

— И как бы ты помог? Перешёл бы с нами на Изнанку? Ты ведь даже не знаешь, что это такое! — моментально взъярилась. — Не осуждай того, чего не понимаешь, Андрей. Я сделала всё, что могла!

— А что теперь? Девушка в коме и, судя по всему, вряд ли из неё выйдет самостоятельно.

— Я придумаю, что сделать.

— Господи, ты ничуть не изменилась, — с тоской протянул он, прикрывая глаза. — Как и раньше, никого к себе не подпускаешь...

— Люди, которые оказываются рядом со мной — гибнут. Вспомни родителей Насти. Вспомни моих родителей. Они все мертвы.

— Элли...

— Хватит об этом. Твой отец здесь? Мне нужно поговорить с ним.

— Он в командировке. Анатолий Павлович за главного пока его нет.

— Отлично.

Это и правда была хорошая новость. В отличие от отца Андрея, Анатолий Павлович был более лояльным человеком. Он может помочь.

В голове уже витали обрывки вызревающего плана. Мне нужно немного передохнуть, поспать, поесть, собраться с мыслями, чтобы приступить к его выполнению.

— Если ты не возражаешь, я остановлюсь у вас ненадолго. Боюсь, дорога до дома сейчас слишком длинная. Переход не даётся легко.

— Как пожелаешь. Твоя комната пустует, можешь вернуться в неё, — он проницательно посмотрел на меня. — А ведь ты уже морально готовишься вновь перейти, не так ли? Думаешь, Харон позволит тебе это сделать после того, что случилось?

— А я не буду спрашивать.

***

Резко подсакиваю над кроватью, хватая обожжёнными холодом лёгкими воздух. Сначала прижала онемевшие пальцы к вискам, следом запустила их в волосы, остужая голову. Открыв глаза, осмотрелась. Институт. Значит всё случилось.

Выбравшись из постели, поёжилась и подошла к окну, закрывая створки. Сумерки, я проспала часов восемь — девять. И этот сон мог стать последним. То, что скрывается в мире грёз, становится сильнее. Оно затягивает меня на дно и дальше. Как долго мне будет удаваться выкарабкиваться наружу? И что будет, когда удача перестанет улыбаться, обнажив двуликое нутро?

Проведя рукой по лбу, стряхнула с себя сонные мысли, а затем проследовала в небольшую ванную. Обжигающе горячие струи воды, кусок хорошего мыла, новая зубная щётка и паста, и вот уже чувствую себя живой. Протерев запотевшее стекло, уставилась в мутное отражение, отмечая и лопнувшие капилляры в глазах, и синяки под ними, и бледные, почти бескровные губы. Как будто бы и не спала. Как будто бы то, что происходит со мной, во снах, ими не является. Верь я в проклятия, считала бы себя проклятой. Но ведь это всего лишь последствия слишком долгого пребывания на Изнанке. Разве нет?..

***

— Элли! Я рад снова встретиться с тобой! Жаль, что при столь печальных обстоятельствах.

Рыжий пухлый мужчина поднялся из-за стола, приветствуя и жестом предлагая присесть. Анатолий Павлович всегда был излишне жизнерадостным, учитывая, где он работал.

Официально институт назывался «Научно-исследовательский институт психосоматики и психотерапии» и являлся частной организацией весьма скрытого толка. Неофициально спонсировался правительством. В годы СССР являлся закрытым отделением «Института психиатрии АМН СССР». При царской власти также существовал подобный институт, а раньше этим заведовали церковники. Словом, в том или ином виде, Институт существовал

всегда. Его отделения располагались по всей территории России и некоторым странам ближнего зарубежья. В Европе долгие годы существовали разрозненные организации, как светского, так и церковного толка. Отдельным особняком стоят Ватикан и Азия.

— И не говорите. Рада вас видеть, Анатолий Павлович. Вы, как всегда, прекрасны выглядите!

И ничуть не покривила против истины. Анатолий Павлович **всегда** выглядел хорошо. Чисто выбрит, в хорошем костюме-тройке, с дорогими часами, в прямоугольных очках, за которыми прятались умные зелёные глаза. Он располагал к себе улыбкой и вежливым отношением как к коллегам, так и к подчинённым.

— О, милая, не стоит комплиментов! — широко улыбнувшись, сказал он, жестом предлагая присесть напротив в кресло.

Этот кабинет принадлежал отцу Андрея, Виктору Сергеевичу Серебрякову, главе института, однако в дни его отсутствия, здесь обитал его заместитель. Светлое помещение, выполненное в тёплых жёлто-коричневых тонах с зелёной холодной обивкой стен и мебели, настраивало на длительные беседы, чаепития и хорошее времяпрепровождение. А солнечная сторона дома по утрам заливала комнату яркими лучами, пробивавшимися сквозь полупрозрачные салатовые шторы, усиливая атмосферу уюта и комфорта, как и пасторальные картины, висящие над несколькими шкапами, доверху заставленными книгами по психологии и парапсихологии.

— Элли, знаю, Андрей говорил, что тебе что-то нужно и я всегда рад помочь. Но прежде, меня интересует та девушка, к которой нас привёл Харон. Насколько понял из слов Андрея, она не вернётся самостоятельно? Мы, разумеется, постараемся сделать всё, что в наших силах, однако не думаю, что это приведёт к успехам. Люди так просто не возвращаются с Изнанки, тебе ли этого не знать. Поэтому меня интересует её семья. Думаю, стоит сообщить им о том, что с ней случилось.

— Да, она не вернётся без нашей помощи, — кивнула согласно. — Однако я не представляю, что мы должны сказать её родным. Более того, считаю, что, в ближайшее время, это не первостепенная задача. Марго говорила, что они проживают в Питере, только её брат живёт в Москве, но и он находится на Изнанке. У неё весьма непростая ситуация с родными...

— Не удивлён, учитывая, кто её дед, — негромко кашлянул Анатолий Павлович.

— Что простите?

— Её дед, Захар Чернышевский. Думаю, ты слышала о нём.

— О! — вот и всё, что смогла вымолвить.

— Поэтому возвращаюсь к твоей просьбе. Что ты хочешь, Элли? Если у тебя есть идеи как вернуть Марго, а ещё лучше и Максима, говори. Сейчас нас ничего не связывает с внуками этого человека, но если он узнает, что они пропали... Даже представить себе не могу, что случится, — мужчина развёл руки, демонстрируя свою растерянность.

— Хорошо, — сказала, а затем умолкла, собираясь с мыслями.

— Мне нужен Кузнечик.

— А он то тут при чём? — от удивления стёкла очков Анатолия Павловича приподнялись вместе с бровями.

— Пока не могу сказать. Я знаю, что вы пристально следите за ним, ну так вот, он мне нужен.

— И не скажешь зачем тебе Ловец?

— Боюсь вы не одобрите, что я затеяла, но, пожалуй, это единственный способ вернуть Марго.

— Я так понимаю, Харон не станет помогать?

— Не в этом случае. Марго обернулась и теперь он скован правилами, — отрицательно покачала головой. — Так вы найдёте для меня Кузнечика?

Анатолию Павловичу потребовалось всего тридцать секунд, чтобы принять положительное решение.

***

На крыльце родного дома меня уже ждали.

Длинные зелёные волосы, скрывающиеся под вязаной шапкой, шарф в крупную рыжую полоску, туго обмотавший горло, перчатки ему под тон, виднеющиеся под потёртым серым пуховиком да высокие военные ботинки. Девочка простояла достаточно долго и, не будь она уже мертва, замёрзла бы до смерти на таком холоде будучи совершенно неподвижной.

— Я уж было подумала, что ты не придёшь, — голос натужено захрипел и она поморщилась, как от боли.

— Куда же денусь от собственного порога? — фыркнула негромко, оглядывая её с головы до ног. — Я передумала. Сначала ты поможешь мне, а потом я тебе.

— Что ты хочешь? — новость она восприняла спокойно, что не удивительно — редкий случай встретить того, кто может помочь призраку.

И ещё более редкий шанс, если он и правда готов тебе помочь.

— Отправишься на Изнанку и найдёшь ту девушку, что видела со мной. Она должна быть в Чёрной башне. Передай, что я скоро приду за ней и постарайся никому не попасться на глаза.

— Это сложно, — призрак нахмурилась, чуть поджав губы.

— Так и плата более чем достойна.

— Хорошо, я сделаю это, — было видно, что она прямо сейчас собралась уйти, поэтому остановила её.

— Стой! Сними шарф.

Девушка послушно стянула его с себя, обнажив уродливый шрам от уха до уха. Кровь потекла по шее, как будто бы рана была нанесена только что, щедро окропив белый снег под ногами алыми бутонами боли.

Остановив движение рук, стремящихся вновь закрыть шею, прикоснулась к ней, закрыла глаза, пропуская через себя воспоминания о случившемся.

— Теперь я знаю, кто это с тобой сделал и как его имя. Если ты не вернёшься, если тебя поймут и приговорят, знай — убийца не уйдёт от расплаты.

— Спасибо, — одними губами поблагодарила девушка с глазами цвета васильков, растворяясь в воздухе. Вслед за ней ушли и капли на снегу.

Позади раздалось негромкое фырчанье. Обернувшись наткнулась на чёрные провалы вместо глаз. Доберман вновь занял своё место.

— И кто же ты — друг или враг? — проговорила негромко.

В кармане запиликал телефон. Анатолий Павлович сдержал слово и прислал адрес Попрыгунчика. Оторвав взгляд от экрана, увидела чистый нетронутый снег. Собака вновь испарилась, как будто бы её и не было.

***

— Михаэль! Ты не отражаешься в зеркале! Почему? — голос девочки звонко разносится по наполненной светом комнате.

Молодой мужчина отрывается от книги, закрывает её да так, что она растворяется в воздухе, будто бы её и не было. Он смотрит на девочку, с любопытством переводящую взгляд с прямоугольного зеркала, висящего над комодом, заставленного фотографиями и безделушками, на него. Туда и обратно. Её рот по-детски открыт от удивления. Новая загадка захватила с головой.

— Мы не отражаемся в зеркалах этой реальности, — отвечает он мягко.

— А на Изнанке?

— Там нет зеркал, — он качает головой и улыбается.

— Но как же ты узнаешь, нет ли на лице грязь? Не испачкался ли или... волосы отрасли? — чуть запнувшись, подбирая вопросы, говорит она.

— Никак, — он смеётся, затем в глазах появляется серьёзность. — Когда-то, давным-давно, на Изнанке существовали зеркала. Их было много и сквозь них можно было попасть в иной мир, Зазеркалье. Мир, в котором даже самый отчаявшийся призрак, получал шанс на жизнь отличную от той, что есть у нас сейчас. Изнанка обладает великой силой и, если научиться ею управлять, можно подчинить её реальность собственным желаниям. Однако это всё иллюзия, фальшь. Зазеркалье способно на большее. Оно уводит в сладкие грёзы, подобные... снам.

— А почему теперь на Изнанке нет зеркал?

В голове девочки рисуются воздушные замки, крутые башни, увитые тёмно-зелёным плющом и салатovým мхом, сказочные принцы, драконы, дышащие фиолетово-оранжевым огнём и многие другие чудеса, прочитанные в книгах. Девочка представляет себе, как окажется в Зазеркалье и все сказки воплотятся в реальность, наполнив её приключениями и отвагой, в которых так нуждалась малышка.

— Потому что Зазеркалье и есть сны. Сны живых людей. Посещая их, призрак забирает у живого и покой, и счастье, и свет. Человек при жизни становится призрачным отголоском, обречённым на муки после смерти — невозможность идти дальше. У того, у кого похитили сны нет будущего, он окунётся с головой в мутные воды Изнанки и исчезнет навсегда. Поэтому давным-давно Харон уничтожил все существовавшие зеркала на Изнанке и сделал всё, чтобы призраки забыли о их существовании и не пытались их вернуть.

— А ты откуда об этом знаешь?

— Что же я за учитель, если не знаю всё? — с мягкой укоризной, ловко уклоняясь от прямого ответа, говорит он. — Элли, послушай меня очень внимательно. Никогда, слышишь, никогда не используй зеркала, они слишком опасны, хоть и обладают великой силой.

— А какой силой?

— На Изнанке зеркало способно показать истину. Способно открыть глаза и вывернуть наружу всё сокрытое. И это не считая Зазеркалья. Великая сила и великая ответственность...

Чёрная ночь. Все краски выцвели, потускнели: небо сокрыто густыми чернильными облаками, фонари, горящие едва-едва. Снег, как холодные молоко, крупными хлопьями падает на грязный асфальт, укутывая его белоснежным с оранжево-фиолетовыми пятнами ковром. Ветер, бушевавший весь предыдущий день, стих, оставив после себя лёгкое звучание на самых верхушках обнажённых деревьев. Природа замерла в этой беззвучной, манящей и такой уютной тишине.

Ярким контрастом выступало место, куда привёл меня адрес в телефоне. Промзона, где единственным светлым пятном выступала неоновая вывеска ночного клуба. В такую ночь звуки заглушает падающий снег, но даже в отдалении были слышны мощные удары ритма, звучащие от входных дверей.

Выкурив несколько сигарет, помассировала озябшими пальцами затёкшую шею, глубоко вздохнула и направилась ко входу в клуб.

То, что с улицы казалось глубоким битом, здесь расцвело оттенками клубной музыки. Острые звуки резали как ножом, отупляя и мешая сосредоточиться. Оглядевшись, негромко выругалась. Очень много народа и слишком темно. Яркие неоновые вспышки превращали танцующих в змеиные фигуры, застывающие на мгновение, чтобы вновь сорваться с места в диком почти первобытном танце без ритма, без логики, лишь голые чувства, голая плоть.

Отвернувшись от круглого танцпола, в центре которого на приличном возвышении располагался диджей, прошла под металлическими конструкциями в барную часть. Отвратительно громкая музыка и слишком резкие движения толпы, дезориентировали, однако мне удалось докричаться до бармена и сделать заказ.

Забрав рюмку, доверху наполненную водкой, осторожно забралась в закуток, подальше от любопытных глаз, достала из сумки пакет с порошком и быстрым движением смешала его с алкоголем, а затем осушила залпом, даже не поморщившись. Прислонившись к стене от резкого помутнения и «ударов» по вискам, прикрыла ненадолго глаза. Это зелье даст мне от силы полчаса, но этого должно хватить, чтобы найти Кузнечика в этой толпе. Оторвавшись, открыла глаза, отыскала лестницу, ведущую на второй этаж и уже оттуда, пристально всматриваясь в толпу попыталась отыскать Ловца. Безрезультатно. Слишком много людей и слишком мало света. Спустя десять минут поисков, хождений по клубу, уже была готова отчаяться, когда увидела его, направляющегося в сторону VIP-зоны.

— Вертун! — крикнула достаточно громко, ровно так, чтобы он услышал и обернулся.

Его лицо, нечёткое, как отражение в зеркале на старом снимке, удивлённое, настороженное... не принадлежало Ловцу. Это было лицо человека, телом которого, овладел Попрыгунчик. Полная противоположность призраку и на удивление в отличной форме! На нём нет ни единой печати Изнанки, а значит Кузнечик знает своё дело лучше, чем я думала.

— Что же в этом мире такое чудное творится, что медиум приходит к призраку, а не наоборот!

Парень, лет за тридцать, но не старше сорока. Худой, как щепка, вертлявый, не способный стоять прямо, всё времядвигающийся, шевелящий пальцами, зыркающий по сторонам, нервный. Так выглядит настоящий Ловец или, как он предпочитает, Вертун. О нём узнала когда-то от Михаэля, он предупреждал, чтобы я не связывалась с подобными существами — они любят лгать, предавать и обожают портить жизнь живым.

Сейчас передо мной стоял мужчина в возрасте, с шикарной шевелюрой, едва-едва окрасившейся в белый, благородный, седой цвет. Дорогой костюм, часы известной марки, широкие плечи, кудрявая крупная бородка. И лишь глаза выдавали истину, они были суетливые, дёргающиеся, слишком быстрые для столь видного мужчины.

— Да брось, не всё так плохо! — отвечаю, пожав плечами. — Мне нужно поговорить с тобой. Ты занят?

— Как видишь — нет. Только развлекаюсь. И ради прекрасной дамы готов отложить самые срочные дела на потом, — он ухмыльнулся, а затем предложил пройти в вип-зону, где в небольших кабинках можно было и поесть, и выпить, и поговорить в тишине.

— Что тебе нужно, Элли? Не думаю, что ты пришла просто познакомиться.

Он заговорил не сразу, сначала беглым взглядом оглядел меня, пришёл к каким-то выводам, затем сделал заказ по каналу связи, вмонтированному в столик, и лишь откинувшись на спинку зелёного кожаного дивана, проявил интерес к моему визиту.

— Откуда ты меня знаешь? — меня неприятно удивил этот факт, но виду не подала. Известность в рядах призраков кого угодно напугает.

— Чтобы я не узнал ученицу Белого человека? Девушку, которую спас сам Харон? Которая ходит на Изнанку как к себе домой? Любой мало-мальски сильный призрак о тебе знает. Наш мир, при всём своём многообразии слишком скучен, мы любим сплетни. Так что тебя привело ко мне? Не думаю, что ты хочешь попасть на Изнанку, для этого у тебя есть Харон.

— И всё-таки, ты попал в самую точку.

Мы были вынуждены прерваться — в кабинку зашла гружёная подносами с едой и напитками, официантка. Разложив всё на столе, улыбнулась призраку как старому знакомому и пожелала приятного аппетита.

— Ох, ну что за женщины пошли! — восторженно отозвался Ловец. — Все ухоженные, красивые, чистые. Не то, что раньше, с кривыми зубами и прыщами на пол-лица. Мне нравится видеть перемены.

— Поесть ты тоже любишь, — с изумлением рассматривая заставленную самой разнообразной снедью стол. — Ты собираешься всё это съесть?!

— Если голодна — присоединяйся, я не жадный, — ответил, пожав плечами. — Мне нравится жизнь. Нравится еда, напитки, сигареты, наркотики, смотреть фильмы, путешествовать по миру и, самое главное, мне нравятся женщины. Я люблю жить.

— Взаимы, ты хотел сказать. Ты любишь жить взаимы, — замечаю с холодной улыбкой, пригубив martini с мятой.

— Будь я опасен, Институт не ограничился бы одним лишь наблюдением, — отвечает также холодно. — Таких как я — мало. Тех, кто способен менять тела, не причиняя ни душевного, ни физического вреда их хозяевам. Это дар, который я развивал долгие-долгие годы. Сейчас я просто наслаждаюсь жизнью в этом мире. В отличии от тебя, которую так и тянет на Изнанку. Почему ты обращаешься за помощью ко мне, а не к Харону?

— Контрабанда. Я знаю, ты этим занимаешься.

— И не поспоришь! С таким к Харону не обратишься. Что же ты такого хочешь протащить на Изнанку и зачем?

— Не твоего ума дело, — ответила излишне грубо.

Вертун неимоверно раздражал. Мне хотелось выцепить его из тела и зашвырнуть на самые низкие уровни Изнанки. Мне не нравилось в нём решительно всё. И его манера

поведения, и гадкая улыбка, гулявшая по его губам, и то, как пренебрежительно он смотрит, и как говорит. Я хотела бы найти другой способ оказаться на той стороне, но в голову больше ничего не приходило. Попрыгунчик — самый быстрый способ.

— Хорошо, я принимаю твой ответ, — он даже не обратил внимания на мой тон, как будто и не ждал ничего иного. — Вопрос в том, что ты можешь мне предложить?

— А это не очевидно? — воскликнула удивлённо. — Я могу отправить тебя дальше, через дверь.

Он почесал подбородок, затем покачал головой:

— Меня это не интересует. Что ещё?

— Что? — от неожиданности растерялась, отчего он громко рассмеялся.

— А ты смешная, Элли. Как думаешь, сколько лет я путешествую по этому миру? За прошедшие годы я повстречал много медиумов и им подобных. Думаешь, одну тебя бесит, что призрак способен так жить? Я могу вселиться практически в любого! Могу видеть этот мир такими разными глазами, чувствовать так остро и ярко... зачем мне уходить? Мне и здесь более чем хорошо!

— Тогда что ты хочешь? Если тебе ничего не надо было, ты просто прошёл бы мимо меня. Тебе что-то нужно — что именно? — скрестила руки на груди, уставилась на него, чувствуя, как в груди закипает злость.

— Ты будешь мне должна, — ответил отрывисто. — Мы заключим сделку. Я провожу тебя на Изнанку в обмен на твою помощь в будущем.

— Только если это не навредит ни мне, ни любому другому человеку — живому или мёртвому, — ответила быстро, протягивая руку.

— Договорились, — улыбка на его устах была самой мерзкой из всех, каких я когда-либо видела.

От этого на душе стало ещё гаже, но выбора у меня не было. Мне нужно вернуться.

Он коснулся меня и в тот же миг маска с его глаз слетела, его человеческие глаза пропали, на их месте появились блестящие полностью чёрные глаза демона-призрака с белой пылающей окантовкой на месте радужки. По лицу зазмеились тёмно-синие вены, а кожа побелела до мертвенного цвета неживого существа.

Вместе с истинным обликом увидела разрозненные кусочки его прошлого. Воспоминания, способные перевести на другую сторону. И на удивление их было очень много. Нет-нет, среди них не было ни печалей, ни грусти, только хорошее, яркое, то, что делает для обычных людей переход наилегчайшим. Мне захотелось копнуть глубже, в самые ранние воспоминания, чтобы понять, почему же он застрял на Изнанке, но Вертун не позволил, он отдёргнул руку и гневно уставился на меня.

— А ты опаснее, чем я думал. Больше так не делай, — процедил сквозь зубы. — Будь готова к завтрашнему вечеру. Я приду к тебе домой и переведу на ту сторону.

— Ты знаешь, где я живу? — от его слов стало зябко, передо мной пронёсся образ той собаки, что сторожит меня напротив входа.

— Нет, но ты скажешь мне, — было видно, что он сделал это специально. — До встречи, Элли. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

***

Возле дома меня вновь ожидала девушка-призрак. Она выглядела ещё более нервной, чем в прошлый раз и постоянно озиралась по сторонам. До рассвета ещё несколько часов, а в

свете фонарей, без теней, она выглядела по-настоящему потерянной и чужой на безлюдной улице.

Увидев меня, девушка вся подалась вперёд, словно бы хотела спрятаться за мной.

— Ты пришла! — воскликнула она. — О слава всем богам, ты пришла!

— Ты всё сделала?

— Да-да, конечно, — сбивчиво заговорила девушка, нервно потирая руки. — Она была в Чёрной башне, как вы и сказали. Я думала, у меня не получится, но я смогла пройти. Они решили, что я из этих, из неофитов и ничего не заподозрили.

— Неофиты? — недоверчиво нахмурилась, осматривая её с ног до головы. — О чём ты говоришь?

— Вы не знаете? — она растерянно посмотрела на меня, а затем обнажила запястье, на котором, будто выжженное клеймо, мерцала чёрная метка в виде паука с маленьким тельцем и очень длинными лапами, переходящими в струящиеся под кожей тёмно-синие вены. — Они набирают призраков. Тех, кто хоть что-то понимает и кто хочет перемен.

— Вот как.

Эти новости нужно было обдумать. Такого я не ожидала, так как считала, что все затеи призраков также бесплотны, как и они сами. То, что они организуются, оказалось для меня весьма неприятным сюрпризом.

— Да, и кажется этот билет невозможно обменять. Они опасны, — она кашлянула, а затем провела рукой по горлу. — Я нашла вашу подругу, но не смогла достучаться до неё. С ней что-то сделали, она как маленькое дитя, не понимает, что происходит.

— Вербовка, — отвечаю холодно. — Они хотят сломать и переделать её. Самый лучший способ сделать это — вернуть человека в детство.

— Простите, но я не смогла с ней поговорить. Я сообщила всё, что вы сказали, но она ни слова не поняла, — виновато выдохнула девушка.

— Ты сделала всё, что могла и видно, что с риском для себя. Я помогу тебе, как и обещала, — сказала, видя её нетерпение, а затем подошла поближе и наклонилась к её лицу, погружаясь в вязкие, как сметана, воспоминания.

Что-то **не моё** поднялось из груди, что-то тяжёлое, как сама вечность, выглянуло из глубин души и посмотрело в лицо испуганного призрака. Краски, выцветшие вместе с наступившей ночью, ожили, раскрасив окружающее пространство сочными оттенками поздней осени. Где-то вдалеке раздался женский крик, а лицо девушки передо мной побелело до синевы, зрачки расширились, казалось, что она выпала из реальности и погрузилась в далёкое прошлое.

— Нет, нет, прошу, не надо, — бессвязно забормотала она, отступая. — Не трогай меня! Нет! — закричала девушка, падая на исчезающий снег.

Её руки погрузились в жухлые опавшие листья, загребая их пальцами, она ползла от меня, по её щекам струились слёзы отчаяния, лицо, искажённое мукой, невыносимо прекрасное в своём страдании, таяло, растворяясь в черноте. Тонкая нота, как комариный писк, оборвалась, сменившись ветренными порывами, сдувающими осень быстрыми мазками зимней краски.

— Спасибо, — раздался негромкий голос прямо над ухом.

Быстро обернувшись, успела увидеть лишь тень исчезающей, уходящей **дальше** девушки.

И разом всё закончилось.

Обессилов, с трудом поднялась по ступенькам, открыла дверь и лишь переступив порог, рухнула как подкошенная на пол, содрогаясь беззвучными спазмами боли, сковавшей всё тело. Даже в этой предрассветной тьме, видела, как по рукам, как волнами, прошли чёрные ветвящиеся полосы, исчезнувшие вместе с уходящим от изнеможения разумом.

Чёрный кофе бодрил, разрушая цепкие оковы сна. Сигареты творили чудеса, а овсянка возвращала потерянные силы. Бездумно пролистывая новостную ленту и вспоминая прошедший день, с содроганием думала о том, что сделала.

Я на такое не способна.

Невероятность случившегося оупляла. Как смогла без единого слова или осмысленного действия, отправить девушку на ту сторону? Это невозможно! У меня попросту нет таких сил!

«... Чем чёрт не шутит, вдруг и правда без слов сможешь их отправлять за дверь...» — некстати вспомнились слова Катерины, от чего прошиб холодный пот. Так не бывает. Но если это случилось, значит нужно думать, что делать дальше. Нужно понять первопричину происходящего, понять, как из обычного медиума без выдающихся способностей вдруг стала настолько сильна.

Потянулась за телефоном, чтобы позвонить Катерине, как он сам ожил. «Андрей», высветилось на экране и я с негромким вздохом взяла трубку.

— Зачем тебе понадобился Вертун? — не здороваясь, резко спросил он. — Ты что задумала, Элли? Думаешь, я не понял, что ты намерена вернуться?! Ты же понимаешь, что это будет твой последний глупый поступок в жизни!

— Да-да, иного я от тебя и не ждала, — отвечаю, начиная заводиться.

Поднявшись со стула, достала очередную сигарету, обрубилa фильтр и подошла к окну, выходящему на дорогу, прикрытую вдоль тротуара голыми деревьями. Со второго этажа хорошо видно, что происходит на улице. Видно спешащих по своим делам людей, видно детишек, бегающих наперегонки, чуть дальше неплотный поток машин, со всеми атрибутами пробки — гудения клаксонов, визг шин, урчание моторов. Видно чёрную собаку, устало положившую голову на лапы, безмолвно наблюдающую за моими окнами.

Не отрывая взгляда, закурила и выпустила густую дымную струю прямо в окно, разбивая окружающий мир, прячась за дымной завесой.

— Ты когда-нибудь видел Грима, Андрей? — изучающе смотря на пса, говорю в трубку.

Видимо сбила его с мысли, так как он запнулся, прежде чем сказать:

— Что, чёрт побери, у тебя там происходит?!

— Неважно, просто спросила, — отвечаю рассеянно, злость улетучилась, как будто бы её и не было. — Короче, если у тебя есть идеи, как вернуть Марго, говори. Если нет, то до полуночи есть время что-нибудь придумать. Думай, Андрей, иначе я сделаю всё сама.

Нажав кнопку сброс, невольно ухмыльнулась про себя. Обожаю телефоны, с ними гораздо проще общаться с людьми. Если бы мы встретились, от Андрея я так просто бы не отвязалась.

Вспоминая прошлое, невольно наткнулась на тот давний неуклюжий поцелуй. Мы были моложе, мы были... как бы это сказать, более на грани, чем сейчас. Максимализм, слёзы высыхают быстро, а кровь закипает ещё быстрее. Тогда всё было проще. Но смерть беспощадна. Она преследует тех, кто слишком пристально всматривается за горизонт жизни. И не щадит посмевавшихся моргнуть или отвести взгляд.

Он приехал вовремя.

Нервы скручивались как жгуты, застревая в области желудка, вынуждая тянуть сигарету за сигаретой. Из остатков принесённых с кладбища червей, сделала маску. Её должно хватить хотя бы на несколько часов, уже сейчас утекающих сквозь пальца.

Я перемерила квартиру шаг за шагом, по кругу, то сжимая, то разжимая пальцы. Перемыла всю посуду в доме, вымыла полы, вытерла пыль, заполняя свои мысли рутинной, пытаюсь не думать о том, что собираюсь сделать.

Прежде чем пустить его, спрятала контрабанду в карман джинсов, выдохнула и открыла дверь.

— А ничего у тебя тут, уютно. Первый этаж, конечно, стоит переделать, но в целом ты живёшь лучше многих, — заявил он, цепким взглядом изучая квартиру.

— Ты сегодня один, — заметила, рассматривая истинное обличие призрака.

Как и рассказывал Михаэль, он не обладал выдающейся внешностью, однако забыть его невозможно. Впалые щёки, рябое лицо с россыпью веснушек. Он был отчаянно рыж и худ. Бегающий взгляд голубых глаз, кажущихся ещё ярче из-за цвета кучерявых немытых волос. Одет в невзрачный серый костюм с глупой чёрно-белой бабочкой в горошек. Вертун сутулился и выглядел нервным и больным.

— Разочарована? — он усмехнулся, заметив с каким вниманием его изучаю.

— Ничуть. Примерно так тебя и представляла, — отвечаю спокойно, выдерживая его взгляд.

— В таком случае, где у тебя ванна? Нам потребуется вода.

— Зачем?

— А ты думала я возьму тебя за ручку и поведу на ту сторону под песенки и пляски? — съязвил мужчина. — Скорее, иначе передумаю. Мне не нравится находиться у тебя дома.

— Хорошо.

В любом случае, у меня не было выбора. Сама позвала его и сама решила, что он мне нужен. Других способов попасть на ту сторону не знала, а Андрей, позвонивший вновь, лишь тяжело дышал в трубку и говорил: «Не делай этого». Поэтому повела призрака в ванную, наполнила её водой и проделала небольшую дырку в пробке, как приказал Вертун, с усмешкой говоря: «Ведь ты же хочешь вернуться?»

— Не буду просить тебя раздеваться, но, если ты хочешь что-то протащить на ту сторону, советую взять это.

Вот на что он рассчитывал! Не допрашивая меня ранее, он надеялся сейчас увидеть, что же такое запретное решила пронести!

— Я готова, — улыбаюсь криво, видя, как он недоволен.

— В таком случае, залезай в ванную. Вода — самый лучший способ попасть на ту сторону, особенно если ты знаешь как и рядом с тобой есть такой как я, — говорит холодно. — Только учти, обратно будешь сама выбираться. Не думаю, что ты решила посмотреть звёзды *наизнанку*, так что буду как можно дальше от тебя.

— Договорились, — отвечаю тихо, снимая домашние тапочки и забираясь в одежде в воду. — Что теперь?

— Ты должна уйти под воду с головой и сделать невозможное — когда не хватит воздуха, не пытайся вылезти из воды. Обычно с этим помогают другие, но ты одна, а мне не нужны свидетели.

— Я где-то слышала об этом. В каком-то фильме. Ты уверен, что это сработает? —

говорю нерешительно, чувствуя, как быстро намокает одежда, неприятно липнущая к коже.

— Да. Но ты можешь отказаться, я не буду против, — неприятно улыбаясь, отвечает Вертун. — Есть и другие способы, но они гораздо более опасны, а мне нужно, чтобы ты осталась жива. Иначе вся затея потеряет смысл.

Набрав побольше воздуха и задержав дыхание, погрузилась под воду, зажмутив глаза, крепко держась пальцами за края ванны. Я не доверяла призраку, но что ещё могла придумать? Харон ни за что не одобрит мои действия.

Поначалу всё шло хорошо. У меня неплохие лёгкие, поэтому могла долго находиться под водой. Но всё кончалось. И терпение, и время, и воздух. Сомнения выбирались на поверхность, как мухи, слетающиеся на мёд. Разум убеждал, что призрак врёт, что он просто пытается убить меня таким вот глупым способом. Мысли роились, множились, желание вдохнуть стало нестерпимым и тогда вынырнула из воды, кашляя и жадно глотая воздух.

— Эх, а я уж было понадеялся, что всё получится с первого раза, — разочарованно протянул он. — Ещё раз.

— Ты знал, что у меня не получится, — отвечаю, прислонившись лбом к краю ванны и тяжело дыша.

— Ни у кого не получится. Это невозможно. Человеческий организм слишком любит жизнь, чтобы самостоятельно с ней расстаться. Ты можешь перерезать вены, застрелиться, выброситься из окна или прыгнуть под поезд, просто решившись на этот поступок, когда дальнейшее уже от тебя не зависит. Но вот так, осознанно себя убивать... нет, рефлексy не позволят. Я бы посоветовал тебе напиться или наглотаться снотворного, но тогда ты и правда умрёшь, а это не наш выбор. Так что пробуй снова и снова, и будем надеяться, что тебе удастся достигнуть нужного состояния, чтобы перейти.

— Состояния?

— Я должен коснуться тебя, Элли, — он присел на корточки и посмотрел мне в глаза. — Без песен и плясок, но я должен за руку тебя туда отвести.

И мы попробовали снова. И снова, и снова, и снова. В какой-то момент усталость превысила желание что-либо делать, но остановиться уже не смогла. Головокружение, тошнота, страшная сонливость, всё накатило разом, поэтому не сразу поняла, что всё изменилось.

Моя ванная была полна лаймовых и белых оттенков. Сочные, яркие цвета, всё, как любил мой отец, когда обустроивал наш дом. В стеклянных вазах стояли неживые цветы, а на широком подоконнике саше из зелёных лепестков. Кафельная плитка, белый пластмассовый потолок, который я так не любила мыть, ванна с закруглёнными краями, на которые обычно ставила ароматические свечи, когда хотела расслабиться. Яркий, но регулируемый тёплый свет из крупных ламп, расположенных вокруг высокого зеркала. Комната была достаточно большой и светлой, в ней всё дышало свежестью и лёгкостью, поэтому, когда вынырнула в очередной раз, сразу почувствовала перемену, но не смогла уловить, что случилось. Все предметы стояли на своих местах, и лампы, и свечи на полках, и банки, и склянки. Но что-то изменилось, причём настолько кардинально, что запуталась в своих ощущениях.

— Элли, — раздался голос рядом со мной, звучащий как из-под воды.

И в это же мгновение осознала — моя одежда сухая, а ванна пуста. Все поверхности комнаты подёрнуты текущими лентами дождя. Повернув голову увидела Вертуна, выглядевшим мутным, водянистым, как будто смотрю на него сквозь плотный ливневый

поток.

Он протянул руку и дотронулся до меня.

— Возьми меня за руку, Элли. Скорее! — он кричал, но голос был сух и невыразителен, будто говорит с ртом набитым ватой.

Крепко сжимаю влажную ладонь, а затем сердце замирает — он резко тянет за собой и я проваливаюсь сквозь бортик ванны, ниже, ещё ниже, пролетаю сквозь серые массы и падаю на кафельную плитку с таким знакомым узором.

— У нас получилось, — Попрыгунчик нагнулся и похлопал меня по плечу. — Ты молодец, справилась, признаюсь думал, застрянешь в воде и умрёшь. Было бы глупо так умереть, не правда ли?

Не смогла ответить, в горле стояла бесконечная вода, которую невозможно выкашлять. Я обхватила шею руками, пытаюсь выдавить хоть слово, но всё тщетно. Мои попытки заметил призрак, отчего широко улыбнулся.

— Не пытайся говорить, твоему разуму нужно время, чтобы привыкнуть. Ты утонула и в тоже время нет. Сложно такое понять, но он скоро адаптируется и всё вернётся в норму.

Я зло посмотрела на него, а затем поднялась на ноги. Это всё ещё была моя комната и мой дом. Только всё вновь переменялось. Теперь краски, бывшие тёплыми и светлыми, потускнели, в них появилось множество холодных оттенков, из-за чего ванная превратилась в поистине потустороннее место. Подошла к зеркалу и невольно улыбнулась. Матовая поверхность, в ней угадывались лишь тени предметов, отражения скрыты от любопытных глаз. Обернувшись, прислонилась к раковине, скрестив руки на груди, выжидательно глядя на призрака.

— Хочешь, чтобы я ушёл? — дождавшись моего кивка, он скривился. — Что же ты здесь делаешь, Элли? Может мне стоит навеститься к Белому человеку и спросить у него? — увидев, как похолодело моё лицо, он расслаблено махнул рукой. — Не бойся, не собираюсь этого делать! Мне не нравится видеть, что они творят на Изнанке, поэтому предпочитаю держаться стороны.

Призрак повернулся к окну, закрытому лёгкими шторами, будто услышал знакомый голос. Он нахмурился, но затем черты лица быстро расслабились, как будто он боялся показать мне свою реакцию.

— Мне пора. Увидимся, — быстро попрощался Вертун, даже не обернувшись на прощание. Он просто растворился в воздухе.

Я сделала несколько бесполезных вдохов\выдохов, помотала головой, а затем быстрым шагом направилась к выходу. Мне нужно многое сделать. Карман неприятно оттягивало моё преступление, отчего порывалась сорваться на бег, боясь быть застуканной. Боже, надеюсь, у меня всё получится...

***

Когда путешествуешь по Изнанке с кем-то, то перед тобой предстаёт калейдоскоп образов, видений, иллюзорных или настоящих событий, ежесекундно происходящих в этом мире. Одиочное путешествие — это бесконечное напряжение, усилие, сосредоточенность на конечной точке пути. Ты должен быть максимально собран, иначе заблудишься, попросту пропадёшь.

Но иногда и этого оказывается недостаточно и тогда ты оказываешься на глубине Изнанки, там, куда не проникает тусклый солнечный свет светил этого мира. Говорят, что

даже крошечный шанс выбраться оттуда невозможен. Говорят, что дно Изнанки — место невозврата. Там свободными себя чувствуют только монстры. Никто не любит монстров.

Я не такая опытная путешественница, как местные жители. Для меня каждый шаг — это как толкать в гору неподъёмный камень, отчего сводит всё тело. Напряжение невыносимо, но раз за разом, мне удаётся достичь цели. И этот раз не стал исключением.

Детская площадка. Розовые качели с причудливыми завитушками, песочница, доверху наполненная песком, украшенная различными куличиками и воздушными замками, несколько горок, соединённых в высокую крепость с башенкой для секретов. Вокруг густые кроны деревьев, листва, шепчущая свои тайны. Небо пронзительно голубое для Изнанки, лишь вдалеке, на горизонте виднеются кучерявые облака. Солнце в зените, жарко, но не обжигаяще, приятный ветерок сдувает жар, оставляя после себя лёгкую свежесть хорошего дня.

— Элли! — раздался восторженный детский голос и на меня налетает маленькая девочка.

Она доверчиво обхватывает ниже талии — до куда смогла достать, прижимается крепко-крепко, дышит глубоко. Несмело провожу рукой по рыжим кучерявым волосам, не веря, что это...

— Марго?

— Маргоша! Так меня мама называет! — девочка говорит назидательно, отлепляется от меня и широко улыбается. — Ты меня нашла!

Я в растерянности. О таком и подумать не могла! Что они с ней сделали?

— Марго...ша? Что с тобой случилось?

— Я платье испачкала, — доверительно сообщает она, демонстрируя испачканный подол чёрного платья.

— Бабушка будет ругаться, — она мрачнеет и хмурит брови. — Бабушка здесь ещё хуже, чем раньше.

— Бабушка? — я всё меньше понимаю, что происходит.

За секунду погода меняется до неузнаваемости. Порывы ветра, в небе как из ниоткуда появляются грозные облака, цвет с солнечно-тёплого трансформируется в холодные зимние краски. С деревьев облетает листва, качели закачались сами по себе, а замки развалились на куски.

— Она идёт! — испуганно закричала Марго, хватая за руку. — Бежим, скорее, пока она не пришла!

Миг и мы оказываемся в огромном богатом поместье. Из-за скорости, с которой девочка тащит за собой, всё перед глазами плывёт, только золото и остаётся. Тяжёлое мёртвое золото стиля барокко.

Мы поднимаемся по лестнице, Марго тяжело дышит, но упрямо ведёт вперёд. На лестничном пролёте огромное от пола до потолка окно, за которым вижу в отдалении детскую площадку. На ней чёрная едва видимая фигура, она стоит, не двигается, и смотрит в нашу сторону.

— Скорее! — кричит, задыхаясь Марго, уводя всё дальше и дальше.

Комнаты словно близнецы, повторяются. Паркетные полы, книжные полки, заставленные бесконечными рядами книг в дорогих обложках, хрустальные люстры, торшеры, камин, картины в позолоченных рамах, небольшие столики из орехового дерева, кожаные кресла, диваны с маленькими подушечками, мягкие персидские ковры,

подсвечники без свеч, рамки без фотографий, зеркала без отражений, покрытые чёрной полупрозрачной тканью.

Этот дом — как набор детских воспоминаний. Всё иллюзорно, переменчиво. Каждый шаг и все предметы меняются, что-то исчезает, что-то появляется как из ниоткуда, нет постоянства, как и наша память, хранящая лишь отдельные моменты прошлого. Я начинаю понимать, где мы находимся. Всё вокруг кричит о том, что случилось в детстве Марго. Смерть бабушки. Её первый призрак. Вот, что они задумали. Вернуть девочку и заставить заново пройти через это. Но только всё гораздо хуже, ведь брат уже не на её стороне, а значит Марго осталась один на один со своими страхами.

— Где твой брат? — задаю очевидный вопрос, когда она распахивает передо мной дверь и закрывает её за нами.

Мы оказались в детской, но очень строгой комнате. Никаких личных вещей, ничего, чтобы говорило о том, что здесь живёт маленькая девочка. На стенах волнистые морские узоры, кровать узкая, стоит рядом с окном, а с правой стороны дверцы в стене, за которыми скрывается шкаф. Марго не отвечает, она стремительно пересекает комнату и, махнув рукой, залезает в него. Следую за ней и вот, через небольшую щёлочку, мы смотрим на освещённую тусклым светом, комнату. Стало очень тихо, только слышно, как сильно шумит за окном листва деревьев, клонящихся к земле.

— Он приходит иногда, — шепчет Марго. — Говорит, что мне помогут, если попрошу. Но я не хочу просить, его новые друзья плохие.

— Как давно ты здесь?

— Не знаю, — она отмахивается от вопроса, хмурится. — Тебя долго не было. Я была взрослой совсем чуть-чуть, у страшного человека были вопросы ко мне. Когда он не получил ответов, я оказалась здесь.

— Что сейчас будет?

— Бабушка будет ругаться, — в её голосе проявился страх.

Мы одновременно услышали, как ручка несколько раз дёрнулась, а затем со скрипом отворилась дверь.

— Негодная девчонка!

Злобный голос наполнил комнату тьмой. Теперь и мне стало страшно.

Страх не был осознанным. Он не был наполнен чувственными переживаниями. Он не из прошлого, не из древнего, не тот, что снится по ночам, окружённый сомнениями и переживаниями. Это чистый детский страх перед несправедливым наказанием. Перед жестокостью, с которой встречается только ребёнок. С ожиданием боли и чужой агрессии.

В моём детстве такой злости не было. А вот в детстве Марго всё было именно так. И теперь Чёрный человек пользуется этим, чтобы сломить девушку и переделать в то, что нужно ему. Сделать её податливой, как масло и такой же слабой, как и её брат. Безвольной.

Двери раскрываются от невидимой силы — прямо напротив нас стоит старая бабка. Жестокое лицо искажено злобой и неприкрытой ненавистью. Губы тонкие, обескровленные, искривлены в гримасе ярости, глаза, налитые кровью, сверкают красным, как у настоящего полтергейста, потерянной души. В чёрном бесформенном платье, делающем её ещё более костлявой, чем она есть на самом деле, старуха тянет к девочке руки с когтями, сжатыми и напряжёнными, длинными и невообразимо острыми.

Полтергейст, как есть полтергейст. С тоской подумала о Андрее. В одиночку с такой тварью мне не совладать. В период открытой ярости я училась в Институте убивать мёртвых,

но так и не смогла преодолеть последний рубеж и убить собственной рукой. На такое не способен ни один медиум, поэтому пришлось усмирить свою горечь и уйти.

Марго тоненько закричала, вцепилась в мою руку от испуга, но это не помогло. Старуха вытащила девочку из шкафа, даже не заметив меня, будучи настолько сосредоточенной на ней.

Она выволокла её на середину комнаты и с силой ударила по лицу, крича:

— Мерзавка! Как посмела платье испортить? Мы приютили твою семью, а ты вон как себя ведёшь! Мерзость, гнусь! — она била девочку по щекам, а затем отбросила в сторону.

Марго заходилась плачем, сквозь слёзы бормоча слова извинений.

Выбравшись наружу, бросилась вперёд, закрывая девочку от очередного удара.

— Пошла прочь! — закричала громко, выставляя вперёд руки, отчего старуха попятилась и застыла. Душа не ожидала встретить такую, как я.

— Марго! — голос окреп, я, не отводя взгляда от мёртвой, наощупь ухватила девочку за руку. — Держись крепче, мы уходим.

Мне нужно отвести взгляд. Закрыть глаза и представить, куда идти. Нужно сделать это очень быстро, иначе старуха очухается и нападёт, и даже я не могу представить, что из этого выйдет.

Три, два, один... и мы падаем на песчаный пляж.

— Ух ты, как здорово! — раздаётся позади восторженный вопль.

И правда красиво — над почти чёрными волнами в небе разыгралось настоящее северное сияние. Краски сочные, яркие, насыщенные, переливаются среди тёмно-синей небесной палитры. Заворожённо гляжу на светопреставление и через силу улыбаюсь. Последний раз была здесь вместе с ним. Это было единственное безопасное место, к которому смогла легко и быстро найти дорогу.

***

— Маргоша, подойди ко мне.

Мы провели на пустынном, залитом светом в противовес морской тьме, пляже несколько часов. Я наблюдала за тем, как девочка из песка строит замок, как бегает и резвится, играя с набегающими волнами. Для нас воды Изнанки пока не страшны. Мы слишком живые для них, чтобы они могли увлечь нас на дно.

Потребовалось время, чтобы придумать, как исправить то, что сделали мертвые. Девочка вновь должна стать девушкой, иначе вернётся во взрослое тело, оставаясь ребёнком. Страшная кара.

Я достаю из кармана джинсов маленькое серебряное зеркальце, раскрываю его и протягиваю Марго.

— Зеркало! — восторгается она.

— Посмотри на него, что ты видишь? — спрашиваю осторожно, внутренне надеясь на свою догадку.

— Ой! Я здесь взрослая, как прежде, — она с изумлением рассматривает своё отражение. — А как это так получается?

— Ты ведь не хочешь вновь становится взрослой? — отвечаю вопросом на вопрос. — Ведь ребёнком быть так легко...

— Что ты такое говоришь? — девочка отложила в сторону зеркало.

Она смотрит глаза в глаза, насторожено и внимательно. Не как ребёнок.

— Всё то, что случилось... Так сложно, так громко, так сильно. Ты не справилась и теперь не знаешь, что делать. А ребёнком быть проще. Найдутся те, кто решит за тебя. Кто возьмёт ответственность и за твою судьбу, и за судьбу твоего брата. И станет легче. Можно думать и делать что угодно, не боясь последствий. Не ощущать вкус полынной горечи на губах. Быть маленькой и беззащитной.

Марго молчит и смотрит. Неотрывно, слишком пристально. Над морем прошёлся ветер, взъерошив непослушные волосы девочки. Она убрала их с лица и отвела взгляд, уставившись в тёмный горизонт, над которым расцветало северное сияние.

— Я не могу снова стать взрослой, — говорит тихо, едва слышно. — Мне было так больно. Он меня обманул. Он меня предал. Но братик не может предать. Это невозможно.

— Это было невозможно раньше, — я обнимаю её за плечи и притягиваю к себе. — Девочка, но также нельзя! Нельзя сдаваться, ведь тогда Чёрный человек победит. Тогда это будет означать, что он забрал вас обоих.

— Я хочу домой, — просто говорит она, отстраняясь.

Черты лица меняются, платье как вода стекает на песок, обнажая разноцветную майку и порванные джинсы. Теперь передо мной сидит взрослая Марго. По её щекам катятся крупные слёзы, она кривит губы, сдерживаясь.

— Наступит новый день. Всё будет иным. Это жизнь. Кто-то справляется, кто-то сдаётся. Но время идёт, песчинки падают, и мы просыпаемся по утрам, встаём и живём дальше. Тебе будет больно. Очень больно. И эта боль заполнит тебя с головы до пят. Но она пройдёт. Каждый рассвет будет сбрасывать с тебя и утрату, и злость, и обиду. Чувства уйдут, а что придёт взамен — тебе решать. Ты сделаешь выбор, как жить дальше — как пустая оболочка, или же как человек, не побоявшийся найти меня и войти в зеркало, чтобы попасть сюда. Что ты выберешь Марго?

— Я не знаю, — она закусил губу и сжала пальцы добела. — Не знаю.

— У нас будет время выяснить это, — улыбаюсь криво, а затем поднимаю и отряхиваю от песка зеркальце. — Сейчас я должна вытащить тебя отсюда. Всё остальное — потом.

— Как мы это сделаем? Тем же путём, что и в прошлый раз?

— О нет, так уже не получится.

Я вновь протягиваю ей зеркало.

— Марго, тебе же снятся сны?

— Чёрно-белые.

— Без разницы. Сейчас ты должна вспомнить самый яркий сон. Представить его от и до, всё, что ты делала, что чувствовала. Постарайся сделать это настолько реальным, насколько это вообще возможно. Как только поймёшь, что получилось — повтори, глядя на своё отражение.

— Зачем это?

— На Изнанке нет зеркал. Слишком опасно, поэтому Харон уничтожил все, что были. Раньше призраки могли с их помощью попадать в человеческие сны, с помощью зеркал, они путешествовали по Зазеркалью и, поверь на слово, это было чертовски опасно, как для мира живых, так и для мира мёртвых. Однако для тебя сейчас это единственный способ вернуться в своё тело живой и здоровой, — криво улыбнулась.

— А как же ты? — девушка быстро смекнула, что к чему.

— Мне придётся идти на поклон к Харону. Надеюсь, он не приберёт меня за то, что я пронесла зеркало сюда.

— Ты не можешь перейти вместе со мной потому, что иначе зеркало останется здесь? — сразу догадалась она.

— Да, это так.

— Я должна извиниться за то, что сделала. За то, что поддалась...

— Это бессмысленно. Ты сделала то, что должна, иначе не была бы человеком, — мягко улыбнулась, касаясь её плеча. — Будь у нас больше времени, я смогла бы объяснить тебе, что к чему. Смогла бы научить, как бороться с Изнанкой и её обитателями. Но времени у нас не было. Марго, ты должна гордиться собой. Ты выжила и скоро будешь дома. А сейчас делай, что говорю — времени и правда очень мало.

Чёрные волны мерно набегали на белоснежный лёгкий песок и откатывались назад, забирая с собой мельчайшие песчинки и камни пастельных оттенков. Этот звук убаюкивал, успокаивал, настраивал на минорный лад.

Я смотрю на небо и вижу звёзды невозможных, невероятных созвездий, как рубины, горящих сквозь изумрудное северное сияние. Мне слышатся хрустальные переливы, как будто бы сотни подвесок играют, создавая удивительную музыку ветра.

Расслаблена, мне спокойно. Марго смогла уйти, теперь можно дышать. Есть время о многом подумать. О том, что случилось и о том, что будет дальше. Не бывает так, чтобы призраки похищали людей. Это нонсенс, случается только в сказках. В реальности мёртвые слишком озабочены своими проблемами, чтобы осуществлять нечто подобное. Когда это случилось со мной, то было понятным, учитывая кто я и кто он. Но произошедшее с семьёй Чернышевских не укладывалось ни в какие рамки. Это было ненормальным, отчего никак не приходило на ум, что происходит. Теперь *иначе* видится моё прошлое. Мысль, что за этим стоит нечто большее, чем болезненная привязанность умерших к таким, как я, принимает всё больше очертаний. Но что задумал Клаус? И... Михаэль?

На плечо опускается мужская рука.

— Давно не виделись, Элли.

— А ты совсем не изменился, Белый человек.

Я улыбаюсь, смотрю на него, любуюсь.

Он такой же высокий, как и прежде. С волосами до лопаток, белоснежными, как серебро, сверкающими неоновыми вспышками, отражающимися от сияния неба. Тревожная маска на лице, но взгляд глубоких серых глаз безмятежен, как рассветный океан. Черты внешности как будто бы стали острее на фоне бескровных мягких губ, бесцветных тонких и длинных бровей. Он выцветшая картинка, которую мне лишь единожды удалось наполнить теплом. Одетый в длинный серый сюртук с пастельно-белым галстуком, свободные брюки и ботинки под цвет его глаз.

Он белый, кристально свежий и умиротворённый. Уверенный в своих силах и целях. Мне никогда не удавалось застать его врасплох вопросом или действием. Михаэль слишком хорошо контролировал себя, чтобы могла его поймать.

Такими были и наши отношения. Мне сложно вспоминать о том, что произошло. До сих пор сложно поверить, что человек, которому мама доверила меня, оказался двуличным. Он обманул, завлёл в ловушку и только действия Харона и Института спасли меня от смерти. От того, чтобы остаться с Михаэлем в *посмертии* навсегда.

— А ты выглядишь не так хорошо, как я надеялся.

Опустившись рядом со мной на песок, берёт за руку, скрещивает пальцы так, как мы всегда делали раньше. От близости щемит в груди и я вырываюсь, чуть отстраняясь. Он молча принимает это, но знаю — только что сделала больно. Как и всегда.

— Как ты нашёл меня? — задаю единственно важный вопрос.

— Когда узнал, что ты забрала Марго, то сразу понял — ты не уйдёшь, не поговорив, а это единственное место, о котором никто другой не знает.

— Умиряющая фантазия Ловца. Я так и не смогла его найти, а значит он всё ещё где-то здесь, — говорю с улыбкой, вспоминая, как впервые попала сюда и увидела сказку.

Здесь ничего не изменилось, а значит душа ещё не приблизилась к свободе. Но Ловец силён, когда-то он мечтал покорить Антарктиду. Он умер далеко от неё, по глупости, случайно, и после смерти нашёл свой север, север невиданной красоты.

— Не думал, что ты решишься остаться здесь. Ты ждала меня, — утвердительно сказал он, глядя на меня да так пристально, так жадно, так, как никто другой никогда не смотрел.

Мне трудно дышать, на этой стороне слишком сложно плакать, поэтому просто дышу — вдох/выдох, медленно, как учили. Он смотрит неотрывно, но ничего больше не говорит, пауза звенит, наполняясь морской холодной влажностью.

— Когда-то ты водил меня сюда как в сказку, созданную только для нас двоих. Ты учил меня принимать Изнанку, учил видеть её иначе, чем остальные медиумы. Я была счастлива и хотела быть как можно ближе к тебе, иметь возможность касаться тебя, любить тебя не через призрачные стёкла. Я помню всё, что ты говорил. Помню и последнюю нашу совместную прогулку на мой день рождения. Мне исполнилось восемнадцать лет и это были самые счастливые дни моей жизни. Тогда ты впервые засомневался, но всё-таки привёл меня сюда, чтобы я осталась с тобой навсегда. Тебе даже не хватило смелости спросить, хочу ли я этого! — закусив губу, отвернулась. — Спустя столько лет, теперь яснее вижу всё, что тогда происходило. Все те слова, которые пропускала сквозь уши, обрели реальность и плоть. Ты говорил об общем благе как для мёртвых, так и для живых. Говорил о справедливости и несправедливости. Ты вербовал меня, а я просто любила тебя так, как можно любить в восемнадцать лет. Я ждала тебя только чтобы спросить, что вы делаете? Ты, Клаус и остальные. Что вы задумали? Я имею право знать.

— Я не могу тебе ответить, Элли. Мне очень жаль, — говорит со всей искренностью, от которой становится горько.

Он вновь отстраняется от меня, как и прежде, когда касалась чего-то запретного. Например, зеркал или его взаимоотношений с другими обитателями Белого дома. Он оберегал от своих тайн, как будто зная, что не смогу смириться с тем, что они делают. Он агитировал, показывал, что происходит с призраками, но даже не пытался действительно рассказать, что происходит. Так берёт он меня или же не доверял? Я игрушка для него или же он и правда любит меня?

— Значит не скажешь, — соглашаюсь, понимая, что даже если буду молить — не ответит.

— Это вопрос выживания, Элли. Ты должна знать, я никогда не хотел, чтобы ты во всём этом участвовала. Всё, чего хотел, это чтобы ты была счастлива. Я хотел любить тебя, но ты же знаешь, мы не умеем любить так, как любят живые. Ведь только рядом с тобой, я мог хоть что-то почувствовать, ощутить тепло. Когда касался тебя, внутри словно вспыхивал яркий белый пожар. Когда мы были вместе, хоть ненадолго, но становился живым. Ты ждёшь извинений, ждёшь, что буду просить прощения за то, что пытался удержать тебя на этой стороне, но я не могу их дать. Потому что я люблю тебя. Знаю, ты живёшь не на той стороне, знаю, рядом со мной тебе было бы легче. Но я принимаю твоё решение, как и принимаю всё то, что ты делаешь. Я люблю тебя.

Он руками дотрагивается до моего лица, притягивая к себе, касаясь губами лба. Он целует нежно, так осторожно, как будто бы я хрустальная статуэтка и от малейшего неосторожного движения могу рассыпаться. Мурашки бегут по коже от каждого его прикосновения. Я закрываю глаза, касаясь губами его губ, касаясь пальцами его лица. Это так, как и должно быть. Так, как бывает только раз в жизни. Первая яркая влюблённость,

первая любовь, от которой бросает то в жар, то в холод.

Как и прежде, через прикосновения, пытаюсь погрузиться в прошлое, настоящее и будущее его души. Мне всегда с трудом удавалось сделать это. Почти на грани мелькают кадры, но ничего конкретного. Я никогда не могла помочь Белому человеку отправиться дальше. Он слишком давно находится на Изнанке, слишком сильно она впилась ему в сердце, подарив и имя, и известность, и невероятные для обычных призраков способности.

Сейчас я словно наткнулась на кирпичную стену, отчего кровь отошла от лица. Отстранившись, испуганно посмотрела на него.

— Ты тонешь, Михаэль.

Порывисто притягиваю его к себе, прижимаясь всем телом, чтобы уловить хоть мысль, хотя бы кадр! Пусто. Лишь воды Изнанки за нашими спинами ударили по побережью длинной волной, почти добежавшей до наших ног. Каких же сил стоит Михаэлю оставаться здесь, учитывая, что жить ему осталось совсем чуть-чуть! Ещё немного и тот, кто занял моё сердце, исчезнет. И я останусь одна. Останусь совершенно одна! А он перестанет существовать, став подлинной частью Изнанки.

— Почему ты раньше не сказал об этом? Почему молчал? Я могла помочь!

— Я уже давно не стремлюсь пройти через дверь. Не думаю, что там будет лучше, чем здесь.

— Что за дурость, — говорю, поджав губы. — Что за непростительная глупость, Михаэль! Ты же исчезнешь, понимаешь? Растворишься в водах Изнанки, как будто тебя никогда и не было! Зачем ты делаешь это с собой?!

— Потому что слишком долго здесь нахожусь. Для такого как я, нужен невероятно сильный медиум. Такие так редко рождаются, что шанс встретиться почти невозможен. Мне остаётся лишь усиливать своё влияние, по капле пить из отравленных источников Изнанки, чтобы становиться ещё сильнее. Но скоро этого будет недостаточно. Элли, ты никогда не считала, сколько на свете существует медиумов и сколько застрявших на Изнанке душ? Никогда не думала, что цифры слишком несопоставимы, чтобы все души могли отправиться дальше? А ведь прогрессия не стоит на месте. С каждым днём, потерянных становится всё больше и больше, а количество медиумов нет. Всё, что мы делаем, направлено на выживание. Самое естественное желание на свете. Поверь, я не хочу исчезнуть. Никто этого не хочет. И никто не отнимет у нас право на жизнь. Настоящую жизнь, а не это подобие, что есть.

— Но ваши методы... они неправильны, — говорю мягко, отстраняясь.

Волны под нашими взглядами отступают.

— Не тебе судить, живая, — глухо говорит он. — Элли, уходи. Прямо сейчас и никогда больше не возвращайся. Девушку ты вытащила, пора и самой выбираться.

— Не ты ли мне говорил, что мёртвые не меняются? Я хочу помочь, Михаэль, скажи, что нужно сделать? Почему ты гонишь меня? Ведь раньше ты был бы рад, если бы я осталась рядом с тобой.

— Я по-прежнему этого хочу. Но не таким способом, любимая. Поэтому уходи. Моя власть не безгранична, особенно, когда дело касается Клауса. А после всего, что ты уже успела сделать... просто уходи.

Я хотела что-нибудь сказать. Что-нибудь такое, что сразу всё решит. Но таких слов не существовало. Мир жесток и справедливости в нём мало. Почему одни могут уйти, а другие исчезают без следа? Кто это придумал и зачем? Иногда жалею, что обладаю этими

знаниями. Жалею, что знаю о посмертии. Жалею, что не могу гадать и верить в то, что *после* есть справедливость. Что одна маленькая жизнь ничто по сравнению с чудесами, ждущими нас за гранью. Я всегда была наивной и инфантильной. И поэтому жизнь с удовольствием отправляет меня в нокаут.

Поднимаюсь с колен, отряхивая белые песчинки. В заднем кармане джинс чувствую небывалую тяжесть зеркала. Его нужно убрать отсюда. Даже Михаэль не должен о нём знать.

Собираюсь попрощаться, но не успеваю. Видимо за Михаэлем следили, иначе как он узнал, что мы здесь?

— И вот мы вновь встретились, Элли, — акцент усилился, он цедит слова, сдерживая внутреннюю ярость. — Но в этот раз ты не сбежишь, дрянь!

Он зол, чертовски зол и силён. Одной мне не справиться.

Клаус совсем не изменился. Та же одежда, тот же льдистый взгляд, от которого мороз по коже. Он пришёл со стороны бесконечных сверкающих, как снег, песков, руки в карманах брюк, стоит расслабленно, зная, что мне не сбежать. От него волнами исходит сила, поглощающая свет вокруг. Чёрное подавляет белое, и вскоре вокруг одна лишь тьма, и только Белый человек, светится в этом невозможно-холодном мраке.

— Ты не заберёшь её, — говорит он, поднимаясь на ноги. — Она моя ученица, ты не имеешь над ней власти.

— Забываешься, Михаэль, — этак с ленцой говорит призрак, с прищуром уставившись на него. — После всего, что девчонка натворила, ты последний, кто может мне приказывать, что делать. Отойди и не мешай.

— Нет, — просто отказывается Белый человек и мы оказываемся посреди белого смерча.

— Элли, я выброшу тебя как можно ближе к Харону, беги со всех ног, я задержу его, — он хватает меня за плечи, прижимает к груди да так сильно, что слышу, как бешено стучит мёртвое сердце.

В моей груди взрывается острая боль от скорой разлуки. Я почти согрелась, почти ожила и всё опять рушится, ускользает сквозь пальца. Встаю на мысочки, шепчу:

— Я давно простила тебя, Михаэль. Я люблю тебя.

Всё замело белым тёплым снегом. Жмурюсь, а когда открываю глаза, оказываюсь на крыше блочной пятиэтажки промышленного города. Запахи, звуки, крики и смех. Как резко и неожиданно, отступаю назад, не зная, что позади пустота.

— Михаэль! — кричу, забывая, что я на Изнанке.

Его рядом нет и я падаю, пальцы скользят по гранитной крошке, умудряюсь зацепиться за край.

— Возьми меня за руку! — раздаётся голос сверху.

Мне не видно его лица, только руки, тянущиеся через край крыши. Он подхватывает меня, как пушинку, резко подтягивает, тянет на себя и я падаю на него, оказываясь сверху.

— Ты, — восклицаю недоумённо.

— Наконец-то мы встретились, Элли, — с кривой улыбкой говорит Максим.

Я отползаю от него, поднимаясь на ноги, он встаёт следом за мной.

— О, ты такая милая, такая растерянная. Неужели ты и правда думала, что Чёрный человек не предусмотрел все варианты? Он точно знал короткую дорогу от пляжа до Харона. Он никогда не ошибается.

Грязно выругавшись, напряжённо уставилась на него. Сделаю шаг, он сделает два, и тогда я окажусь совсем не в том месте, куда направлялась.

— Что тебе нужно?

— Ничего, — рассмеялся Максим, а затем стал серьёзнее. — Спасибо за сестру.

— Что?

— Ты помогла ей сделать первый шаг. Она стала видеть призраков только благодаря тебе. Я и не думал, что это будет так просто. Теперь она такая же, как и я. Да, ей потребуется время, чтобы всё обдумать, но скоро она поймёт, что без меня жить слишком скучно и пойдёт за мной, как и всегда.

— Ты хочешь, чтобы она умерла? Ты серьёзно считаешь, что так будет лучше для неё? Застрять здесь на Изнанке, с тобой и Клаусом? — переспрашиваю недоверчиво.

— Дура, — воскликнул он, а затем прикоснулся пальцами к своим губам, как будто не хотел этого говорить. — Прости, но это правда. И чем вы только с Белым человеком занимались? Ах да, играли в любовь. Оно и видно. Ты совсем ничего не знаешь о том, что происходит, не так ли?

— Так может ты мне расскажешь? Как ученик ученику.

Я совсем не обращала внимания на его слова. Мне нужно было только отвлечь его, пока думаю над тем, что делать дальше. Находясь на этой крыше, я сильно нервничала, как будто чувствуя, что время, подаренное Михаэлем, истекает.

— Скоро всё изменится. Мертвые воскреснут нетленными. Знаешь, откуда это?

— Дай угадаю, цитируешь Библию? Ну и как вы собираетесь это проверить?

Передразнив его, наконец действительно сообразила, что происходит, хотя понятнее не становилось. До этого думала, что призраки хотят заполучить медиумов, чтобы, так сказать, поставить на поток, отправку душ к свету. Но его слова прояснили многие моменты, ускользающие от меня ранее. Они не хотят идти к свету, потому что свет несправедлив, он предал их, заперев на Изнанке. Они хотят вернуться в мир живых. Они хотят воскреснуть.

— Тебе это скажет Белый человек, когда сочтёт, что ты достойна стать частью нашего плана, — он резко повернул голову в сторону, к чему-то прислушиваясь, затем улыбнулся кончиками губ. — Скоро мой Учитель будет здесь, тебе лучше поторопиться, если ты хочешь вернуться в мир живых.

— Что? Разве ты не хочешь меня задержать? — удивлённо спросила его, делая шаг назад.

— Даже лучше, я помогу тебе перейти прямо сейчас. Ты помогла мне с сестрой, вот моя помощь в ответ.

Я не успела ничего ответить, как он оказался рядом со мной. Он обхватил моё лицо руками, а затем с силой поцеловал, жадно и грубо, а затем оттолкнул и я полетела с крыши. Последнее, что увидела — маленькое зеркальце, вылетающее из моего кармана.

***

Возвращение оказалось мучительным. Я проснулась в пустой ванне, с диким, зверским кашлем, дыхательные пути полны воды, она исходит из меня непрекращающимся поток вместе с кровью и чернотой. Плата за проезд, милочка.

Дикая ломота в суставах, невозможная головная боль, общая слабость и невыносимый голод. Так меня встретила реальность. Выбравшись, обратила внимание на ржавый налёт, полностью покрывавший дно ванны. Поскребла ногтями, понюхала, пахнет железом. Это

кровь?..

Оказавшись на кухне, посмотрела на заряжающемся телефоне дату, оказывается меня не было всего сутки. За окном полдень, небо, затянуто серыми тучными облаками с вкраплениями голубого цвета и пробивающихся лучей солнца. У меня пропущено где-то с двадцать звонков и почти все от Андрея. Несколько по работе и одно голосовое от Катерины, просящей перезвонить, как буду в состоянии. Интересно, кто ей нашептал о моём очередном путешествии?

Поставив чайник, набрала Андрея и, ожидая ответа, закурила, забравшись с ногами в глубокое кресло. Он ответил почти сразу же.

— Чёрт, ты всё-таки вернулась. Поверить не могу, что ты сделала это.

— Спасибо за заботу, со мной всё в порядке, — проворчала в ответ. — Как она? Проснулась?

— Она сейчас спит. Ммм... Просто спит... Как тебе удалось?

— Оставим это на потом. Слушай, набери меня, как она проснётся! Я сейчас перекушу и тоже спать, устала, сил нет.

— Обязательно, — согласился он, однако трубку не повесил. — Мой отец приехал и хочет поговорить с тобой. Он не рад тому, что ты объявилась.

— Это не мои проблемы, — нажимаю отбой.

Усталость копилась с каждой затяжкой. Выдохнув, налила себе чай и осушила чашку в два приёма. Голод чуть-чуть отступил. Одна мысль о готовке вызывала отвращение, поэтому решила сначала поспать. Может потом что-нибудь закажу или по дороге в Институт перекушу в какой-нибудь кафешке. Сейчас всё казалось слишком серым. После двойного погружения на Изнанку, меня выворачивало, реальность с трудом гнулась в руках, норовя вытолкнуть обратно. Опасное состояние. Так и правда, как водоворотом затянет. Нужно отдохнуть.

Насыпав корм гулявшей кошке, побрела в сторону спальни, где мгновенно отрубилась, как только голова коснулась подушки.

Чёрное на чёрном. Я проваливаюсь всё глубже и глубже. Здесь холодно, так холодно! Тьма заползает под кожу, ледяными ручьями рубит вены, перекрашивая под свой цвет. Могу лишь чувствовать, что происходит, перед глазами сплошной мрак. В невесомости, под толщами темноты. Совершенное пустое одиночество, брошенная, забытая и покинутая.

Сердце колотится как бешеное, не остановить и не унять зарождающийся крик. Выбраться, вырваться, сбежать отсюда, отпусти, не дай утонуть!

С губ срывается отчаянный стон, и вместе с ним в лёгкие врывается **смерть**.

Рингтон телефона выбрасывает из сна, как рыбёшку на берег. Лёгкие обожжены страшным холодом. Хватаю губами тёплый воздух, переворачиваюсь на живот, лицом свисая над краем кровати. Пальцы сжимают подушки до боли, чтобы хоть немного унять дрожь, сотрясавшую всё тело. Меня рвёт желчью, чёрной дымящейся жижей, исчезающей прежде, чем она касается пола. Желудок выворачивает, но понемногу отпускает, и я переворачиваюсь на спину, опуская голову на подушку и уставившись в потолок.

Телефон не прекращает звонить. Нащупав его на тумбочке, непослушными пальцами подтаскиваю к голове, попутно нажимая на дисплей.

— Надеюсь, ты выпалась, потому что Маргарита проснулась и... с ней не всё в порядке, — голос на том конце трубки звучит тревожно и по-человечески устало.

— Я буду часа через два, — отвечаю хрипло и нажимаю отбой.

Отбросив телефон в сторону, провела руками по лицу, снимая остатки сна. Становится хуже, намного хуже. И думаю причина в частом посещении Изнанки. Словно бы тогда вернулась сюда не вся и какая-то часть застряла там и теперь тащит назад на самое дно иной реальности. И вместе с этим, я что-то утащила с собой, что-то мёртвое, *чуждое*. Мне нужно поостеречься, как и просил Михаэль. Но интуиция говорит прямо — у тебя ничего не получится. А значит рано или поздно, я не смогу проснуться и останусь во мраке навсегда.

***

На проходной охранник долго изучал мой паспорт. Тучный человек шевелил губами, кривясь. На меня не оформлен пропуск, а он из новеньких, вот и проявлял излишнее рвение.

— Даже и не знаю, дамочка. Пропустить вас не могу, предприятие режимное, насчёт вас никаких распоряжений не было, — резюмировал он, вызывая глухое раздражение.

— Послушайте, меня здесь все знают. И Виктор Сергеевич, глава Института, и его заместитель Анатолий Павлович, и многие другие, — говорю медленно, стараясь не сорваться. — Позвоните Андрею Викторовичу, сыну Серебрякова. Мы договорились с встрече.

— Я не могу отвлекать людей от работы, — набычился он. — Если у вас было назначено, здесь была бы соответствующая запись, — и он потряс зелёной тетрадкой. — Пусть за вами спустятся, тогда я внесу ваши данные и пропущу.

А глаза у него глупые и мутные. Сонная муха и как такого могли взять на работу?

Поджав губы, демонстративно достала телефон и уже собралась набрать номер Андрея, как меня окликнули.

— Элли? Что ты здесь делаешь?

Этот день и так начался плохо, теперь он медленно скатился до отметки «катастрофа»!

— Маша, какая встреча! — улыбаясь, поворачиваюсь к эффектной блондинке, появившейся в дверях Института.

С ней у нас была давняя история. Маша подруга Насти, чьи родители погибли от клыков мстительного Белого пса, помощника Михаэля, которого они заключили на Изнанке. Настя во всём винит меня, и я её понимаю. Поэтому стараюсь на глаза не попадаться. Другое дело Маша. Эта девушка имела виды на Андрея, так как их родители крепко дружат. Когда появилась я, она решила, что я пытаюсь его отнять. Отчасти это правда — Андрей никому не принадлежит. Только до Маши это не доходит. Поэтому при каждой встрече девушка пытается меня унижить. Это мало волнует, я умею за себя постоять, просто слишком частое мытьё рук сушит кожу. Вредно.

Не знаю почему она такая. Перед девушкой, обладающей яркой гламурной внешностью, открыты многие двери. Так почему она ломится в те, которые закрыты? Маша не дура, иначе она не была бы экзорцистом, как и Андрей. Она способна отказаться от брендовых шмоток, дорогих машин и прочих благ цивилизации, чтобы месяцами выслеживать злобных духов где-нибудь в Сибири. Умна, начитана, умеет пользоваться теми преимуществами, которые получила от рождения. Но в некоторых вопросах дура душой, вот чего не пойму!

— Я задала вопрос, — говорит миленьким голосом, делая вид, что рада встречи. — Ты же вроде ушла от нас, что заставило вернуться?

— А ты как из космоса, Маш, — отвечаю тон в тон. — Где ты пропадала последние сутки? У вас в Институте лежит девушка в коме, её привезла я. Неужели ничего об этом не слышала?

— Я была в командировке вместе с Виктором Сергеевичем и моим отцом, — моментально нахмурилась она. Девушка не любила быть не в курсе событий. — А что произошло?

— Не здесь, — я кивком головы указала на внимательно прислушивающегося к нашему разговору охраннику. Он сделал вид, что читает книгу, лежащую перед ним.

— Прости, — она сделала извиняющееся лицо. — Но я не могу пропустить тебя. Новые правила. Тут где-то полгода назад вышла одна статья в духе «НЛО рядом!», одна журналистка проникла в Институт, ничего не поняла, но проблем устроила, с тех пор новые правила и всё такое.

— Элли, — позади раздался голос Андрея, и я облегчённо перевела дух. Не хотелось бы доводить дело до абсурда.

— Андрей, привет! — Маша ненавязчиво отёрла меня в сторону и, не обращая внимания на скисшее лицо Андрея, поцеловала в щёку. — Не виделись всего ничего, а кажется, что прошла целая вечность. Вот, встретила Элли. Я уж думала, что мы больше никогда не увидимся, а вон как жизнь повернулась. Говорит такие интересные вещи, расскажешь подробности?

Она ловко подхватила его под ручку и уже собиралась развернуть спиной ко мне, как он высвободился и отстранился, говоря:

— Прости, Маш, в другой раз. Я тоже рад тебя видеть, но сейчас дел по горло, даже пропуск для Элли забыл выписать. Поспрашивай у остальных, хорошо? Элли, привет, идём, Марго хочет тебя видеть.

Проходя мимо охранника, улыбнулась. Он, наблюдая за развернувшейся сценой, забыл записать мои данные. Маша осталась позади, она просто не успела ничего сказать.

— Что с Марго? Ты был встревожен. Она больна?

— Ты должна сама это увидеть.

Подъём по лестнице, вдоль рекреации, потом ещё одна лестница, переход в следующее здание, там спуск на первый этаж и мимо нескольких открытых одинаковых палат к третьей от конца, рядом с постом медсестры, за которым никого не было.

Дверь в палату Марго закрыта. Андрей останавливается, смотрит в пол тяжело.

— Иди одна, она никого не хочет видеть, кроме тебя.

***

В палате много солнца, но по больничному стерильно, тёплый свет не оживляет скудную казённую обстановку. Одна железная кровать, стул, стол, деревянный иссохшийся шкаф, прозрачная тюль на окнах, две картины, изображающие крестьян в поле. Потёртый пол, светло-бежевые стены, с белой краской у потолка. Справа от входа дверь, ведущая в ванную комнату. На стене зеркало, рядом тумбочка, на которой старый телевизор. Безликая атмосфера с трудноуловимым медицинским запахом, сильно забитым хлоркой.

У окна, спиной ко мне, сидит Маргарита в больничном халате и тапочках. Волосы взлохмачены и перехвачены тугой резинкой. Девушка неотрывно смотрит на проезжающие за небольшим сквером машины.

— Марго, — зову нерешительно.

Она оборачивается и всё становится ещё более непонятно. У девушки на глазах белая повязка, сзади скрытая копной волос.

— Элли, со мной что-то не так, — говорит жалобно, осторожно снимая бинты с глаз.

А когда открывает их, непроизвольно вздохнула, поражённая увиденным. Раньше она обладала тёмно-вишнёвым, глубоким и насыщенным цветом глаз, теперь вместо красок — серая марь как бывает у ослепших людей, с одним ярким отличием — чёрная кайма тонкая кайма на месте радужки. И вместе с этим было нечто странное. Я понимала, что она видит, понимала, что прямо сейчас смотрит на меня. Она не ослепла.

— Что с твоими глазами?

— Не могу объяснить, — она облизнула пересохшие губы, а затем вновь надела повязку. — Просто, когда проснулась, всё изменилось. Элли, я словно бы и не покидала Изнанку, словно бы оказалась в двух мирах одновременно. Я вижу то, чего никто не видит. Вижу мёртвых и живых, вижу рябь, когда один мир преобладает над другим. Каждый шаг пугает и я забываю, где нахожусь. Изнанка как лоскутное одеяло — непостоянна. Повязка спасает, когда глаза закрыты, не вижу ни один из миров.

Марго говорит отрывисто, путанно, скомкано, глотая слёзы и подавляя страх.

— Что сказал Андрей? Они уже сталкивались с подобным?

— Нет. Врач, который меня осматривал, говорит, что такое видит впервые. Мы надеялись, что ты знаешь, в чём причина.

— Дай подумать. Чёрт, на ум приходит только одно. Поскольку ты с детства отрицала Изнанку, длительное пребывание на её стороне вызвало в тебе твои собственные силы, ты проснулась, а будучи сильным медиумом проснулась на полную катушку. Думаю, что со временем эта яркость снизится, но я не уверена. Мне нужно будет посоветоваться с остальными, — говорю, нахмурившись. — А как ты в остальном себя чувствуешь? Тебя тянет на ту сторону? Тошнит? Что тебе снилось, когда ты вернулась?

— Всё хорошо. Боже, мне давно так хорошо не было! Чувствую себя сильной. Как будто бы выпила несколько бутылок энергетика. Меня никуда не тянет, никто не зовёт, а призраки,

которых вижу, не видят меня. Наверное, это потому, что они там, а я здесь. И мне ничего не снилось.

Отвечает по очереди, голос стал спокойным, расслабленным, как будто бы её переключили. Беспокойство с моим приходом улетучилось, появилась уверенность в том, что всё закончится хорошо. Ох, кто бы мне подарил те же чувства!

— Я рада, что с этой стороны проблем нет. Тогда поступим так, ты должна будешь связаться со своими родными, показать, что ты в порядке. Главное намекни, что... не знаю, твой брат уехал в отпуск? Отправился в путешествие... придумай что-нибудь убедительное, теперь я знаю, какая у тебя семья, не дай бог, они начнут выяснять, куда пропал Максим. Особенно, учитывая, что случилось с тобой. Белый цвет глаз трудно объяснить. Далее, попробуй снимать повязку и абстрагироваться от Изнанки. Будет лучше, если рядом с тобой кто-нибудь будет, чтобы следили, всё ли в порядке. Если начнутся сниться странные сны — сразу скажи мне, хорошо? Я попробую узнать, были ли подобные прецеденты. Надеюсь, мне повезёт.

— Спасибо, что вытащила оттуда, Элли, — она улыбается, но руки потирает нервно, волнение так просто не скрыть. — Если бы не ты...

— Всё закончилось бы по-другому. Но теперь ты усвоила урок. И запомнила — нельзя верить мёртвым. Мы обе узнали эту правду на своей шкуре, — оборвала её жёсткой истиной. — Так что теперь набирайся сил. Ещё ничего не закончилось.

***

Мне было жаль Марго. Она одна из немногих, кто смог вырваться и жить обычной жизнью. Жаль, что побег не удался.

Благодаря Михаэлю я смирилась со своей судьбой, но, если бы мне предложили выбор, он был бы не в пользу медиумов. Нормальная жизнь это что-то абстрактное почти мифическое, недоступное не только медиумам, но и обычным людям. Из разряда сказки, где всё заканчивается хорошо. Обыденность гораздо хуже. Но более худшее это быть вне её. Когда ты находишься за тонким стеклом, отделяющем тебя от социума. Что-то такое, что чувствует любой человек, оказавшийся рядом. Твоя **чуждость**. Меня поймут военные и врачи, миротворцы и преступники. Но всё равно, они безмерно далеки от таких, как я.

Дома меня ожидал настоящий сюрприз. Грузная цыганская женщина в переднике за плитой, готовящая что-то острое и невообразимо притягательное.

— Харон?

Она цокнула языком, хитро глянула на меня, а затем выключила плиту.

— Как раз к обеду, милочка! — хриплым прокуренным голосом воскликнула она. — Давай, садись, я за тобой поухаживаю.

— Что происходит?

Женщина отмахнулась, знаками показывая, что не ответит. Послушно усаживаюсь за стол, с недоумением наблюдая, как она копошится на кухне, достаёт тарелку, ставит чайник, вытирает стол. Словом, суетится, как самая настоящая домохозяйка. Лишь после того, как она сервировала стол и поставила передо мной тарелку, черты лица поплыли, обнажая усталую истину.

— Ешь, — говорит сурово и под его немигающим взглядом приступаю к трапезе.

Еда острая, насыщенная и здоровая. И от этого нереальность происходящего усиливается, как нетерпение, но Харон смотрит слишком уж пристально, поэтому молчу,

набираюсь сил.

Только во время чая с восточными сладостями, он начинает говорить.

— Плохо, Элли. Всё очень плохо, — в его руках тонкая с золотыми узорами сигарилла, от которой в воздухе витает сладкий вишнёвый запах и сизый дым. — То, что ты творишь — недопустимо, учитывая в каком ты состоянии.

— Ты знаешь, что со мной? — голос не дрогнул, как и рука, тянущаяся за сигаретами.

Откуда он узнал, что снова была на Изнанке?

Как истинный джентльмен, он дал прикурить от золотой зажигалки Zippo, щёлкнувшей с характерным звуком.

— Последствия твоего дня рождения. Ты же помнишь, чем всё закончилось? Тебе потребовалось несколько месяцев, чтобы восстановиться, а твои сны навсегда изменились.

— Я повторю свой вопрос, ты знаешь, что со мной?

— Ты умирала. Я тебя вытащил, но твоя душа слишком крепко вросла в Изнанку, мне пришлось её с корнем вырывать и кое-что ты захватила с собой. Частицу, маленький кусочек, — говорит, показывая на пальцах. — Даже такой малости достаточно, чтобы изменить тебя. Но ты об этом уже знаешь. Стала сильнее, дар раскрылся на всю катушку? А ты и рада, не правда ли? Пиррова победа, девочка. Сила и слабость, что убьёт тебя раньше?

Он затушил сигариллу в пепельницу, а затем подошёл ко мне.

— Вставай, я посмотрю на тебя.

Подчиняясь, позволяю ему коснуться ладонями своих висков. Нет ощущений, как будто бы он соткан из воздуха, нет ни тепла, ни холода, ничего. Закрываю глаза, делаю глубокий вздох, растворяясь в атмосфере, чтобы ему было проще. А затем мне в голову словно сотни игл впились, с затылка до лба, острые, одна за другой.

— Чёрт! — срывается ругательство, облакачиваюсь о стол, прижимая руку ко лбу. — Что это было?!

— Всё гораздо хуже, чем я думал.

Слышу за спиной его голос. Голова просто раскалывается от боли, даже глаза открыть сил нет, всё разноцветное, как будто приложилась об асфальт.

— Что ты сделал?!

— Дыши, Элли. Потом выпей сладкий крепкий чай, это поможет.

По запаху определяю, что он снова закурил.

— Ты на грани, дорогая. Ещё пара ночей и всё, Изнанка уничтожала бы твою душу. Вся эта тьма, она почти утащила тебя вниз. Мне пришлось посадить несколько личностей, чтобы ты не видела своих снов, над которыми она властвует. Насколько этого хватит, не знаю. Месяц, два, может год. Или больше. Я буду повторять эту процедуру, но рано или поздно, она перестанет действовать.

— И что мне тогда делать?

Боль постепенно отступает. Плавно опускаюсь обратно на стул. Нащупав кружку, допиваю остатки чая. Стало легче.

— Я не уверен, что твоя смерть будет нормальной, — говорит сухо. — Я думаю то, через что ты проходишь, связано с водами Изнанки.

— То есть моя смерть будет... окончательной? — голос почти не дрожит, видимо слова ещё не до конца дошли.

— Да. Я думаю, да.

— Спасибо за откровенность.

Открыв глаза натыкаюсь на равнодушный взгляд Харона. Он выдыхает колечки в воздух, а затем массирует шею, посматривая на часы.

— Так что готовься к будущему. Как тебя вылечить, я не знаю.

— Моя подруга ослепла. Если ты не можешь помочь мне, может поможешь ей? — говорю хрипло, раскуривая очередную сигарету.

— Ей не нужна моя помощь. Такие, как она, уже рождались. Правда обычно младенцы погибали в утробе матери, а родившиеся близнецы не доживали и до шести лет. Про них говорили — их забрали феи. Призраки угаскивают таких детей на Изнанку. Марго повезло. Счастливица. Она миновала кризисный возраст, а значит скоро адаптируется и станет сильнейшим медиумом в мире. Представляю, насколько зол Клаус. Теперь у него в руках оказалась пустышка.

— Не понимаю...

— В тот момент, когда Марго покинула Изнанку, в реальность вернулось тело Максима. Парень умер, девушка получила всю силу, рассчитанную на двоих. А он теперь самый обычный дух. Пустышка. Так что берегите её, Чёрный человек будет мстить, — сказал он, вставая на ноги. — Мне пора. Держись, Элли. Запомни — жизнь в твоих руках. Чем сильнее ты будешь, тем дольше продержишься. Не вздумай проиграть, после всего, что я для тебя сделал.

— Мне кажется, я ещё и не начинала бороться, — улыбаюсь криво на прощание.

Марго

Это сложно. Это так сложно, что хочется спрятаться под одеялом и никогда не вылезать! Раньше не приходило в голову насколько хорошей была жизнь. Со всеми недостатками, глупостями, сложностями и обыденностями, она была прекрасна. Понятна и решаема. Теперь вся моя жизнь — это сплошная неопределённость. Привычные ориентиры ушли в прошлое, уступив место чему-то необыкновенному и оттого пугающему.

Скоро Новый год, время бежит сквозь пальцы, и я не знаю, как его остановить или хотя бы замедлить. Моё пребывание в Институте стало чем-то постоянным. Несколько дней назад меня перевели в гостиницу, Андрей сказал, что раньше в соседней комнате жила Элли. Здесь гораздо уютнее, чем в больничной палате, но всё равно это не дом. После окончания института, вместе с двумя одноклассницами сняла двухкомнатную квартиру. Мне было комфортно с ними, хоть и никогда не была близка с кем-то по-настоящему. Это так странно, но сейчас понимаю, насколько быстро и насколько сильно может измениться жизнь.

Месяц назад работала продавщицей в салоне связи, откладывала деньги на новый телефон, обсуждала с соседкой покупку платья и совершенно обалденную фигуру актёра из любимого фильма. Я так привыкла плыть по течению, что всё было в порядке. Ведь я точно знала, что обо мне есть кому позаботиться. А теперь нет.

Неделю назад состоялся дикий телефонный скандал с моими соседками. Я не внесла квартплату, меня уволили с очередной работы, и они больше не намерены это терпеть. Вместе с Андреем, заехала к ним и забрала свои вещи, оставив необходимую сумму денег. Вот и всё. У меня нет работы, нет денег, я живу в гостинице Института и без понятия о том, что делать дальше. И ещё мой брат умер. Кажется всё?

Элли в деталях рассказала о своей встрече с Максимом. Признаться честно, я даже помечтала немного, что он остался прежним, что где-то там в глубине души он всё ещё мой братишка, Макси, как любила называть его в детстве. Глупые фантазии, брат мёртв, просто

его тело ещё не найдено.

Я подхожу к окну, наблюдаю за солнечными лучиками, едва виднеющимися за стройными рядами домов на той стороне реки. Думаю о том, как же на самом деле мне всё равно. Плевать, что у меня нет денег, нет работы, нет понимая о том, что делать дальше. Плевать! Я знаю, что жизнь состоит не из этих вещей.

Просто я, наконец-то, знаю, чего хочу. Открыть дверь для моего брата. Вот и всё.

Теперь постоянно задаюсь вопросом, в какой момент он потерялся? Как это случилось? Почему не обратился ко мне? В детстве мы были невероятно близки, как это бывает только у близнецов. Потом дед разделил нас и связь стала сходиться на нет. Но всё равно, не могу поверить, что братишка исчез. Не могу поверить, что вместо брата — враг, который, прикрываясь лживыми словами, хочет навредить мне. Не могу в это поверить, но и не верить невозможно. Особенно после всего, что он сделал со мной.

Элли говорила обо мне с Хароном. По его словам, я счастливица и со мной скоро всё будет хорошо. Что рано или поздно, привыкну к тому, как теперь вижу. Но мне кажется, что это сделал Максим. Что он испортил меня, сломал, пытаясь вылепить что-то, что было нужно Чёрному человеку. Мне не верится, что происходящее является следствием моего дара. Это слишком просто.

Когда снимаю повязку с глаз, на секунду кажется, что весь мир выцвел до ослепительно-белых красок, слепящих глаза. Через секунду эта иллюзия пропадает, мир насыщается цветом и теплом. Непросто описать, на что похожа реальность. Аллюзия на страшные сказки, грёзы сумасшедших, фантазмагии пьяных писателей. Пока в пределах Института, всё относительно нормально. Здесь нет духов, так как экзорцисты давно позаботились об этом, от этого и Изнанка выглядит блёкло и пусто. Рваные раны на чистой реальности.

Я никому не говорила о том, что без повязки способна оживать её.

Однажды мне страшно захотелось яблок. Сочных, наливных, зелёных яблок с красными бочками. Рот наполнился слюной, когда по комнате поплыл умопомрачительный спелый запах. На столе выросло миниатюрное, не более полуметра, деревце с маленькими почти декоративными яблочками. Руки прошли сквозь них, говоря об их иллюзорности, но сам факт их появления всерьёз напугал.

С тех пор весьма осторожна в своих желаниях и представлениях о реальности. Просто боюсь последовать за фантазиями на Изнанку, где меня ждут.

Теперь каждый шаг как по минному полю, никогда не знаешь, что попадётся на глаза. Деревья, растущие сквозь асфальт, палатки с кроваво-красным мороженым, а вдруг обрыв и далеко внизу бушующий океан, ветер рвущий одежду в клочья, брызги пены, соль воды... но всё это, как фата-моргана, несуществующий мир.

Самое страшное, конечно, духи. Здесь и без подсказок понятно, что нужно делать вид, что их нет. Я вижу всех, и тех, кто забредает на нашу реальность, и тех, кто обитает на самой Изнанке. Поймут, что ты их видишь — не отвяжешься, а опыта общения — никакого. Элли обещала помочь, но тревожить лишней раз девушку не хотелось. Я и так перед ней в неоплатном долгу за всё, что она для меня сделала. Она буквально спасла меня. Без неё, рано или поздно, но я бы оказалась в лапах Чёрного человека, последовав за братом. А так жива, и более-менее понимаю, что происходит.

***

— Марго, как ты себя чувствуешь?

Любимый вопрос Андрея. Он волнуется за меня. За прошедшие недели мы сильно сблизились. Именно он помог мне во всём разобраться. Рассказал об экзорцистах и медиумах, внёс ясность во многие вопросы. С его помощью быстрее адаптировалась к своему новому зрению.

— Ты же знаешь, со мной всё в порядке. Я научилась отличать реальность от Изнанки. Всё благодаря тебе, — улыбнулась, шутливо ударив его в плечо.

Мы сидели в одной уютной кафешке неподалёку от Института. Пока на улице бушевали декабрьские морозы, это место стало нашим любимым. Сюда не заходят коллеги Андрея и только в обеденные часы бывает шумно. В остальное время, милый корабельный интерьер, вежливые официанты и приятная расслабляющая музыка на заднем плане, делали это место идеальным для долгих посиделок и разговоров обо всём на свете.

— Я волнуюсь за тебя. По словам Элли, дети, которые рождаются с такими сильными способностями, пропадают на Изнанке, не дожив и до шести лет. Это серьёзно, никто не знает, что может произойти.

Он, как и всегда, мрачен и важен. Зелёные глаза смотрят в самое сердце подмечая малейшее изменение во внешности. Иногда мне кажется, что, если мои синяки под глазами станут чуть темнее, он устроит целый консилиум из врачей Института, чтобы разобраться в чём причина. Хорошо, что теперь высыпаюсь.

— Хватит. Правда, со мной всё хорошо, — я постаралась выдавить из себя максимально расслабленную улыбку и ради этого трянула рыжими волосами.

Это всегда срабатывает. Но, через мгновение, вся весёлость сошла на нет и я задала тот вопрос, который мучил меня с того момента, как узнала, что случилось с братом.

— Андрей, я знаю, что вы когда-то дружили с Элли. Знаю, что в её прошлом не всё гладко. Из обрывков слов, поняла, что с ней случилось нечто похожее на то, что случилось с Максимом.

— Почему ты не хочешь спросить это у неё? — мой вопрос удивил Андрея, по его виду, сочла, что он думал, будто я всё знаю.

— Считаю, что это слишком личное. Думаю, в её прошлом был кто-то, причинивший большую боль и поэтому не хочу, чтобы она вспоминала об этом.

— Сколько я знаю Элли, она всегда была закрытым человеком. Она никого не подпускает к себе с самого нашего знакомства, — Андрей поднял чашку с кофе, украшенную маленькими корабликами, внимательно уставился в темную поверхность, погружаясь в воспоминания.

— Девять лет назад к нам в Институт поступил звонок с неизвестного номера. Нам сообщили, что по такому-то адресу находится молодая девушка и ей нужна наша помощь. Там была Элли. Её вовремя нашли в ванне, наполненной водой, просто чудо, что мы успели её вытащить. Несколько дней она провела в коме в нашей больнице. К ней приезжал её отец, думая, что произошёл несчастный случай. Когда она очнулась, то всё рассказала.

Рассказала, что у неё был учитель Белый человек, которого прислала её мать, перед тем, как пройти через дверь. Сказала, что они полюбили друг друга, и, чтобы быть ближе, она путешествовала на ту сторону, так как это было единственное место, где они могли прикасаться друг к другу. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, Михаэль изменился и в одно из путешествий просто остановил время, чтобы девушка не осознавала сколько там находится. Фактически, он убивал её, чтобы они всегда были вместе. Выбраться ей помог

Харон. Он объяснил девушке, что происходит и вытащил с Изнанки. Это не обошлось без последствий. Пока она проходила реабилитацию в нашем центре, её мучали кошмары о наступающей тьме. Не знаю, как сейчас, но тогда это было действительно жутко.

Андрей прервался, сцепил пальцы в замок и упёрся в них подбородком.

— Что было дальше? — спрашиваю, не выдержав затянувшегося молчания. — Насколько я понимаю, на этом всё не закончилось?

— Да, — очнувшись, кивнул он. — Не закончилось.

Когда Элли вернулась домой, спустя несколько недель к ней пришёл Михаэль. Он начал преследовать девушку, пытаясь убедить её вернуться на Изнанку. Настойчивый и опасный, он был так убеждён в том, что это будет лучший для них выход, что однажды чуть не убил её, когда она переходила дорогу. После этого Элли обратилась к нам, зная, что мы умеем изгонять призраков на нижние уровни Изнанки. Мы умеем закрывать доступ в реальность для них, тем самым обрекая на смерть в водах того мира.

Разумеется, мы согласились ей помочь. Была набрана группа из тринадцати экзорцистов, я входил в их число. Поначалу всё шло по плану. Элли заманила призрака в заброшенный дом, подальше от людей, где уже ожидали мы. Единственное, что мы не учли, так это кем являлся Белый человек. Хозяин Белого дома. Когда он понял, что происходит, то призвал своих помощников. Белый пес, Снежная королева, Женщина в белом... то, что казалось простым и привычным, превратилось в кровавую бойню. Нам удалось изгнать его, но ценой стало семь смертей. Больше половины! Такого никогда раньше не было.

Андрей вновь замолчал. Он резко поставил чашку на стол, из-за чего кофе попало мне на пальцы. Достав салфетку с синими якорями по краям, парень вытер мои пальцы, а затем продолжил говорить.

— После случившегося Элли ушла. Она вернулась домой к родным, при этом полностью разорвав контакты с Институтом. Это было понятно, ведь были те, кто винил её в том, что случилось. Всё изменилось спустя месяц. Её отец с женой и её сыном от первого брака попали в автомобильную аварию, когда возвращались с дачи. Свидетели утверждают, что на дорогу выбежал огромный белый пёс. Но его следов никто не обнаружил. Элли решила, что это был прислужник Михаэля. Оставшись одна, она обратилась к тогдашнему руководителю Института. Девушка захотела стать экзорцистом, чтобы изгнать белого зверя, как когда-то был изгнан Белый человек. Её напарником назначили меня. Несколько лет я обучал её, как разбираться с полтергейстами, бесами, сумасшедшими духами, проклятыми предметами и местами. Три года назад она ушла, так как не смогла переступить черту и собственноручно причинить вред мёртвому. Теперь она работает исключительно как медиум. Это всё.

— То есть она не изгнала Белого пса?

— Нет. Для подобного изгнания нужно минимум пять экзорцистов. К тому же новых появлений пса не было зафиксировано, так что он ещё где-то бродит.

— Хм, — негромко хмыкнув, откинула голову назад, разминая шею. — Я надеялась услышать подсказку как помочь Максиму, но оказалось, что Элли просто повезло. Почему Харон помог ей, но не помог моему брату?

— Потому что Элли не знала, что происходит, а твой брат чётко всё понимает, — невозмутимо ответил Андрей.

Пожалуй, именно это мне в нём и нравилось. Чрезмерная забота и, в то же время, открытость фраз. Он не станет смягчать реальность, чтобы мне было проще. Скажет, как отрежет и в этом есть облегчение. Мои родители были другими, они любили за мягкими

словами прятать ужасные вещи.

— Не думаю, что он действительно понимает, что происходит. Он пребывает в таком же заблуждении, что и Элли. Просто его учитель оказался сообразительней, и не стал скрывать некоторые факты.

— Что есть, то есть, Марго. Твой брат умер, вместо него теперь призрак, подчиняющийся приказам Чёрного человека. Запомни это и постарайся не стать обманутой.

— Думаешь, я побегу за братом, если он позовёт?

— *Марго!* — крик отчаяния за спиной почти до ультразвука. — *Помоги, сестра! Они тащат меня в воду!*

Воспоминания могут быть болезненными, я дважды наступала на одни и те же грабли, в первый раз во время сеанса, во-второй раз не послушав предупреждения Элли. Третьего раза не будет. Я усвоила урок.

— Нет, не побежишь. Но если ему потребуется помощь...

— Не считай меня глупее, чем я есть. Может я и не с детства имею дела с призраками, однако правила усвоила хорошо. Лучше скажи мне, как можно защититься от них? Элли носит голубые ленты, что это такое?

— Знаешь, какой самый главный инструмент экзорциста? — Андрей хитро улыбнулся, проведя пальцем по ободку чашки.

— Ммм... Библия?

— Это лишь следствие веры самих призраков в то, что с её помощью их можно изгнать из человека, — покачал головой он. — Святая вода.

— Ты серьёзно? — я скептически улыбнулась, откинувшись на спинку кресла и сложив руки на груди. — Типа священник освятил воду и она стала кислотой для одержимых?

— Это всё фильмы. Святая вода, добытая из особых святых источников, действительно является кислотой для призраков. Более того, с её помощью мы можем не только загнать призрака на ту сторону, но и вообще уничтожить его.

— Как?

— Чего больше всего боятся призраки?

— Воды Изнанки, — догадка оказалась простой и вместе с тем невероятной. — Как вы её добываете?

— Не добываем. Изнанка тесно связана с реальностью. Просто нужно искать места, где эта связь особенно прочна. Слепец прозрел, выпив воды из ручья. Девушка увидела лики ангелов, уснув у старого дуба, когда она проснулась, рядом текла вода. Парня избили до полусмерти, он встал и заговорил на языке мёртвых и там, где капала его кровь, земля оживала, а обидчики превратились в молодые ясени, у подножья которых возник источник с ледяной, живительной водой. Всё это следствие прорыва Изнанки в нашу реальность. Мы ищем эти места и прячем от людей. В прежние времена такие места называли Святыми источниками. Источниками чудес, в основе которых лежит вода Изнанки. Слава богу, что чем дальше вода течёт от истока, тем слабее она становится, иначе наш мир был бы совсем другим. Мы используем эту воду для многих вещей. К примеру, опустив любую ткань в неё, она превратится в голубой нежнейший шёлк, из которого мы делаем ленты. С их помощью, медиумы закрываются от призраков. Не без последствий, но для таких, как Элли, это спасение. Она нашла способ помогать призракам и без своего зрения. Другой дар воды — испив её ты на несколько дней становишься защищённым от одержимости. Но если слишком долго пить эту воду — сойдёшь с ума. А если окунуть стекло в воду, то оно окрасится в

чёрный цвет. Сквозь него ничего не видно, кроме призраков. И это далеко не все способности, которые мы открыли, изучая эту воду. Кстати, рядом с источником самое безопасное место — там нет призраков. Они боятся воды как огня, — он улыбнулся своей метафоре, чуть склонив голову набок.

— Почему я узнаю об этом только сейчас?! — это было как откровение. Всё перевернулось с ног на голову. — Это что, типа какой-то секрет, только для своих?

— Марго, я понимаю, что для тебя этот дикий новый мир кажется странным, но просто вдумайся в то, кто ты есть. Знаешь, то, что случилось с тобой, твоим братом и Элли, это нечто поразительное. Видишь ли, за все прошедшие столетия, нет ни одного подтверждения, что призраки нападали на медиумов. Преследовали — да, сводили с ума — тоже верно, но пытаться убить — никогда. Это невероятно. Как и то, что медиумам нужна защита от духов.

— Блестяще, нет, серьёзно, это просто замечательно, что самые интересные события происходят со мной. Я в восторге, — заявила, а потом закрыла глаза, с силой проведя пальцами по вискам вниз, а затем опустила руки на стол. — Ладно, я поняла тебя. Происходящее беспрецедентно, такого раньше не было и поэтому никто не знает, что делать. Хорошо.

— Марго, сейчас ты под нашей защитой. Ни один призрак не сунется к тебе, — Андрей коснулся моей руки, сжимая её поверх.

— Скажи это родным Элли. Её вы когда-то тоже защищали, — отстранившись, проговорила холодно, глядя ему в глаза.

Элли

Чернота оставила меня. Появились сны. Жаль, что не мне они принадлежат. Закрывая глаза, погружаясь в теперь безопасную дрему, наблюдаю страхи и переживания чужих незнакомых людей. У них всё просто. Каждый сон — обострённая драма, сброс дневных переживаний, высвобождение чувств и эмоций. Вместе с ними переживаю и трагедию, и радость, и фарс. От этого становится легче просыпаться. Как будто бы пережив чужую жизнь, своя становится проще. Раньше и не думала, что у меня всё так плохо. Только узнав, как можно просто жить и дышать, поняла, насколько всё было в тягость.

Выбравшись из постели, блаженно шурю от солнечных лучей. Возле ног, как из ниоткуда появилась мурчащая кошка. Голодная, но довольная жизнью. Почесав за ушком, потягиваясь, разминая кости, топаю на кухню за свежим кофе, сигаретой, кошачьим кормом и овсянкой. Каша по утрам полезна, а без сахара и молока вдвойне.

Скоро Новый год. Ещё один год пролетел как стая птиц над северным городком, быстро и незаметно. И так всегда, стоит оглянуться, назад посмотреть, а время раз и исчезло, оставив пыль и серость. Наверное, впервые стало грустно. Раньше как-то не думала о будущем, ничего не планировала, жила одним днём. Может дело в том, что я была заражена? А сейчас благодаря «лекарству» поправилась. Но надолго ли меня хватит? Сколько ещё будет рассветов, прежде чем тьма Изнанки заберёт мою душу, перемелет её, оставляя за собой пустоту?

***

С каждым днём Марго выглядит всё лучше и лучше. Ей необычайно идут новые линзы глубокого синего цвета, с ним волосы кажутся ещё более рыжими. Она расцвела, посвежела, в её улыбке мелькает доброта и открытость. Девушка доверяет мне, верит в меня и в мои силы. Глядя на неё сама начинаю в себя верить.

Прогулка по небольшому парку возле набережной, свежий морозный воздух, снег, приятно хрустящий под ногами и термос с горячим чаем. Давно я так хорошо не проводила время. Иногда кажется, что вся жизнь это какая-то гонка в погоне за чем-то иллюзорным и ненастоящим. А ведь из таких простых и светлых дней и складывается наша реальность. Из того, как встречаем солнце и луну, как провожаем уходящее лето и зиму, из того, кому улыбаемся по утрам и с кем грустим на закате. Когда человек остаётся один, он словно перестаёт существовать. Не с кем поговорить, некого обнять, поделиться тем, что за сердцем. Жизнь складывается из того, что мы хотим друг другу сказать, из мелочей, порой глупых событий, из того, что приносим друг другу, когда встречаемся и прощаемся.

— А, скорее бы лето, — негромко проворчала Марго, щурясь от холодного солнца. — Эта зима уж слишком холодная!

— Мне нравится, — смеюсь, глядя на неё сквозь круглые, очертанием напоминающие сетчатые глаза стрекозы, солнцезащитные очки. — Зима более искренняя своим морозом, чем бездушное лето, способное за один день из жаркой парилки превратиться в холодные потоки бесконечных дождей. Нет, зима прекрасна!

— Зато летом не надо напяливать столько одежды! — простонала девушка, закатив

глаза.

Я снова рассмеялась.

— Скажи прямо, ты хочешь забраться в кафешку и выпить горячего какао, я права?

— Нет, — неожиданно сконфузилась она. — У меня нет денег.

— В смысле?

— Что тут непонятного! Меня уволили с последней работы, хорошо, что успела забрать аванс за день до этого. Конечно, благодаря Институту, мне не нужно думать о пропитании и крыше над головой, однако деньги кончаются и скоро я начну сосать лапу, — с язвительной грустью в голосе, рассказала она. — Более того, что-то мне подсказывает, что в связи с нынешней ситуацией я не продержусь на новой работе и недели.

— Это ты права. Медиумы не созданы для работы по графику, мы, в основном, фрилансеры, — согласно кивнула. — Почему ты раньше не сказала, что тебе нужны деньги?

— Мне не нужны деньги! Мне работа нужна! Я не какая-то там попрошайка, — возмутилась она, искоса глянув на меня. — Андрей собирается поговорить об этом с отцом. Может найдётся что-то для меня.

— Ну, как ни странно, ты похоже повторяешь мой путь. Я ведь тоже работала на Институт после того, что случилась. Была консультантом. Им временами сложно определить, кто перед ними призрак или человеческая изобретательность, этим я и занималась. Плюс они много рассказали о том, как видят мир духов экзорцисты. Это полезный опыт, но есть одно но.

— Какое? — напряжённо спросила она.

Негромко хмыкнув, достала из рюкзака сигареты и закурила, колечками выдыхая сигаретный дым.

— Ты не сможешь работать как экзорцист. Я смогла лишь потому, что была на грани. Мне отчаянно хотелось исправить свои ошибки, поэтому я пыталась быть как они. Действовать агрессивно по отношению к мёртвым. Я была одержима мстью.

— Я не понимаю.

— Марго, они изгоняют призраков. А мы их спасаем. Разная работа. Мы чуть ли не на генетическом уровне обязаны помогать мёртвым. А они их уничтожают, — негромко резюмировала.

— Ты хотела этого, да? Уничтожить Белого пса за то, что он убил твоего отца?

Марго наклонила голову вперёд и остановилась, как будто бы на белом снегу оказалось что-то интересное. Я не сразу поняла, что она сказала.

— Он тебе рассказал! — выкрикнула обвинительно, моментально закипая. — Да как он...

— Да-да, он негодяй, посмевший выдать твою тайну, — устало заговорила она. — Так расскажи мне, как всё было на самом деле. Мне правда нужно это знать.

От её слов во рту сразу появился неприятный «хлебный» привкус, так бывает, когда выкуриваю за день слишком много сигарет. Мы спускаемся с горки и идём в сторону метромоста, на котором совсем недавно отпустила девушку-призрака. Кажется, что это так давно было.

— Я не знаю, как тебе объяснить то, что тогда случилось. Андрей рассказал события, но он понятия не имеет, что за всем этим скрывалось. Пожалуй, для тебя это будет один из самых важных уроков в жизни медиума.

Останавливаюсь у моста, наблюдая за проезжающим поездом. Тут гораздо холоднее,

чем наверху, по телу прошла нервная дрожь, и Марго выглядит замёрзшей. Но здесь так пусто, ни единого прохожего, никого, поэтому не двинулась с места, только достала очередную сигарету, и вновь закурила, давась горьким дымом.

— Когда мне исполнилось тринадцать лет, отец вновь женился и я возненавидела его. Я считала его предателем мамы и меня. Он ввёл в нашу маленькую семью женщину и её десятилетнего сына. Кроме Михаэля, мне некому было пожаловаться на свою боль. Некому было рассказать, насколько я зла и обижена. Так я сблизилась с Белым человеком. Чем дальше я отдалялась от отца, тем ближе подвигалась к нему. Со временем он стал для меня и наставником, и отцом, и другом, а спустя год влюбилась так как умеют влюбляться только подростки. Безжалостно и беспощадно, на грани, на полном максимуме. Сейчас мне проще вспоминать об этом, но то, что было... это было прекрасно, — говорю не кривя душой. — Он водил меня на Изнанку, показывая только самое лучшее и удивительное. Тот пляж, на котором мы были показал именно он. Михаэль заменил мне весь мир. У меня не было друзей, не было никого, с кем могла поговорить кроме него. Отец верил в подростковый период и не трогал, он не понимал, насколько глубоко я падаю. Насколько быстро мне стало не хватать наших редких вылазок на Изнанку. Та реальность — единственное место, где мы могли касаться друг друга, заниматься любовью, чувствовать биение наших сердец. Не думай, что говорю излишне высокопарно, я была несовершеннолетней дурочкой. Влюблённой настолько, что не замечала, как быстро начал меняться возлюбленный. Не слышала то, что он говорит, не видела то, что делает. Когда исполнилось восемнадцать, он пообещал сделать особый подарок, который изменит всю мою жизнь. Сложно сказать о чём тогда думала, мне казалось, что он подарит настоящее волшебство. Я была так наивна. Спустя несколько недель мы с семьёй должны были вместе отправиться на море по случаю моего совершеннолетия, я сделала вид, что больна и они отправились без меня. А я шагнула за Белым человеком на Изнанку точно так же, как это сделал твой брат.

Выбросив сигарету, уставилась на молчаливо слушающую Марго. Мы так похожи в том, что пережили... Она понимает, о чём говорю. Предательство знает нас обеих.

— Он сделал всё, чтобы я не поняла, что что-то не так. Время текло так медленно, тогда как в реальности шли дни. Поездка была рассчитана на два месяца, по договорённости, я должна была приехать к ним как только поправлюсь. Михаэль подделал мой голос, сказав им, что я нашла очень интересную работу, так что не смогу к ним присоединиться. Два месяца, Марго, этого времени хватило бы с лихвой, чтобы я умерла на Изнанке и осталась с ним, — тяжело выдохнув, сжала/разжала кулаки, переведя взгляд на застывшую реку. — Мне хватило ума поверить Харону. Хватило ума поверить совершенно незнакомому и опасному существу. Хватило ума поверить в то, что мой возлюбленный обманывает меня. Что он замыслил убийство. И я ушла.

— Андрей сказал, Михаэль преследовал тебя? — нарушила возникшую тишину Марго.

— Почти сразу, как вернулась стала носить голубые ленты, чтобы не видеть его и не слышать. Этого было недостаточно, Михаэль слишком хорошо меня знал. Он знал, что я не оставлю других призраков и буду стремиться им помогать. Он караулил меня, пытался дотронуться, поговорить, убедить в моей неправоте. Но знаешь, что самое смешное, — горько усмехнулась, — когда человек знает, что прав, он не молчит, не скрывает. Поэтому все слова Михаэля проходили сквозь меня. В одну из таких встреч он был настолько эмоционален, что я побежала и чуть не попала под машину. Это настолько напугало меня, что обратилась в Институт за помощью. И они согласились помочь мне изгнать его.

— Но всё пошло не так, — кивнула Марго.

Проведя задубевшими пальцами по губам, прикрыла глаза, вспоминая тот день. Ту боль, что причинила всем. Руки дрожат, ком в горле, но я продолжаю говорить, потому что Марго должна знать, что тогда случилось. Она не должна повторить мои ошибки, не должна идти по моему пути.

— Можешь ли ты поверить в то, что я не знала насколько он силён? Поверить в то, что я никогда не встречала его сподвижников? Поверить в то, что я была настолько наивна и глупа? Они погибли из-за меня. Мне хотелось бы ненавидеть его, но за что? За то, что он верит в свои слова? За то, что пытался выжить, ведь изгнание ведёт к водам Изнанки? Он умирает там и это происходит из-за меня, — на последних словах голос дрогнул, я закрываю лицо руками, пытаюсь сдержать слёзы и успокоить забившееся сильнее сердце.

Марго подходит ко мне, прижимает к себе да так сильно, что не выдерживаю, реву как девчонка в голос, сбрасывая всю накопившуюся боль.

— Тише-тише, — шепчет она, утыкаясь мне в волосы.

— Я не смогла помочь ему, Марго, — говорю едва слышно. — Не смогла почувствовать его, не смогла открыть дверь. А теперь поздно.

— О чём ты? — спрашивает, отстраняясь.

— Когда ты ушла через зеркало, я встретила с ним.

Нос заложило, в глаза как песком насыпали, горло раздирает сухость и влага одновременно. Все признаки простуды, но это гораздо сложнее — разъедающая нутро вина.

— Я знала, что он найдёт меня. Нам нужно было поговорить. Спустя столько лет, я была готова выслушать его и всё равно не смогла услышать. Не смогла понять, почему он так поступил. Те призраки, о которых знают на этой или той стороне по имени могут находиться там очень и очень долго. Столетия на Изнанке, нужно лишь только подпитывать своё имя делами, чтобы не забыли. Но рано или поздно и этой отсрочке приходит конец. Белый человек умирает несмотря на его внушительное количество последователей. Скоро он по собственной воле войдёт в воды Изнанки и исчезнет. Для него не будет двери, не будет туннеля, прохода, лестницы в небо, он растворится, как будто бы его никогда и не было. И всё потому, что я не смогла ему помочь! — закричала в момент, когда очередной поезд проехал над нами так, чтобы отчаяние затерялось в эхе, чтобы самой не слышать насколько это страшно.

— Ты всё ещё любишь его, — прошептала она.

— Я никогда не смогу забыть его, Марго, — говорю устало. — Слушай меня... девочка. Не смей влюбляться в мёртвого, иначе он заберёт тебя с собой.

***

В этом клубе никогда ничего не меняется. Мягкий полумрак, столики-кабинки с удобными креслами, стойка бара, за которой из года в год стоит один и тот же человек, небольшая сцена вровень с полом, окна, закрытые тёмными шторами, растения в кадках, картины настолько тёмные, что разглядеть почти невозможно, пепельницы на столах, красный ковёр под ногами, атмосфера изысканности и лоска, но позабытого, без современной напыщенности, всё яркое — для первого этажа, на котором располагается известное кафе, а это место только для своих, для таких, как я.

Заняв дальний столик, заказала у знакомой официантки чашку чая с любимыми пирожными, закурила, откинувшись на спинку дивана, в ожидании того, ради чего пришла

сюда. Прождала не так долго, как думала. Пирожные съела, чай почти допила и почта на телефоне почти вся прочитана, как подошёл он.

Руслан Валерьевич по прозвищу Чтец. Владелец ресторана «Золотая лилия», его также можно назвать главой московских медиумов, хоть у нас и нет организации, скорее клуб по интересам. Здесь мы собирались с очень давних пор, и этим местом всегда владел самый опытный и знающий из нас. Лет двадцать назад таким человеком стал Руслан. Он прекрасно разбирается не только в призраках, но и в людях. Его помощники ищут молодых медиумов и помогают им привыкнуть к новому миру. Нас мало, а без его помощи стало бы ещё меньше.

Руслан обладал незначительной внешностью. Он не выглядел убелённым сединой старцем, в его облике не было ничего воинственного или наоборот сказочно-добродушного. Да и не был он похож на старика. Невысокий, крепко сбитый, с небольшой бородкой и густыми слегка вьющимися волосами, выцветшими до тускло-серого цвета глазами, с носом картошкой, с россыпью морщинок, со шрамами на лбу и щеках, оставшихся ещё с юности, он весь был невыразительным, обычный пожилой мужчина, с несвежим дыханием и пожелтевшими от курева зубами. Всё менялось, как только он начинал говорить, тогда же понимаешь, насколько внешность и дух могут различаться. Чтец был очень сильным человеком, знающим и справедливым.

— Добрый вечер, Руслан Валерьевич, — чуть привстав и протянув руку для пожатия, поздоровалась с мужчиной.

— Дорогая Элли, как же я рад тебя видеть! — с мягкой улыбкой, воскликнул он, ловко перехватывая мою руку и целуя. — Давненько ты к нам не заглядывала, уж подумал не случилось ли чего.

— Да вы же знаете меня, я сама скрытность, — отвечаю тон в тон, опускаясь обратно на диван.

— К сожалению, да, ты редко балуешь нас визитом. И отказываешься обучать молодых, хотя твоего опыта хватило бы не на одну ватагу подростков, — припомнил мне он. — Ну да ладно, рано или поздно, но ты передумаешь и тогда я возьмусь за тебя как следует, — подмигнул Руслан. — Ты почти всегда приходишь по делу, что случилось? Ты в порядке?

— Со мной всё хорошо, но в начале декабря случились некоторые события, о которых вам следует знать, — достав сигареты и под неодобрительный взгляд Чтеца, закурила.

Рассказ не занял много времени, но Руслан заметно напрягся и посерьёзnel к моменту, когда я закончила. Он сложил руки в замок и опёрся о них подбородком, смотря сквозь чайник на стол.

— Звучит действительно скверно, дорогая. Уже два раза, а если считать Марго и Максима по отдельности, то и три раза призраки забирают на Изнанку медиумов. Неспроста это происходит, — заключил он. — Как девушка? Ты говоришь, что она уже восстановилась после возвращения, когда ты приведёшь её сюда?

— Планирую совместить с Новым годом. Чтобы она познакомилась с большим количеством медиумов. Так-то нас по одиночке нужно искать, мы редко собираемся в большие компании, — ответила сразу. — Я пришла сюда не только рассказать о случившемся, мне кажется следует связаться со всеми, кого мы знаем. Я предполагаю, что всё гораздо хуже, и случаев похищений гораздо больше.

— Я тоже об этом подумал, — согласно кивнул Руслан. — Хорошо, я проверю наших и свяжусь с другими городами, как будут подробности — наберу тебя. Скажи, а Харон ничего не говорил о происходящем? Ему, как стражу между мирами должно быть больше известно.

— Я с ним об этом не говорила. Мы с Хароном не друзья, что бы кто по этому поводу ни думал, — отрицательно качнула головой. — Если он сочтёт нужным поделиться со мной информацией, то он это сделает, а пока молчит.

— Спроси у него, — приказал Руслан. — Мы должны точно знать, известно ли ему о происходящем. Ведь это его работа — следить за порядком.

— Это да. Во всей этой ситуации, мне не понятны мотивы духов. Зачем им убивать медиумов на той стороне? Из-за Максима становится ясно, что, умерев там, мы не можем отправиться дальше и застреваем, как и остальные призраки. Но вопрос в другом, остаются ли наши способности или мы их теряем? В чём они видят выгоду? Мне кажется, следует также допросить знакомых нам призраков, может им известно, что задумали их сильнейшие лидеры.

— Растёшь девочка, — лицо Руслана озарила улыбка. — Правильные вопросы и решения, жаль ты так редко участвуешь в делах медиумов, сидишь в своей берлоге и носу не кажешь. Не стоит отдаляться и уходить в себя, мы сильны, когда вместе.

— О, опять нотации, — протянула устало. — Вы знаете, почему я так поступаю, не стоит на меня давить, иначе опять уйду.

— Ладно, вижу беседа со мной утомляет тебя, — сказал он, вставая. — Отдыхай, Элли. Здесь есть несколько твоих знакомых, думаю, они будут не против с тобой поговорить. Расслабься, хоть ненадолго. Твои опасения приняты к сведению и уже к завтрашнему утру будут донесены до всех известных нам медиумов, а от них разойдутся и к остальным.

— Спасибо, — согласно кивнула на прощание.

***

— Элли, вы как всегда грустны и неприветливы, — с укоризной замечает Виктор Сергеевич.

Мы не часто видимся, и ещё реже говорим напрямую. Я никогда не нравилась отцу Андрея, он считает меня опасной для сына. Но, тем не менее, он никогда прямо не мешал мне и даже тогда, когда работала в паре с его сыном.

Виктор Сергеевич Серебряков видный мужчина. Высокий, стройный и подтянутый, завсегдатай тренажёрного зала, в прошлом спортсмен, и сейчас не теряющий формы. Андрей очень похож на отца, ему от него перешли широкие плечи, зелёный цвет глаз и тонкие губы. Волосы цвета меди, правда у отца они припорошены сединой и не выются. Мне сложно понять, что у него на душе. Чего он хочет от жизни? Отец двух сыновей, вдовец, с недавних пор руководитель Института, человек сдержанный и властный, холодный, но знающий значение слова ответственность. С ним можно работать, но разговаривать почти невозможно. Надеюсь, его сын таким не станет.

— Что поделаешь, жизнь не располагает к веселью, — отвечаю в тон беседы. — Я пришла узнать, что вы будете делать с Марго.

Наша беседа проходила в том же кабинете, где несколько недель назад я разговаривала с Анатолием Павловичем. Здесь ничего не поменялось, разве только стол освободился от кипы бумаг, сохранив лишь несколько необходимых предметов.

— Ничего, — Серебряков откинулся в кресле, скрестив руки на груди. — Пока она будет здесь. Её способности весьма интересны, их нужно как следует изучить, а также задокументировать. Девушка подверглась серьёзным испытаниям, схожим с твоими, значит есть риск, что мёртвые не оставят её в покое. Пусть будет под присмотром. К тому же Марго

изъявила желание поработать на нас. Разумный выбор, как только она освоится, дам добро.

— Как у вас всё ловко выходит, — улыбаюсь криво. — Главное помните, она человек, а не солдатик. И медиум. Пускай сейчас Марго этого не осознаёт, но рано или поздно её потянет спасать призраков, а не загонять их во мрак. Это в её природе.

— Тебе это не помешало, — холодно отреагировал он. — Элли, просто подумай о том, каково ей будет одной. Тебе повезло, Михаэль не довёл дело до конца. Не думаю, что Клаус поступит также в отношении неё. С нами она будет в безопасности.

— Вы думаете, я буду настраивать её против вас? — спрашиваю, искренне удивляясь. — Да ни в коем случае! Просто предупреждаю — она не сможет действовать по инструкции, как остальные экзорцисты. В своё время, я доставила вам немало хлопот, прежде чем поняла, что должна идти своим путём.

— Тогда не мешай. Я не хочу ставить девушку перед выбор. В конце концов, это не красиво, ведь ты спасла ей жизнь, — скрестив пальцы, очень спокойно сказал он. — В любом случае, пока ты ведёшь себя прилично, я не буду против твоих визитов в Институт. Главное не пересекайся с Настей. Она злопамятна.

— О, я буду тиха как мышка, — восклицаю иронично.

***

Декабрьский вечер мимолётен, холоден и красочен. Небо, не укутанное в одеяло из облаков, на закате разгорается всеми оттенками красного, спускаясь по шкале до градаций пурпура и кобальта с примесями амарантовых и розовых красок. Этот ослепительный миг настолько насыщен цветом, что невозможно оторвать взгляд от их яркости, сочности и пронзительности. Мороз забирается под полы пуховика, холодя до онемения кожу, но сдвинуться с места нет сил.

Как же давно не наслаждалась красотой, как же давно не видела её, не чувствовала, не наполняла клетки тела такой невообразимой ясностью сознания. Неужели все эти годы гнила в собственном теле из-за маленького кусочка Изнанки, зацепившегося за мою душу? В это почти невозможно поверить, но вспомнить, когда в последний раз вот так просто наслаждалась жизнью, никак не получалось.

— Боже, как долго ты тут стоишь?! Ты же вся синяя!

Рядом со мной как чёртик из табакерки возник взъерошенный Паша в наспех накинутом демисезонном пальто. Он прятал руки под мышки, переминаясь в шлёпках на босу ногу. Рыжеволосый, курносый и долговязый как вешалка, худющий и вечно голодный. В глазах вялость и апатия, скука вечного подростка.

Он угодил к Харону задолго до меня, соблазнившись вечной жизнью, здоровьем и молодостью. Его не напугали перспективы периодически исчезать, уступая тело своему хозяину, раньше был недалёким, не верил в сказки про джиннов.

— Засмотрелась, — пожимаю плечами, доставая из сумки бутылку портвейна. — Тебе принесла, будем?

— А то, — заухмылялся парень, а потом нахмурился. — А Харон не скоро придёт, занят.

— Тогда подожду в приятной компании, — я заговорщически подмигнула.

— Вот ты скажи, стоит оно того? — спустя два стакана и скрученной травки, которую он с видом заговорщика выудил из подсобки, развалившись рядом со мной на диване,

спросил Паша.

— Что? — передавая самокрутку, отвечаю вопросом на вопрос.

— Ну это самое, видеть и помогать духам? — медленно заговорил он. — Как не придёшь — пиши пропало, обязательно что-нибудь стряслось. Вся нервная, дёрганая с синяками под глазами, не женщина, бледная немочь, вот я к чему! Эй, — обиженно воскликнул, когда толкнула из-за последних слов. — На правду не обижаются!

— Да иди ты, психолог доморощенный. Сам же знаешь — отказаться не получится, не будешь помогать — рано или поздно с ума сойдёшь.

— И всё равно, фигня какая-то выходит. Так сойдёшь с ума или так сдохнешь раньше срока, разницы никакой! — приложившись к бутылке из горла, проворчал он.

— Что ты привязался? Хорошо же сидели! — проворчала недовольно, забирая портвейн и очищая рукавом горлышко. — Бес его знает, что и как, выбора нет, а там уж как фишка ляжет или какую соломинку из кулака судьбы вытащишь. Воля случая.

— Ага, — Паша потерял интерес к беседе и с тоской посмотрел на заваленный тетрадками и учебниками стол.

Проследив за взглядом, спросила:

— Ты же вроде бы закончил учиться?

— Это другая специальность. Теперь я на филфаке МГУ науку мысли постигаю, — говорит грустно, затягиваясь.

— Вот ты ко мне с дурацкими вопросами пристаёшь, так и я спрошу — на фига козе ещё одна корочка из вуза? Ты же сторожем в заброшенном здании работаешь? Какой смысл?

— Харон велел развиваться. Мол иначе совсем мозги скиснут и стану как овощ из-за того, что он смотрит на мир моими глазами. Вредно это, а учёба кратчайший способ встряски. Вот поднакоплю деньги и рвану в горы, однокурсники давно зовут на лыжах покататься, — размечтался разоткровенничался парень. — После сессии на новогодние праздники махнём.

— Рада за тебя, — говорю, закрыв глаза, наслаждаясь хмелем и туманностью сознания.

— Паша хороший парень, ответственный, один из лучших помощников, — раздался знакомый приятный голос.

Открыв глаза, увидела рядом с собой Харона в истинно джентельменском облике, в светло-сером шёлковом костюме со светлым галстуком, в дорогих ботинках с сигарой вместо самокрутки в руках, одна нога закинута на другую, смотрит перед собой на голую стену как рентгеном вспарывая, глядя в ничто.

— Я рада за тебя, — повторяю последнюю фразу. — Ты хорошо выглядишь, Харон, твои дела закончились успешно?

— Да, — отвечает односложно, всё также глядя в никуда. — А как твои дела? Ты никогда не приходишь просто так.

— Буду отвлекать по пустякам — откажешь мне в дружбе, — говорю с обидой, памятуя о наших первых встречах, когда задавала сотни вопросов, изрядно утомляя стража.

— Правильно, — согласно кивнул он, а затем затушив сигару в пепельнице, повернулся ко мне, внимательно рассматривая моё лицо, отчего мурашки пробежали по телу и я передёрнула плечами. — Давай посмотрим, как держатся чужие сны.

Без разрешения обхватил руками голову, закрывая пальцами глаза, приятно сжимая. От рук исходит мягкое покалывающее тепло, расплзающееся как кровоток по всему телу. Секунда соскальзывает в минуту, минута растворяется в блаженстве, клонит ко сну и дрёма

захватывает и без того туманное сознание, как всё резко как по щелчку заканчивается.

Открываю глаза и с изумлением вижу, что Харон спиной стоит теперь у маленького окна вновь с дымящейся сигарой, и когда только успел?

— Ваш диагноз, доктор, — с хрипотцой, иронично спрашиваю, доставая сигареты из сумки и залпом осушая полупустой стакан с портвейном.

— Пока всё держится, — говорит задумчиво. — Но пятна проступают, что не в нашу пользу. Плохой знак, Элли. Даже месяца не прошло, а значит к следующему лету придётся повторить процедуру, если не раньше. И не факт, что подействует, ведь это как с гриппом, рано или поздно появится новый штамм, на котором лекарство не будет работать.

— Спасибо за честность, — благодарю, нервно сглотнув.

Повернувшись, он опёрся рукой о подоконник, затянулся сладковатым дымом и вновь пристально посмотрел на меня.

— Что-то ещё? У тебя были какие-то вопросы, Элли?

— Это касается меня и Марго. Того, что случилось с нами. Я была ученицей Белого человека, тогда как Макс, брат Марго, ученик Чёрного. Они затащили нас на Изнанку, чтобы мы там умерли. А потом Чёрный человек попытался проделать тот же фокус и с Марго, что говорит о системе. Я хочу знать, что тебе об этом известно?

— Ничего, — просто сказал он. — У меня нет доступа в башни.

— Что?

Сначала даже не поняла, что он сказал, а когда осознание накрыло с головой, удивление резко переросло в полноценный шок. Чтобы Страж между мирами, Проводник душ и Мастер Изнанки не мог попасть в башню именного призрака?! Это звучало поистине невероятно!

— Я не знаю, что они затевают. Мои агенты не возвращаются с заданий, а значит их уничтожают. Прости Элли, но я не могу помочь тебе.

— Можно закрыть все щели. Запретить призракам покидать Изнанку, я слышала, ты способен на это!

— К сожалению, но нет, — он отвечал настолько скупой, что я заподозрила его в двойной игре, но потом отбросила эту мысль. Скорее всего, он знал больше, но не считал долгом поделиться своими знаниями со мной.

Видимо ответы мне придётся искать в другом месте.

***

Улица обожгла разгорячённое лицо холодным морозным ветром. Поуютнее укутавшись в тёплый вязаный свитер, остановилась у дороги, высматривая машину такси. Время — почти пять утра, настоящая темень. От алкоголя и травки немного мутило, но настроение, несмотря ни на что, оставалось благополучным, сказывалось давнишнее желание расслабиться и отключиться.

В этот час машины на дороге — редкость, поэтому автомобиль, указанный в смс-сообщении, сразу привлёк внимание. Махнув рукой, собралась переходить дорогу, когда услышала за спиной рычание. Обернувшись, столкнулась взглядом с чёрными провалами вместо глаз. Собака, наклонив голову вперёд, сидела буквально в нескольких метрах от того места, где стояла я. Онемев от неожиданности, настороженно уставилась на неё. Сзади раздался автомобильный гудок, разрушивший напряжённое молчание. И в тот же миг доберман сорвался с места. Не разбирая дороги помчалась к машине, лихорадочно дёрнула ручку двери, падая на сидение, закрывая дверь прямо перед открытой пастью собаки.

Тяжело дыша от страха, вмиг отрезвев, уставилась на оскаленную морду пса — он опёрся передними лапами о машину и теперь смотрел прямо на меня.

— Девушка с вами всё в порядке? Вы от кого-то бежали? Что случилось? — раздался обеспокоенный голос водителя.

— Собака, — говорю на выдохе.

— Какая собака? — удивился он.

— Она...

Всего лишь на секунду отвернулась, а пёс уже исчез, как будто его и не было!

— Не важно, поехали.

Марго

Вот и настал Новый год. Время летит, машет крыльями, мелькает вспышками минут. Проходят дни, дышать становится всё легче. За поворотом видится рассвет. Мне кажется, ещё немного и свыкнусь, привыкну к новой жизни, но верится с трудом. Сквозь синие линзы мир выглядит знакомым и от этого маленьким, простым и слишком неприметным. Это подарок Андрея, специальный заказ из дальнего монастыря, построенного у крупного святого источника. Эти линзы — спасение для меня, в них я не вижу Изнанку. Не вижу призраков, не вижу фантазий наяву. Это великолепный подарок! Но я не рада ему. Ведь без линз чувствовала себя более полноценной, чем когда-либо. Без них я особенная. Поэтому надеваю только когда очень сильно устаю.

Сегодня мы с Элли отправляемся на новогоднюю встречу с другими медиумами. Я увижу других и мне любопытно, какие они. Похожи ли на неё или же совсем другие? Меня волнует тот факт, что до сих пор не состоялась как медиум. За этот месяц никому не помогла. Элли утверждает, что всё нормально и у меня ещё всё впереди. Но от этого не чувствую себя настоящим медиумом. А чувствую, что застряла между мирами, увязла на перепутье, как муха в паутине. Неприятное ощущение. С другой стороны, контактные линзы говорили, что именно таких как я, там не будет. Такой сильный дар убивает медиума ещё в детстве, а я всё ещё жива.

***

Нахмуренные брови, сигарета в зубах, волосы, заколотые длинным карандашом, определённо Элли не выглядела как человек, идущий на вечеринку.

— Всё в порядке? — спрашиваю осторожно, стоя в дверях.

— Что? — рассеянная, она только заметила меня, кивнула, а затем махнула следовать за ней.

Мы обошли дом и остановились перед старой грязной девяткой, но с новыми зимними шинами. Девушка внимательно оглядела двор, бросила незажжённую сигарету в снег, забралась в машину и включила зажигание.

— Сейчас она прогреется и поедет, — сказала, выбравшись из машины и доставая новую сигарету.

— Элли, с тобой всё в порядке?

— Да так, трудная выдалась неделька, — она криво улыбнулась, покачав головой.

На её лице мелькнуло озарение и девушка достала из сумочки небольшой свёрток в зелёной обёрточной бумаге.

— Держи, это тебе.

— Ох, спасибо, — растерялась от неожиданности, принимая подарок. — Я...

— Оставь условности, это полезный подарок, не всякое барахло, — закурив, перебила она. — Слушай, ты когда-нибудь видела большого чёрного пса с провалами вместо глаз?

— Что?

— Не важно, — она сжала пальцами переносицу, прикрыв глаза. — Забудь.

— Элли... — девушка своим поведением сбивала с толку.

— Забудь, просто забудь. Сейчас поедем, выпьем, расслабимся и всё станет как надо, — с убеждением в голосе заговорила она. — Едем.

Город озаряли бесконечные разноцветные вспышки. До двенадцати ещё четыре часа, а праздник уже так ярок и насыщен, что непроизвольно начинаешь улыбаться. И улыбка не пропадает, когда видишь счастливые лица прохожих, когда видишь стайки ребятишек с бенгальскими огнями, парочки с бутылками шампанского, укрытые, объединённые разноцветной мишурой. Вон большущий белый лабрадор в шапке деда Мороза бежит наперегонки с девочкой-Снегурочкой, вот мальчик довольно грызёт леденец-петушок на палочке, а вон молоденькие девчонки, лет шестнадцати, не больше, бросают друг в друга снежки. Все румяные, счастливые и мёртвые. Это Новый год празднуют и на Изнанке. Кто-то только в этот день и оживает, кто-то только проснулся, очнулся, пришёл в себя, чтобы пройти сквозь свет к своей двери, создав новую яркую вспышку.

Взгляд выхватывает их белоснежные лица, а в голове набатом: «Только не сегодня, только не сегодня. Пусть обойдётся и пройдёт стороной!»

Сегодня оставила контактные линзы дома. Я должна научиться обходиться без них. Из-за этого желания продолжаю ходить по кромке двух реальностей, шаг вправо, шаг влево — не угадаешь, куда упадёшь.

Зажмуриваюсь изо всех сил, вздрагиваю от далёкого хлопка, открываю глаза и напарываюсь на пристальный взгляд Элли.

— Тяжко сегодня? — спрашивает хрипло. — Вот и мне нелегко. Это пройдёт. Всё рано или поздно заканчивается, и Новый год тоже. Когда приедем, станет легче. Пожалуй только ради этого мы все и собираемся в том клубе.

— Там какая-то защита?

— Что-то вроде того. На будущее запомни — помогать духам в Новый год — последнее дело. Они сами справятся или нет. Наша помощь может только навредить, — она улыбнулась, раскуривая очередную сигарету. — Поэтому просто выброси всё из головы и расслабься, может поможет. Мне помогает, но ты же у нас особенная.

Слова, сказанные сарказмом, неприятно обожгли, но присмотревшись, поняла, что зависти или затаённой злобы в них нет. Только горечь. Элли **понимает**, что такое быть особенной.

***

Место, в которое мы приехали, донельзя странное. Старое здание, выкрашенное в нежно-голубой цвет с белыми колоннами, украшенные лепниной, с ажурными решётками на окнах первого этажа. Массивные деревянные двери метра три высотой с тяжёлой вытянутой ручкой, за которыми скрываются ещё одни двери, чтобы с улицы холодом не тянуло. Внутри обычное кафе, не из дешёвых, но и не из элитных. Всё украшено еловыми ветками, мишурой и с большой ёлкой в углу, возле которой фальшивые коробки с подарками, фарфоровый Дед Мороз со Снегурочкой, а наверху остроконечная звезда. Тёплый ламповый свет, приятный

полусумрак, за столиками живые люди, на стене плазменный телевизор, по которому репортаж с Красной площади. Атмосфера праздника, играют новогодние песни, официантки в праздничных костюмах, а бармен с оленьими рогами и красным носом, как у Рудольфа.

Немного растерявшись, последовала за Элли. Судя по всему, нам не сюда. Девушка уверенно повела в сторону второго зала, зеркально похожего на первый, там мы прошли за дверь с табличкой «Только для персонала», где оказались в обычном коридоре с лестницей, ведущей на второй этаж.

— Тебе предстоит пройти небольшое испытание. Не волнуйся, чистая формальность. Это будет интересно, — сказала Элли, не оборачиваясь.

Поднявшись по лестнице, за не приметной дверью, мы оказались в длинном, роскошно обставленном холле, украшенном картинами и растениями в кадках, с мягкими красными коврами, благородно-синими плотными занавесками с золотой шнуровкой, подхватывающей их к краям окон, за которыми виднелась городская улица, освещённая светом фонарей и вспышками далёких салютов.

Но здесь полная, глухая тишина. Ни звука не проникает сквозь стёкла, слышится только тиканье старинных часов да далёкие мелодии праздничной музыки, скрываемые толстыми дверями, возле которых за ореховым столиком сидел незнакомый худой и высокий мужчина в странном фиолетовом цилиндре в синих маленьких и круглых очках, сквозь которые совсем не видно глаз, во фраке с зелёной бабочкой в горошек, с кармашком, из которого торчит оборванная серебряная цепочка, в перчатках, одна белая, другая красная. Мужчина — обладатель крючковатого носа и тонких бесцветных губ, узких скул, и слишком длинных ушей. Он кажется и старым, и молодым, но скорее не старше пятидесяти лет. Кажется страшным и безвредным, чуждым и до боли знакомым. Единственное однозначное — несуразность, как и у безумного Шляпника из сказки про Алису. Перед ним на красном сукне лежат большие, сантиметров по тридцать в длину, карты, зелёной рубашкой вверх. Он поглаживает самую верхнюю, неотрывно глядя на нас.

— Следуй за белым Кроликом, Алиса, — как будто прочитав мои мысли, воскликнул он, разводя руки в стороны.

— Тео, оставь сказки для других! — резко оборвала его Элли. — Смотрю, ты принарядился для праздника. Тебе идёт.

— Не каждый день к нам приходят новенькие, — улыбнулся мужчина, обнажая белоснежные зубы. — Особенно *такие*.

— Тогда не надо паясничать, приступай к делу. Я хочу познакомить Марго с остальными до двенадцати, а не после.

— Хорошо, — качнул головой Тео, а затем повернулся ко мне. — Представлюсь, моё имя — Теодор. Я...

— Призрак, — догадалась моментально, чувствуя его чуждость с того момента, как увидела. — Меня зовут Маргарита, но все зовут Марго.

— Или Марг? — он хищно улыбнулся, от чего внутренне напряглась. — Королева Марго, добро пожаловать в иной мир.

— Не люблю Булгакова.

В один миг этот человек стал неприятен. Не знаю почему, но один его вид теперь отвращал, появилось желание ударить его, чтобы стереть эту ухмылку с его тонких сухих губ.

— Девица с норовом! Люблю таких, вас надолго хватает, — он провёл языком по клямкам, а после сказал Элли:

— Введёшь её в курс дела или это сделать мне?

— Пожалуй я, ты уже ей не нравишься, — она рассмеялась, после заговорила как по учебнику. — Все медиумы помогают мёртвым. Если ты не помогаешь им, тогда ты не медиум, по-другому не бывает. Это на уровне непроизвольного, а значит нужно принимать как данность. У нас есть особенности, каждый из нас тяготеет к определённом виду мёртвых. Военные, убийцы, больные, мстители, нераздельные влюблённые, видов сотни. К примеру, меня чаще тянет к самоубийцам, но это не означает, что другим я не помогаю, просто это моя особенность. Мне легче подобрать слова для таких духов. Всё понятно?

— Да, — согласно кивая. — А причём тут Теодор?

— Я покажу, к чему ты тяготеешь, — вместо Элли ответил мужчина. — Дар художника проснулся после смерти. Это моё имя — Безумный художник. Кстати, все картины, что ты здесь видишь — нарисовал я, — добавил он хвастливо.

После его слов внимательно посмотрела на стены. То, что увидела, ужаснуло. Это как самые жуткие картины Гигера или Бексиньского, монстры, терзающие обнажённые души, перевёрнутые церкви, кровоточащие колокола, кресты, из которых выплывает угольная тьма, солнце и луна, сверкающие могильной зеленой над пустошью, усеянной трупами, над которыми летают стервятники с выпирающими костями, безликие дети, играющие с телами мёртвых животных, монашки, пожирающие, как упырицы, пастыря, библия, из которой вываливаются жуки и личинки, чем больше смотрела на картины, тем больше зла проникало в сердце, сложнее оторвать взгляд, сложнее посмотреть в другую сторону.

Меня спасла Элли. Она с силой схватила за руку, впиваясь ногтями в запястье, отчего очнулась, зажмурилась и отвела взгляд.

— Ты должна была это увидеть, чтобы понять, что происходит на нижних уровнях Изнанки, — сказала она неожиданно мягким голосом.

— Я слышала стоны, — говорю хрипло.

Горло сдавил ужас, проснувшийся от этих полотен.

— Почему такое висит здесь?!

— Мы должны помнить, от чего спасаем мёртвых, — отвечает Элли.

— Жаль, я надеялся, что тебе понравятся мои работы. Все писаны с натуры, — довольным тоном заявил художник. — Когда-нибудь за этими картинами начнут охотиться. Мой талант оценят и я...

— И тогда ты уйдёшь. Старая пластинка, придумай что-нибудь другое. Мы все знаем, что тебе просто нравится видеть страдания других, — со злостью в голосе сказала Элли. — Показывай ей картинку и мы уйдём.

— Ты уже знаешь мою особенность? — спросила поражённо.

— Нет, но скоро узнаю. Доставай карту и вместе посмотрим.

Из-за очков мне не видны его глаза.

— Ну же, подходи, — заметив мою нерешительность, скомандовал он.

Подходя отметила странный запах, в воздухе смешался аромат парафина, смолы и фиалок. Необычный букет. Это запах призраков?

Теодор, улыбаясь, разложил передо мной карты, провёл рукой по рубашкам, приглашая выбрать свою. Криво улыбнувшись в ответ, повторила его движение, выбирая.

— Ты почувствуешь какая твоя, — неожиданно сказала Элли. — Не ошибёшься.

Но я ничего не чувствовала. На мгновение, показалось, что всё это большая ошибка и что я не медиум, просто ошибка или эксперимент Чёрного человека. Мысль промелькнула и

сбежала. Теряя терпение, плюнула на всё и вытащила первую попавшуюся карту.

— Господи, что это?!

Картина физически и эмоционально ужасала. Я онемела от шока и непонимания. Передо мной на небольшой картонке предстала картина поля после боя. Тяжёлые свинцовые тучи в противовес ржаной истоптанной изуродованной земле, усыпанной костями и черепами павших с торчащими из тел пиками и разломанными щитами, с рваными неопознанными стягами, со стервятниками, летающими над остывающей до могильного холода землёй. Цвета контрастны, сочны и противоестественно натуральны, такая мощь в столь маленькой картинке, что почти слышится шум ветра, карканье полубезумных птиц и грохот предвестников бури. Но самым пугающе впечатляющим на картине была женская фигура в красном платье, стоящая спиной, с косынкой, прикрывающей выющиеся рыжие волосы.

— О! Как необычно, — протянул Безумный художник, привстав, чтобы увидеть доставшуюся мне картину. — Красная смерть. Эту карту никогда не доставали.

Элли, глянув на картину из-за моего плеча, спросила:

— Отлично, и что же она означает? Марго будет спасать воинов?

— Нет, Элли. Это было бы слишком просто для такой сложной картины. Напряги фантазию, дорогая. Хотя... впрочем неважно. Рано или поздно, но Марго поймёт своё призвание. На это будет интересно взглянуть.

— О чём, чёрт побери, ты говоришь? — воскликнула девушка пустоте.

Доля секунды, одно моргание, а призрака вместе с картами уже и след простыл. Включая и ту, что держала в руках.

— Мерзавец, — присовокупив ещё несколько ругательств, Элли достала сигареты. — Чёрт, я думала, что это будет просто.

— А когда со мной было легко? — отвечаю вымученно, так как перед глазами всё ещё стоит тот образ. Красная смерть. Эта загадка будет долго меня мучить.

— Ты как? — украдкой глянув, спросила Элли.

— Всё нормально. Это же был Безумный художник. Наверняка, окажется какая-нибудь совсем простая разгадка, ведь так?

— Он всегда точен, несмотря на свою вульгарность, — не утешительно заявила она. — Ладно, перейдём к следующей части. Здесь довольно жарко, идём сбросим одежду в гардероб и пойдём к остальным. Ручаюсь, они не так безумны, как Тео. В основном.

***

Клуб по интересам. Так можно назвать это место. По словам Элли, у группы без названия больше шансов выжить. Имя даёт обязательства, какие-то условности, устав, правила. А то, что медиумы Москвы собираются время от времени на втором этаже клуба-ресторана «Золотая лилия» так это просто друзья решили встретиться и пообщаться. Нет собраний, нет и проблем. Никто из нас не хочет, чтобы призраки узнали об этом месте. И речь не о безопасности, а о том, как много их будет, караулящих под дверями клуба?

Собравшихся оказалось больше, чем ожидала. Самые разные личности из самых разных слоёв общества. Всех возрастов и видов. Но всех объединяет взгляд. Точно такой же, как и у Элли. Такой же, как однажды появится у меня. Взгляд усталости и цинизма. Это приравнивает нашу «специальность» к врачам, военным, полицейским. Ко всем специальностям, где каждый день гостит смерть.

Элли не стала представлять меня перед всеми присутствующими. Легко пройдя к одному из пустых столиков, по пути кивая знакомым, односложно отвечая на их приветствия, она села на диванчик возле окна, приглашая сесть рядом.

— Ничего не меняется, — сказала тихо, внимательно осматривая зал. — Давай, быстро проведу экскурс по самым известным медиумам. До двенадцати осталось совсем немного времени, а там и традиционная речь, шампанское и поздравления.

— Давай, — согласилась легко, изучая небольшое меню.

— Сегодня здесь нет официантов, так что во втором зале, если мне не изменяет память, есть шведский стол и напитки.

— Позже, — с сожалением отложила меню.

— Значит смотри, прямо в центре зала старичок со шрамами на лбу в твидовом пиджаке, это Руслан, нынешний владелец клуба, он, условно говоря, наш глава. Рядом с ним две девушки, Алёна и Катерина, медиумы, в основном работают через живых, то есть клиенты сами их находят. Возле камина Евгения и Бастард, летом поженились, не спрашивай, откуда у него такое прозвище, сама не знаю. Там дальше...

Объяснений было много и уже через пару минут все имена и особенности слились в одну сплошную незапоминающуюся массу. В клубе собралось около тридцати медиумов, чуть позже пришло ещё несколько. Количество впечатляло, но от мысли, сколько мёртвых «ненашедших» покой, цифра казалась крошечной.

В какой-то момент стало скучно. К нам подошли Алёна и Катерина, Элли заговорила с ними о каких-то летних событиях и я окончательно выпала из темы беседы. Извинившись, покинула их компанию и отправилась на поиски шведского стола.

Оказавшись здесь, ожидала чего-то особенного, принадлежности к настоящему обществу, обособленному от остального мира, надеялась попасть в клуб избранных, но попав сюда, осознала, что, по сути, ничем не отличаюсь от остальных непосвящённых. В комнате вижу простых людей, мне не понятны их шутки, не понятны особые фразы, я не из их числа. Мне отчаянно хочется стать частью чего-то уникального, но будучи только в начале пути, испытываю острое чувство разочарования. И толики страха от того, что показал Теодор. Каким будет мой путь? Неужели мне не суждено помогать призракам только потому, что не чувствую в себе настоящего сострадания? Элли говорила, что все медиумы помогают духам, иначе дар не появляется. Тогда почему до сих пор не испытала такой потребности? Почему ещё не встретила того, кому могу помочь?

От этих мыслей неуверенность растёт в геометрической прогрессии, кажется, что все смотрят на меня и знают, что я не из их числа. Я не такая, как они.

— Чего грустим, красавица? — звучный голос вывел из сумрачного состояния.

Очнувшись от грустных мыслей, увидела, что стою возле стола, забитого яствами и напитками, с пустым бокалом в руках и без всякого движения да так, что мышцы застыли, ноги затекли.

Рядом со мной молодой ехидный парень довольно приятной и необычной наружности. В длинном сером свитере с искусно растянутыми нитками, поверх которого принт с символикой масонов, в тёмно-серых джинсах и ботинках на небольшой платформе. В ухе маленькая серебристая серьга, волосы чёрные, взъерошены сверху, виски выбриты, брови вздрёт, глаза зелёные, вокруг мелкая сетка улыбающихся морщин. Он весь такой — как повзрослевший бесёнок, как молодая рок-звезда, но без фальши, без пресытившихся чувств.

Открытый, готовый на проказу, словом полная противоположность Андрею.

— Разрешите представиться, красавица, Пётр по прозвищу Бес, — галантно наклоняется, подхватывает мою руку, мягко целует, прищурившись, глядит в глаза да так прямо, что румянец предательски окрашивает щёки.

— Марго, — отвечаю, неловко высвобождая руку.

— Королева Марго, думаю сегодняшней «бал» не стоит сравнивать с балом у Сатаны, так что не возражаете против бокала белого полусладкого? — не дожидаясь ответа, подхватывает бутылку и ловко наполняет мой бокал. — Я прежде вас не видел, королева. Вы здесь впервые?

— Господи, — рассмеялась от напора юноши. — Да, впервые и нет, не возражаю.

— Отлично, за новые впечатления, красавица! — он наполняет новый бокал, мы чокаемся и как-то сразу отпускает.

Делаю глоток, а на душе светло и спокойно. Все отрицательные мысли выскользнули из головы, оставив чувство свободы и комфорта. В этот момент вижу, как его осеняет.

— Так ты та самая девушка, что вернулась вместе с Элли с Изнанки? Невероятно, ты — самая везучая на свете! — заговорил горячо, а у меня кольнуло в груди.

— Везение вещь непостоянно. Ручаюсь, ваши, — говорю с нажимом, — сведения не совсем верны. Я чуть не погибла на той стороне, а вернувшись долгое время была почти слепа, прежде чем освоилась с тем подарочком, что оставила мне Изнанка, — я пальцем указала на свои глаза.

— Так выпьем же за удачу на брудершафт! — говорит не унывая, подмигивая правым глазом. — Я оскорбил тебя воспоминанием, прости, в такую ночь не стоит печалиться. А стоит веселиться. После официалки, едем в клуб? Я знаю потрясающее место, тебе понравится!

— Эм..

— Марго?

Меня выручила подошедшая Элли. Увидев Беса, просияла как никогда прежде и заулыбалась, как будто бы всегда была такой... живой.

— Бесёнок, давно же мы с тобой не виделись! — воскликнула она, целуя в обе щёки. — Когда же это было...

— Летом на свадьбе Бастарда и Женьки, — смеясь, говорит он. — Я был в разъездах, подвязался с одной компанией копателей по местам боёв прокатиться, сама знаешь, как много осталось неприкаянных. Заплатили неплохо, так что хватило по Европе прокатиться, с тамошними покуролесить. Застрял в парижских катакомбах, там это на официальном уровне работа, так много костей и злобных духов, я три дня провёл под землёй, потому что одна скотинка несчастная решила, что будет лучше меня прибить, чем сквозь дверь пройти. Решила, что так она попадёт в рай. Дура несчастная.

— Ты всегда умел веселиться, Бесёнок, — рассмеялась Элли. — Ладно, как-нибудь заскакивай, расскажешь подробности, не часто наши путешествуют, любопытно узнать, что в мире твориться.

— Договорились. А если это красавица тоже будет, так я примчусь, только позови, — подмигнув мне и отсалютовав бокалом, он вышел из комнаты.

— Просто человек-пожар! — не удержалась от оценки.

— Один из лучших из нас. Но в жизни весьма ветреный, — сказала с намёком, отчего я покраснела ещё больше.

— Я не интересуюсь...

— На всякий случай, — отмахнулась она. — Идём, познакомлю с остальными.

Вечеринка шла своим чередом. Я познакомилась со множеством людей странных и обычных. Их истории завораживали, рассказы пугали и завлекали одновременно, позволяя окунуться в невиданный мир, окружённый сказками и преданиями. Их жизнь представляла собой причудливую смесь из обыденности и яркости неведанного, а то с какой лёгкостью они повествовали о своих приключениях заставляло поверить в реальность происходящего. В какой-то момент даже показалось, что они специально рассказывают всё так, чтобы мне было легче принять новую действительность и именно в этот момент поняла, что здесь нет врагов. Что эти люди примут меня такой, какая я есть. Примут, не смотря на мои сомнения и страхи. Помогут во всём разобраться. Я поняла, что у меня появилась настоящая семья. Поддержка и опора.

***

Как и договаривались, после вечеринки отправились к Элли. Я жила на другом конце города, а в такую ночь поймать такси будет не просто.

Всё прошло так, как надо. Так, как я и представить себе не могла. Наверное, впервые у меня появилось так много новых и разных друзей, разделяющих мои интересы. Мне не было скучно, не было неловко, разве только когда осторожно спрашивали о путешествии на Изнанку и о том даре, что вынесла с той стороны. Но видя моё настроение, расспросы быстро прекратились, оставив после себя лишь лёгкое чувство грусти.

Я спрашиваю себя, если бы мой брат нашёл это общество, всё было бы по-другому? Смог бы он избежать ловушки, которую приготовил Чёрный человек, заманивший Максима на ту сторону?

В машине мы почти не разговаривали. Я видела, как Элли о чём-то долго говорила с Русланом, а после сделалась весьма задумчивой и хмурой. На вопросы отмахивалась, новости явно плохие и меня мучало любопытство, что же он ей рассказал.

Выйдя из машины возле дома, Элли резко остановилась, пригнулась и сморщилась.

— Чувствуешь запах? — спросила она.

— Запах?

Повторив вслед за ней, почувствовала сильный запах гари и чего-то металлического, горького и масляного.

— Это от салютов?

— Нет, — она чертыхнулась и достала сигареты. — Это запах войны.

***

— Откуда цветы?

На первом заброшенном этаже на стульях, полках и стойке ресепшена лежали раскрывшиеся бутоны голубых роз. Воздух, пронзённый синим сиянием, наполнен мягкой свежестью с примесью цветочных духов. Зал преобразился, исчезла тоска и серость, и во вспышках от далёких салютов, зеркала утраивают пространство, удлиняя тени, изменяя восприятие действительности. Эти цветы как драгоценности притягивали взгляд. Не удержавшись, сжала в руках один из бутонов, чувствуя, как в пальцах шёлк струится подобно нежнейшей воде горного ручья. Над залом играет неземная музыка маленьких колокольчиков, безмятежных и таких далёких, что звук едва уловим, настолько тонка и

взаимосвязана атмосфера другого мира. Всё стало острее и мягче, чем, когда бы то ни было. Сознание уплывает, раскрывая облик Изнанки. Ещё мгновение и тень, притаившаяся в отдалении наполнится объёмом и белыми красками, плотью и жизнью...

— Эй! — Элли больно схватила за запястье, вырывая из призрачной сказки обратно на землю в пустой заброшенный зал, без всяких признаков волшебства.

— Что? — помотала головой, разгоняя туман. — Куда всё исчезло?

— О чём ты говоришь? — спрашивает устало, прикрывая глаза.

— Цветы! Здесь были голубые розы!

— Что?! — мгновенно встрепенулась она. — Ты не ошиблась?

— Элли, это была Изнанка. Я же вижу два мира одновременно, помнишь? На той стороне весь зал просто утопал в бутонах и лепестках голубых роз. Это выглядело так по-настоящему! — невольно сжала пальцы, всё ещё чувствуя призрачную мягкость лепестков розы.

— Вероятно, он каким-то образом узнал, что ты сегодня будешь здесь и сможешь передать мне весточку, — тяжело вздохнув, сказала она. Посмотрев на меня, девушка махнула рукой. — Не бери в голову. Идём.

Позже, на кухне с бокалами красного полусладкого вина и бесчисленным множеством мандаринов, решила спросить, что Элли имела в виду, говоря о войне.

— Мы называем это афтершок. Одинаковые эмоции огромного количества людей, испытываемые одновременно, имеют тенденцию к повтору. Особенно отрицательные эмоции, но не обязательно. Афтершоки случаются спустя годы после реального события и напоминают виртуальное кино. Ты находишься в гуще событий, но при этом не способен ни на что повлиять, как и получить влияние на себя. Невидимый зритель, обречённый смотреть, чем всё закончится. Однако иногда мы способны помочь некоторым реальным духам, застрявшим в бесконечной череде повторения своей смерти. Собственно, это единственная причина, почему мы, получая предвестников грядущих событий, не уходим из города. Надежда помочь.

— Ведь не даром Москва, спалённая пожаром, Французу отдана...? — напрягая память, вспомнила стихотворение, связанное с пожаром.

— Нет, не угадала. Я говорю о более поздних событиях. Бомбардировки Москвы 1941 года. Материалы чуть позже выдам. Пока ты должна знать, что в те дни погибло около тысячи человек, пожары, паника, страх. Этого оказалось достаточно для появления афтершока. Хотя истинную причину возникновения подобного явления мы не знаем. К примеру, в Лондоне ничего подобного нет, хотя их бомбили гораздо дольше и сильнее, чем нас. В то же время, в Нью Йорке уже был зафиксирован первый афтершок на месте башен близнецов, хотя прошло всего тринадцать лет. В Москве первый такого рода произошёл спустя сорок лет. И происходит примерно раз в три года, обязательно в зимнее время, хотя бомбить начали летом. В Институте, не смотря на то, что они и не становятся свидетелями случившегося, это прерогатива исключительно медиумов и экстрасенсов, изучают природу афтершоков, но однозначных ответов пока нет.

— А что ты думаешь по этому поводу?

— Ничего, — она усмехнулась, а затем опираясь локтями о стол, запустила пальцы в волосы, сжимая голову. На секунду замерев, с силой провела ладонями по лицу, остановившись подушечками пальцев возле приоткрытых губ. Посмотрев на меня, тихо засмеялась. — Марго, ты не представляешь, как я устала от этого. Бесконечно, вечно, никак

не остановиться. А они идут и идут. Почему людидохнут как скот и ничего не делают? Почему как собачки ждуть, что кто-то полюбит их и убержёт от зла? Как я устала от этой беспечности... Казалось бы, так просто — живи и наслаждайся жизнью. Даже не так... просто живи! Дыши полной грудью. Улыбайся, когда хочется улыбнуться, плачь, когда хочется плакать. Никто не требует чего-то сверхсложного, а они... «Я ненавижу свою работу, но буду ходить на неё изо дня в день, потому что «завтра» всё изменится и станет так, как я хочу!» «Муж, дом, дети, как я устала от этого, мне хочется карьеру делать, но... муж, дом, дети...» «Я потом позвоню родителям и скажу, что люблю их, а пока... у меня просто нет на это времени!»

Девушка на разные голоса говорила людские отговорки и в её голосе звучало такое отчаяние и тоска. Она словно вновь и вновь переживала встречу с каждым призраком, который потерялся после смерти. Который всё откладывал на потом. Который так боялся жить, что осознал это только после смерти.

Эти слова касались каждого из нас. Мы все были такими, потерянными и запуганными. Жить, а не выживать. И речь идёт не о войне, голоде или болезнях. Элли говорила про обычных людей, у которых с виду всё хорошо. Про тех, у кого есть и близкие, и крыша над головой, и возможность выбирать. Про тех, кто способен на выбор, но кто его не делает. Она говорила о них, объясняла, что с каждым годом таких вот не живущих всё больше и больше, и все они остаются на Изнанке. Они не страдают, они не чувствуют, сначала живые мертвецы, потом пепел на изнаночной стороне. Серая масса, пухнувшая, тянущая руки к живым. Они как пиявки цепляются к нам, вытягивая наши мечты, чтобы хотя бы на секунду утолить свой голод. И что с этим делать, никто не знает.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, Элли?

— Я говорю о том, что мир меняется. Говорю о том, что даже в самые суровые годы Средневековья люди оставались живыми. Они страдали, любили, ненавидели, молились и жили, вот в чём проблема! — девушка достала очередную сигарету, несколько раз постучала ею по столу, а затем отложила в сторону, скрестив руки на груди и откинувшись в кресле. — Открыть дверь матери, оставившей на земле своих детей, проще, чем вытащить парня, всю жизнь мечтавшего о собственной жилплощади. Глупо звучит, правда? Но такова наша реальность. Такие серые люди появились в двадцатом столетии и к нынешнему году их больше, чем когда-либо было. И мы не знаем, что с ними делать. Они осознают свою смерть, осознают, что не жили и понимают, что не могут перейти. Сама Изнанка создаёт иллюзии, благодаря которым многие призраки без нашего участия переходят. Этакая подушка безопасности для тех, кто неудачно приземлился. Но эти методы не действуют на серых людей. Они остаются на той стороне, злые и покинутые, и что из них, в результате получается, никто не знает.

— Они как-то связаны с Чёрным человеком?

Элли на мгновение задумалась, а потом покачала головой.

— Если ты считаешь, что они появились из-за него, то ты заблуждаешься. Чёрный человек, не смотря на всё то зло, что он сотворил, всего лишь дух. Он не способен так влиять на людей. Никто не знает его целей, но одно могу сказать точно — такой как он, не способен на нечто грандиозное. Рано или поздно, но мы загоним его на самое дно Изнанки, и он исчезнет как дым.

— Слушай, я так и не поняла, по какому принципу призраки получают имена. Как Чёрный человек получил своё имя?

— Они убивают. Или спасают. Делают что-то такое, чего никто до этого не делал. Чтобы получить имя, достаточно, чтобы о тебе заговорили на той стороне. Для этого нужно заключить сделку с Изнанкой. А потом чем больше призраков тебя знает, тем сильнее ты становишься. Но рано или поздно твой срок выйдет и контракт закончится. Это всего лишь отсрочка, но в финале Изнанка всё равно возьмёт своё. Она не щадит даже тех, кто работает на неё. А ведь когда-то там всё было по-другому.

Элли заговорила о демонах и ангелах. О духах, отказавшихся уходить, о тех, кто хотел помогать живым. И тех, кто считал, что люди должны страдать. Она говорила, что раньше вся Изнанка была поделена на чёрное и белое. И шла война, из года в год, кровавым шествием и мракобесием как на одной земле, так и на другой. Развитие цивилизации изменило ту реальность, ушли божественные представления о мире, но что-то осталось... став совсем другим. Остались только башни, осколки от гигантских замков. Остался Чёрный человек и Белый, остались призраки, носящие имена бывшего, но совсем иные внутри. Всё поменялось, разрушились мечты и вера, осталось лишь отчаяние и тёмные воды Изнанки.

Мы долго говорили в новогоднюю ночь. Пили красное вино, ели мандарины, смотрели на салют, говорили, говорили, говорили... Обо всём и ни о чём конкретном. В ту ночь мне стало невероятно одиноко, ведь я разделила одиночество другого человека. Элли кажется сильной, грубой, но рядом со мной открываются её раны, её боль и злость на себя, на весь мир. Ей это нужно — выговориться. Чтобы не сойти с ума от одиночества.

Много позже, когда уставшая, с красными глазами и глубокими синяками под ними, Элли отправилась спать, вышла на улицу, прихватив тайком сигареты. Я не курю, но иногда хочется кашлять от горечи. На телефоне пропущенные вызовы от матери, не знаю, что ей сказать. Что сказать о брате? Рано или поздно, но они узнают обо всём. И чёрт, пусть будет поздно, ведь я не смогу им всё рассказать.

Сигарета дотлела до конца, выбросив, развернулась в сторону подворотни и улыбнулась.

— Тебя зовут Маргарита, не правда ли? — голос показался знакомым, но лица не разглядеть, скрытый ночной завесой, он стоял, не двигаясь, смотря на меня.

— А ты, должно быть, Белый человек? — говорю, чуть дрогнув от очередной небесной вспышки. — Я знала, что ты придёшь.

— Ты единственная живая, способная меня увидеть, — сказал он, выходя вперёд.

На фоне чёрных зданий, он и правда выглядел как призрак. Слишком белый, слишком бесцветный и не живой. В нём совсем не было жизни! Как старое чёрно-белое фото, засвеченное, выцветшее. Жуткий облик, отталкивающая совершенство внешности, доведённая до безупречности иллюзорной жизнью Изнанки. Он сжимал руками запястья, смотрел с грустью, с той потерянной, что свойственна людям возвышенным, не от мира сего. Но глубоко на дне его глаз, видела притворство, маску, что он надел специально для меня. Он хотел казаться таким, чтобы не сбежала, чтобы почувствовала себя в безопасности.

— Что ты хочешь от меня, Белый человек? — спрашиваю хмуро, всем видом показывая своё недовольство.

Маска изменилась и вместо безмятежности, появилось высокомерие, холодное и льдистое, до жути напоминающее облик Чёрного человека.

— Передай Элли, что зеркало у Клауса. Передай ей, что её жизнь в опасности, потому что он не остановится ни перед чем, чтобы отомстить. Спасая твою жизнь, Марго, Элли подставилась, и теперь все обитатели Чёрной башни вышли на охоту за ней. Передай моей драгоценной девочке, что она должна носить круглосуточно защитные амулеты, ленты,

носить маски, делать всё, чтобы ни единый призрак не увидел её, не узнал, где она живёт и где спит. Клаус убьёт её, как только найдёт.

— Спасибо за предупреждение, я передам, — он говорил нарочито грубо и резко, мне было больно слышать его тон, но слова оказались страшнее его ненависти ко мне. — Это всё, что ты хотел сказать? Может добавишь, что позаботишься о том, чтобы Чёрный человек сдох?

— Как грубо, — почти равнодушно констатировал Михаэль. — Ты должна понимать, что это не в моей власти. Элли дорога мне, но смерть Клауса будет стоить куда как дороже. Мой тебе совет, златовласка — держись от всего этого подальше. Я не знаю, какие планы на твой счёт вынашивал Чёрный человек, но не думаю, что он от них откажется. В конце концов, твой брат стал бесполезным после того, как ты воскресла, а значит он придёт и за тобой тоже.

— Спасибо, — на щеках выступил румянец. — Почему ты сказал, что Максим бесполезен? Что случилось?

— Ты забрала весь дар, разделённый когда-то на двоих. Теперь твой братец обычный дух, ни на что не способный. Всё, что у него есть, это псевдоимя — Ученик. Скоро и имя исчезнет, а следом за ним и сам Максим.

Белый человек замер, повернулся и посмотрел вверх.

— Я не могу выйти в реальность, но даже отсюда чувствую, как надвигается афтершок. Будьте осторожны, живые, он будет не таким, как раньше.

После этих слов, призрак растаял в воздухе, как будто бы его и не было. Я не успела больше ничего сказать и спросить. Развернувшись, увидела стоящую в дверях Элли. Она бледна, боса и решительна. Выслушав мои слова, молча кивнула, развернулась и ушла в дом.

Предрассветный час — самый тёмный.

Элли

Чёрное окружает со всех сторон. В центре пустоты есть небольшое окно, через которое удобно наблюдать за прошлым. Каждая секунда подобно бою часов, зажмуриться, не слышать, не ощущать. Всё надвигается, быстрее и быстрее, ускоряя мельтешение мушек перед глазами, дыхание сбивается, сердце бьётся как у колибри, тук-тук, тук-тук. Кажется, ещё секунду и попросту не выдержит, оборвётся, собьётся, вырвется из груди, оставив после себя гулкую пустоту да эхо, по сосудам гонящее остатки крови.

А затем всё закончилось. Открываю глаза, делаю глубокий вдох-выдох, озираюсь, недоумеваю, куда же угодила. А вокруг тьма. Та самая, что готова поглотить и уничтожить, растворить, измельчить, превратить в своё продолжение. Передо мной длинный, метров восемь, а то и все десять, чёрный стол, на нём несколько, украшенных завитушками в виде роз, канделябров, рассчитанных на семь свечей, тускло горящих зелёным холодным светом. Стулья под цвет стола с прямыми спинками. Всё очень чёткое, как под фокусом фотоаппарата, а вокруг — расплывается, таится клубами серого с зеленой пятнистой подсветкой дым, он переменчив, рисует узоры, показывает фигуры невозможного, зовёт и манит, как и всегда.

Отворачиваюсь, смотрю перед собой, замечая в конце стола расплывчатую фигуру, при приближении оказавшейся молодой девочкой в платье с зелёными рюшами. В волосах широкая лента морского цвета, приподнимающая волну роскошных белых снежных кудрей. Девочка сидит очень прямо, смотрит зелёными в тон света от свечей глазами на меня, изучает, о чём-то размышляет. Лицо совсем детское, ей не дашь и десяти, но взгляд тяжёл, он пригвозждает к месту, не даёт пошевелиться, не даёт возможности спросить или что-то сказать.

Она кивает своим мыслям и говорит.

— Ты не устала бежать, маленькая принцесса? Прятаться от тьмы не так-то просто, рано или поздно, но она всё равно поймает тебя.

Голосок звонкий, не глубокий, почти резкий, отталкивающий. Мне не приятно слышать её, но она ждёт ответа, и я отвечаю:

— Я не хочу умирать.

— А что такое смерть, Элли? Разве призраки мертвы? Разве твой возлюбленный мёртв? Это ведь всего лишь переход из физического обличия в обличие духа. Смерть не конец, а начала нового. Ты боишься перемен, Элли? Но разве твоя жизнь так чудесна, что ты цепляешься за неё с таким рвением? Разве ты счастлива, Элли?

— Мы все умираем, — отвечаю резко, отталкивая её слова. — Но тьма забирает не только тело, она поглощает и душу, и разум, оставляя после себя пустоту. Мёртвые могут пройти сквозь дверь и отправиться дальше. Тьма — это ничто.

— А если я тебе скажу, что тьма — это зеркало света? Тьма не уничтожает тебя, она дарит покой. Тьма — это суть Изнанки, став её частью, ты становишься частью Изнанки. Разве это смерть?

— Мы говорим на разных языках. Что составляет суть человека? Его воспоминания, опыт, чувства, прошлое. Тьма забирает всё, забирает способность мыслить и осознавать себя. Как можно согласиться с этим?

— Но разве это не начало жизни? Рождаясь, мы выходим из тьмы. Почему люди, выращенные в одних и тех же условиях, так не похожи друг на друга? Почему каждый человек настолько уникален? Разве он, поступая так или иначе, не несёт в себе те самые воспоминания о прошлых жизнях?

— Кто ты такая? Ты говоришь так, будто бы не являешься человеком? Кто ты?

Глаза девочки наполняются тьмой. Зелень сужается до точек, до отблесков от свечей, но и они быстро исчезают, поглощённые беспроглядной тьмой.

— Ты и сама знаешь ответ, Мышонок. Просто ты пока не готова его принять, принцесса. Ты ведь уже знаешь, чем всё закончится. Не сопротивляйся и всё пройдёт куда как легче, дорогая.

Свечи вспыхивают метровым зелёным заревом и разом гаснут, впуская тьму.

***

Голова гудит. Медленные набаты бьют, не смотря на волшебный активированный уголь, стаканы с кристально чистой и холодной водой, не смотря на освежающий душ, и множество других мелких ритуалов, используемых людьми со дня изобретения алкоголя. Мне было по-человечески плохо и горько. Овсянка на завтрак, чашка крепкого кофе, кошачье мурлыканье, ничто не приносило удовольствия.

Воспоминания о сне пугали, но реальность была настолько тяжкой, что отбросила их как мишуру, свисающую в прихожей. Новый год наступил. Ещё один бестолковый год.

Достав сигареты, вышла на балкон, устроилась на небольшом деревянном ящичке со спинкой и мягкой подкладкой, закурила, пододвигая поближе внушительную пепельницу от известного бренда. Откинулась назад, блаженно выдыхая горьковатый дым.

Марго ещё спит и будет спать как минимум несколько часов. У меня полно времени, чтобы решить, что делать дальше. Праздник прошёл сумбурно. Новости от Руслана Валерьевича пугали.

За прошедшие несколько месяцев только в одной Москве пропало семеро медиумов. Один нашёлся, остальные как в воду канули, что скорее всего и произошло. Копая дальше, Чтец узнал, что в других общинах также пропадали люди. По России и бывшим советским республикам исчезло около пятидесяти человек. В Белоруссии и на Украине пропало тридцать, по Европе больше ста. Из Америки поступили данные об исчезновении ста шестнадцати медиумов. Суммировав весь мир, а точнее паутину связей получилась почти тысяча человек. А сколько неизвестных, не отмеченных, нелюдимых пропало? Цифра запросто может быть увеличена до трёх, а то и до четырёх тысяч. Страшно. Как мы это упустили и что теперь делать? Почему никто до сих пор не забил тревогу? Мы же не настолько одиноки, чтобы не заметить изменений в поведении своих коллег. Вопросы, вопросы и ни одного ответа. За всем этим стоит Чёрный человек? Разве его власть может распространяться так далеко?

Видимо придётся опять навещать Харона, появление на Изнанке такого количества медиумов не могло остаться незамеченным. Так почему он ничего не сказал и не сделал? Какую игру он ведёт?

Исчезновения пугают, но ещё больше пугает неизвестность. Зачем призракам медиумы? Неужели мы способны помогать на той стороне? Но даже если и так, неушедших слишком много, чтобы пара тысяч медиумов, работающих каждый день, могли всех провести сквозь двери. Единицы способны за несколько суток провести одного, что уж говорить о

каждодневной работе. В чём тогда суть?

В результате, написала Кате. Как экстрасенс, она может помочь достучаться до одного пропавшего медиума. Надеюсь это прояснит ситуацию.

***

— Неожиданно, — с минуту рассматривая меня, резюмировала женщина. — Что с тобой произошло? Глядя на тебя, вижу с десятков человек. Что ты сделала?

— Харон. Он нашёл способ замедлить тьму, — отвечаю, разуваясь. — Кофе, чай?

— Сегодня настой на травах, после празднования — это будет неплохо, — рассмеялась она, приглашая на кухню. — Всю ночь не могла заснуть, хоть и наглоталась таблеток. Духи как с ума посходили, всё им неймётся. А под утро началось обратное эхо, чувствовала?

— Ещё раньше появился запах, — говорю, нахмурившись. — Как и всегда, так не вовремя! Ты уедешь?

— Ни один из экстрасенсов не может находиться рядом с афтершоком, это слишком болезненно. Мы реагируем не так, как вы.

— Да, конечно. Всё время забываю. Наверное, поэтому вас так много в Москве — здесь такие события редки, — подмигнула, указывая на свёрнутую в трубочку газету с аршинным заголовком: «Белый маг Вениамин Чёрный избавит вас от порчи, сглаза и...»

— Не ёрничай, контингент иногда требует подобного. А у нас бизнес — любой каприз за ваши деньги, — женщина рассмеялась, запихивая газету в мусорку. — Смотрю, ты повеселела. Когда говорили, по голосу слышно было и усталость, и тоску, и подступающую депрессию. Что изменилось?

— Скажем так, смирилась. Ты меня знаешь — настроение скачет, как кролик, — говорю, располагаясь на стуле с мягкой спинкой. — Я принесла вещи одного из медиумов, надеюсь поможет.

— Хм. Ты ко мне теперь приезжаешь только чтобы поговорить по мёртвому телефону, да? — женщина покачала головой, разливая настой по чашкам. — Не любишь, когда тебя отчитывают, понимаю.

— Да о чём речь. Сама знаешь, бедовая я, — улыбаюсь вымученно, подув в чашку, остужая слишком горячий напиток.

— Ты хочешь мне что-то рассказать, но боишься. Говори уж, иначе меня любопытство замучает.

Она присаживается напротив, уютно устроившись в широком мягком кресле и накинув на ноги шерстяной плед. После праздника Катя всегда мёрзла, мертвецы не отличаются теплом. Мне бы отказаться от затеи или перенести на другой день, но липкий страх, поселившийся вдоль позвоночника после ночного столкновения Марго с Михаэлем, не даёт опомниться. Всё нужно решить, как можно скорее. Мы должны знать, с чем имеем дело.

Отставив чашку, откинулась на спинку стула и отвела взгляд.

— Я кое-что сделала для того, чтобы вытащить Марго с Изнанки. Кое-что запретное пронесла на ту сторону.

— Ха, — Катерина не выглядела удивлённой, словно она знала, что вся история закончится чем-то подобным.

Потерев ладони, а затем сжав их в кулаки, выложила всю историю от начала до конца, не забыв присовокупить ночное происшествие и столкновение с чёрным псом.

— Пёс? За тобой охотиться адский пёс?!

Катя как будто не слышала, что я натворила. Единственное, что её по-настоящему взволновало, так это встреча с адским псом.

— Я не уверена, что это он. Боже, да кто в последний раз встречал настоящую гончую? Собака Аннуна или как там её ещё называют. Мне кажется, этот зверь послан Чёрным человеком. У Михаэля же есть Белый пёс, так почему бы и Клаусу не иметь Чёрного?

— Это логично. Но не отвечает на вопрос, чего он добивается. Как мы обе знаем, Клаус понятия не имеет, где ты живёшь. Более того, из духов о твоём доме знает только Михаэль.

— Попрыгунчик теперь тоже в курсе. Вопрос только в том, сколько времени потребуется Клаусу, чтобы добраться до него?

Вожу пальцем по кромке чашки, напряжённо рассматривая плавающее по поверхности чайники. В какой-то миг они, буквально на секунду, сформировались в пса, воющего на луну. Дёрнула чашку, расплескав чай. Катерина уже подносила тряпку, вытирая стол, а затем негромко вздохнула, вышла из кухни. Вернувшись, принесла аромалампу с маленькой бутылочкой мандаринового масла.

— Для создания новогоднего настроения и успокоения расшалившихся нервов, — пояснила она с улыбкой. — Что могу сказать, Элли ты поступила опрометчиво. Но зная, чем всё могло обернуться — не могу судить. Ты сделала всё, что могла.

— И как всегда криво, как я люблю. Теперь Клаус наверняка развлекается с новой игрушкой, вспоминая забытые навыки. А я даже не знаю, где сейчас можно достать настоящий ловец снов! Это же теперь часть декора, чем реальная защита.

— Я поспрашиваю, вдруг что и найду, — кивнула она.

***

— Ты готова?

Мы опять сидим за тем же самым столом, только теперь нас двое, не считая настырной кошки. Взявшись за руки в темноте при свете одинокой свечи. В кольце рук на столе женская кофточка, расчёска и губная помада. Вещи, которые забрала сегодня утром у Чтеца. Он был знаком с Полиной: хороший медиум, старательная, всегда выкладывалась на сто процентов. Её территория — романтика, несчастные влюблённые и те, кто ждут свои половинки на той стороне. Она никогда не была общительной, одиночка, как и многие другие. Наверное, в этом причина, почему мы так долго не замечали очевидного. Ведь на самом деле мы беззащитны перед призраками. Никто из нас не способен навредить духу, но и они в ответ нам никогда не вредили. Мы были связаны. А теперь всё идёт не так.

Катерина сжимает пальцы, смотрит внутрь себя, видно, как белки глаз под закрытыми веками ходят туда-сюда, как у человека, видящего страшный сон. Мне больно от её хватки, но мысль о синяках кажется такой далёкой. Здесь, в этой комнате всё уплывает, реальность меркнет, мы зависаем меж двух миров.

Свеча дрожит, истончается до тонкой вытянутой линии, поднимающейся почти до самого потолка. Со всех сторон зазвучал негромкий шёпот, разбивающийся на истеричный смех и плач, глубокое с надрывом дыхание и шипение, как у умирающего. Тени уплотнились, свет почти растворился и вокруг как будто полетели сотни чёрных как смоль птиц. Перед нами пало перо и Катерина открыла глаза тёмно-вишневого цвета.

— Говори, — голос женский, но более глубокий, более низкий, принадлежащий совсем другому человеку.

— Полина. Это ты?

Я видела её всего пару раз на общих собраниях, нас ничто не связывало и сейчас уже жалела, что не взяла с собой Чтеца. Присутствие человека, который хорошо знает её, помогло бы усилить связь и расположить девушку.

— Да, — голос усталый и тусклый. — Я знаю тебя, ты ученица Белого человека, ты проклятая Элли, мешающая моему Господину.

— О чём ты говоришь?! — ошарашено спрашиваю, подаваясь вперёд, не замечая, как усиливается шелест крыльев, как много перьев падает на стол, рискуя погасить единственный тонкий свет, разгоняющий тьму.

— Он убьёт тебя, мерзавка, — тональность меняется, но слова как будто из-под палки.

Катерина гнётся, пригибаясь к столу, выворачивая шею. Губы искривились в мерзкой улыбке, взгляд почернел, белки потерялись, кожа выцвела, а ногти сжали мои запястья и с силой притянули лицом к лицу.

— Или ты думала, что я не найду тебя, дрянь?!

Кошачий вой, вздыбленная шерсть, царапины на руках, крик и всё светопреставление смешалось перед глазами.

***

— Теперь мы точно знаем, что Полина у него. Неизвестно, ушла ли она по собственной воле, однако сейчас она точно служит ему, как и Максим.

Рюмки на столе, сигаретный дым туманом клубится вверху, звон в ушах, мурлыкающее чудо возле миски, лакающее заслуженное молоко и женщины в шоке пьющие водку как воду и курящие сигареты одну за другой. Последствия сеанса оглушительны, мы не ожидали, что всё будет настолько реально. Мы и представить такое не могли!

— Первый подобный случай в моей практике, — продолжила Катерина. — А я занимаюсь вызовами уже очень давно. Мой учитель говорил, что в начале века бывали похожие случаи, но *подобная* одержимость ставит в тупик.

— Что ты имеешь ввиду?

— Когда я призываю духа, я не теряю контроль над телом, — разъяснила она. — Только делю с духом, которого в любой момент могу выгнать. Вначале всё шло, как и должно было быть, а потом меня просто выбросили из тела в пустоту. Такая сила... кто же он такой?

— Чёрный человек. Даже представить себе не могу, какими силами его наградила Изнанка, — качаю головой, усиленно размышляя.

— Говорю сразу — я обзвоню всех своих знакомых и запрещу им вызывать пропавших медиумов. Прости, Элли, но это слишком опасно. Если бы не кошка...

— Я всё понимаю. Спасибо за помощь, Кать. Как говорится — от мёртвых всегда можно чего-то ожидать.

— Мой совет, Элли, держись от этого как можно дальше. Смени место жительства, сшей себе платье из голубых лент, обвешайся оберегами и постригись в монашку. У тебя и так слишком много проблем, чтобы влезать ещё и в это дерьмо, — женщина с силой затушила сигарету.

Между бровей глубокая складка, губы сжаты, взгляд тяжёл. Катерину сильно потрясло случившееся. Что-то мне подсказывает, что она ещё не скоро вернётся к своей работе. А это означало, что ситуацию нельзя взять под контроль своими силами.

— То есть вы считаете, я не подхожу для вашей работы?

В кабинете Виктора Сергеевича светло и сильно пахнет вишнёвым табаком. Спинка стула неприятно врезается в спину, отчего постоянно ёрзаю, но сидящего напротив мужчину ничто не смущает. Он вертит в руках дорогую ручку, периодически смотрит на фотографию улыбающейся жены с маленьким сыном на руках, вздыхает, а затем поджимает губы и качает головой.

— Не совсем верно. Принципы работы медиума и экзорциста слишком разнятся. Мой сын уверен, что ты подходишь, но когда-то он точно также был уверен и в Элли. Да, она долго работала у нас, пока не ушла, отказавшись принять наши методы, — он постучал ручкой по столу, а затем, приняв какое-то решение, сказал:

— Она приходила ко мне и ясно дала понять, что тебе не место в Институте. Вспоминая, сколько мы с ней намучались, соглашусь, но с другой стороны, ты пока ещё не показала себя как медиум, ведь так? Стоит рискнуть и попробовать, но есть условия.

— Просто скажите прямо, чего вы хотите?

— Ты должна следовать инструкциям, — твёрдо сказал он, впервые пристально посмотрев на меня. — Мы работаем со стороны живых, а не мёртвых. Мы действуем в их интересах, поэтому мы не помогаем мёртвым, а просто изгоняем их туда, где им самое место. Пусть там решают свои вопросы, нас это не касается.

— Я не понимаю, — качаю головой.

— Многие призраки вредят людям неосознанно. Медиумы открывают им глаза и машут ручкой, когда те проходят сквозь дверь. Экзорцисты изгоняют **всех** духов, мешающих людям жить. Без разборов и вариантов. Мы чётко и последовательно делаем свою работу, и именно этого будем ожидать от тебя.

— О, теперь ясно. Природа медиума помогать, а не изгонять, так? Вы боитесь, что я буду мешать?

— Да, так поступала Элли. Не смотря на свою потрясающую работоспособность и силу, она, в первую очередь, думала о мёртвых, а не о живых. Это не наш вариант.

— Тогда считаю, что всё-таки мне следует попробовать, — сказала, поразмыслив несколько секунд. — Ведь эта работа, начиная со стажировки, оплачивается? — дождавшись кивка, продолжила: — Сейчас я отчаянно нуждаюсь в деньгах.

— В таком случае, я не возражаю. У тебя есть право на три ошибки, после которых увольнение.

***

На улице свежо, морозно и сыро. Безветренная погода, солнце, скрытое за толстыми грязно-серыми облаками, звуки, отчаянно громкие и режущие слух. Всё посерело, выцвело и приобрело тусклые, депрессивные оттенки тоски. Самая противная зима начинается после новогодних каникул. К тому же мне постоянно мерещился вонючий запах гари, он словно въелся в кожу, забрался мне в душу, пропитав одежду несмываемой вонью. Разумеется, этого никто не чувствовал, кроме таких, как я. Мы страдаем уже вторую неделю и по словам Элли, скоро придём к финалу.

В духе современности, сообщение о скором начале поступит на телефон, тогда же мы должны будем отправиться на ближайшую улицу, список которых каждый получил спустя несколько дней после Нового года. Меня волновало дурное предчувствие. Слова Белого человека не выходили из головы, но поскольку никогда не видела афтершока не знаю, чего и

ожидать. На что это похоже?

Мы с Элли договорились, что в эти дни буду рядом с ней, чтобы она поддержала меня, когда начнётся. Эта поездка стала исключением, поэтому секундами по спине проскальзывали пугливые мурашки, сбивающие с хорошего настроения в состояние подавленности и страха.

— Привет, неспящая! — бодрый и смешной голос раздался со стороны входных ворот, закрытых шлагбаумом и будкой с охранником.

Я вынырнула из сонливого состояния и огляделась. Там оказался улыбающийся Бес в стильном клетчатом зимнем пальто и в абсолютно не греющих кожаных перчатках без пальцев, а длинный бордовый шарф спускался чуть ли не до земли. Взъерошенный, в шапке, закрывающей затылок, он именно что походил на бесёнка, озорного и игривого. Возле глаз россыпь улыбчатых морщинок, на губах улыбка до ушей, зелёные глаза совсем не похожие на глаза Андрея, светлые, смотрят с прищуром. Он отбросил в сторону сигарету и подошёл ко мне так, что между нами оказался один лишь шлагбаум.

— Ну что, начнём?

— Что начнём? — не поняла я.

— Всё! — безапелляционно заявил он, а затем рассмеялся, глядя на моё недоумевающее лицо. После щёлкнул пальцем по носу, от неожиданности пошатнулась, а затем рассмеялась ему вслед.

— Смешной ты, — кивнула, проходя через проходную. — Тебя Элли послала?

— Скажем так, твоё местоположение и правда выдала она. Но меня никто не посылал. Я догадываюсь, что ты хандришь в эти дни, словом, как и все, вот и решил навестить огненную королеву Марго.

— Пожалуйста, не называй меня так! — взмолила его, сложив руки лодочкой. — Меня так называл один очень нехороший человек, каждый раз теперь вздрагиваю.

— Ты причинила ему боль? — серьёзно спросил он, поправляя шапку.

— Что? Нет! — возмутилась недоумённо.

— А хочешь я причиню ему боль?

— Нет, не надо, всё не так, как ты подумал. Это было давно, ещё в школе для девочек.

— Ты училась в школе для девочек? — удивился он, а затем демонстративно осмотрел с ног до головы. — Первый раз встречаю человека, который там учился! И как оно?

— Тоскливо, не то слово! — вспоминая вредную классную руководительницу и надменных одноклассниц, протянул я.

— Ну что, может отметим окончание мучений? Я знаю одно отличное место, хочу тебе его показать, — он заговорщически подмигнул, подхватывая под руку.

— Я уже давно закончила школу, — воскликнула недоумённо.

— Никогда не поздно отметить окончание чего-то тоскливого и скучного! — назидательно протянул он, ведя в сторону метро.

***

Ветер стих, но легче от этого не стало. Улицы сменили цвет со светло-серого на тёмные тона, слегка окрашенные только что загоревшимися фонарями в уютные оранжевые тона с фиолетовым отливом в тенях.

С Петром легко и интересно. Он много знает и много рассказывает, шутя и подкалывая мою неопытность. Выйдя из метро, мы оказались на другом конце центра Москвы среди

маленьких мощёных улочек с кривыми фасадами домов. Здесь скользко и я постоянно оступаю, крепче сжимая плечо Петра. Скоро мы свернули в неприметный дворик, сердце ухнуло и забилося сильнее.

Бес попросил снять линзы, сказал, что цвет моих глаз восхитителен и не стоит его прятать за тусклыми резинками. Поэтому в дороге постоянно ловила на себе недоумевающие и настороженные взгляды прохожих. От этого становилось неуютно и лишь его поддержка помогала чувствовать себя не изгоем.

Место, в которое пришли необычно с самого входа. Пожалуй, даже сам Бес не знает, какими символами насыщен тот клуб, в который он меня привёл. Всё здесь кричало о необычности и яркости, всё было вперемешку и волнующе прекрасно. Со стороны реальности мы шли по узкому коридору, увешанному дешёвыми чёрно-белыми плакатами неизвестных групп. Под ногами валялись фантики, сигаретные бычки и грязные бутылки. Тусклый тёмно-синий свет от боковых ламп едва-едва разгонял тьму, забившуюся в углы у потолка, а когда мы вошли в преддверие сцены, освещённую ещё более тусклым светом, спереди раздалась волшебная неземная музыка, из-за чего Бес сильнее сжал моё плечо, ведя быстрее сквозь небольшую толпу странно одетых людей. На секунду показалось, что они не слышат то, что рождалось за небольшими занавесками, отделявшими гардеробную и кассу от основного зала.

Но всё иначе для меня. Изнанка насытила окружающий мир изумрудно-зелёными оттенками, вдоль стен вился сочный плющ, сквозь который пробивались бутоны бордовых орхидей. Под потолком мерцали китайские фонарики, висящие прямо в воздухе, а под ногами ковёр из мягкого газона, приятно пружинящегося под ногами. Каждый виток музыки заставлял комнату пульсировать светом, в воздухе усиливался пряный незнакомый аромат, пьянящий, дурманящий мысли. И вместе с людьми, в комнате находились призраки. Каждый из которых неотрывно смотрел в сторону источника музыки.

— Ты видишь? — спрашиваю тихо, говоря прямо в ухо.

— Я говорил, что покажу тебе нечто необычное? — также тихо ответил он, проводя сквозь занавески. — Расслабься, сейчас ни одному призраку нет до нас никакого дела.

— Что это за место?

— Сейчас увидишь.

Оказавшись в зале на секунду пошатнулась от контраста между реальностью и Изнанкой.

В реальном мире это просто маленький зал со столиками и небольшой сценой на низком подъёме. За каждым столом сидели люди и в эту же секунду поняла, что половина из них — мертвы, другие — медиумы и лишь маленький процент обычных людей. Это легко понять, ведь на сцене, окружённая флёрот сиренево-розового тумана, пела молодая девушка с длинными чёрными волосами до пола. Девушка-призрак. Каждый, кто смотрел на неё, был *иным*. Для остальных сцена пуста и скучна.

Мне казалось, что попала в призрачный рай. Мы заняли последний свободный столик прямо у иллюзорной воды, текущей между столиков. Она мерцала серебристым цветом, в ней резвились золотые рыбки, мягко скользящие мимо рубинов и изумрудов, щедро разбросанных по дну миниатюрной реки. За спиной вместо барной стойки, фонтан в виде лебедя, из клюва которого изливается сверкающее всеми оттенками красного вино, от которого и идёт этот волнительный аромат, окрашивающий щёки в розовый цвет. Над нами бескрайнее тёмно-фиолетовое небо, а вдалеке виднеются последние насыщенно-розовые

лучи заката. Лёгкий ветерок колышет волосы певицы, стоящей у стойки с микрофоном, увитой листвой. Рядом с ней совсем истончившиеся призраки, играющие на примитивных барабанах. Это как мир тёмных эльфов, невообразимо сказочный и волшебный.

И музыка! О боже, что это за музыка! Я не знаю о чём она поёт, но сердце замирает, а в глазах стоят слёзы, падающие на щёки подобно кристаллическим алмазам, исчезающим, стоит только коснуться поверхности шершавого стола.

Секунда за секундой, музыка как по волнам, ведёт вперёд, уводя в долину фантазий и сказок. Душу рвёт на части, от чего она крепнет и раскрывается золотыми листьями, колышущихся на ветру деревьев, за секунду выросших по бокам от певицы. Мне кажется, что она похитила моё сердце, но разве сказка может обернуться злом?

***

— Что это было? — спросила много минут позже, когда шли вдоль набережной реки Москвы.

В воздухе витали отголоски тех чувств, что переполняли меня после выступления певицы. Бабочки с фиалковыми крыльями, оставлявшие за собой блестящий свет, лениво летали вокруг нас, в ветре пели колокольчики серебристым звоном, перекликавшимся с мыслями, бунтующими в голове. Я смотрю словно сквозь разноцветное стекло и всё вокруг кажется сказочным. Мне хорошо. Боже, как же давно не было так хорошо! Как будто вся грязь слетела с мыслей бессмысленной шелухой и осыпалась под ноги, исчезающая в никуда.

— Никто не знает, как её зовут. Изнанка дала ей весьма прозаичное имя — Певица. Она выступает одновременно в двух мирах и каждый раз в новом месте. Она не говорит, никто не знает куда она уходит, когда заканчивает петь. Никто ничего о ней не знает кроме того, что она всегда поёт о любви. О выступлениях первыми узнают призраки, они делятся с нами и так мы находим её.

— Она пела так чисто, так ярко, так... будто весь мир поёт вместе с ней! — меня переполняют эмоции и я засмеялась, и всё вокруг вспыхнула оранжевыми искрами. — Ты видел, насколько изменилась реальность, когда она запела? Клянусь, это было как будто я попала в призрачный Эдем!

— Нет, к сожалению, я видел только её, — он покачал головой, а затем посмотрел на меня искоса. — Я знал, что ты всё увидишь. Я хотел, чтобы ты поняла, каким даром обладаешь. Поняла, что ты не проклята.

— Это тебе Элли сказала, да? — негромко хмыкнув, поправила сползший шарф на шее. — Я не считаю себя проклятой, просто всё случившееся сильно пошатнуло меня. Сложно видеть два мира одновременно и не запутаться в них. Я ведь постоянно вижу Изнанку! Каждую секунду приходится анализировать мир вокруг меня. Ведь Изнанка не всегда так доброжелательна, как час назад. Иногда кажется, что она пытается меня убить, показывая реальность, совсем незначительно отличающуюся от настоящего. Дорога, располагающая чуть дальше, чем есть на самом деле. Обрыв, открытый люк... мне постоянно приходится быть настороже и это изматывает меня.

— Ты научись. Справишься. Ты самый сильный медиум из всех, кого я когда-либо встречал, — остановился и развернул меня, обхватив за плечи. — Не позволяй слабостям взять над собой вверх.

Его глаза, изумительно тёплые и неправдоподобно яркие, оказались так близко, что невольно облизнула губы. Мне стало тепло и по-домашнему уютно. Молча, он провёл

холодными пальцами по моей щеке, а затем потянул к себе, и сердце замерло. И время остановилось.

Как же давно не целовала человека, которого действительно хотелось целовать. Как же давно не чувствовала это волшебное, волнительное тепло, разливающееся по всему телу, ослабляющее радость и заставляющее спустя доли секунд сердце биться сильнее и сильнее. Мне казалось, что тону, что падаю куда-то далеко вниз и от головокружения поцелуй становился всё слаще и ярче.

Как гром над нами пронесся рокот сигнала воздушной тревоги, по нарастающей, громче и громче.

Он отстранился, посмотрел вверх, нахмурил брови и поджал губы.

— Вот оно и началось.

— Афтершок? — моментально догадалась, испугано смотря по сторонам.

За те несчастные секунды, что выпала из реальности, всё стало совсем другим. Изнанка тускнела, исчезала, как будто что-то намного сильнее вытесняло её.

Бес полез за телефоном.

— Едем в клуб, слава богу, мы не так далеко от него, на такси успеем до начала, потом будет поздно.

Меня обдало холодом, я растёрла плечи, пытаюсь согреться. Пётр, убрал мобильный, обхватил и прижал к груди.

— Тише-тише, всё не так страшно. В первый раз я тоже паниковал, но потом успокоился. Запомни, во время афтершока мы призраки, а они реальны. Никто не сможет причинить нам вред. Наша задача помочь призракам выбраться из петли времени, вот и всё. Да, зрительно будет казаться, что мир рухнул, звуки и запахи пугают, все чувства обострены, но на самом деле ничего страшного нет.

— Я никогда не помогала призракам, — прошептала тихо, сильнее прижимаясь к нему.

— Значит будешь зрителем, увидишь, как это делаем мы, — он чмокнул в затылок, подмигнул, а затем махнул рукой подъехавшему такси.

Марго

Черные кляксы наступали со всех сторон. Пока ехали в такси, смотрела в окно и сквозь пролёты видела, как над Москвой образуется купол петли. Это жутко и красиво одновременно. Краски менялись, гамма теплела, насыщалась ржавчиной и желтизной. Становилось жарко, даже душно, лето безжалостно вытесняло зиму, одевая деревья в сухие листья. Вместе с этим чувствовала какую-то неправильность происходящего. Мне казалось, что что-то идёт не так, хотя никогда раньше не попадала в афтершок. Я не понимала, что происходит и от этого сильнее ёрзала на заднем сиденье автомобиля, пока Бес обсуждал с водителем очередной выброс отходов в реку, из-за которого в Москве появился противный запах гари.

Откинувшись на спинку кресла, прикрыла глаза и запустила онемевшие от нервного напряжения пальцы в волосы. Ненадолго это помогло. Холод как облегчение от воспалённого разума. Как всё быстро меняется. Пару часов назад думала, что это самый лучший вечер в моей жизни. Самый тёплый и светлый, такой, какой остаётся в памяти на долгие годы. Увы, реальность обожает всё портить.

Мне смешно думать над словами Беса. Самый сильный медиум. Звучит издёвкой, ведь это не может быть про меня. Больше всего волновало то, что не способна никому помочь. Я могу только наблюдать или ввязываться в неприятности, чем действительно помогать мёртвым перейти. Мой брат был не таким. Сколько себя помню, он всегда пытался помочь. Даже когда был маленький, он уходил из дома и искал мёртвых, говорил с ними, утешал и они уходили в яркой вспышке света. Я прикрывала его от родителей, пока нас не разлучили.

Мне вспомнился случай, когда он купил Библию. Тогда не понимала, зачем он это сделал. Нам было по одиннадцать лет. Какой ребёнок будет читать такую книгу в одиннадцать? Он объяснил мне: «Призракам нужны якоря, за которые они смогут ухватиться, чтобы отправиться в дальний путь». Наша семья была атеистами, и когда дед увидел Максима с этой книгой, он очень сильно разозлился. Брат был умным, он сумел убедить деда, что это всего лишь научный интерес. «Врага нужно знать в лицо», — так он сказал. Это успокоило всю семью ровно до того момента, как Максим стал ходить в церковь. Потом был ещё один скандал и его отправили в кадетскую школу. Макси всегда мог постоять за себя. А вера в Бога его вызов миру. Я такой силой никогда не обладала.

Мне показалось, что я самый никчёмный человек на земле. Во мне не было ничего достойного, что объяснило бы тот дар, который получила. Я не была сильной, не была храброй, не была умной. Я всю жизнь следовала правилам, которые меня окружали. Даже побег в Москву не был моим вызовом, просто последовала за братом, потому что не могла оставаться в Питере без него.

Что ж, теперь у меня нет и его.

— Подъезжаем, — раздался голос с переднего сидения. Пётр обернулся и подмигнул мне. — Чувствуешь? Начинается!

Его воодушевление больно порезало мне весь настрой и он рассыпался нервными блёстками.

Расплатившись с таксистом, мы вышли на улицу. Неподалёку от нас стояла Элли. Она смотрела в телефон и жадно затягивалась сигаретами. На ней была дешёвая мятая куртка,

неказистый шарф и шерстяные перчатки без пальчиков. Очень странный выбор, учитывая, как сильно она дрожала стоя на ветру рядом с дорогой.

— Элли! — радостно воскликнул Пётр, подбегая к ней и обнимая, целуя в обе щёки. — Чёрт, и не знал, что ты тоже будешь здесь!

— А, по-моему, я тебе говорила, что буду в этом районе, — хмыкнула она, разглядывая нас с ног до головы. — Судя по всему, здесь нас будет только трое. Остальные не успеют добраться и судя по сообщениям многие выбираются ближе к бывшей улице Горького.

— Мы справимся, — самоуверенно заявил Бес. — Не в первый раз.

— Кому как, — заявила саркастически. — Элли, ты почему так легко одета? Простынешь же!

— Да мы скоро в лето попадём, чувствуешь? Зима отступает, — она улыбнулась. — Ты как? Готова?

— Не уверена, — с сомнением покачала головой. — У меня в голове крутятся слова Белого человека...

— Мы справимся, — Элли отмахнулась от моих слов и выбросила сигарету в урну.

— А что говорил Белый человек? — нахмурился Бес.

— Он сказал, что этот афтершок будет не таким, как раньше.

— Не стоит верить всему, что он говорит. Призраки постоянно лгут, — отрезала Элли, доставая очередную сигарету.

И в этот момент всё началось. За одно мгновение, мне показалось, что мир рухнул. Как будто бы захлопнулась вакуумная упаковка. Исчезло всё, что окружало нас, а то, что осталось, изменилось, помолодело и состарилось одновременно. Небо сменило свой цвет с зимнего на летнее, пропали звёзды, закрытые дымными облаками. Я как будто бы попала в старинный фильм, только пустой и тихий. Единственным звуком был нескончаемый вой сирены, который проносился над пустыми улицами да далёкий свист и грохот.

Элли и Бес поднимались с земли, отряхиваясь и восстанавливая дыхание.

— Каждый раз одно и то же! — негромко проворчала она.

— Марго не упала, — довольно заметил Бес, расстёгивая зимнее пальто.

От жары сносило голову и теперь стало понятно, почему Элли была так странно одета. Она просто сбросила с себя ненужную куртку, купленную на один раз, и осталась в лёгкой майке и непритязательных джинсах.

А вот нам с Бесом оставалось только кусать локти. Мы не догадались оставить верхнюю одежду хотя бы в камере хранения одного из торговых центров, которые мы проезжали, пока добирались сюда. Оставалось потеть или расстаться с одеждой навсегда, как поступила Элли.

— Мне кажется, это потому, что для меня всё происходило не мгновенно, — натянуто объяснила, внимательно изучая улицу, которая всё больше и больше походила на заброшенные декорации к фильму о прошлом. — Разве на улицах не должны быть люди? Почему здесь так пусто?

— Здесь и будет пусто, пока не начнётся бомбёжка.

— Она не причинит нам вреда?

— Нет, — вместо Элли, ответил Бес. — Мы здесь призраки, помнишь?

Элли мрачно посмотрела в его сторону, а затем дотронулась до стенки здания.

— Твою мать! — злобно выкрикнула она, пиная стену, а затем доставая очередную сигарету.

— Я так понимаю, что всё идёт не так как обычно? — спрашиваю с надеждой на отрицательный ответ.

— Да, — сумрачно ответил Бес, а затем посмотрел на небо. — Нужно как можно быстрее убираться с улицы, пока не началась бомбёжка. Осталось несколько минут, слышите?

И мы столкнулись с очередной проблемой. Здания заперты, многие двери вообще заколочены. Фасады закрыты толстыми досками и накрыты зелёными камуфляжными сетками, подвалы замурованы. Нам пришлось переместиться с улицы в один из двориков. Никто из нас не был в курсе, где кроме метро, ещё располагаются бомбоубежища. Мы просто пытались открыть каждую дверь, встречавшуюся нам на пути, пока с неба не посыпались огненные звёзды.

От первого взрыва, упала на землю, локтями пропахав брусчатку. Бес подхватил меня под руки и потащил за бежавшей впереди Элли. Тогда же увидела людей. Они не бежали, нет, они выскакивали из закрытых домов с бочками воды наперевес и тушили разгоравшееся пламя. Это было как фильм-апокалипсис. Небо, ядрёно-оранжевое, низкий свист, гул, а затем вспышки, крики и взрывные волны.

Всё было абсолютно не так, как себе представляла. Ноги ныли от усталости, руки влажные от крови, сочившейся сквозь бесчисленные порезы. Ошалевшая и оглохшая, всё, что могла делать — это бежать следом, держась за крепкую руку Беса. А затем, как будто нас подхватила огненная волна, мы пролетели несколько метров, рухнули на землю и ползком направились в сторону ближайшего спуска в подвал. Над ним висела какая-то полустёртая надпись, но в дыму ничего не было видно. Скатившись вниз, Элли, ухватила руками за входную дверь и с силой дёрнула её, победно крикнув, когда та открылась. И мы ввалились внутрь.

***

Первые минуты мы просто лежали на полу, тяжело дыша с закрытыми глазами. Нет мыслей, нет чувств, только быстро колотящееся сердце и бесконечная ноющая боль в мышцах измученного тела. Где-то вдалеке слышались отдалённые громовые раскаты, но здесь играла приятная музыка, было сухо и тепло.

— Это походило на ад, — с трудом поднимаясь, заявил Бес.

Потный, грязный с оторванным рукавом у пальто, он не выглядел стильно, совсем наоборот — походил на человека, прошедшего сквозь мясорубку. Глядя на часы, не верю, что с момента начала афтершока прошло всего пятнадцать минут. Эти минуты длились целую вечность, и отделяли нас от уютной зимней реальности.

Мы оказались в маленьком ресторанчике с круглыми столиками и небольшой барной стойкой. Приглушённый свет, картины танцующих пар, висящие вдоль стен. Гардеробная справа от входа, паркет на полу. Всё выглядело безопасно. Оазис посреди войны.

Бес прошёл через весь зал, перегнулся через стойку, достал бутылку с коньяком и несколько стаканов. Элли села за столик, блаженно откинулась на спинку, делая один глубокий вдох за другим. У неё на щеке несколько длинных параллельных порезов, напоминающих формой след от когтей животного, руки в синяках и небольших ссадинах, одежда испачкалась, а джинсы порваны. Она выглядела как бродяжка, волосы, запорошенные сажой, свалились в сосульки, пальцы, дрожащие от внутреннего напряжения, никак не могут зажечь зажигалку. Плюнув, положила её на стол и принялась с силой

растирать руки.

Мы выглядели ужасно, но хотя бы были живы. Оказавшись за одним столом, молча чокнулись, закидывая в себя полные стаканы огненной воды. Коньяк безвкусный, мы пили его не морщась, пытаясь хоть чуть-чуть расслабиться. Нас всех колотила дрожь, а мысли путались.

— Как долго длится афтершок? — нарушила тягостное молчание, отставляя в сторону пустой стакан.

— Пару часов, не больше, — хрипло ответил Бес, доставая сигарету из пачки Элли. — Но я без понятия, как это будет в этот раз.

— Я так понимаю, Чёрный человек что-то сделал с афтершоком? Как ему это удалось?

— Это невозможно, — сухо ответила Элли. — Считается, что афтершок никак не связан с Изнанкой. Я не знаю, что и как он сделал.

— Ладно, примем как данность. Что дальше? Каков его план?

— Убить нас, — просто сказал Бес. — Он охотится за медиумами. Афтершок отделил зёрна от плевел, здесь, кроме мертвецов и медиумов, никого нет. Уйти отсюда невозможно, так как находимся под колпаком. Так что да, мы на арене для зверей и скоро начнётся охота.

— Думаешь, он сейчас здесь? — спросила Элли, разливая по стаканам очередную порцию выпивки.

— Чисто теоретически это невозможно. А практика убеждает в этом. Да, я думаю, что он здесь. И он не один. Думаю, он отлавливает медиумов и убивает их, или похищает, или хрен побери, что ещё делает. Но не стоит в сторонке, — кивнул он. — Я без понятия, сколько продлится афтершок и есть ли у него конец. Может Чёрный человек полностью взял над ним контроль. Может он не закончится, пока Клаус этого не захочет.

Элли выругалась, а затем недовольно посмотрела на Беса.

— Надеюсь, что ты не прав, — сказала она. — Иначе у нас, блин, очень большие проблемы. И ни одного решения, что делать дальше.

— А где в это время Харон? — осторожно спрашиваю. — Может он сможет закончить всё это?

— Я знаю только одно место, где он может быть. И, к несчастью, оно находится за пределами купола...

— Что такое купол?

— Это границы афтершока. Сквозь него невозможно пройти, он перебросит тебя на другой конец круга. Так что мы здесь заперты.

***

В какой-то момент пришло понимание, что просто сидеть и выпивать в баре не выход. Мы устали морально, но не физически, так что собравшись с силами, покинули славный подвал и выбрались наружу. Элли решила отвести нас в клуб медиумов, надеясь, что там мы встретим других и у них есть план действий.

Оставив бесполезную верхнюю одежду в баре, мы вышли на улицу, объятую пламенем. Над головами больше не летали снаряды, но воздуха катастрофически не хватало. Мимо нас сновали призрачные люди, раздавались крики и вопли, команды и приказы. Для них мы были невидимками, хоть это облегчало путь. Однако атмосфера давила, заставляя наклоняться ниже к земле и лихорадочно осматривать как небо, так и брусчатку под ногами, боясь наступить на осколки от выбитых стёкол.

Мысленно оборачиваясь назад, поражалась, насколько наивными были мои мысли. Я переживала за свою бесполезность, нервничала, что не смогу никому помочь и буду обузой. Боялась, что все увидят, что я не медиум, а так, пустое место. Мои страхи оказались так далеки от реальности. Я никогда не испытывала такого внутреннего напряжения, как сейчас. Я никогда не чувствовала себя такой живой и ясной. Внезапно, всё происходящее оказалось таким чётким и ярким, как будто вколола себе адреналин прямо в сердце. словно всю жизнь провела в спячке, а сейчас проснулась. Мои испытания на Изнанке и рядом не стояли с тем, через что проходила сейчас. Это было невероятно и захватывало с головой.

Элли

Тысячи мыслей и ни одной правильной. Тысячи слов и я не знаю, что сказать. Вокруг моей шеи удавка, лёгкие без кислорода. Кажется, что сейчас умру. Это следствие того, что покинула реальность? Перестали действовать уловки Харона или же влияние Изнанки усилилось из-за действий Чёрного человека? Сколько времени продержусь на одном лишь упорстве? И что будет, когда оно закончится?

Именно тогда раздался лай. Пока далёкий, но такой настёрный и громкий! Остановившись, огляделись по сторонам.

— Это нормально? — испуганно спросила Марго, прижимаясь к Бесу.

Явно между ними что-то происходит. К добру или к злу, но девушка понравилась ему, может Бесу удастся помочь ей выбраться из кокона, в который она себя заточила.

— А что здесь может быть нормального? — хмыкнул Пётр.

Собаки выскочили из-за угла, как чёртики из табакерки. Увидев нас, негромко зарычали, а затем завыли, громко и протяжно. От этого воя по телу прошла судорога, лёгкая, почти приятная, полностью лишаящая сил. Двортерьеры, чёрные, с лоснящейся шкурой, они отдалённо напоминали того пса, что вот уже больше месяца преследовал меня, возникая то тут, то там.

— Ловчие, — говорю тихо. — Уходим, быстро!

Сорвавшись с места, устремилась в противоположную от них сторону, слыша, как за мной бегут Марго и Бес. Собаки завыли громче, а затем замолчали. Нет нужды оглядываться, чтобы понять — они преследуют.

Нам удалось ненадолго оторваться, скрывшись между домов, бегая из одной подворотни в другую. Может бесконечный запах гари и дыма скрывал нас от собак, но веры нет. Поэтому продолжали бежать. Я почти вылетела на одну улицу, когда услышала разговор и замерла на месте, чуть ли не теряя равновесие от резкой остановки. Марго что-то хотела сказать, но Бес вовремя закрыл ей рот, напряжённо смотря в сторону улицы.

— Собаки кого-то засекли, но потеряли след, — отчитывался негромкий молодой голос. — Слишком много запахов, они сбивают гончих со следа.

— Сколько поймано? — ленивый голос отозвался мурашками во всём теле.

— Пять человек, — немного запнувшись, ответил другой.

— Мало! — недовольно воскликнул Клаус. — Вам что, не хватает призраков? Ищите внимательнее, бомбёжка закончилась, так что медиумы уже вылезают из нор, в которые залезли. Нам нужны все до единого. Особенно Марго.

— Сестру никто не видел. Но я думаю она где-то неподалёку. Судя по карте, это ближайшее место от клуба, в котором выступала Певица. Там её видели в последний раз в компании другого медиума.

На этих словах Марго вздрогнула. Она испуганно уставилась на меня, её глаза широко открылись, она тяжело задышала. Вот кто им нужен. Я должна была догадаться, что вся эта облава не просто так. Я должна была увезти Марго из города. Должна была предвидеть эти события, а не рефлексировать, наслаждаясь передышкой.

— Медиум? Элли? — голос Клауса наполнился желчью.

— Нет, какой-то парень.

— Там, где Марго, мы найдём и мерзавку Элли, — неприязненно сказал призрак. — Может нам стоит обратиться к Белому псу? Уверен, он жаждет поквитаться с этой дрянью.

— А как же Михаэль?

— Михаэль не участвует в этой операции. Он лишился нашего доверия.

Они вышли из-за поворота. Мы, скрытые ночной мглой, в подворотне оставались невидимыми для них. Но напряжение, повисшее в воздухе, можно было потрогать руками.

И конечно, именно в этот момент появились собаки. Разумеется, они с лаем бросили в нашу сторону, заставив призраков остановиться и уставиться прямо на нас.

— Бежим! — закричала Марго.

Вопрос на засыпку: как далеко можно убежать от призраков, которые умеют перемещаться в пространстве и обладают телекинезом?

Нас просто подхватило в воздухе и впечатало в стену дома, от которого мы и шагу не успели сделать. Расплющило в сантиметрах от земли, не давая возможности пошевелиться или глубоко вдохнуть. Собаки замерли у наших ног, победно рыча, зная, что мы уже никуда не денемся.

— Марго, Элли! Как приятная встреча! А мы вас только что обсуждали. Подслушивать нехорошо, девочки и... ты кто ещё такой? — Клаус не мог сдержать улыбки, подходя к нам.

Максим выглядел не таким довольным, как его хозяин. Он мрачно смотрел на нас, просчитывая в голове какие-то варианты.

— Тихо, — прикрикнул на собак Чёрный человек и те мгновенно заткнулись. — Ищите дальше, — псы разбежались в разные стороны. — Умные пёсики, загнали вас прямо ко мне.

— Иди к чёрту! — грубо выругался Бес, вызывающе смотря на Клауса.

Тот никак не отреагировал на выпад медиума, только смерив быстрым и маловыразительным взглядом. Всё его внимание было приковано к Марго.

— Как ты похорошела, девочка, — облизнув губы, заявил он. — Тебе удивительно идёт этот цвет глаз!

Марго даже не посмотрела в его сторону, она неотрывно глядела на брата.

— Максим, что ты делаешь здесь? — запинаясь от испуга, заговорила она. — Зачем ты ему служишь, ведь он убийца!

— Иди отсюда, Максим и заberi этих двух с собой, с Марго хочу поговорить с глазу на глаз, — приказал Клаус, мельком глянув на своего ученика.

Когда тот не двинулся с места, гневно воскликнул:

— Живо!

И только после этого, мы с Бесом свалились на землю, после чего нас грубо поволокло прочь из подворотни.

— Марго! — закричал Пётр, а затем крик оборвался, он обхватил пальцами шею, как будто что-то ему перекрыло кислород.

— Заткнись, — мрачно заявил Максим, даже не смотря в нашу сторону.

Казалось, что вместе с нами, он тащит неподъёмную ношу и всеми силами старается не

обернуться, не посмотреть на то, что делает Чёрный человек с его сестрой. Последнее, что я услышала:

— Иди к чёрту!

***

Максим привёл нас в подвальное помещение, возле которого стояло два призрако-охранника, с точно такими же отметинами, что видела на девушке-призраке, которой помогла перейти. Метки принадлежности к Чёрному дому. Они расступились перед нами, и мы оказались в комнате с другими медиумами. Здесь было семь человек, включая Чтеца. Старик выглядел весьма потрёпанно с большой раной на предплечье, замотанной в несколько слоев из тряпок. Измождённые, напряжённые лица, страх и отчаяние, вот с чем оставил нас Максим, закрывая входную дверь. Прошло несколько минут, прежде чем тьма немного рассеялась и сквозь дырки закрытых газетами окон, мы увидели немного рыжего света фонарей.

— Элли, надеялся, что тебя не поймают, — голос Чтеца звучал сухо и до смерти устало.

— Удача нам изменила, — также невыразительно ответила ему.

— Нужно выбирать, — голос Беса прозвучал хрипло, гласные пропадали, а кашель усилился. — Марго нужна наша помощь.

— Что случилось с вашей подругой?

— Она у Чёрного человека, — говорю тихо, обходя комнату по периметру.

— Мы все у него в руках, — Лизка, молодая женщина лет сорока, заговорила невероятно устало и потерянно. — Не видно, что ли? К утру мы все будем мертвы и окажемся на Изнанке. С нами случится то же, что и с остальными пропавшими медиумами.

— Не говори так! — резко оборвал её Руслан Валерьевич. — Мы выберемся отсюда. Не всех из нас поймали, другие придут за нами.

— И что они сделают? — вступил в диалог другой медиум со странным прозвищем Клещ. — Ничего! Мы беспомощны против призраков! Будь среди нас хотя бы один экзорцист...

— Без дополнительных средств, они всего лишь люди, — возразила ему, продолжая изучать комнату вместе с присоединившемся Бесом. — Нам нужно действовать самим.

— Другой вопрос, сколько у нас осталось времени, — сказал кто-то очень тихо.

Я смотрела на них и думала, какие мы разные. Кажется, что даже сейчас они не могут до конца поверить в то, что с ними случилось. Они не верят, что призраки способны причинить им вред. Не верят, что призраки хотят их убить. Никто из них не был воином. Они не умеют защищаться, не умеют постоять за себя. Сейчас, напуганные и злые из-за своего страха, готовы сорваться от любой мелочи, они и понятия не имеют, с чем столкнулись! Да и как могло быть иначе, если мы ещё в детстве разучились бояться мёртвых? В этом смысле здесь собрались сильные духом люди. Мы прошли через испытания, не сошли с ума и справились со своими страхами и способностями. Каждый из нас умеет помогать духам, в этом наше призвание, это наш дар. Никто не мог предположить, что он обернётся против нас.

Снаружи слышались крики.

— Что там происходит? — всполошилась Лиза, поднимаясь на ноги.

— Не знаю, — качаю головой, прислоняясь к входной двери, надеясь через замочную скважину рассмотреть хоть что-то в непроглядной тьме.

От сильного удара упала на пол. Что-то врезалось в дверь с той стороны, а затем раздался протяжный собачий вой.

— Что за чёрт? — напряжённо спрашивает Бес, помогая мне подняться.

— Я не знаю, — повторяю ещё раз, хотя догадка ползала в глубине сознания.

Дверь вышибло с петель и на пороге показался чёрный пёс. Тот самый, что так долго преследовал меня. Принюхавшись, собака бросилась на меня и повалила на пол, пасть зверя оказалась в нескольких сантиметрах от лица. Чёрные провалы вместо глаз словно заполонили комнату, дым, окружавший собачью шкуру перекрыл жалкие остатки света, задурманил, уводя сознание глубоко-глубоко вниз, во тьму.

***

— Ах, Элли, Элли, Элли! Ты всё бежишь и никак не можешь остановиться! Твоё упрямство уничтожит тебя. Прекращай это делать.

Девочка с изумрудными глазами смотрит, словно вскрывает душу острым и колючим холодным скальпелем. Она препарирует меня, как лягушку, её взгляд — это взгляд бесконечности, завораживающий, мудрый, вечный. Словно она космос, а я мелкая букашка на самой мелкой планете во вселенной.

— Это твой пёс меня преследует?

Я вновь оказалась в том месте, где тьма клубится по углам, где канделябры, свечи, горящие ровным зелёным пламенем. Здесь уютно и легко, все проблемы остались далеко позади, как будто бы случились и не со мной.

— Не преследует, а присматривает, иногда направляет, иногда предостерегает. Его глазами за тобой наблюдаю я, — отвечает ровно, сложив руки на столе в замок. — Ты попала в очень дурную передрагу, Мышонок. Я не должна была вмешиваться, но и пройти мимо тоже нельзя.

— Ты вытащила меня оттуда сюда? — спрашиваю недоверчиво, оглядываясь по сторонам.

— Нет, конечно. Сама себя вытаскивай, сил у тебя на это хватит, — недовольно, почти по-детски, отвечает она. — Внутри твоего духа заключена невероятная мощь, а ты даже не пыталась ею воспользоваться!

— Потому что эта сила уничтожает меня. Ты хочешь моей смерти, раз предлагаешь ею воспользоваться?

— Не готова, — проворчала она, качая головой. — Но у тебя нет другого выхода, кроме как попробовать. Иначе вы все умрёте. Часики тикают тик-так, тик-так. Скоро афтершок схлопнется и вы окажетесь на Изнанке.

— Ты это подстроила? Ты хочешь, чтобы я исчезла?

— Всё неправильно, — она печалиться. — Но ты поймёшь, когда придёт время, ты поймёшь, о чём говорю. Это было предначертано слишком давно, чтобы ты могла избежать своей участи.

— Кто ты такая? — вновь спрашиваю, уже и не надеясь получить ответ.

Аудиенция заканчивалась, тени сгущались, свечи гасли, причудливо играя отражением в её глазах. В воздухе разлился свежий запах аниса, мощный, дурмящий аромат, гасящий сознание, приглушающей чувства.

— Вот любопытное создание, — где-то вдалеке раздаётся совсем не детский звонкий женский голос. — Раз тебе так хочется назвать меня, тогда зови Нюкта.

***

Смех колокольчиками бьёт по сознанию, недовольно морщусь, пытаюсь разлепить слипшиеся от слёз веки.

— Слава богу, ты очнулась! — голос Беса ни с чем не путаешь.

Открываю глаза. Мы в маленьком переулке, спрятались на ступеньках у входа в подвальное помещение. Нас не видно за густыми кустами, щедро украшенными разноцветной листвой. Нас только двое, я и ожесточённый, упрямый Бес, наверняка бывавший и не в таких переделках.

— Где остальные? Что там случилось?

— Чтец приказал нам разделиться. Тот пёс помог сбежать, но мы по-прежнему беззащитны, будет лучше, если спрячемся небольшими группами, не будем облегчать задачу призракам. А что случилось и я не знаю. Та собака вроде лишила тебя сознания, а затем просто растворилась в воздухе, как будто бы её и не было. Выйдя на улицу, мы никого не увидели, ни призраков, ни живых.

— Мы всё ещё в афтершоке? — спрашиваю хрипло, поднимаясь на ноги.

— Да. У меня дурное предчувствие, Элли. Пока ты была в безсознании, я ходил на то место, где нас поймали. Там никого. У меня такое чувство, что эта ловушка сложнее, чем кажется. Нас не так уж и пытаются ловить, словно знают — бежать некуда.

— Я знаю.

Кем бы ни была та девочка, она не врёт. Время утекает сквозь пальцы, скоро мы окажемся в настоящей ловушке. Становится понятным, почему нас сразу не убили. Какие гарантии, что мы не перейдём отсюда? Изнанка сто процентный способ лишить нас выхода. Клаус ничего не делает просто так.

— Что с тобой случилось, Элли?

— Если ты увидишь, что со мной что-то не так... ударь меня, бей изо всех сил, понял?

— Ни черта! Что ты задумала?

— Ты это сделаешь, ясно? Не задавай вопросов, на которых нет ответов.

Отвечаю маловразумительно, а затем, тяжело поднимаясь на ноги, выбираюсь на улицу, уставившись в плотнеющий и явно сдвигающий вглубь свои границы купол. Девочка сказала, что я могу всё исправить. Что во мне есть нечто могущественное. Что же, пришло время это узнать.

Внутри меня есть только одна сила. Та сила, что убивает и делает невероятно сильной одновременно. Та сила, которой покоряются звёзды и глубины. Сила, из которой вышел свет, и куда он потом вернётся. Сила тьмы, сила Изнанки. Сила, поглощающая и видоизменяющая всё на своём пути. Пробуждаясь, чувствую, как по рукам зазмеились чёрные молнии, чувствую, как из тела уходит тепло и жизнь. Меня покидают чувства, надежды, радость, вера и любовь.словно помещая себя в хрустальный кокон, окружённый чёрными клубами дыма, слышу где-то вдалеке мужской голос, незнакомый, лишний и пустой. Меня переполняет мощь, кажется, что ещё чуть-чуть и вместо колодца на глубине души, будет бескрайний океан всеисилия.

— *Тише-тише, не так много,* — звучание беззвучия на краю сознание и что-то, что центрирует, упорядочивает всю эту мощь, передавая бразды правления в мои неопытные руки. — *А теперь отпусти, сбрось всё с себя.*

И я делаю выдох.

Марго

— Вот и остались мы одни.

Призрак облизнул губы и улыбнулся. Он подошёл ко мне, провёл холодными пальцами по щеке, отчего внутри под кожей рассыпались сотни мурашек. Вызывающе уставилась на него, стараясь не обращать внимание на пугающую близость. Так его вижу в первый раз. До этого наши встречи были туманны и под влиянием детского восприятия. Он представлялся огромным букой в чёрном военном костюме. В принципе, ничего не изменилось. Та же бука, только чётче.

— Марго, всё должно было быть по-другому, — с ноткой грусти констатировал он, не переставая водить пальцами по щеке, касаясь волос и губ.

— Отвали от меня, слышишь? — процедила сквозь зубы, дёрнувшись от очередного прикосновения.

— Боишься меня? Правильно, ты должна бояться. После всего, что сделала, страх — единственный выход. Ты разрушила своего брата, сделала его бесполезным. И как ты спишь по ночам, зная, что всё, к чему он стремился, теперь неосуществимо?

— Да мне плевать на него. Он пытался меня убить. Братья так не поступают.

В глазах мёртвого мелькнуло сожаление.

— Как и она, ты не понимаешь, зачем мы это делаем, — заговорил печально. — Но ничего, мы это поправим. Скоро ты изменишься... станешь послушной, как и твой брат.

— Иди к чёрту! — крикнула, а затем с силой ударила его головой.

Сразу всё зазвенело, завертелось. Клаус грязно выругался, а затем щёку обожгла острая пощёчина.

— И это всё на что ты способен? — крикнула, глотая выступившие слёзы.

Я смотрела на него и видела отражение своих белых глаз на дне его тусклых и серых. Я знала, что его завораживают изменения, которые произошли со мной. Он не мог оторваться от меня, ведь я представляла собой загадку. Его лицо, искажённое злобой и едва сдерживаемой яростью, всё ещё несло печать восхищения. И от этого хотелось ударить его со всей силой.

— Маленькая дурочка, — процедил он. — Сопrotивляешься, борешься... это хорошо, в будущем нам это пригодится.

— Никакого будущего у нас нет. Ты не сломаешь меня, надорвёшься!

— Один раз почти получилось. Эх, а ведь всё было так хорошо спланировано. Если бы ты не нашла Элли, сейчас уже была бы на нашей стороне, помогала бы мне и по-прежнему восхищалась братом. Твоя жизнь была бы простой и понятной, но вместо этого ты решила, что мы не правы, а твоя подруга знает, что к чему. Кому ты доверилась? Девчонке, предавшей своего возлюбленного и учителя!

— Ты прав. Не встречу я Элли, не узнала бы, какой сильной могу быть. Да, я бы пошла за братом, потому что верила ему. Потому что думала, что он не причинит мне вреда. Как же хорошо, что она раскрыла мне правду.

Я улыбаюсь потому, что мне ни капельки не страшно. Щёку саднит, но внутри вдруг всё стало нормальным. Я перестала бояться и трезво взглянула на человека, стоящего передо мной.

— Ты всего лишь призрак, обычный запутавшийся мертвец, тот, кто не смог перейти через дверь. Слабак! — говорю по слогам, наслаждаясь гаммой эмоций, промелькнувших у

него на лице.

Следующий удар встретила смехом, а через другую пощёчину, он словно опомнился, обхватил моё лицо руками, нежно сжав.

— Прости-прости, — прошептал он, наклоняясь ко мне. — Я не должен причинять тебе боль, ты просто не понимаешь, не знаешь, что правда, а что ложь.

Он целует в лоб и моё сознание наполняется образами. Вижу шеренгу солдат, шагающих сквозь бурю, слышу громкие крики, вспышки, взрыв. Вижу Клауса в оборванной загроубевшей форме, его лицо как маска: тонкая кожа, обтягивающая череп. Глаза ввалились, он измождён. Больной и замёрзший, он был среди тех, кто штурмовал Ленинград. Вот как он умер. От усталости, от невозможности биться или отступить назад.

Видение меняется, вижу его как призрака. Слышу отказ за отказом, надменные лица и ярость, закипающая в его немецкой душе.

— Они отказали тебе! — воскликнула, понимая, что увидела. — Они все отказали тебе. Каждый медиум, кого ты встречал, отказался помочь фашистской свинье!

— Дрянь! — закричал он, ударив по лицу. — Мелкая дрянь, я убью тебя, сучка и ни хрена ты не воскреснешь!

Он запустил пальцы в мои волосы, с силой сжав голову. Его глаза почернели, а меня словно током ударило. Казалось, что ещё секунда и голова взорвётся, боль ослепляла, боль сжигала дотла. Клаус проникал в каждую частичку моего тела и воспламенял её, уничтожая всё на своём пути. Как жарко, как же жарко!

Я делаю вдох и оказываюсь... в небе.

***

— Чёрт, как холодно! — восклицаю непроизвольно, оборачиваясь.

Обхватила себя руками, пытаюсь дышать, но воздуха катастрофически не хватает. Передо мной простирается город, я стою на маленьком парапете, покрытым толстым слоем снега и льда. Холодно, здесь очень холодно. Чёрт побери, как же холодно! Мороз выбивает из колеи, остатками здравого смысла понимаю, что нахожусь на Останкинской телебашне! За спиной окна, за которыми располагается знаменитый ресторан и да, там люди! И они все смотрят прямо на меня!

От резкого порыва ветра, теряю равновесие и лечу вниз, даже крикнуть не смогла, холод заморозил лёгкие. Зажмурившись, падаю в снег.

— Что за чёрт?

Я подскакиваю и выдаю длинную тираду из непечатных слов. Вокруг меня заснеженный лес. Здесь так же холодно, как и на башне, только холод мягче, а адреналин сильнее, поэтому растираю плечи, соображая, что происходит.

— Я телепортировалась! Мать божья, я телепортировалась! — закричала, смеясь то ли от облегчения, то ли от мгновенной усталости, накатившей после всплеска. — Я умею телепортироваться! — мой крик спугнул стаю ворон, уместившихся на одном чахлом деревце.

Вокруг парковая зона, но никого нет. Дорожки утрамбованного снега, заиндевевшие скамейки с переполненными урнами, сквозь деревья виднеется чёрная ограда, слышится городской шум. Я смеюсь и никак не могу остановиться. Весь мир показался таким невозможно живым, что, не обращая внимания на холод, просто ржу в голос и получаю удовольствие от таких простых вещей. Я могу дышать, могу двигаться, могу

телепортироваться!

Острая мысль остановила меня, обернувшись, увидела грязно-жёлтый купол, нависающий над центром города. Сейчас ранний рассвет. А значит время около девяти часов утра. Прошла почти половина суток с того момента, как начался афтершок.

— Мне нужно вернуться, — прошептала тихо и напряжённо.

Только собравшись с мыслями, пытаюсь сообразить, как у меня получилось переместиться, вдруг раздался грохот, будто воздушный шарик лопнул и сильная ударная волна, не задев деревья, опрокинула меня на землю. Приподнявшись, увидела, что купол исчез.

— Вот и всё, — раздался за спиной знакомый голос.

— Что всё?

— Афтершок закончился, — ответил Харон протягивая руку, помогая подняться.

Он улыбается, немного грустно, немного весело. Погружённый в свои далёкие мысли, это существо будто и не видит меня. Будто меня здесь нет, а есть только Изнанка, дрожащая и пульсирующая.

Я напрягла зрение, сильнее всматриваясь в её переменность и заметила, какой рваной она выглядит. Взрыв, следующий за хлопком, был только на Изнанке. Я, находящаяся меж двух реальностей, просто попала под раздачу.

В руках Харона как из ниоткуда возникла тёмно-серая шуба. Он развернул её и помог натянуть на плечи, плотно укутав.

— Замёрзла, девочка? — с теплотой сказал он. — С такой-то высоты упав?

— Как вы?..

— Запомни на будущее, Марго, такие путешествия опасны. Чуть ошибёшься и уже не сможешь выбраться. Изнанка многогранна, а ты перемещаешься сквозь неё, будто пользуясь транзитом. Понимаешь?

— То есть я, переходя из одного места в другое, попутно шагаю и по Изнанке?

— Да.

— Я не понимаю... Как я это сделала?

— Ты, земная молодая женщина, пытаешься понять законы Изнанки? Законы мёртвых? — он покачал головой и посмотрел в сторону центра города, над которым расплывались грязно-жёлтые круги спадающего афтершока. — Тебя ждут. Твои друзья беспокоятся о тебе.

— Вы знали, что всё будет так? Что этот афтершок не будет таким, как прежде?

Мы идём в сторону выхода из парка. Ветер с неохотой бросает колючие пригоршни снега в лицо, где-то вдалеке слышится детский смех. Утро бьёт усталостью, глаза слипаются от навалившейся тяжести прошедшей ночи. Мне хочется спать, но в то же время, какое-то внутреннее напряжение держит как струна, натянутая до предела. В голове вновь и вновь возникают слова, сказанные Клаусом, они ранят как осы, окрашивая болезненные щёки в лихорадочный румянец. Я касаюсь своих губ и чувствую небольшую ранку, оставленную тяжёлой мужской рукой. Как странно, меня никогда не били. Меня никогда не пытались убить. Случившееся должно было оставить по-настоящему весомый след в душе, но вместо этого там пусто. Всё кажется таким далёким и неправдоподобным. Как и холод, недолго терзавший на высоте птичьего полёта. Сейчас уже и не верится, что переместилась из афтершока в реальность. Не верю, что такое вообще возможно.

— Я не всеведущ, Марго. Как я мог знать, что Элли притащит на Изнанку зеркало, зная,

как оно опасно? И откуда мне было знать, что оно попадёт в руки Чёрного человека? Изнанка многогранна, она бесконечна, как и звёзды, сверкающие в высоте. Теперь я, вместо того, чтобы заниматься прямыми своими обязанностями, буду вынужден разгребать последствия чужих ошибок. Передай Элли, что всё случившееся — её рук дело. Ведь она даже не нашла в себе силы сказать мне, что натворила.

— Значит не все медиумы пережили эту ночь? — тёплая шуба не спасла от холода, пришедшего вместе с его словами.

— Жатва прошла не так успешно, как планировали мёртвые, но некоторых медиумов они забрали.

Мы покинули пределы парка и остановились около проезжей части. Харон достал из кармана мобильный телефон. Произведя несколько команд, он удовлетворённо кивнул, убирая сотовый обратно на место. Пожалуй, эта картинка вызывала удивление. Невероятно, но факт, проводник душ в загробное царство умеет пользоваться смартфоном. Недоверчиво хмыкнула, плотнее засунула онемевшие пальцы в карманы шубы. Кажется мне повезло и я не заболела, хотя наверняка буду знать только ближе к вечеру.

— Сейчас подъедет такси. Я оплатил дорогу до места, где находятся твои друзья. Не волнуйся, они не так далеко отсюда.

— Я потеряла свой телефон, — протянула с досадой, вспоминая безумную гонку от снарядов.

В какой-то момент, моя сумочка соскользнула с плеча и осталась лежать на земле. Хорошо, что не ношу паспорт. Восстанавливать документы было бы проблематично.

Обернувшись, обнаружила рядом с собой пустоту. Харон ушёл по-английски, не попрощавшись.

Чёрное на чёрном. Так бы охарактеризовала прошедшую ночь. Немного задремав в такси, с сумбуром проносились сквозь прошедшие события. Как необычно, неоднородно, как резко и странно проворачиваются винтики жизни в наших душах. От безграничного щемящего сердце счастья до бескрайней, безбрежной, невозможной боли, закрывающей всё и вся. Страх, сбивающий с ног, искрящееся, как пузырьки в бокале, адреналиновые волны, поднимающие на самый верх блаженства. Всё смешалось, всё спуталось. Все краски сбились в одну чёрную, как чернильная ночь, массу. Этакое пятно, пачкающее руки и воспоминания. Мне кажется, что справилась, но воспоминания останутся со мной навсегда. Очередное столкновение со злом. Словно попала на другую сторону жизни. Словно настоящий мир такой хрупкий и ненастоящий. Словно его и вовсе нет.

Я испачкалась и теперь всегда буду носить на себе эти пятна, а люди почувствуют их. Они узнают, что я нечистая, что я уже разбилась. Во мне не осталось невинности. Обычные люди будут сторониться меня, сами по-настоящему не осознавая, почему чувствуют рядом со мной дискомфорт. А те, кто столкнулся с тем же, что и я, увидят, кто я такая. **Выжившая.** Вот ключевое слово новой реальности. Несмотря ни на что, должна бороться за свою жизнь. Зная, что находится **по ту сторону.**

***

Такси остановилось возле ресторана, в который меня на Новый год водила Элли. Подёргав входную ручку, убедилась, что заперто и вошла с чёрного входа. Поднимаясь по ступенькам наткнулась на немолодую женщину, стоящую на пролёте, освещённом тусклой лампочкой без абажура, курящую возле заполненной доверху окурками пепельницы. Она лихорадочно тыкала пальцами в небольшой телефон, хмурилась, не обратив на меня никакого внимания.

В самом ресторане атмосфера оказалась ещё более взвинченной. Здесь находилось человек тридцать и все говорили по телефону, либо переругивались, либо смотрели прямо перед собой в одну точку, погружённые в свои мысли. Ничего общего с той ночью. Сейчас здесь находятся люди, проигравшие что-то очень важное в своей жизни.

— Марго! — раздался звонкий голос и я оказалась в невероятно крепких объятиях Петра.

Он сжал меня, уткнулся носом в мои волосы, тяжело дыша и что-то тихо проговаривая на незнакомом языке. Отпустив, пристально взгляделся в моё лица, словно пытаюсь отыскать во мне нечто страшное.

— Господи, слава богу, ты жива!

— Чернышевские не тонут! — отвечаю едко, криво ухмыльнувшись. — Как же хорошо, что всё закончилось.

— Это ещё не конец, — обрубил он, мрачно оглядываясь по сторонам. — После того, как афтершок лопнул, мы недосчитались нескольких человек. Так что, — он развёл руки в стороны, показывая на напряжённых медиумов.

— Харон сказал, что не все пережили эту ночь, — говорю мрачно, сталкиваясь с ним взглядом.

Отвечая на невысказанный вопрос, рассказала, что со мной было после того, как их увёл

Максим, умолчав лишь о своих новых способностях. Не знаю почему, но откуда-то из глубины пришло чувство, что об этом лучше помалкивать. Я сказала ему, что выбраться удалось благодаря своевременному окончанию афтершока. В ответ он объяснил, что купол разрушила Элли. Невероятное событие, произошедшее на его глазах.

Тьма окутала девушку, сгустилась в районе груди, а затем брызнула тонкими струйками во все стороны, дотянувшись до самого неба и после этого произошёл взрыв и всё закончилось. Обычно афтершок прекращается плавно. Сначала исчезают люди. Потом звуки, краски меняют свой цвет, появляются вкрапления реальности, а потом словно за долю секунды мир возвращается к норме и воспоминания об афтершоке стираются, оставаясь смутными и далёкими. Такой резкий переход действительно потрясал. Невозможное, невероятное, жуткое действие.

— Где она сейчас?

— Занимается делами медиумов. Чтец серьёзно пострадал во время бомбёжки, он на операции, выкарабкается конечно, но на это потребуется время. Своим заместителем он назначил её.

— Неожиданный выбор.

— Ты удивишься, но она способна вывести ситуацию из кризиса и успокоить людей. В таких вещах Руслан Валерьевич не ошибается.

Через несколько минут появилась Элли. Она с кем-то попрощалась по телефону, задумчиво закусила губу, а затем покачав головой, вышла на небольшую сцену, предназначенную для камерных выступлений.

— Прошу вашего внимания, — сказала она громко и чётко, внимательно оглядывая присутствующих. Дождавшись тишины, продолжила:

— Сегодняшняя ночь стала для всех нас испытанием на прочность. Никто не ожидал, что обычная операция может обернуться чем-то подобным. В связи с откровенной враждебностью группы призраков под руководством небезызвестного Чёрного человека, пришло время задуматься о нашем будущем. Как известно многим из нас, в последние месяцы по всему земному шару пропадали медиумы, а также экстрасенсы и другие люди, обладающие способностью взаимодействовать с призраками. Теперь можно с уверенностью сказать, что за всем этим стоит названная группа, — Элли облизнула губы, создавая паузу и позволяя присутствующим осознать её слова. — Атака, совершённая прошлой ночью, является продолжением их планов. По последним данным им удалось захватить минимум пять медиумов, а то и больше, ведь не все из нас поддерживают связь с этим местом. Из-за этих событий, мы с Русланом Валерьевичем совместно с известным нам всем Институтом, разработали несколько способов защиты для каждого медиума. С завтрашнего дня вы можете прийти в Институт за дальнейшими инструкциями. Также там вам выдадут голубые ленты. С их помощью можно скрыть себя от глаз призраков, но это также не позволит вам их видеть. Как вы понимаете, это мешает нам выполнять нашу работу, из-за чего мы и приходим к самому сложному. Что нам делать дальше? — Элли оглядела присутствующих, опустила взгляд, а затем резко задрала голову и заговорила с чёткой и последовательной уверенностью в своих словах:

— Мы не являемся организованной группой, как Институт. У нас нет кодекса, нет правил и норм поведения. Мы не контролируем выработку, не следим за исполнительностью, но каждый день мы помогаем призракам отправиться дальше. Наша взаимосвязь с миром мёртвых базируется на взаимопонимании. До сегодняшних событий мы

верили, что призраки не причинят нам вреда. Эта вера в то, что они уважают наш труд, что они благодарны нам за всё, что мы делаем для них в ущерб нашей реальной жизни. Каждый день мы спасаем мёртвых, жертвуя личной жизнью, жертвуя всем ради них. Но этого оказалось недостаточно, — Элли прервалась, видя напряжение присутствующих. Помолчав несколько секунд, она заговорила ещё более уверенно, чем прежде:

— Теперь пришло время изменить наши отношения. Я не могу отдавать вам приказы, однако прошу сделать так, как я считаю нужным. Вы должны передать своим знакомым призракам следующую информацию. Пока группировка Чёрного человека существует, ни один медиум не станет помогать мёртвым перейти. Пока Чёрный человек ходит по Изнанке и посещает реальный мир, мы вводим завесу молчания, одевая голубые ленты. Призраки должны сами уничтожить Чёрного человека и его людей, отправив их на нижние уровни или же утопив в водах Изнанки. До того момента, пока это не будет сделано, мы, медиумы, отказываемся помогать мёртвым, — по залу пронёсся шёпот и непонятно, возмущённый он или же поддерживающий, скорее и то, и то, ведь слова Элли вразрез шли с самой сущностью медиумов.

— За последний час я связалась с рядом других городов, в которых существуют общины медиумов. Я предупредила их насчёт того, что случилось у нас и передала им эту информацию. Все должны понимать, что, по сути, у нас нет другого выбора. Мы не способны причинить вред призракам, как это делают экзорцисты, у нас просто нет таких сил. Всё, что мы можем это обратиться к самим мёртвым, чтобы они сами разобрались со сложившейся ситуацией, — видя, что люди в зале сначала шёпот, а затем всё громче и громче начинают обсуждать её слова, Элли повысила голос:

— Это ещё не всё! Также я прошу вас передать свои достоверные контактные данные Алёне и Катерине. Я прошу передать всё, что сегодня сказала всем знакомым медиумам, которые не посещают это место или не смогли быть здесь. Напоследок рекомендую внимательно следить друг за другом, ведь именно наша разобщённость привела к тому, что мы так поздно заметили происходящее. Вопросы есть?

В целом на речь Элли люди отреагировали положительно. Чёткие советы и рекомендации последовавшие как ответы на возникшие вопросы, окончательно успокоили присутствующих. Многие заторопились домой. Эта обнажённость страхом настоятельно требовала чего-то знакомого и безопасного. А что может быть более безопасным, чем родные стены дома?

Элли всё ещё была занята. Она то говорила по телефону, то общалась с оставшимися медиумами. Мы с Бесом отошли к небольшой барной стойке, где разжились несколькими бутербродами и горячим кофе.

— Думаешь это поможет? — подув на горячий напиток, спросила его.

— Как знать. Мы не настолько хорошо знаем мир духов, чтобы действительно понимать, что там происходит. Может они и правда поймут, что мы от них хотим. А может группа Чёрного человека настолько велика, что другие призраки откажутся нам помогать, боясь за свою шкуру. В конце концов, всё это началось не этой зимой, а многие годы раньше.

— Что ты имеешь ввиду? — спрашиваю, нахмурившись.

— Элли. Она стала ученицей Белого человека, когда ей было одиннадцать лет. А Белый человек определённо является частью этих событий. Соответственно они долго разрабатывали свой план и вот сейчас приступили к более активным действиям. Непонятно только почему именно сейчас...

— Марго. Всё дело в Марго, — раздался голос рядом.

Элли выглядела лихорадочно-обессиленной. На щеках румянец, а под глазами глубокие-глубокие синяки. Пальцы рук дрожат, но губы плотно поджаты. Она на пределе, но держится как стойкий оловянный солдатик.

— Всё ускорило тогда, когда в Марго соединились её силы и силы её брата. Она стала буквально самым сильным медиумом земли. Хотя эта фраза и не точна, однако для Клауса всё обстоит именно так. Ведь он искал сильных медиумов. Все эти годы он был в поиске и вот появилась ты. Соответственно теперь он ускорился, так что прошлая ночь далеко не конец. Атаки возобновятся и станут ещё сильнее, ведь у него есть зеркало.

— Харон передавал тебе привет, — негромко кашлянув, сказала я. — Он... разочарован.

— Я не удивлена, — тихо ответила она, доставая из-за барной стойки бутылку воды. — Ты как? Он... ох, всё обошлось, да? — запнувшись, спросила она.

— Да-да, ты вовремя разрушила купол, — говорю невесело, когда перед глазами вновь вспыхивает его перекошенное от ненависти лицо и слова вновь зазвучали, как пощёчины, как рой рассерженных ос: *«Дрянь! — закричал он, ударив по лицу. — Мелкая дрянь, я убью тебя, сучка и ни хрена ты не воскреснешь!»*

— Ты в порядке? — она заметила, что со мной не всё хорошо.

— Я просто устала, — отвечаю тихо, прислонившись к Петру, который тотчас же обнял и прижал к себе.

— Вам обоим нужно выспаться и отдохнуть, — она с лёгкой улыбкой посмотрела на нас, а затем вздохнула, поднимая вибрирующий телефон. — А у меня ещё есть дела. Кстати, пока не забыла, звонил Андрей, сказал, что твой телефон недоступен.

— Я потеряла его во время афтершока.

— Жалко! В общем, ему нужно срочно с тобой увидится. Я уже сообщила в Институт, что ты жива и тебя вычеркнули из список пропавших.

— Вот завтра... или послезавтра увидимся. Ленты у меня есть, мне их ещё до Нового года выдали. Бес, а у тебя они есть?

— Да, катакомбы оставляют след, — невпопад ответил он. — Милая, пойдём отсюда, не будет отвлекать Элли.

— Спокойного дня и берегите себя, — сказала Элли, прикрывая слезящиеся от усталости глаза.

— Эй, тебе тоже нужно отдохнуть. В таком состоянии ты не долго продержишься.

— Остальные слишком растеряны, а Чтец явно не сегодня выйдет из больницы. Первые часы после инцидента критические. Нужно решить всё самое важное, прежде чем ситуация не вышла из-под контроля. Медиумы должны объединиться, а не забиться в свои норки с видом, будто бы их это не касается. Понимаешь?

Не смотря на усталость, её голос звучал действительно убедительно и я поняла, что имел ввиду Бес, говоря, что Чтец не ошибся. Кто бы мне сказал, что Элли способна быть лидером. В наши прошлые встречи видела в ней отшельника-одиночку, независимого и замкнутого человека. Не знала, что она настолько сильна, чтобы взять ответственность за других. Это было достойно восхищения.

***

Бес привёз к себе домой. Как оказалось, он живёт на Большой Садовой, совсем рядом с станцией Маяковская. Просторная трёхкомнатная квартира, заставленная мебелью ещё с

советских времён. Повсюду висят фотографии с самых разных уголков света. Египетские пирамиды, ниагарский водопад, саванна, джунгли, горная река и устье Амазонки, индийское поселенье и китайские домики с острыми краями крыш. Почти на каждой фотографии изображён постепенно стареющий мужчина. Где-то он улыбается, где-то хмурится, но по глазам видно, как он наслаждается жизнью. Вся квартира заполнена статуэтками, фигурками, монетами, картинками, словом символами или же трофеями из его путешествий. И не смотря на старость обстановки, пожелтевшие от времени обои и скрипящий на каждом шагу паркетный пол, стёршийся и давно утративший блестящую лакировку, всё в этой квартире приводило в восторг. Захватывающее чувство сопричастности к чему-то удивительному. К Большому приключению.

Пока Пётр гремел посудой на кухне, я ходила из комнаты в комнату, касаясь огромных стеллажей, доверху наполненных толстыми книгами, написанных на самых разных языках, переворачивая страницы альбомов с пометками, написанных неразборчивым подчерком, влюбляясь в каждый уголок этой светлой квартиры, в которой даже запах что-то менял в душе, открывая её для самых невероятных событий. Именно здесь отпустило то напряжение, которое сковало ещё до начала афтершока. Именно здесь по-настоящему почувствовала себя в безопасности, ведь приключения, что сулили эти фотографии, книги и сувениры, были скорее приключениями мальчишек и девчонок, зачитывающихся произведениями Жюль Верна, чем то, через что прошла прошлой ночью.

— Чья эта квартира? — спросила Петра, присев на твёрдую табуретку в углу кухни.

— О, это такая долгая история. Связанная с одним очень добродушным призраком и его чересчур жадными родственниками, — негромко хмыкнув, ответил он, выкладывая передо мной блинчики со сметаной.

— Чёрт, да ты и правда кудесник! Когда успел?!

Потерев руки, подцепила один блинчик, от которого ещё шёл пар, и окунула его в банку со сметаной. Зажмурившись, покраснела от наслаждения. Мой желудок ответил согласием, вызвав смех со стороны Беса.

— Это просто божественно!

— Блинчики научился делать во Франции с помощью одной очаровательной француженки иранского происхождения. Она ни слова не знала по-английски, так что всё, что нам оставалось — это наслаждаться блинами и обществом друг друга, — он поставил чайник, а затем внимательно посмотрел на меня. — Как ты себя чувствуешь?

— Ты имеешь ввиду моё лицо, — не смотря на него, сказала утвердительно, доставая очередной блин. — Я в норме, на мне всё быстро заживает.

— Марго...

— Оставим эту тему. Я выжила, ты выжил, Элли выжила! Мы выжили, а об остальном лучше подумаем завтра, — заявила безапелляционно. — Лучше расскажи о себе. Я так мало о тебе знаю.

Он сел за стол напротив меня, пододвинув к себе пустую тарелку, наложив на неё небольшую горку золотистых блинчиков. Ему было тяжело смотреть мне в глаза. Уж я-то знаю, как мужчины себя чувствуют, когда считают себя во всём виноватыми. Ручаюсь, он уверен в том, что именно он виноват в том, что со мной случилось. Он корит себя за это и теперь будет носиться со мной как с хрустальной вазой. Но это лишнее, ведь я не дорогой предмет декора. Я человек, который учится быть сильным. И для этого последнее, что мне нужно — это чувствовать себя уязвимой и незащищённой из-за того, как он на меня смотрит.

— А что ты хочешь узнать обо мне?

— Ну, я так поняла, что ты не особо разговорчив с дамами. Сначала потанцуем, потом полежим, а затем забудем, как друг друга зовут? Не волнуйся, меня просто одолело любопытство. Всё, что я о тебе знаю, кажется таким интересным. Ты много путешествуешь, много знаешь о мире. А я такая маленькая по сравнению с тобой, аж зависть берёт!

— У тебя есть семья, люди, которые любят тебя. А я из детдома. И с детства привык думать только о себе, потому что кроме себя у меня никого нет, — просто ответил он. — Марг, ты не думай о моей жизни как о чередке веселья. Элли ведь проводила тебя через нашего Безумного художника?

— Ты о Теодоре? — вспомнив эту встречу, невольно скривилась и передёрнула плечами. — Такое и захочешь — не забудешь.

— Да. Мне от него досталась карта, на которой было обычное поле с необычно высоким холмом. Позже до меня дошло, что это курган. Моя специальность — это древние духи, которые столетиями не могут перейти. Они не осознают, что мертвы, не знают, что такое Изнанка и в таком подвешенном состоянии находятся до тех пор, пока кто-то вроде меня их не отправит дальше или же пока вода Изнанки не смоет в пустоту.

— А как ты стал медиумом и как понял свою специальность?

Меня очень волновал этот вопрос. Несмотря на то, что ночью смогла заглянуть в мысли Клауса, всё ещё чувствовала себя отчуждённой от остальных медиумов. По-прежнему казалось, что здесь какая-то ошибка и я на самом деле не медиум, а просто недоразумение.

— Не могу сказать, что это была приятная встреча, — он почесал ошетилившийся подбородок, погружаясь в воспоминания. — Меня хотели усыновить. К нам под Ростов приехала молодая пара американцев. А с ними и их погибшая дочь. Первый призрак, которого я встретил в своей жизни. По правде сказать, даже не понял, что она мертва. Девочка была очень активная и любознательная. А потом как-то обмолвилась, что мама отлично тренирует её перед Олимпийскими играми, погружая под воду во время купания.

— О господи, — пробормотала неверяще.

— Я тогда даже не понял, о чём речь. Просто спросил у этой женщины, будет ли она тренировать меня так же, как и её дочь. Естественно после этого они свалили из России без меня. И дочь отправилась вслед за ними. Так я познакомился со своим первым призраком. Потом были и другие и из-за этого в моей жизни появились люди, которые объяснили, что я не сумасшедший, что призраки существуют и что я медиум. Дальше всё намного прозаичнее. По достижению совершеннолетия, получил комнату в коммуналке и небольшую сумму денег. Отправился в Москву, поступил в институт на кафедру древних языков. Меня всегда притягивала история. И много позже понял почему. В институте познакомился с группой так называемых чёрных копателей. С ними отправился в экспедицию. Там и понял своё призвание и обозначение карты. А потом стал обрастать связями, путешествовать за пределы России. Бывал в Афганистане, один парень, тоже медиум, пригласил за компанию съездить туда. Он по военным специализировался, однако у меня не пошло. Мне проще достучаться до древних, вот такой парадокс.

— А институт то закончил?

— А как же, — он ухмыльнулся. — На защите диплома имел фурор, разобрав жутко древний текст, оказавшийся весьма прозаического содержания.

— Ха. А как ты вообще понимаешь этих духов? Они же говорят на древних языках. Ты же не можешь все языке выучить. Как ты помогал духам во Франции, к примеру?

— А ты не заметила? — он облизнул губы, перемазанные в сметане, и подмигнул. — Когда ты говоришь с призраками, ты говоришь на языке мёртвых. Мало того, если рядом с тобой будет простой человек, ему будет казаться, что ты просто шевелишь губами, ничего не говоря. Даже у виска не покрутит, мало ли о чём ты думаешь. Поэтому на улице, если встретишь призрака, вставляй в уши наушники и постарайся сделать вид, что слушаешь музыку. Это работает.

— Язык мёртвых?

— Язык энергии. Ведь сами призраки лишь сгусток энергии, запертый на другом измерении.

— Ясненько, — я улыбнулась, давая понять, что мне ничего не ясно.

— Именно поэтому поговорим о чём-нибудь другом. Мы затронули ту часть, в которой сконцентрировалось слишком много догадок и предположений. Тебе и так нелегко во всё это вникнуть, о легендах лучше узнавать постепенно и не наскоком.

— О да, — я блаженно потянулась. — Спасибо за сытный... завтрак? Обед? Было очень-очень вкусно!

— Я рад, что тебе понравилось.

— Не возражаешь, если я приму душ? Я до сих пор чувствую запах гари.

— Разумеется, — он улыбнулся, собрал тарелки со стола, сгрузил их в мойку, а затем показал, как пользоваться ванной, выделил полотенце и домашние вещи.

— Ты останешься на ночь?

— А ты предлагаешь? — я мягко улыбнулась, потёрла кончик носа, а затем поцеловала его в губы.

В ответ он рассмеялся.

***

— Марго поехали со мной.

Мы лежали в гостиной комнате на большой кровати и наблюдали, как по потолку ползут светлые тени, оставляемые проезжающими мимо машинами. За приоткрытым окном раздавались разговоры, шум колёс, звучание клаксонов автомобилей. Город жил, дышал и существовал независимо от того, что случается с его жителями. Его биение было чем-то постоянным и неизменным. Сейчас столица звучала приглушённо. Её спокойствие умиротворяло и усыпляло.

Я выводила пальцем невидимые узоры на груди Беса и думала, как же всё быстро происходит. Вчера днём разговаривала с отцом Андрея, чувство незащитности не покидало ни на секунду, а одиночество казалось приговором. Как можно в кого-то влюбиться и подвернуть этого человека опасности? Да и кто полюбит девушку с глазами, как у мертвеца... А потом всё потянулось, растянулось во всю ширь и сжалось до размеров этой комнаты. Мне спокойно, тихо и просто по-человечески хорошо.

— Ты уезжаешь? — спрашиваю, чуть приподняв голову и посмотрев на него.

— Я так и слишком надолго задержался здесь. Моя жизнь — это бесконечная дорога. В Москву приехал из-за Нового года, как когда-то договаривался с Чтецом. А остался из-за афтершока. Событие по моей части. Теперь всё закончилось и мне пора в дорогу. То, что случилось в Москве не должно повториться, я отправляюсь в Тибет, в тамошний монастырь, чем-то похожий на Институт. Может они смогут нам помочь.

Он говорил, наматывая мою прядь волос, создавая симпатичные кудряшки, а взгляд

задумчивый, смотрит словно сквозь меня. Когда свет фар от очередной машины осветил его лицо, обнажились некрасивые складки, делающие его старше, чем он есть. Мне захотелось разгладить эту тяжесть, но я не знала как. Как и не знала, что по-настоящему его мучает. То, что мы оказались здесь, в одной постели, не делало из меня его пару. Мы просто оба искали тепла.

— А почему ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Ты будешь в безопасности в Тибете. Там есть святой родник, монастырь построен вокруг него. Клаус не сможет там тебя достать.

— Я не могу, — отвечаю просто, положив голову ему на грудь. — У меня здесь так много дел, — говорю, тяжело вздыхая. — Я не могу уехать пока не найдут тело Максима. Мне нужно подать заявление в полицию, связаться с родителями, рассказать им, что брат пропал. Я без понятия, как объяснить им, что он исчез задолго до нового года. Что прошло уже больше двух месяцев с его исчезновения и всё это время молчала об этом. Но я что-нибудь придумаю. Будет значительно хуже, если я уеду. Мой дед влиятельный человек, он найдёт меня и в Тибете. Мне нельзя уезжать, пока всё не закончится.

— Даже если на кону твоя жизнь?

— В данном случае бегство это не выход. Может я и сильный медиум, но явно не единственная в мире, обладающая такой силой. Если их не остановить, то они найдут другого медиума, а я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Завтра планирую встретиться с Андреем. Я хочу, чтобы он научил меня тому, чему обучал Элли. Как запирать призраков на той стороне.

Вместо слов Бес притянул к себе и поцеловал в затылок, а затем в губы сладким, очень сладким поцелуем.

***

Во сне парила над тем пляжем, на который когда-то привела меня Элли. В чёрных волнах отражалось северное сияние, то здесь, то там вспыхивая мириадами зелёных брызг. Белоснежный песок слепил глаза, а тёплые порывы ветра приятно согревали кожу. Я наслаждалась восходящими потоками воздуха, чувствуя себя маленькой-маленькой птичкой. Здесь не было времени, только бесконечное наслаждение, как шёлк обволакивающее разум, словно массирующее каждую клеточку воспалённой души.

В какой-то момент опустилась на бархатистый песок, зарываясь поглубже, чтобы почувствовать приятную тяжесть, сонную, блаженную. Глаза закрыты, но сквозь веки вспышками пробивается ночное сияние. Ирреальность прекрасна, она восстанавливала мои силы и веру в то, что со мной ничего плохого не может случиться.

— Марго, проснись!

Голос клещами вытягивал из восхитительной дрёмы, касание чужих рук обжигали и рушили иллюзию покоя.

— Михаэль? — удивлённо поднимаю голову.

Мы оба находимся на пляже, он всё также прекрасен и белоснежен, руки ледяные, а глаза кристально-холодны. Но в них видна сильная тревога, беспокойство и... страх?

— Что случилось? Как ты сюда попал?

— Нет времени, Марго, ты должна проснуться, запомнив всё, что сейчас скажу. Ты понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Слушай внимательно, — он поднимает меня на ноги, совершенно не обращая внимания на мою наготу.

От смущения и шока, как по мановению волшебной палочки, на мне появляется глухое платье с высоким воротником, чёрного цвета в противовес его белоснежному костюму.

— Элли в опасности. За ней идёт Клаус. Он хочет убить её, раз и навсегда за то, что она сделала во время афтершока. Он собирается проникнуть в её сон точно так же, как это сделал сейчас я с тобой. Ты же знаешь эту легенду, что если человек умирает во сне, он умирает и наяву? Такое возможно только если злой призрак использует зеркало. Ты должна связаться с Элли и разбудить её!

— Она носит голубые ленты...

Я ничего не понимала. Сон ускользал сквозь пальцы, как сквозь плотное стекло мне слышался голос Беса, который становился всё отчётливее с каждым мгновением, в то время как пляж размывало, как он терял чёткость, а голос Белого человека слабел.

Он сильнее до боли сжал мои плечи, притянул к себе, так, что мы оказались на одном уровне, нос к носу и прокричал:

— Предупреди Элли! Слышишь? Она должна проснуться!

***

— Марго, чёрт, да что с тобой такое?!

— Больно! — воскликнула, когда он схватил меня за плечо.

За окном ещё ночь, Бес включил прикроватный светильник. В глазах парня виднелась неподдельная тревога, щедро усиленная глубокими складками между бровей.

— Какого чёрта, ты меня разбудил? — проворчала, потирая плечо. — Я так сладко спала, мне снился такой хороший сон.

— Ты стонала во сне, а затем... Не знаю, мне показалось, что ты... словно исчезаешь! — он опустил обратно на колени и почесал затылок. — Чёрте что привидится! Прости, что разбудил.

— Да всё в порядке.

Я откинула одеяло, собираясь выпить стакан воды. От странного напряжения в горле пересохло, хоть и не понимала причины.

— Марго! — испуганно воскликнул Бес. — Твои плечи!

Посмотрев на руки, увидела чёткие тёмно-синие синяки в форме рук, оставленные на плечах. И в ту же секунду всё вспомнила.

— Элли. Нам нужно немедленно ехать к Элли! Вызывай такси! — я моментально вскочила с постели и ринулась к домашнему телефону, лихорадочно перебирая в памяти номер её телефона.

— Да что случилось?

— За ней идёт Клаус!

Набрав номер, услышала, как за спиной споро собирается Пётр и облегчённо выдохнула. Он не потребовал объяснений, а сразу поверил.

— Давай же, ну, — зашептала, слушая бесконечно-длинные гудки.

В голове крутились слова Белого человека, сонливость соскочила с меня, оставив глухое раздражение и тот же страх, что увидела в глазах Михаэля. А что если опоздала?

— Да? — хриплый, заспанный голос на том конце провода заставил адреналин в крови подскочить до максимума.

Волна облегчения накрыла с головой — я успела!

— Это Марго. Элли, ты должна немедленно проснуться. Слышишь? Ты надела голубые ленты?

— Нет... не до того было... Что случилось? — её голос вялый, невероятно усталый, она не просыпалась, казалось, что девушка говорит на автомате.

— Он идёт за тобой. Чёрный человек идёт за тобой! Долго объяснять, прямо сейчас иди и надень эти ленты, а затем... не знаю, прими ледяной душ, свари кофе, попрыгай, только проснись, умоляю, проснись! Мы с Бесом выезжаем!

В дверях появился Пётр, рукой показав на телефон, шёпотом сказал, что такси подъезжает ко двору.

— Мы скоро будем, Элли! Только держись!

— Хорошо, — голос прозвучал значительно бодрее, а затем она положила трубку.

Я пробежала мимо полностью одетого Беса, подхватывая нижнее бельё, одежду, на ходу одеваясь, пытаясь собраться с мыслями.

— Как ты узнала, что за ней идёт Клаус? Что с твоими руками? — в голосе Беса неподдельная тревога.

Он отслеживает по телефону местонахождения такси, и непрерывно чешет щетину на подбородке, выдавая нервное напряжение, как и у меня.

— Мне приснился Белый человек. Он предупредил о том, что за Элли идёт Клаус. Что он убьёт её во сне и тогда она не проснётся.

— Почему ты ему веришь? Вдруг это какая-то изощрённая ловушка? Ты об этом подумала?

Убрав волосы в хвост, схватила Беса за руку и потащила в коридор.

— О нет. В прошлый раз мы не послушали его, а он предупреждал насчёт афтершока. Второй ошибки я не совершу. К тому же речь идёт об Элли. Он никогда не причинит ей вреда, — негромко кашлянув, посмотрела на Беса. — Просто поверь мне — он не лжёт.

***

В такси, несколько раз набирала номер Элли, но она не отвечала. От нервов принялась грызть ногти, совсем как в детстве, а когда опомнилась, увидела кровь на пальцах и опустила руки вниз, уставившись в окно. Через секунду почувствовала, как Пётр сжал мою руку, обернувшись, увидела поддержку в его глазах и слабо улыбнулась. Нам ничего не оставалось, кроме как надеяться, что всё обойдётся.

Через пятнадцать минут благодаря пустой предрассветной Москве, мы оказались на пороге дома Элли. Я дёрнула входную ручку и ворвалась внутрь.

— Элли!

Девушка стояла спиной ко мне, неподвижно и... как мёртвая?

— Элли?

А затем она обернулась. Мне показалось, что белки её глаз чёрные, совсем чёрные с белой каймой вокруг радужки, но потом поняла, что это свет так играет и её глаза совершенно нормальные.

— Марго, — она улыбнулась, а затем подошла и обняла меня. — Спасибо, что предупредила! Ты успела в последний момент! Если бы не ты, я бы умерла...

На её шее плотным слоем в два ряда идут голубые ленты. Нервное напряжение отпустило и я обняла девушку в ответ.

— Слава богу, — позади раздался облегчённый голос Беса.

— Всё хорошо, — Элли отпустила меня и сделала несколько шагов назад. — Извини, что не ответила на телефон, батарейка села, вчера так устала, что забыла поставить его на зарядку. Страшно подумать, чтобы было, если бы он разрядился до твоего звонка.

— Чёрт, — выругалась, а затем рассмеялась. — Скажи спасибо Михаэлю, это он меня предупредил.

— О, — она опустила взгляд в пол, а затем скрестила руки на груди. — Он спас мне жизнь.

— Хорошо, что всё закончилось. Элли, думаю, теперь ты можешь спокойно ложиться спать. Сможешь заснуть или тебе составить компанию до утра?

— Думаю да. Мне нужно выспаться перед завтрашним днём. Ещё столько всего нужно сделать, будет плохо, если останусь вялой. Если хотите — оставайтесь здесь.

— Марго, у меня завтра самолёт и ещё дела нужно доделать. Мне нужно назад. Ты..?

— Поеду с тобой, естественно, — заявила безапелляционно, а затем посмотрела на Элли. — Точно всё в порядке? Если нужно — я могу остаться.

— Езжай, — улыбаясь, она подмигнула и я полностью расслабилась.

Всё обошлось.

***

После отъезда Беса, мне стало холодно. Эта бесконечная зима, обнажённое естество города, люди, погребённые под сотней одежек, ветер, забирающийся за воротник шубы... Всё это отвращало, рушило то тепло, которое хоть ненадолго, но появилось в моей жизни.

Опять одна, это не просто расстраивало, это выворачивало до самой глубины души.

Мне всегда было тяжело сходитья с людьми. Как и Элли, никогда не была душой компании, наверное, это из-за того, что происходило в детстве. Да и фамилия не привлекала людей.

В школе всё было достаточно тяжело. Нормальные девчонки сторонились меня, другие либо издевались, либо льстили, считая, что раз я Чернышевская, значит у меня куча денег и через меня можно многое получить. Это было неправдой. Мой дед относился как к вещи, старомодный взгляд на девочку в семье.

У меня всё было. И красивая одежда, и дорогие гаджеты, косметика, отдельная комната с уборной в школе, собственная уборщица и повар. За мной ухаживала прислуга, выступая в роли надсмотрщиков. Постоянно на виду, девочка в золотой клетке.

Мои родители снаружи заботливые и любящие, очень быстро стали относиться также, как и дед. Их брак трещал по швам, но внешне соблюдались рамки. А я оказалась брошенной. Им было всё равно: о чём мечтаю, чего хочу. Меня воспитывали как образцовую девочку, прилежную отличницу, бездушную куклу, наряженную и ухоженную.

Разумеется, у деда был план на мой счёт. Я должна была поступить в экономический университет в Санкт-Петербурге, где учатся дети деловых партнёров деда. Всё выверено и спланировано заранее. Составлен список молодых мужчин, из которых он выбирал будущего мужа. Всё распланировано. Где учиться, кого любить, где работать, когда рожать детей... В своём безволии шла по этой дороге, не видя выхода. Не зная, что он есть.

Всё, что у меня было **моего** — брат. Максим привнёс беспорядок в мою жизнь. Когда мы встречались он захватывал своим энтузиазмом и верой, что можно выбраться из-под тени нашего деда. Он верил, что мы сами вершители своей судьбы. И когда пришло время — мы

сбежали вместе.

Эта лёгкость, с которой у Максима всё получалось, была настолько заразительна, что сама не заметила, как последовала за ним. Также безвольно, как и прежде. Приехав в Москву, поступила в точно такой же экономический университет, но только теперь без жёсткой руки деда, мои оценки и знания оставляли желать лучшего. Первый раз в жизни осталась без надзора. Брат постоянно учился или помогал призракам. Мои надежды, что мы будем видеться чаще не оправдались. Я осталась одна. Как и прежде, только теперь всё стало чётче.

Пока училась было легче чувствовать себя частью окружающего мира. Комната в общежитии, бесконечные компании, выпивка, какие-то клубы, подработки. Всё это носило массовый характер, в котором забивала ту пустоту, что обитала в сердце. Я старалась не видеть, не слышать, не чувствовать ничего.

У меня не было увлечений, не было желаний, не было мечтаний. Всё это вытравили ещё в детстве, а то немного, что осталось — как песок струилось сквозь пальцы — не хватало воли взяться за ум, ухватить эту жизнь и оседлать её. Я не понимала, что со мной не так. И эта пустота не давала возможность полюбить кого-то. Люди словно чувствовали, что я как пиявка буду тащить из них жизнь, ничего не давая в ответ.

Брат видел, что со мной происходит, но он не знал, как помочь — я была сломанной. А это страшно. Сломанные люди и есть те самые призраки, что сейчас населяют Изнанку. Те самые, кто не может перейти, потому что не жили на земле. Не чувствовали, не любили, ни к чему не стремились. Пустышки.

Таким человеком я была. И лишь сейчас понимаю, почему так вышло. Понимаю, чего не хватало, чего была лишена. Элли утверждает, что я счастливица, ведь смогла закрыть себя от призраков. Долгие годы не видела их и жила обычной жизнью, вот только всё это ложь. Возможность видеть призраков — это существенная часть меня. Закрыв эту часть, и себя закрыла. Все эти годы не доставало именно этого мира.

Да, сейчас как никогда сложно. Больно, страшно, невыносимо. Эта реальность жестока и до чёртиков опасна, но она моя. Это мир, которого себя когда-то лишила и только сейчас начала постигать. Сейчас стала жить. Вся та горечь и грусть, которые терзали долгими ненасытными ночами и днями в прошлом, ушли, уступив место более насыщенным и ярким чувствам. Реальным чувствам, не эфемерным, живым, полным красок и переживаний.

Но... одиночество никуда не ушло, а даже стало сильнее. Мой мир жесток, даруя знания о смерти и жизни, он забирает нечто очень важное. Делая особенным, он не даёт возможности быть рядом с простым человеком. Я вижу себя под куполом, как во время афтершока, когда только для медиумов мир изменился, а простые люди ничего не видели и не чувствовали. Это и есть описание моего мира. Как это можно с кем-то разделить?

А может просто оправдываюсь? Может настолько постарела из-за этого мира, что сама заключила себя в этот купол и на самом деле мир не настолько далёк? Может ещё могу полюбить и принять любовь?

Жить также просто, как и Бес? Способна ли измениться, стать по-настоящему открытой этому миру?

***

Восстановление банковских карточек, покупка дешёвого телефона, сим-карты и прочих мелочей, канувших в безвестность вместе с сумкой, заняло немало времени. Так что с

Андреем мы смогли встретиться не сразу.

На улице по непривычному тепло и свежо, солнце шпарит совсем по-летнему, температура поднялась до нуля и синоптики опять вещают о температурном рекорде.

В честь такой солнечной и ясной погоде, мы отправились гулять вдоль набережной реки Москвы, планируя дойти до станции метро Октябрьская, там, где-нибудь перекусить, а потом вернуться обратно в Институт.

Андрей совсем не изменился. Он всё время спрашивал как я, что со мной случилось, на что похож этот новый афтершок, что произошло во время стычки с Клаусом. Вопросы фонтаном лились из него, а тревога перемежалась с напряжением. Он действительно переживал за меня. Так что не сразу поняла, что по-настоящему тревожило парня.

— Марго, как ты вышла из афтершока? — спросил он, когда вернулись в Институт.

Мы остановились во дворе, напротив круглой клумбы. Сотрудники частенько гуляли вдоль небольшого парка, кормили белок и птиц, а возле клумбы располагались скамейки, сейчас покрытые тающим льдом, на которых обычно собирались в обеденный перерыв.

— Я уже говорила: просто повезло, благодаря тому, что сделала Элли, меня буквально вышвырнуло из рук Клауса. Что за дотошность?

— Хм, тогда как ты объяснишь вот это?

Он достал смартфон и через несколько мгновений нашёл какой-то раздел в одной социальной сети. Там была нечёткая фотография, сделанная из ресторана Останкинской телебашни. Автор фото оставил сообщение, в котором рассказал, как в то памятное утро, он и несколько его коллег подготавливали ресторан к открытию, когда заметил призрак девушки в окне. Он дал моё описание и сказал, что всё продлилось секунд десять — пятнадцать, после чего призрак сорвался вниз, но внизу естественно ничего не обнаружили. Парень искренне радовался, что удалось сделать это фото, ведь несмотря на то, что оно получилось нечётким, сам факт придавал истории достоверности. В комментариях люди говорили, что шутка удалась и классный фотомонтаж, но некоторые поверили и рассказывали о своих встречах с духами.

— Ты кому-нибудь рассказывал об этом? — нервно сглотнув, спросила его, возвращая телефон.

— Нет. Тебе повезло, что современные «технологии» ещё не дошли до Института. Социальные сети не проверяют, но... Ты хочешь сказать, это была ты? Я...

— Не буду лукавить и лгать. Да, это была я, — оборвала его, посмотрев по сторонам. — Я тебя прошу — молчи об этом. Никому не слово.

— Но как это вышло? — его изумление отлично читалось на его лице и я от неожиданности рассмеялась.

— Прости, видел бы ты своё лицо! — зажав рот рукой, вновь рассмеялась, но уже значительно тише. — Это моя новая способность. Я умею... скользить по Изнанке, одновременно перемещаясь и в реальности. Что-то вроде телепортации. Мне Харон объяснил, как это работает и предупредил, что пользоваться этой способностью должна осторожно.

— О. Даже не знаю, что сказать.

Андрей нахмурился, убрал телефон в карман и задумчиво посмотрел в Институт.

— Знаешь, способность видеть призраков и предугадывать будущее звучит впечатляюще, но как-то более реально, чем... А! — вскрикнул он, когда я ущипнула его за плечо, переместившись к нему за спину.

— Да-да? Ты что-то говорил? — невинно спросила его, вновь переместившись обратно.

— Чёрт! — его ошеломление было до чёртиков приятным.

— Ладно. Пошутили и хватит. Зря я конечно сделала это.

Вздыхнув, мельком глянула в сторону Института. Вроде никого нет, вроде никто не заметил, что я сделала. Это было глупо.

— Короче, пожалуйста, не говори никому, хорошо? Мне кажется, это нужно держать в секрете.

— Ладно, — согласно кивнул Андрей, а затем ухмыльнулся. — Ты теперь просто супергерой. Словно бы мы в комиксе.

— Открою страшную тайну — я никогда в жизни не читала комиксы!

— Они на любителя, но, если интересно почитать про людей с такими же замечательными способностями — я могу одолжить тебе несколько занимательных экземпляров, — он подмигнул. — Собственно говоря, это не единственная причина, по которой я хотел с тобой встретиться. Время идёт, тебе не кажется, что пора приступать к обучению?

— Что ты имеешь в виду?

— Скоро начнутся занятия для медиумов. Курсы по самообороне от призраков. Наши специалисты как раз заканчивают программу. Набор уже состоялся, но для тебя зарезервировано место, учитывая, что ты планируешь работать в Институте в качестве консультанта.

— О да. Мне это интересно, и да, планирую. Сейчас даже больше, чем когда-либо.

Андрей улыбнулся, а затем совершенно неожиданно взлохматил мои волосы.

— Не грусти, Рыжая. Ты со всем справишься!

Мои щёки покраснели, и я отвела взгляд.

— Это Элли? — я заметила девушку, идущую в сторону выхода с территории Института. — Элли! — закричала ей, махая рукой.

Она мельком глянула на меня, но в её глазах не было узнавания. Казалось, что она не здесь, а где-то очень далеко.

— Что это с ней? — спросила удивлённо.

— Устаёт. Я так понимаю, она сейчас занимается медиумами, пока Чтец в больнице. Это всё напряжение сказывается. Надеюсь, найдутся люди, которые ей помогут. В таком темпе она долго не продержится.

— Да, ты прав, — сказала отстранённо.

На секунду, на крошечную долю мгновения, показалось, что Элли шла не одна.

Элли

Это всё происходит не со мной. В детстве, когда мама заболела, ко мне пришло это чувство двойственности. События, происходящие вокруг, показались ненастоящими, ненатуральными, иллюзорными. **Это всё происходит не со мной.** Как и тогда, повторяю эту фразу как мантру, отдаляясь от действительности, чтобы не чувствовать, чтобы не переживать и не испытывать боль.

Я взорвала афтершок и всё закончилось. С Бесом мы оказались на оживлённой улице, окружённые недоумевающими людьми. Холод моментально забрался под кожу и мы заскочили в ближайшее кафе. Наученные предыдущими афтершоками, под одеждой у нас обоих скрывались поясные сумки с документами, телефонами, кошельками. Чуть передохнув

и согревшись, вызвали такси и оказались в самой гуще событий.

Бес всё порывался отправиться искать Марго, ему казалось, что она где-то там бродит замёрзшая и напуганная. Я не стала делиться с ним своими мыслями, боясь озвучить то, что думали все мы — Марго вновь оказалась на Изнанке в лапах Клауса. Поэтому загрузила нас обоих делами, чтобы не оставалось времени на страшные мысли.

Перед отправкой Руслана Валерьевича в больницу, удалось с ним переговорить. Скрепя сердце, приняла предложение заменить его на время пребывания в больнице. Озвучив ряд мыслей по поводу того, что делать дальше и заручившись его поддержкой, вернулась к остальным, принимая «бразды правления». Как же не хотелось это делать! Но другие медиумы не настолько обожжены призраками, чтобы так скоро начать считать их врагами. Они не знают, что мёртвые могут быть жестокими, не знают, насколько отчаянно безжалостны те, кому мы всегда помогали.

Возвращение живой Марго произвело настоящий фурор, хоть она этого и не заметила. Её глаза, наполненные отблесками Изнанки, внушали страх, но в тоже время и силу. Тот факт, что она смогла выбраться из лап Клауса придал уверенности остальным и тогда выступила со своей речью. Лучшего момента и представить нельзя.

Со слов Марго, поняла, что Харон решил не участвовать в нашей стычке с призраками. Зеркало лишь повод, истинную причину он решил оставить за кадром. Очень плохой знак, но что оставалось делать? Явно не спешить к нему навстречу. Не думаю, что он будет рад, он скорее даже не явится, чтобы объяснить свои решения.

Попрощавшись с Бесом и Марго, про себя подивившись, насколько быстро они успели сойтись, вернулась к новым обязанностям. Весь день провела на телефоне, общаясь с остальными общинами, раскинувшимися по всей территории России. Мне с большим трудом удалось успокоить медиумов из Ялты. У них близился очередной афтершок, вызванный землетрясением 1927 года. Узнав о том, что случилось у нас, они не на шутку переполошились, ведь в отличии от нас, территория их афтершока захватывает почти весь полуостров. Мне оставалось лишь посоветовать им покинуть Крым на время инцидента, а если нет возможности, спрятаться. Что ещё могла им сказать?

По правде, не думаю, что случившееся повторится. Это была скорее акция устрашения, чем реальное нападение. Иначе спрашивается, почему они сразу нас всех не убили? Заперли в подвале, чего-то ждали... не похоже, что мы так уж были им нужны. Думаю, погибшие невольные жертвы обстоятельств, попадания снарядов или ещё что. В конце концов, мы долго не понимали, что в этот раз всё взаправду.

Я возвращалась домой, выжатой как лимон. Полное отупение как физически, так и морально. Тяжёлая голова, гудящая от прошедших суток, руки, задубевшие от холода и желудок, назойливо ворчащий от голода. Меня тошнило усталость, ломило кости от пережитого напряжения и порезы саднили под повязками.

Сегодняшняя ночь окрашена в тёмно-фиолетовые оттенки. От ветра, гулявшего весь день, слетели снежные шапки, оголив тёмные ветви деревьев. Без верхнего мягкого слоя, снежные сугробы острые и грязные, а раздолбанный асфальт невероятно радовал застывшей скользкой слякотью, тёмно-коричневой, почти как тростниковый сахар. Из арки, ведущей во дворик колодезного типа, раздавалось протяжное стенание, загулявший ветер, эхом отражался от стен, пробирая своим стоном до костей. Надо мной погас фонарь и, потеряв ориентиры, чуть не поскользнулась, ступив в очередную замёрзшую лужу.

Негромко чертыхнувшись, обернулась, столкнувшись взглядом с моим почти

неизменным спутником. Чёрный пёс лежал, положив морду на лапы, возле моей, запорошенной снегом, машины. Его отсутствующий взгляд, скрытый за привычным чёрным дымом, вызывал смутную тревогу.

— Ты ведь спас нас по её приказу, да? — спросила, не ожидая ответа. — В любом случае, спасибо.

От моих слов собака зашевелилась, в оранжевом свете, идущем сквозь шторы окон, стали видны упругие мышцы пса, поднимающегося на лапы. Он посмотрел на меня, а затем потрусил в сторону проспекта.

— И тебе спокойной ночи, — резюмировала, подходя к заледеневшей лестнице.

Дома уже ждала недовольно мурчащая кошка. Из-за всех этих событий, совсем позабыла покормить её. Она смотрела своими огромными жёлтыми глазами, в которых мешались, как и укор от того, что меня так долго не было, так и беспокойство. Кошки более независимые животные, чем собаки, но чувство привязанности знакомо и им.

Щедро насыпав корм в её миску, сверху положила любимые кусочки мяса, заменила воду и только после этого разогрела себе еду, оставшуюся со вчерашнего дня.

Позже стояла у приоткрытого окна, накинув на плечи толстый клетчатый плед, в руках привычная толстая сигарета и для успокоения расшалившихся нервов стакан коньяка из запасов, оставшихся от отца.

Боже, как же редко теперь вспоминаю о семье. Иногда кажется, что всегда была одна. Долгие годы казалось, что отец предал маму, променяв память о ней на незнакомую женщину, у которой уже есть сын. Я не понимала, что именно эта женщина помогла папе вернуться в реальность, вновь встать на ноги. Она не пыталась заменить маму, но делала всё, чтобы мы чувствовали себя одной семьёй. Как жалко, что только теперь это понимаю.

***

Мои сны изменились. Я никому не говорила об этом, но последние недели видела во снах Михаэля. Это началось почти сразу после Нового года. Сначала он просто приходил и молча смотрел на меня. Потом начал говорить. Он рассказывал сказки, которые читал мне перед сном, когда была одиннадцатилетней девочкой, потерявшей мать и не нашедшей поддержки у отца. Потом мы стали разговаривать. Совсем как прежде, до того, как он заманил меня на Изнанку. Мы говорили обо всём и ни о чём. Я рассказывала ему о своих трудностях, о страхах и волнениях. И почему-то мне было очень легко перед ним открыться, словно сны снимали какие-то печати с меня, словно бы сны не делали наши беседы реальными. Будто бы говорю со своим подсознанием, хотя знаю, что это не так.

Я очень быстро стала зависимой от этих снов. Ведь только там мы вновь были вместе. Вновь могли касаться друг друга, заниматься любовью, путешествовать уже по реальности Зазеркалья. Этот новый мир поражал своими размерами и возможностями. И ненасытностью. Я знала, как опасны такие путешествия, знала, что и так стою на краю. Но разве это важно, когда я вновь была с ним? Снова вместе, как будто бы и не было ничего! И там могла говорить ему, как же сильно его люблю. Как разрывается сердце от невозможности быть рядом в реальном мире. Как больно понимать, что натворила я и что натворил он. Зазеркалье стирало наше прошлое, оставляя лишь блаженную негу и чувство покоя от того, что мы вместе, здесь и сейчас, раз и навсегда. Это как бесконечность, замкнутая в пределах моих снов. Реальность или же фантазия? Мне всё равно. Главное, что он рядом.

***

Только голова коснулась подушки и глаза закрылись, как вновь окутала мягкая бархатистая паутина Зазеркалья. Открываю глаза в ином мире и чувствую, что он уже рядом. Он уже ждёт меня. Улыбка расцветает на губах, подставляю лицо ясному полуденному солнцу, чувствую приятный морской бриз, крупницы соли, витающие в воздухе.

Я нахожусь на каменистом побережье. Под ногами множество разноцветных камушков, то скрывающихся под набегающей волной, то вновь появляющихся, сверкающих остатками воды под солнечным светом. Здесь дышится легко и привольно. Здесь вся тяжесть дня сползает как отмершая кожа. Ничто не может изменить этот мир блаженства. Здесь вновь свежая и полная сил.

Он скоро будет здесь. Я чувствую, как он идёт. Слышу его шаги в лёгких дуновениях морского игривого ветерка. Чувствую, как цветы распускаются, бутоны набухают в долине далеко позади, а пряный запах расплзается по всему побережью, волнуемый аромат соблазна и наслаждения. Сердце бьётся быстрее и быстрее, груди тяжелеют, по телу пробегает сладкая волна предвкушения. Закрываю глаза, зная, что, когда открою их вновь — он будет рядом.

— Я жду тебя, — говорю шёпотом, зная, что он обязательно услышит. — Иди же ко мне!

Звон телефона разрывает сладкую дрёму и я возвращаюсь домой. Мысленно всё ещё там, на солнечном берегу, в ожидании любимого, но всё рассеивается, возвращается тяжесть и исполинская усталость набрасывает на плечи путы.

— Да?..

Слова Марго как контрастный душ, выпрыгиваю из постели, ощупывая шею. Я не надевала ленты, мне даже в голову не могло прийти, что он решится напасть да так скоро после случившегося!

Набрасываю на плечи халат, надеваю тапочки и спускаюсь на первый этаж. Мои запасы лент за последнее время значительно сократились. Ленты не вечны, от частого использования они выцветают, становятся белыми и бесполезными. Они как сменные картриджи, нуждаются в дозаправке в святых источниках. Поэтому по мере накопления сдавала их в Институт.

Выдвигаю пыльный ящик, в котором храню запасные ленты на крайний случай.

— Где же вы, — шепчу, перебирая старые журналы, умом понимая, что не могла их далеко запрятать. Может спросонья перепутала ящик? Но и в другом ничего не нашла, и в третьем, и в четвёртом. Я обошла всё помещение, облазила все углы и закоулки — пусто.

Взгляд падает на одно из зеркал, висящих вдоль стены. Когда-то они были чистыми и чёткими, ни единой царапинки или потёртости. Они отражали помещение, удваивая его, наполняя ещё больше светом и яркостью... Парикмахерскую закрывали на время. Отец ещё не был уверен, что окончательно закроет её, ведь она была самой любимой у моей мамы и носила моё имя «У Элли». В те годы было модно называть подобные заведения женскими именами. Какой же я была гордой, когда вешали вывеску. С подсветкой, красивым шрифтом и с маленькой розочкой, венчавшей последнюю букву. Я обожала сюда приходить и хотела стать парикмахером. Мне нравилось то, что они делали, как преображали скучные причёски в нечто новое и свежее. Нравилось видеть улыбки, ямочки на щеках довольных клиентов. Но больше всего нравилась вазочка с конфетами у входа. Я была той ещё сладкоежкой.

— Элли.

Имя, прозвучавшее в абсолютной тишине, заставило вздрогнуть. Оно звучало со стороны мутных зеркал. Нахмурившись, подошла поближе.

— Не может быть!

Зеркала изменились, они стали выглядеть точно также, как выглядят зеркала на Изнанке. Мутные и блёклые, без отражений. Я протянула руку, чтобы коснуться одного из них и в ту же секунду раздался взрыв. Все зеркала разлетелись на сотни крупных и мелких осколков. Зажмурившись и отвернувшись, прикрывая глаза, сжалась в комок, ошеломлённая мерцающими вспышками отражений. словно взрыв вернул им истинный облик, в каждом из которых — была я.

— Элли...

Голос раздался за спиной. Единственный голос, волнующий и успокаивающий одновременно.

— Михаэль!

Я открываю глаза и оказываюсь вновь на том самом пляже. В голове всё смешалось, воспоминания, реальность, иллюзии и фантазии.

— Что это было?

Он стоит рядом со мной, белоснежно-светлый, в лёгком летнем костюме с распущенными волосами, колыхающимися на ветру, то скрывающими, то открывающими его улыбающееся лицо.

— Всего лишь блик. Обманка. Ты потерялась, переходя из реальности сюда. Но я нашёл тебя и вернул.

— Это было так реально, — я непроизвольно коснулась своей шеи. — Мне показалось, что звонила Марго передать, что Клаус идёт за мной. Я проснулась, попыталась найти голубые ленты, а затем все зеркала разбились...

— Это я их разбил, чтобы вытащить тебя из иллюзии. Зазеркалье может обмануть, помнишь, я тебя об этом предупреждал? Прости, что сразу не нашёл, мне почему-то казалось, что медиумов это не касается.

— Всё было так реально...

— Всего лишь сон, отблеск боли. Пока я рядом — этот мир не причинит тебе страданий.

Я поёжилась, обняла себя за плечи, подставляя лицо тёплому южному солнцу. Здесь, на этом лазурном берегу, реальность казалась такой далёкой. Казалось, что настоящее здесь и сейчас, рядом с любимым человеком, а всё, что происходит за пределами этого места — лишь сон, долгий, утомительный сон, от которого так просто избавиться, если забыть, что он олицетворяет настоящее.

Михаэль подошёл ко мне и мягко приподнял мой подбородок, обвёл пальцами черты лица, коснулся губ, а затем притянул к себе и поцеловал, да так нежно, так сладко и воздушно, что голова закружилась и земля ушла из-под ног.

Он касался меня и пылко, и легко. Его руки дарили и наслаждение, и покой. Я уплывала в незнакомые дали, а в глубине просыпалось щекощущее чувство, пробиравшее от кончиков пальцев до самого сердца.

Мы опустились на мягкий песок, так незаметно сменивший мелкую гальку. Я прижимаю его к себе, стягивая пиджак, со смехом непослушными пальцами развязывая галстук, убирая ремень и рубашку. Он перевернул меня на живот, потянул молнию да так

сильно, что выгнулась от удовольствия чувствовать его прикосновения-поцелуи к своим плечам.

Каждый поцелуй — как высшая точка близости, каждое касание — откровение, в котором нет места низменности или стыду. Когда любишь кого-то да так сильно, что сердце болит, забываешь обо всём, оставляя только желание подарить всю себя любимому, не ожидая получить что-то взамен, но получая сторицей.

Солнце скрывается за горизонт, оставляя лишь сумерки, вычерчивающие на наших телах тёмно-жёлтые, карминовые, лиловые оттенки. Вечерняя прохлада сильным контрастом выступала против жара, пробуждающегося внутри нас. С каждым касанием распаяясь, выжигая и растворяя друг в друге. Сегодня он совсем иной. Он по-другому прикасается ко мне, по-другому изучает моё тело и совсем по-другому реагирует на мои прикосновения. Эта перемена волшебна, она завораживает, пробуждает действовать жёстче, чем когда-бы то ни было раньше. И ему нравится моя агрессия, она заводит его ещё сильнее и от этого просто сносит крышу.

— Элли,пусти меня, — шепчет он, кусая за мочку уха.

Я прижимаюсь к нему сильнее, запечатлев его губы поцелуем.

— Впусти меня, родная, — он смеётся, распаяя ещё больше.

Что может быть интимнее, чем просьба, прозвучавшая в такой момент? Что может быть жарче и горячее, чем разрешение? Его прикосновениями натянута как стрела, мышцы будто жжёт огнём, словно ещё секунда и потеряюсь в этом пламени, в этом обжигающем чувстве любви.

— Элли... — не унимается он и я не выдерживаю:

— Да, да! Возьми меня! Пожалуйста, да сделай уже это!

На его лице расцвела незнакомая торжествующая улыбка. Сердце дрогнуло, но его новый поцелуй заглушил мимолётное сомнение. А затем утонула, растворилась, исчезла, оставляя лишь бесконечное наслаждение, только бесконечное наслаждение.

Чёрная, выцветшая комната встретила холодом и чересчур свежим морозным воздухом. Я поёжилась и перевернулась на другой бок. Совершенно разбитое состояние резко контрастировало с предыдущими пробуждениями после посещения Зазеркалья. Такого никогда не было. Кажется, будто бы избили, изрезали на мелкие ленточки. Сожжённое горло вызывало сухой кашель, глаза слезились, а сердце томилось странной тревожной тоской. Каждое движение — подвиг. Такого не было даже во время самой страшной простуды, когда температура плюс тридцать девять, напуганные родители и приятная ломота в костях. Так болела лишь однажды в глубоком детстве. Скорая, уколы, сладкий мёд и множество других мелочей поставили на ноги, оставив в воспоминаниях искреннюю любовь и заботу мамы с папой.

Сейчас одна и не чувствую себя больной. Вернее, я больна, но чем-то совсем другим.

Выбравшись из постели, с трудом переставляя ноги, добрела по стеночке до ванной, включила маленькую лампочку над раковиной и с ужасом уставилась на отражение в зеркале.

Под глазами пролегли тёмно-фиолетовые с зелёным отливом тени, белки наполнились красными сеточками из лопнувших сосудов, губы обветрились и до крови потрескались. Лицо до невозможности бледное, измождённое, а скулы выступили, заострились. Но самым страшным была шея с опоясывающим ярко-красным ожогом, насыщенным пятном выделяющемся на фоне почти синюшной кожи.

— Что это такое?

Провожу пальцами по щекам и будто не чувствую прикосновения, будто и не касаюсь вовсе.

Внезапное раздвоение набросилось на меня, вытеснив из тела и поместив в зеркало. Я закричала и всё закончилось тем, что рухнула на пол, больно приложившись коленками о кафельную плитку.

— Что со мной не так?!

Не знаю, сколько времени провела на холодном полу, свернувшись калачиком, без сил и возможности пошевелиться. Мысли скакали с одной темы на другую, но с такой апатией, что сосредоточиться на чём-то одном совершенно невозможно. За маленьким занавешенным окошком, потихоньку светлело. И чем светлее становилось в комнате, тем легче становилось мне.

Наконец, сумела подняться и повторно посмотрела в зеркало. Ожог на шее остался, однако посветлел так, словно обожглась несколько дней назад, а не только что. Это было странно, но сил обдумать происходящее не было. Меня сильнее сжигал жар внутри тела. Я простыла, точно простыла. Наверное, это случилось в тот момент, когда разрушила афтершок и оказалась в морозной реальности. Ослабленный и истощённый тревогой организм решил так отомстить за случившееся.

Вернувшись в комнату, пошатываясь натянула халат и надела мягкие тапочки. Закрыв окна, оставив только маленькую щель, спустилась на второй этаж, намереваясь покормить кошку и покурить, обдумать, что делать дальше.

— Черри! — позвала её, доставая сырую курицу из холодильника. — Где же ты милая?

Краем глаза замечаю в дальнем углу кухни.

— Вот ты где! Иди сюда, посмотри, что я для тебя приготовила.

В ответ раздаётся угрожающее шипение. Обернувшись, увидела кошку, согнувшуюся как перед прыжком. Шерсть вздыблена, глаза сверкают и она смотрит прямо на меня, совершенно не узнавая.

— Черри, ты чего?

Я подхожу к ней, намереваясь взять на руки и только наклонившись, получаю удар когтями по протянутой руке.

— Черри! — вскрикнула, прижимая пальцы к груди. Кошка выбежала из комнаты. — Да что с тобой такое?!

Непонимающе покачала головой. Первый раз такое с кошкой. И что на неё нашло?

Закуриваю сигарету, наблюдая, как в микроволновке разогреваются покупные блинчики. Хорошо, что всегда держу запас в морозилке. С готовкой у меня большие проблемы, никогда не было ни желания, ни времени, ни того, кто научит. А потом стало всё равно.

Созвонилась с Алёной, предупредила, что не смогу в ближайшие дни быть в клубе, выслушала всё, что она по этому поводу думает, со всем согласилась и отказалась от помощи. Желание видеть кого-то совершенно отсутствовало. Разве только своенравную кошку, но она как сквозь землю провалилась.

Черри появилась в доме после того, как осталась одна. Я нашла маленький пищащий комочек шерсти на кладбище, после похорон отца и его жены с сыном. Родные мачехи недолюбливали меня, словно бы знали, что я виновата в смерти их близких. А может дело в том, что по завещанию им ничего не досталось из денег отца.

Уйдя от их бесконечных разговоров, причитаний и шёпотов за спиной, бродила по кладбищу, изучая могилы, разглядывая венки и прикасаясь к надгробиям. Это было очень мирное место, я не чувствовала духов, а значит все, кто попадался, ушли. А потом услышала писк и нашла ещё слепого котёнка. Трогательная чёрненькая мордашка, дрожащая тушка и сердечко, быстро-быстро бьющееся.

Там появилась кошка Черри, за восемь лет превратившаяся в очаровательную «мамзель», гордую, но ласковую. Кроме неё, у меня не было никого близкого. Я боялась подпускать к себе людей.

Когда появилась Марго, я и представить не могла, что смогу подружиться с ней. Что смогу говорить с девушкой обо всём — о прошлом, настоящем и будущем. Что буду доверять ей. Для меня такая откровенность немыслима, но тем не менее это произошло.

Раздалась негромкая телефонная трель, на дисплее высветился номер Виктора Сергеевича Серебрякова, отца Андрея. Устало закатив глаза, поднесла телефон к уху.

— Да, Виктор Сергеевич, что-то случилось?

— Конечно случилось. Почему тебя нет в Институте? Как ты могла заболеть? Твои медиумы отказываются принимать наше предложение, несмотря на то, что с ними случилось. Мол ты им обещала совсем другое!

— Что? Что вы имеет ввиду? — открыв глаза, нахмурившись, потянулась за сигаретами. — Я заболела, в данный момент...

— Элли, у нас были чёткие договорённости. И ты, лично ты, должна была проследить за их выполнением. Ведь это ты сама позвонила вчера и попросила о помощи! И что теперь? Ты что при смерти? — его голос, до невозможности безапелляционный и грубый, резким

диссонансом отражал боль, нарастающую в голове.

— Нет, я...

— Тогда ноги в руки и быстро приезжай сюда! — и он повесил трубку.

Я громко и отчётливо послала его по известному адресу, а затем запрокинула голову, пытаюсь успокоиться. С ним всегда было сложно договориться, особенно если ты выступаешь в роли просящего. Что же там пошло не так, что он настолько взбесился? Не понятно. Алёна чётко знала, что и как говорить медиумам, чтобы они не волновались, так что же пошло не так?

Набрав её номер, нарвалась на автоответчик. Господи, надеюсь, она не кинула меня, кроме неё, больше нет никого, кто смог бы организовать остальных. Мы всё-таки слишком любим уединение, чтобы обладать способностью командовать и управлять людьми.

Выкурив ещё одну сигарету, позавтракала и, переодевшись в тёплую одежду, спустилась на первый этаж.

Прямо посередине комнаты лежала порванная голубая лента.

— Какого...

Это не важно.

— Это не важно, — рассеянно повторила вслед за внутренним голосом, направляясь к выходу. Мимо тенью метнулась кошка, растворившись в уличных переулках.

***

Я возвращалась домой, шатаясь как от усталости, так и от боли, буквально пожирившей изнутри. Проблема была не в Алёне, а в паникёрше Лизе и поддакивающим Клеще, которые на пару, убеждали остальных, что Институт собирается взамен на свою помощь, ставить на нас опыты. И мол я с ними в сговоре, так как когда-то работала на них. Бред полнейший, но на фоне пережитого стресса, бред объяснимый. Алёна, взвалившая на себя мою ношу, попросту не заметила, что они говорят, а вот экзорцисты в классах наслушались вволю и естественно передали всё Виктору Сергеевичу. А он, следуя традициям своей натуры, решил досадить мне. Вот так и получаются сложные взаимоотношения.

Тем временем, болезнь вела себя всё страннее и страннее. Это не похоже на обычную простуду, а что со мной происходит, в голову не приходило. Жар, ломота в костях, боль в шее то усиливающаяся, то успокаивающаяся, пальцы дрожат и временами теряю над ними контроль и они выписывают произвольные фигуры, как при болезни Паркинсона. А если добавить к этому мелькающее раздвоение, помутнение сознания и головную боль, от которой почти слеpla, то картинка вырисовывалась довольно неприятная.

Про себя решила вызвать скорую, как только приду домой. Жаль, что не вызывала такси, а решила поехать на метро, чтобы избежать пресловутых московских пробок.

Сознание отражало холодную промозглую вечернюю зиму: поднявшийся ледяной ветер, свалывшийся в лёд настил из снега и грязи и омерзительно оранжевое небо с бордовыми облаками, тёмными тучами, нависающими над городом.

Резкий удар по затылку, а затем грубые руки зажали рот и потащили в неосвещённую арку, ведущую вглубь двора. В темноте блеснуло что-то острое, холодная сталь коснулась шеи, как только меня вдавили в стену.

— Ну-ну-ну, тише-тише, будешь паинькой и всё пройдёт гладко, — хрипло, с просачивающейся в словах визгливой тонкостью из-за напряжения, заговорил мужчина, дыхнув прокисшей вонью, от которой потянуло рвать и во рту скопилась горькая слюна. —

Ты же будешь паинькой, да? — с надрывом заговорил он, одной рукой продолжая держать нож, а другой потянувшись к моей сумке.

И тотчас же волна, огненная волна отвращения и ненависти поднялась на поверхность. В темноте едва-едва виднелось лицо грабителя, но перемена, случившаяся с ним, настолько разительна, что захотелось кричать. Какая-то сила вырвалась из меня и с яростью отбросила мужчину, впечатав его тело в противоположную стенку.

Новое раздвоение — я вижу себя со стороны. Сжатые в кулаки пальцы, растрёпанные волосы, чёрные глаза, наполненные такой невозможной пылкостью и бешенством.

Мужчина тоненько заголосил, завыл от ужаса и на его всхлипы вторая я подняла руки и подчиняясь её воле, только её воле, он вновь поднялся над землёй, чтобы через мгновение ещё раз с невероятной силой удариться об стену. Грабитель потерял сознания и от этого на моём лице расцвела пугающая злая ухмылка.

— Знай своё место, пёс! — мой голос и в тоже время не мой голос, звучал торжествующе и довольно.

А потом я/она посмотрела прямо на меня! И улыбка сменилась смехом. И всё закончилось. Я вернулась обратно в своё тело, задышала да так сильно, что в глазах потемнело. От напряжённости сводила судорога, рванула в сторону дома с такой же страстностью, с которой рванула бы из себя, будь такая возможность. Что со мной не так? Что со мной происходит?!

Перепрыгивая через ступеньки, дрожащими пальцами вставила ключ в замок и буквально ввалилась внутрь дома, лихорадочно затворяя за собой дверь. Обернувшись чуть не закричала — со всех сторон на меня смотрела я. Зеркала, висевшие на стенах улыбались ехидной злой улыбкой, но это же не я улыбаюсь! Я касаюсь своего лица, а отражение качает головой, его улыбка полна предвкушения и от этого пробирает ледяная дрожь.

Мне сразу вспомнились слова Марго и я в ту же секунду потянула молнию на сумке, разыскивая телефон.

— Ох, дорогая не стоит этого делать, — раздался мужской голос и мои руки, повинувшись ему, отпустили сумку.

Ощутила себя роботом, потому что не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть — тело перестало подчиняться.

— Теперь ты такая слабенькая и незащищенная, не правда ли? — зашептал он на ухо.

Почувствовала его присутствие рядом со мной. Его голос был до боли знаком, но я не могла ни повернуться, ни отпрянуть в сторону. Лёгкое касание волос, тяжесть мужской руки на шее.

— Раздевайся, — приказал он и в ту же секунду стала стягивать с себя верхнюю одежду.

Вниз полетела мягкая шубка, зимние сапоги, дрожащими пальцами развязала шарфик, отбросила в сторону. Я попыталась увидеть его, но никого рядом не было, как будто бы он испарился. Что происходит? Когда призрак получил такую власть надо мной? Они не способны на подобное, мы бы знали об этом!

С секунду помедлив, начала стягивать с себя свитер, приказа остановиться не было...

Я разделась догола и пользуясь возможностью прикрыла себя руками, переминаясь от холода с ноги на ногу — первый этаж не отапливался.

— Убери руки, милая. Тебе нечего стесняться, — заговорил он с издёвкой. — Мы ведь были так близки и ещё совсем недавно. Помнишь?

Попыталась ему ответить, но голос меня не слушался, могла только хрипло дышать.

Меня как током озарило и я поняла, что натворила. Всё вспомнила, осознала и приняла. Это моя расплата за то, что решила попробовать быть счастливой.

Те ночи, что провела вместе с Белым человеком, те сказки, что вместе смотрели в Зазеркалье ударили сначала афтершоком, в котором погибли медиумы, а потом и обманом. Зазеркалье — это иллюзия, там всё не то, чем кажется. Всё ненастоящее. Мороз прошёл по коже от осознания, что возможно всё это время была с Чёрным человеком. Что Михаэль не находил мои сны, а происходящее — злая насмешка Клауса.

Стало понятным и то, о чём просил он в последнюю ночь. Чтобы медиумом завладел призрак, его нужно впустить. И я сама впустила эту гадину в своё тело! Подала ему себя на блюдечке! Боже, какая же я непростительная дура!

— Это такое наслаждение, — с удовольствием протянул он. — Видеть, как ты страдаешь. Как бальзам на сердце, не зря решил выбрать именно тебя. Теперь мы вдоволь повеселимся, не правда ли милая?

Он отпускает меня, и я падаю на холодный пол и от удара раздваиваюсь. Я вновь оказалась за пределами своего тела, он занял моё место. Вставая на ноги, он улыбается и моё лицо кривится чужой улыбкой.

Только зеркала показывают правду и на месте меня там стоит он. Вот только этого никто не увидит. Клаус сильный призрак, он сумеет скрыть от медиумов изменившийся цвет глаз — почерневшие белки с белой светящейся каймой вокруг радужки. И во тьме есть свет. Но сейчас надо мной поднимается чёрное солнце.

***

Лишившись своего тела, впала в забытие. Сознание уплыло, растворилось в блаженстве несуществования. Мелькали вспышками отдельные фрагменты реальности, но разум спал, не запоминая то, что видит. Казалось, что оказалась в материнском чреве, где тепло и мягко, мне слышится убаюкивающее биение жизни. Я не осознавала себя, не понимала, что происходит, сколько времени прошло. В этой истоме минуты казались вечностью, а дни секундами. Меня не было, но в то же время я была. А потом всё закончилось. Раз и оказалась в реальности, смотревшая в отражении на саму себя. И перемены, которые со мной произошли, пугали.

Моё лицо, и так не отличавшееся красотой здоровья, посерело, под глазами залегли тёмно-синие с фиолетовым отливом синяки с россыпью глубоких морщин, делавших похожей на старуху. Глаза, покрасневшие, воспалённые, злые, смотрели с неожиданной усталостью, с такой, которую невозможно спрятать за агрессией. Это почти агония, вот что читалось в моём взоре. Губы, с детства пухлые и мягкие, теперь искусаны до трещин, мелких ранок, а роскошные длинные волосы напоминали солому и теперь отчётливо была видна нежданная седина, только-только пробивающаяся сквозь потускневшие локоны.

Глядя на себя, не верила своим глазам. Так измениться, но почему? Это...

Воспоминания вернулись одним махом и я осознала, что происходит. Одержимость. Чёрт побери, я одержима призраком! Полноценным демоном! Да как это вообще возможно?

— Не хмурься, морщинки появятся, — с сарказмом воскликнул Чёрный человек. — Знаешь, я не планировал возвращать тебя до того, как закончу с делами, но дорогая, оказалось не так легко держать тебя в спячке и сражаться с твоим телом одновременно. Поэтому у меня есть к тебе вопросы, милая.

— Как долго меня не было?

Его слова изрядно удивили. То есть то, что вижу, не является следствием одержимости. Это, по крайней мере, странно.

— Дай подумать, с месяц где-то, — он хмыкнул.

— Ох, Элли, Элли, — мягко заговорил призрак, покачав головой. — В тебе живёт надежда. Ты веришь, что всё скоро закончится и вся твоя жизнь вернётся к норме. Жаль тебя разочаровывать, но этого не будет. Когда я завершу свои дела, то мы с тобой бодренько шагнём на Изнанку, где я тебя убью. Вот и всё. Не знаю, в курсе ли ты, но лекарства от одержимости не существует. Так что мы с тобой будем вместе до самого конца. И ты скажешь мне, что это за сны снятся этому телу, из которых практически невозможно выбраться.

Я глубоко задышала, осознавая разом всё, что он сказал. И про одержимость, и про его планы, и про сны. Последнее было страшнее всего, так как я не была уверена, что, если умру на Изнанке, тьма, что поглощает мои сны, не доберётся до меня там. В конце концов, она является частью самой Изнанки, а значит шансов у меня мало.

— Это даже приятно. Ты чего-то не знаешь, — ответила тон в тон ему. — Это последствия моего длительного пребывания на Изнанке. Помнишь? Когда меня Харон вытащил? Вот с тех пор мне и снится тьма. Как сказал Страж, рано или поздно, но она заберёт меня. Поэтому он подсадил чужие сны, в надежде, что это даст мне несколько лет жизни. Он ошибся, раз ты попадал во тьму.

— Знаешь, Элли, — он на некоторое время замолчал, обдумывая мои слова, а затем продолжил:

— Когда было принято решение взять тебя, я не думал о бонусах. Мне просто нужно было тело, которое имеет доступ как в Институт, так и в клуб медиумов, а самое главное, чтобы этот человек был близок с Марго. Ну ты знаешь мою слабость к этой неуловимой чертовке, — он мерзко улыбнулся.

Я и не думала, что моё лицо может выдавать такие отвратительные эмоции. Они казались чуждыми и выдавали то, что со мной случилось лучше чёрных глаз.

— И в самом начале всё было просто чудесно! Ты оказалась заместителем Чтеца, напрямую координируешь Институт и своих медиумов, и с Марго в более близких отношениях, чем я надеялся. Всё было великолепно, если отбросить женскую физиологию и особенности восприятия мира. Клянусь, это был последний раз, когда я вселяюсь в женское тело, — он скривился. — А потом начались эти чёртовы сны и всё пошло кувырком! Так что я придумал, что мы сделаем, чтобы оба остались довольны.

— О, давай, порази меня, — мрачно ответила ему.

Он ухмыльнулся.

— Я всегда недолюбливал тебя. Слабенькая девочка, без выдающихся способностей, плаксивая и глупая. Нам нужны были ученики из медиумов. Податливые, сострадательные, сломанные, но при этом обладающие выдающимися способностями. Найти таких проще, чем ты думаешь. Так часто бывает, моральные страдания открывают в медиумах силы, или же сводят с ума. Поэтому, когда твоя мать осмелилась попросить Белого человека помочь тебе, взять тебя в ученицы, я рассмеялся. Ведь это глупость, в тебе не было ничего особенного. А он согласился. Несмотря на все мои предупреждения, он продолжал помогать тебе, даже не пытаясь по-настоящему учить. Самая большая ошибка. Он даже не заметил, как ты начала менять его. Делать слабым и глупым, ставить интересы живых выше наших. И когда ваша история подошла к логическому завершению, когда он, наконец, сделал то, к чему его

подталкивали, я знал, что всё так просто не закончится. Так и вышло. Но даже после всего, что ты сделала, он продолжал любить тебя! Я надеялся, что твои действия приведут его в ярость и любовь сменится ненавистью, но он просто стал ещё мягче и глупее. Тогда мы стали управлять им. Думаешь, как он смог найти твои сны? Он сказал тебе, что украл зеркало, но это была подстава. Мы знали, что он захочет сделать, ведь это единственный шанс видеться с тобой. Поэтому, когда наш план с афтершоком провалился, мы использовали запасной. Поймали Белого человека на горячем и заключили в своеобразную темницу, прямо посреди бушующих вод Изнанки. Он и сейчас там, мается, страдает, не знает, что с тобой. Ты же знаешь, что его время на исходе? Ему осталось недолго, а пребывание в подобном месте лишь сильнее ослабляет его. Рано или поздно, но он шагнёт в море и исчезнет. Его единственный шанс дожить до финала наших планов — это твоё послушание. Если ты будешь подчиняться мне, то его выпустят из того места. Усекла? — грубо закончил он, совсем не улыбаясь.

Я была всего лишь отражением в зеркале. Но при этом чувствовала своё тело, чувствовала насколько измождённым оно было. Я знала, что с Михаэлем мы оказались в одинаковом положении. Мы оба по-настоящему умирали, вот только у него был шанс.

Мне претила сама мысль помогать призраку подобному Клаусу. Отвратительно и то, что они делали. Они шли против самой сути вещей. Однако их желание вновь стать живыми было понятным. Но этот мир несправедлив. Он жесток и крайней степенью жестокости была Изнанка со своими законами и последствиями их выполнений.

Если ты хочешь жить на той стороне, ты должен заключить с Изнанкой сделку, чтобы получить имя. Получив его, ты должен следовать за ним и исполнять его. Как это делали женщины и мужчины, принимающие имена Кровавой Мэри, Белой дамы, Белого пса или Анку. Заключившие контракт буквально продают себя Изнанке, с того момента, как они становятся носителями имени, медиумы почти не способны помочь бедолагам. И рано или поздно приходит расплата — их зовут воды Изнанки, чтобы забрать в небытие.

С одной стороны, они получают долголетие, ведь иногда носящие имя живут столетиями на той стороне, время от времени появляясь в реальности, чтобы напомнить живым о своём существовании, а с другой стороны они лишаются возможности отправиться дальше. Многие призраки приходят к такому выбору в минуту отчаяния, не каждый мертвец обладает достаточной силой, чтобы появляться в реальности, в результате они оказываются в ловушке, потому что не понимают, что нужно сделать, чтобы отправиться дальше. Я молчу про тех призраков, которые даже не осознают, где они находятся.

Это несправедливо. Медиумов мало, ещё меньше тех, кто может договориться с Хароном, чтобы посещать Изнанку и помогать тем, кто не может самостоятельно выйти в реальность. Такая ситуация привела к тому, что медиумам стали опасны визиты на Изнанку. Слишком много запертых призраков. Слишком велико желание выбраться. Патовая ситуация, из которой нет логического выхода.

Я понимала то, что движет призраков подобных Клаусу. Они не хотят исчезать и это самое естественное желание на свете. Но их методы, их поступки несли вред другим. Они причиняли боль и страдания, особенно именные призраки нового времени. Их основной инструмент — это смерть, они убивают живых, наслаждаясь их агонией. Так они чувствовали себя настоящими.

Ещё у меня частенько проскальзывали мысли о том, что те призраки, которые оказались на Изнанке, на самом деле не так безвинны, как кажется. Почти каждая религия с

тысячелетней историей в основной массе своей несёт идею об особенностях жизни. О том, что её нужно прожить достойно, что каждый день нужно проживать с чистой совестью. Незря в христианстве существуют обряды отпущения грехов, а в даосизме главной идеей было созерцание жизни, принцип «недеяния», но в то же время действия, не несущего «суету сует».

Нарушая гармонию и живя в разрез с окружающим миром, погружаясь в бесполезную череду дней, отказываясь наслаждаться природой, что окружает нас, эти люди, умирая, застревают на Изнанке, потому что не могут идти дальше. Они не умеют ходить. Нищие духом, не способные жить и в смерти получающие то, что заслужили.

Мои мысли крамольны для медиума. В мои задачи входит помощь призракам, но я не чувствую удовлетворения от того, что делаю. Может дело в том, что родилась не в то время и не в том месте? Чтец говорил: то, что сейчас происходит лишь шаг на пути к будущему. Что мы находимся в переходном возрасте и всё изменится, люди изменятся и наша работа будет более цельной.

Ведь самый ужас заключался в том, что среди тысячи голосов этих серых призраков, мы не слышим тех, кому действительно нужна наша помощь. Тех, кто действительно оказался на Изнанке из-за стечения обстоятельств или по ошибке. В этом и заключалась моя неприязнь.

Поэтому помогать таким, как Чёрный человек, было выше моих сил, но у меня не было выбора. Михаэль — единственный, кто небезразличен мне. Я должна попытаться помочь ему. Должна вытащить его до того, как случится непоправимое, ведь они держат его в той темнице только из-за меня.

— Я согласна тебе помогать.

***

Мы заключили сделку. Ночи теперь принадлежали мне. Клаус не хотел рисковать собой, считая, что я лучше справлюсь с тьмой, так как противостояла ей долгие годы. Не знаю на что он надеется, ведь если умру и слова Харона окажутся правдой, он отправится вслед за мной. Тьма не пожалеет его. А совсем оставлять моё тело Чёрный человек не намерен.

— Чего загрустила? — весело спросил он, расчёсывая мои волосы перед выходом. — Я вернул тебя из спячки, ты должна радоваться, что я так поступил.

— Куда мы идём?

— У меня свидание, — загадочно ответил он, подмигнув. — Как я выгляжу?

— Отвратительно. Ты испоганил моё тело своим присутствием, — холодно отвечаю, закрывая глаза.

Теперь я сама стала призраком. Я не могла контролировать ни своё тело, ни свой дух. Я смотрела на Клауса то из зеркала, то из блестящего чайника, то как будто вися в воздухе, не обладая телом. Моё зрение изменилось, одновременно смотрела и своими глазами, и со стороны. Чувствовала себя, но это чувство замещалось чувством острой потери. Оно поглощало и, если бы могла плакать — слёзы текли бы нескончаемым потоком. Это больно. И страшно. И чуждо.

— Заткнись, — процедил он, выходя из комнаты.

И я заткнулась.

Клаус взял машину и по навигатору отправился на другой конец города в спальный район Ховрино. Мысленно радовалась насколько плохо он умел водить. Он злился,

чертыхался и медленно закипал. Меня подмывало пошутить над ним, но он ещё чего доброго в аварию попадёт.

Его конечной целью оказалась заброшенная ховринская больница. Ночью, она терялась в темноте, лишь слегка освещённая стоявшими вдоль дороги фонарями да изредка проезжающими машинами.

— А менее популярное место ты выбрать не мог? — спросила обескураженно, когда он направился в сторону от основной дороги к части соседствующей с парком.

— Это красивое и тихое место. На Изнанке она как яркое пятно, — пожав плечами, ответил он, остановившись возле покорёженной, но всё ещё неприступной ограды.

— Ну, что теперь? — спрашиваю довольным голосом.

Не знаю как, но он точно знал, где я нахожусь. Мельком глянув на меня, вновь посмотрел на ограду и под его взглядом она с мерзким звуком распалась на части, открывая вход.

— Как ты это сделал?

— Не отвлекай меня, — бросил через плечо, заходя внутрь и направляясь в сторону входа.

Глаза неострой, широкие чёрные проёмы вместо окон, обшарпанный бетон, сырость, тянувшаяся от застывшей в вечном ожидании быть достроенной больницы, всё это, да ещё глухая ночь, безлюдность и навязчивая тишина, вызывали отвращение. Мне здесь определённо не нравилось, но воли моей нет, поэтому покорно следовала за новым хозяином тела.

Он шёл посвистывая, хотя я свистеть не умела, и в этой темноте казалось, что я стала выше ростом, шире в плечах, походка военная, деловая, мужская. Мне казалось, что он воплотившись, изменил тело, заняв моё место. Здесь, в этом глухом местечке, продуваемом всеми ветрами, он казался уместным. Казалось, что ему принадлежат все тёмные места на всей земле. Не даром его имя — Чёрный человек.

Мы остановились внутри здания, на первом этаже, в закутке. Совсем не думая об одежде, он прислонился к стене, достал сигареты и закурил.

— Что-то ты совсем помрачнела. Тебе здесь не нравится? — лукаво спросил он, с прищуром, едва различимом в маленьком свете от сигареты.

— Знаешь да, мне вообще всё не нравится, — хотела сказать с сарказмом, но получилось очень грустно. Вздохнув, спросила его:

— Что вы задумали? Ты и твои последователи? Чего вы добиваетесь?

— О! Ну давай я все карты на стол выложу, для твоего удобства! — хмыкнул он, патетично разведя руки в стороны. — Вот он весь я — перед тобой, в тебе. Смотри, запоминай, может хватит мозгов самой додуматься до моих целей.

— Блестящий план, — отвернулась.

Мне по-прежнему было тяжело смотреть на себя.

Всё это как в кривом зеркале, с мрачной начинкой, полное всякой гадости. Задаюсь вопросом, зная будущее, пронесла бы зеркало, чтобы спасти Марго? Её жизнь важнее жизни тех медиумов, что погибли в ту ночь? А моя жизнь? Спасение одного человека обернулось такими страданиями. Права ли, что так поступила, или же прав Харон и я оказалась незрелой, поступая так?

— Учитель.

Голос прозвучал как отовсюду. Обернувшись, увидела уплотняющуюся рябь в воздухе, в

конце она сформировалась в человека. Максим, могла бы догадаться, что именно с ним будет встречаться Клаус.

— Ты опоздал, — недовольно проворчал Чёрный человек, затушив сигарету об стену. —

Самостоятельность вскружила тебе голову?

— Простите Учитель, но этому есть объяснение, — взволнованно заговорил он.

С удивлением, мне почудились отзвуки голоса Марго. Близнецы, они так похожи внешне. Но на деле оказались такими разными.

— Белый человек, он...

— Потом, мы не одни, — обрубил его Клаус.

— Что с Белым человеком? — воскликнула в ту же секунду, подавшись вперёд. —

Клаус, пусть он договорит!

— Максим, сегодня на нашей с тобой встрече присутствует милая девушка, настоящая владелица позаимствованного тела.

— Элли? — Максим огляделся по сторонам, словно ожидая, что выскочу из-за угла и крикну: Бу!

— Ладно, так что там с Белым человеком? Он умер? Сбежал? — видя мою решительность, Клаус понял, что без ответа не буду сотрудничать.

— Пытался покончить с собой, — ответил Максим.

— С чего бы это? — удивился Чёрный человек. — Столько ждал и тут вдруг? Вода позвала? Так вроде рановато. У него достаточно сил сопротивляться её зову.

— Нет, — неожиданно замялся он.

— Я жду, — Клаус лучше меня знал своего ученика, так что его голос посуровел.

— Я рассказал об Элли.

— Ха.

Через секунду Максим взлетел в воздух, а затем впечатался в стену совсем как я во время афтершока. Клаус неторопливо выудил из кармана перчатки, а уже в них достал голубую ленту и подошёл к своему ученику.

— Знаешь, что это?

— Да, сэр, простите. Я не сдержался, он был таким спокойным!..

Клаус зацокал языком, качая головой, не желая слушать оправдания. Он поднёс ленту к лицу Максима, а затем с силой прижал к его щеке. Это было невероятно, ведь живые не могут прикасаться к мёртвым. Как он это сделал?!

Раздался пронзительный крик, ему вторили вороны со стороны парка. Наверно не меньше сотни птиц взлетело в воздух, шелест их крыльев звучал как сильные порывы ветра. По стенам зазмеились тёмно-зелёные ленты, слышалось журчание воды. Максим всё кричал и кричал, я упала на колени, сжалась в клубок, закрывая уши, этот крик поднялся до уровня крика настоящей банши, до того больно это было. А потом разом всё закончилось.

— Ещё раз послушаешься и этим всё не обойдётся, — процедил Клаус, отходя от Максима и убирая ленту. — А задумаешь глупость — знай, на твоём теле ещё много мест, где я могу оставить отметины до того, как это убьёт тебя.

— Простите, — заплакал молодой призрак, отпущенный силой Клауса, упавшего, как и я на колени.

Он приложил руки к щеке, но даже отсюда видела зелёный свет, отпечаток от освящённой ленты.

— Не забывай — теперь ты бесполезен для нас. Ты обычный призрак и всё, что у тебя

есть — имя моего ученика. Пока ты слушаешься меня, Изнанка не тронет тебя. Знай своё место! — отчитывал Клаус, но смотрел при этом на меня.

В его взгляде видела своё будущее. Он задумал именно это. Когда умру, мертвец будет пытаться меня до тех пор, пока не сломаюсь, как и Максим. А когда закончит, то уничтожит, отправив в воды Изнанки.

Этот призрак мог показаться забавным и ироничным. Он любит шутить, улыбаться и смеяться. Как и любой садист, он носит маску доброжелательности и ответственности, участливости и заботы. Но в любой момент маска может слететь, обнажив звериное нутро. Истинный облик фашиста. Надев когда-то эсэсовскую форму, он полностью воплотил то зло, что она в себе несла.

— Ладно. Думаю, с уроками можно закончить. Перейдём к домашнему заданию.

Он улыбнулся, поправляя причёску и наблюдая, как ученик встаёт, вытягиваясь по струнке.

— Ты всё сделал, как я приказал?

— Да, я связался с нужными людьми и всё сделал, — нервно сглотнув, ответил Максим.

Шрам на его лице утратил свет, превратившись в широкий прямоугольный след с рваными краями, как от ожога.

— Умничка, — похвалил его Чёрный человек. — Значит танцы назначаю на четверг. Будь готов, — назидательно качнув указательным пальцем, сказал он. — Если постараться, и моя миссия пройдёт удачно, то потом я отдам тебе Элли ненадолго. Сможешь с ней развлечься также, как я только что развлёкся с тобой.

По лицу Максима прошла волна эмоций, от мрачной удовлетворённости до сожаления. Он ненавидел меня, но не был садистом, как Клаус, поэтому понимал, что не сможет повторить эту экзекуцию, а значит Учитель опять будет недоволен.

— Научись, — разочарованно проговорил Клаус, разгадав мысли ученика. — Проваливай.

Максим исчез, растаял, как дымка от новой сигареты Чёрного человека.

— Не понимаю, как призраки могут следовать за тобой. Ты же полный отморозок.

Он зло посмотрел на меня, а затем совершенно спокойно приложил тлеющий конец сигареты к моей руке. Острая боль взорвала все эмоции внутри меня. Невыносимо! А он стоит и садистски улыбается.

— Не зли меня, Элли. Иначе худо будет.

— Кто здесь?

Наш закуток наполнился светом от маломощного фонарика. Он слепил глаза, поэтому Клаус прикрыл их рукой.

— Ещё одна! Девушка, вы в курсе, что это закрытая зона? Посторонним вход запрещён! — усатый пухлый мужчина в неопрятной форме подошёл к нам, недовольно щуря глаза. — И что вы сюда всё лезете, я вас спрашиваю? Голые стены и железные штыри, торчащие отовсюду. Романтики... — он грязно выругался и сплюнул на пол. Зыркнув в сторону Клауса и не дождавшись ответа, сурово проговорил:

— Ладно, пошли. Будем оформлять.

— Я никуда не пойду, — спокойно ответил Клаус. — Вали отсюда, мужик.

В ответ охранник выдал непечатную тираду, от которой мы оба поморщились.

— Слышь, либо сама пойдёшь, либо силой поволоку! Наркоманка, что ли? Ничего, в ментовке быстро образумят. Эх, дура, думал по-хорошему договоримся!

Махнув рукой, подошёл ближе к Клаусу, намередываясь схватить за плечо, но вместо этого замер на месте. Его лицо побагровело, пошло пятнами, глаза выпучились, подбородок ушёл назад, как будто ему не хватает воздуха. Он приподнялся над землёй, касаясь её только мысками, фонарик выпал из ослабевших пальцев, завертелся под ногами, то выхватывая из темноты мрачную довольную улыбку Клауса, то перепуганное лицо охранника.

— Что ты делаешь?! — закричала, подходя к его жертве. — Он же умирает!

— Отличное окончание дня, — мягко сказал Чёрный человек, наслаждаясь агонией мужчины. — Он такой теперь маленький. А раньше думал, что имеет власть. Детишки, что сюда шастают, всегда лебезили перед ним. Он чувствовал себя важной птицей, самоутверждаясь перед ними. Посмотри на него теперь!

— Прекрати. Останови это! — закричала не своим голосом, закрывая глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать страдания несчастного.

— Легко.

И стало тихо. Открыв глаза, увидела перед собой мертвеца. Остекленевший испуганный взгляд, лужа, расплзающаяся из-под тела во все стороны, несколько капель крови на лице, вот и всё, что осталось от человека.

— Ты монстр.

— Слишком громкое прозвище для такого как я. Настоящие монстры сами не убивают. Они убеждают других убивать во имя себя и своих целей.

— То есть, когда твои люди убивали медиумов, это было чисто так, без всяких задних мыслей и твоих указаний? А смерть твоего ученика? Максим же покончил с собой ради тебя, это не считается?

— Они это делают не ради меня, а ради общей цели. Я убил этого охранника, потому что он мне докучал. Мне нравится убивать, а тебе нравится страдать. Всё это лишь следствие наших внутренних желаний.

— Значит на самом деле ты безвольный человек, который хочет таким образом самоутвердиться? Мол меня никто не уважает, не любит, притесняет, ну раз вы так со мной, то и я в ответ? Тогда ты ничем не отличаешься от этого охранника!

— Твои выводы устарели лет этак на семьдесят, милая, — он улыбнулся. — Ты пытаешься считать мёртвых монстрами, ведь мы ни во что не ставим человеческую жизнь, да и зачем нам это делать? Люди не бессмертны, а после смерти они либо отправятся дальше, либо станут такими же, как и мы. Так какой смысл ценить мимолётную жизнь? Мы не чувствуем то, что чувствуете вы. Мы изгой вашего мира и всё, что у нас есть — это попытки вновь почувствовать себя живыми. Или же ощутить власть над жизнью. Я с лёгкостью оборвал его жизнь. Но при этом удовольствие было таким мимолётным. Несущественным.

— Хочешь, чтобы я тебя пожалела?

— Я хочу, чтобы ты заткнулась. Я знал, что ты будешь много говорить и страдать. Это всё, на что ты способна. Страдать и совершать глупости. Маленькая-маленькая девочка. Ты даже Харона довела, раз он не примчался вытаскивать тебя из очередного болота. Знаешь, мы даже не думали, что он влезет в афтершок и разрушит его, вытащив при этом Марго.

— Ты так и не понял, да? — победно улыбнувшись, сказала я.

— Ты о чём?

— Да так, — закусив губу, отвела взгляд.

Негромко хмыкнув, Клаус мельком глянул на мёртвого охранника, а затем вышел из

здания. Он не из тех, кто любит просить, а значит Чёрный человек не узнает, что афтершок разрушила я.

***

Моё тело стало мне чужим. Возвращаясь в него, в эту непомерную тяжесть, чувственность, боль, как гадко, как противно. Я заполняю каждую его клеточку, чувствую каждую частичку и всё это похоже на кандалы, заполняющие весь мой дух. Я и представить себе не могла какая разница между душой и телом. Возвращение оказалось не таким радостным, как думала. Это больше похоже на заключение в темницу.

Клаус сдержал обещание, вернул контроль над телом, когда сон подбирался к сознанию. Я чувствовала его на заднем плане, настороженного, готового в любой момент выпихнуть наружу, обвиняя в нарушении сделки. О да, была бы рада разорвать эти взаимоотношения, но что я могла? Малейшее желание встать или хотя бы подвинуться отдавало привкусом тины. Ледяной сон цепкими лапками захватывал меня, и я уже видела, как сгущается тьма по сторонам, она ждёт меня. Она злится, что мы так долго не были вместе.

Соскальзываю во тьму, с привычной лёгкостью погружаюсь в иллюзорные воды. Мне нужно продержаться. Нужно помнить, кто я такая, ведь если забуду, если отдамся этой тьме, то назад дороги не будет. И не уверена, что это будет означать, что умерла. Иногда кажется, что тьма Изнанки таким путём пытается вырваться наружу.

***

— Это был чудесный отдых.

Клаус сидел на кухне, потягивал горячий и крепкий кофе с сигаретой и наслаждался жизнью. За окном ясное утро, солнце пускает зайчиков по деревянной мебели, вдалеке слышится городской шум, разговоры людей, пение птиц. День и правда был чудесный и я бы с радостью отправилась на прогулку, но вместо этого вынуждена сидеть напротив сияющего Клауса в моём обличье. Это такое странное раздвоение личности, что минутами уже и не ассоциировала себя со своим телом, настолько сильно он его изменил. И дело даже не во внешности, а в мимике, походке, в том, как он говорит, как улыбается и, самое главное, как смотрит. А ведь Клаус даже не осознаёт, насколько он выдаёт себя. Я удивлена, что ещё никто не понял подмены. Надеюсь хватит сил влезть в своё тело в нужный момент, чтобы сказать о случившемся.

— Рада за тебя.

— Я бы сказал, что ты выглядишь плохо, но вот беда, ты совсем никак не выглядишь, — он притворно-умиленно посмотрел на меня. — В любом случае, наша затея сработала, а значит все планы остаются в силе. Ты рада?

— Чему тут радоваться?

— Белый человек выживет, — он пожал плечами. — Если не будет пытаться покончить с собой, то его существование не закончится так глупо.

— О да, я так рада, что он находится в ловушке посреди вод Изнанки. Это прекрасно, что ты не убьёшь его, а позволишь Изнанке сделать это за тебя. Ведь потом так удобно будет развести руками в стороны со словами: Он сам виноват! Он этого хотел! — ответила, передразнивая сострадательный голос Клауса. — У меня прямо камень с души упал.

— Предположим, что камень и правда упал. Я чувствую себя прекрасно. Интересно, как так вышло, что ты спокойно пережила эту ночь? — он не ответил на мои подколки,

предпочитая спрашивать, а не отвечать.

— Опыт. Большой опыт. В конце концов я десять лет боролась с тьмой. Мне не привыкать.

— Ну и отлично, — Клаус театрально потянулся, а затем, посмотрев на часы, встал. — Что же, пора выдвигаться.

— Опять кого-то мучать и убивать? — воскликнула язвительно.

— Дорогая, ты меня балуешь, — он покачал пальцем, а затем закончился воздух.

Я захрипела скорее от неожиданности, чем от серьёзной нехватки воздуха. Комната поплыла перед глазами, в ушах появился тонкий гул, а затем всё прекратилось. Это длилось несколько мгновений, но возникший кашель и сладковатый привкус во рту вызвали тошноту.

— Понравилось? — участливо поинтересовался Клаус. — Если не будешь вести себя смиренно, я буду делать тебе больно снова и снова. И это тело не умрёт до тех пор, пока я не захочу, так что страдания так просто не закончатся. Поняла?

— Да, — прохрипела в ответ, с ненавистью глядя на него.

***

Меньше всего ожидала, что мы окажемся в Институте. Острый приступ зимы уже спал, дорожка на подъёме, ведущая от входных ворот до высокого здания с четырёхметровыми колоннами, очистилась от многодневного наслоения льда и снега, обнажив истёртый рваный асфальт. На улице всё ещё холодно, ветрено, но сам цвет окружающего мира изменился, стал теплее и светлее.

На проходной, Клаус, насвистывая незнакомый мотив, лишь кивнул тяжеловесному охраннику и спокойно прошёл внутрь. Это навело меня на мысль, что он частенько здесь бывает. С неприятным чувством осознала, что действительно прошёл уже месяц с тех пор, как он завладел моим телом. Что он успел натворить? Я никогда не задумывалась о собственной ценности, но оглядываясь по сторонам, видя, как его здесь приветствуют, как он то и дело останавливается, чтобы перекинуться парой слов с местными, осознала, что всё это время он пользовался мной на всю катушку.

И всё из-за маленького зеркала и моей самонадеянности. Моей дурусти. Не зря Клаус постоянно так меня называет. Я и правда дура, раз решила, что могу кому-то помогать. Я приношу несчастья.

— Виктор Сергеевич! Как же хорошо вы выглядите! Посвежели, глаза блестят. Вот что с людьми делает любовь, — насмеялся Клаус над руководителем Института, сидящего напротив него в кресле.

Нашей конечной остановкой оказался кабинет директора. Как же меня поразили изменения, произошедшие с этим видным мужчиной всего за какой-то месяц! Он сутулился, одряхлел, волосы, ранее только едва-едва покрытые сединой, полностью выцвели, потеряли блеск и опали, тогда как раньше вились, как и у его сына. Он состарился да так быстро, что даже просто смотреть на него было тяжело. Виктор Сергеевич держал руки перед собой и по тому, как они мелко дрожали, поняла — он знает, кто перед ним.

— Прекрати, — тихо сказал директор, не поднимая взгляда. — Зачем пришёл?

— Видишь ли, мне тут мешает один человек. Он прям-таки вьётся вокруг интересной мне особы, как муха надоедливая, мешается. С этим надо что-то делать.

— Вы о моём сыне? — Виктор Сергеевич поднял взгляд и нерешительно посмотрел на Клауса.

— Разумеется, о нём. Второй ухажёр моей ненаглядной уже месяц как свалил и правильно сделал, а вот Андрей оказался весьма настойчивым.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — непонимающие спросил он.

— Кардинальный метод тебе не придётся по душе, так что просто сошли его куда-нибудь. Он мне мешает! — Клаус скрестил пальцы и выжидательно уставился на директора.

— Мой сын давно хотел попасть на стажировку в Ватикан. Если так нужно, я его туда отправлю, — подумав несколько минут, сказал Виктор Сергеевич.

— Замечательно! Так и поступим! — воодушевился Чёрный человек, а затем подмигнув мне, сказал:

— Кстати, одна своенравная особа передаёт вам привет, — лукаво проговорил он.

— Лидия? — воскликнул мужчина, отчего Клаус недовольно поморщился.

— Да нет. Твоя ненаглядная таким не страдает. У неё другие развлечения, — досадливо заявил он.

— Я не понимаю...

— Эта особа сейчас с нами. У неё такое страдание на лице. Она думает, что я использую вас, шантажирую. Глупая, не правда ли? У нас честная сделка и вы первым ко мне обратились.

По тому, как отвёл взгляд Виктор Сергеевич, поняла, что это правда.

— Здесь Элли, да? — тихо спросил он.

— Бинго! — Клаус несколько раз хлопнул в ладони, ядовито улыбаясь. — Она передаёт вам привет!

— Иди к чёрту! — огрызнулась в ответ на разыгранную мелодраму.

Клаус не обратил внимания на мою выходку, видимо предпочитая разговаривать со мной только один на один.

— Хорошо, с формальностями покончили, переходим ко второму вопросу. Вы подготовили документы?

— По...

— Не уточняй. Я хочу сохранить всё в тайне. Люблю устраивать сюрпризы, — он скривился в улыбке, неотрывно глядя на меня.

Виктор Сергеевич закашлялся, а затем выпил стакан воды. Знание, что я присутствую в комнате изрядно нервировало его, однако раскаяния не видела в его глазах. Он и правда добровольно сотрудничал с Клаусом, хоть это сотрудничество и не нравилось ему.

— Почти всё готово. Ещё пара недель и все документы будут собраны, как вы и просили.

— Несколько недель... Не затягивай, дружок. А то я могу решить, что ты не желаешь сотрудничать.

Клаус покачал головой, а затем поднялся и, широко фальшиво улыбнувшись, протянул руку для прощания.

— Виктор Сергеевич, пока с вами приятно иметь дело!

Тот в ответ уставился на протянутую руку как на ядовитую змею, но всё равно пожал её, а Клаус в ответ с силой притянул его к себе на уровень глаза в глаза.

— И помните, пока вы выполняете мои просьбы, ваша жена остаётся в нашей команде. Когда всё закончится — вы снова будете счастливой семьёй.

— Я могу её увидеть?

— Она этого не хочет, — отрицательно ответил Клаус. — Вы не готовы к встрече,

помните, что было в прошлый раз?

— Да, — устало ответил мужчина, опускаясь обратно в кресло.

— Вот и чудненько. Тогда до скорых встреч!

***

Стоя у плиты, Клаус насвистывал очередной незнакомый мотивчик, перемешивая на сковородке сардельки и картошку. Попробовав немного, цокнул языком, а затем сыпанул соли и перца. Призрак пребывал в хорошем расположении духа в отличии от меня.

— Что ты задумал? — не выдержав, спросила его.

Он лукаво посмотрел на меня, а затем, выключив конфорку, переложил ужин на тарелку, достал из холодильника запотевшую бутылку с пивом и покупные маринованные огурцы.

— Я планирую получить очередное удовольствие от жизни, — он блаженно откинулся на спинку стула, после большого глотка светлого пива. — Вы, живые, даже не представляете себе, насколько классно всё, что вас окружает.

— Вообще-то, те, кто понимает, переходят, а те, кто нет — становятся такими, как ты, — притворно-мягко поправила его.

— Обижаетесь, Элли. Ты имеешь ввиду серых призраков, такие быстро дохнут на Изнанке. А такие как я, очень даже хорошо понимают, чего лишились. Знаешь, что самое поганое на Изнанке? Думаешь, её вода? Океаны бесконечного ничего, которое и составляет её основу? Нет. Это как выдох, раз и тебя нет. А вот пребывание на Изнанке — вот, что составляет ад. До того, как умереть, даже дальше, до войны, я имел честь состоять в одном небольшом мужском клубе. Хорошее бренди, заграничные сигары, музыка, кожаная мебель, изысканная компания, впрочем, не отягощённая премудрыми речами. Я наслаждался их обществом, как и обществом милых молоденьких девушек, уже подверженных свежему влиянию Запада на свои манеры и поведение. Чудесное время... На Изнанке я воссоздал то место, наполнил его от и до всем тем, что мне нравилось. И ничего не почувствовал. Я пил бренди, курил сигары, поедая бараньи рёбрышки и слушал ту же музыку, что и при жизни, и ничего не чувствовал. Представляешь? Ты часто бывала на Изнанке, так что знаешь это чувство. Чувство, когда не понимаешь, что не так. Нет ни вкуса, ни запаха, прикосновение бархатистой кожи не приносит удовольствия. Сколько бы ты ни пил, нет ни опьянения, ни наполнения мочевого пузыря. Вот в чём корень проблем Изнанки. Она способна исполнить любой каприз, подарить любую фантазию, но на самом деле она ничего не даёт. Ты быстро понимаешь, что всё вокруг — ненастоящее. Это сводит с ума, и ты начинаешь тонуть. А потом исчезаешь.

— Ты классно всё объяснил, — согласно кивнула. — Однако, что ты от меня хочешь? Думаешь, я пожалею тебя? Зачем мне это делать после всего, что ты совершил?

— Отрицаешь очевидное? Элли, я знаю, о чём ты думаешь. Чтец, твой дорогой и любимый наставник, вовремя внёс в твои мысли коррективы, так что ты с лёгкостью приняла его сторону, отбросив угрызения совести. Кстати, ты знала, что я с самого начала подходил под его принципы? Я жил полной жизнью и моя смерть, на поле боя, явное подтверждение этим догмам. Яркая, насыщенная красками, жизнь! И после смерти очень быстро осознал, что умер, единственное, чего не хватало, так это причины, по которой не могу перейти. Мне подсказали, что нужно найти медиума, который поможет перейти. И я нашёл. Во время войны медиумов появляется больше, чем в мирное время. Знаешь, что было

дальше?

— Все медиумы отказали тебе, потому что ты фашистская свинья, — я сладко улыбнулась. — А что ты хотел? Шла война, медиумы тоже воевали. А такие как ты, пришли в наш дом и убивали наших близких. С какой стати нашим помогать тебе?

Я удивилась. Он проигнорировал мой выпад. Отставив пустую тарелку в сторону, он достал сигареты и закурил, неотрывно глядя на меня.

— И посмотри, к чему это привело. В те годы я не знал, как вернуться домой. Я застрял в Ленинграде, будучи вынужденный продолжать воевать на Изнанке до тех пор, пока до нас всех не дошло, что война заканчивается вместе с жизнью. Именно не желание медиумов помогать таким, как я, и привело к тому, что я сейчас делаю.

— Это вендетта против медиумов?

— О, ты почти угадала, — он улыбнулся. — Кстати, а ты знаешь, что Чтец умер?

— Что?..

— Мы были с ним в его последнюю минуту. Он так трогательно прохрипел твоё имя. На похоронах мы с тобой плакали и утешали милую блондинку, Алёну. Она нам очень помогала в этот месяц.

— Ты убил его, — внутри всё похолодело. — Ты просто взял и убил его.

— Я отомстил ему. Видишь ли, в шестидесятых твой дорогой Чтец считался очень сильным медиумом. Мне посоветовали к нему обратиться, мол он поможет мне перейти. Знаешь, что он сказал? Он сказал, что знает, как помочь, видит, что нужно сделать. Но не станет. Я фашистская свинья и заслуживаю небытия. А потом он, используя свои связи среди экзорцистов, попытался провести точно такую же операцию, что провела ты над Белым человеком. Только я оказался хитрее и он остался с носом. Приятно, когда, спустя столько лет, можешь вернуть должок.

— Но он ведь перешёл, получается. Медиумы не попадают на Изнанку, мы идём по зелёному коридору, — уверенно сказала я. — Да, ты убил его, но он и так был старым, рано или поздно, но смерть всё равно пришла бы за ним...

— Ты меня недооцениваешь, Элли. И недооцениваешь силу любви и ненависти. Твой драгоценный Чтец умер с мыслью о том, что ты оказалась у меня в руках, это заставит его по-новому взглянуть на послесмертие. Так что Руслан Валерьевич закончил своё бытие на прекрасной ноте.

Я хотела заорать. Я хотела убить его. Взорвать на мелкие кусочки. Хотела растоптать его, стереть в порошок, избить, изрезать, изрешетить. Моя ненависть проснулась, щедро опалив нутро, огненными волнами поднимаясь от сердца к мозгу, застилая всё на своём пути. И вся посуда полетела со стола. А следом опрокинулся и сам стол. Я закричала.

Марго

Чёрный февраль подходил к концу. Дни становились длиннее, солнце ярче, цвета острее. В воздухе просыпался знакомый запах приближающейся весны. Наступало моё самое нелюбимое время года. Время, когда снег под ногами окрашивался во все оттенки серости и грязи, а когда он таял, разбегаясь тонкими ручьями, то проявлялись последствия небрежного обращения с природой. Сплошная гадость вместе с ледяными ветрами, слякотью на фоне ослепительно синего неба. Этот резкий контраст, а также пение возвращающихся птиц, доводил до нервной дрожи. Я отчаянно куталась в куртку, зная, что под шубой будет слишком жарко да так, что и простыть в такие-то отчаянные дни уходящей зимы, будет проще простого.

Прошёл месяц с тех пор, как мы пережили афтершок. Уже месяц, как не видела Беса, получая от него пустые открытки с красивыми видами, которые он высылал на адрес клуба. По номеру телефона недоступен, поэтому оставалось только гадать, какая дорога ведёт его из одного места в другое. Он побывал в Тибете, потом Китай, Вьетнам, Камбоджа, затем перебрался через океан и оказался в Мексике, после в Бразилии, Перу и Сальвадоре. Эти открытки приходили пачками, или же одна за другой, так что сложно сказать, где он в настоящий момент или в какой очередности посещал эти страны. И всё за месяц. Я перебирала их каждый день и временами чувствовала укол зависти от того, с какой лёгкостью он путешествует по этим местам. Иногда даже жалела, что не решилась отправиться с ним.

В отличие от него, за этот месяц мне мало чем удалось похвастаться. Разве только тем, что вернулась за парту и теперь изучаю призраков с точки зрения экзорциста. Это было обязательное условие отца Андрея. Он сказал, что не допустит меня к работе, пока действительно не пойму, с чем на самом деле имею дело. Однажды Андрей отвёл меня в маленький конференц-зал, где на проекторе показал множество коротких фильмов. Что могу сказать — во время просмотра выбежала из комнаты и меня стошнило в туалете.

Я просто не была готова увидеть последствия одержимости призраками. Не была готова столкнуться с враждебностью полтергейстов, которые буквально потрошили людей, наслаждаясь происходящим. Мне стали сниться кошмары, ведь, чёрт, даже представить себе не могла насколько медиумы и экзорцисты отличаются друг от друга! Как будто они живут в разных мирах и это нечто по-настоящему дикое.

Потом Андрей объяснил: всё, что происходило на видео, лишь крайние случаи, которые редко случаются. Но я должна быть готова ко всему. Такая мощь и агрессия может произойти на самом рядовом происшествии. Это может случиться в любой момент, и я должна чётко понимать, действительно ли хочу стать частью этого.

Пока продолжается обучение, задаюсь этим вопросом каждый день. Единственное, что даёт силы — знание своих возможностей. Я не бесполезна, не беззащитна. Но попробуй скажи это своему подсознанию, которое вопит от страха по ночам!

Помимо этого, случилось то, что давным-давно должно было случиться — мои родители объявили в розыск Максима. Они приехали из-за моего звонка спустя несколько дней после афтершока. Полностью взяв ситуацию под контроль, отец почти не разговаривал со мной. Можно сказать, мы общались через полицейских. Допросы, допросы, допросы. Мои

ответы были слабыми и недостоверными. Туманными, совсем беспомощными. Это было видно, но предъявить мне нечего.

Не знаю, где он. Не видела с ноября. Да, он говорил, что хочет уехать. Нет, не говорил куда. Нет, я не знаю его друзей. Мы мало общались. Я ничего не знаю о его жизни. Нет, не знаю. Не знаю. Не знаю...

Ответы бесили отца, на меня накричала мать. Они с лёгкостью обвинили меня в том, что брат попал в секту. Это был единственный вывод, который сделали полицейские, изучив оставшиеся после брата вещи. Благоразумно, перед их приездом, забрала дневники брата. Некоторых вещей лучше не знать. Того, что осталось, хватило, чтобы уговорить полицейских, дело отправилось в дальний ящик к явному неудовольствию отца. Меня поразило отсутствие в этом деле деда. Я боялась его приезда, боялась его допросов и вопросов. Я просто боялась его и, как оказалось, напрасно.

Несколько дней назад родители отправились обратно в Питер. Об этом узнала на стойке регистрации в отеле, где они остановились. По телефону ясно дали понять, что не желают меня видеть и слышать.

Мне было больно от их слов. Больно понимать, насколько они изменились, насколько безразличной стала для них. Виновата ли я в том, что произошло? Нет, конечно нет, но они уехали и поступили точно также, как и всегда. Забавно, но стало легче. Всё прошло лучше, чем думала, а слёзы — это всего лишь слёзы, они облегчают душу, но не причиняют вред.

Оставшись сама по себе, почувствовала себя живой. Теперь, когда семья действительно отвернулась от меня, это чувство всех возможностей мира, окрыляло. Как и убивало осознание того, какой ценой получила эту свободу.

За три месяца испытала столько, сколько не испытывала и за всю свою жизнь. Я через многое прошла, стала взрослее и сильнее. Теперь лучше понимаю события, чётче вижу реальность. Начинаю осознавать, как поступать в дальнейшем. Вижу себя отчётливее и яснее, чем когда-либо. Опыт — самый лучший учитель, только плата за учение слишком велика.

***

— Марго, что-то ты совсем неважно выглядишь. С тобой всё в порядке? — спросил Андрей.

В библиотеке кроме нас двоих никого не было. Довольно серое место. Пронумерованные стеллажи. Компьютеры и парты. Тусклый свет, освещающий небольшое, камерное помещение, паркетный, истёртый пол, несколько плакатов, сохранившихся ещё с советских времён с классическими фразами: «Соблюдайте тишину!» «Не мусорите!» и так далее. Здесь тихо, очень тихо и спокойно. Скучно, но разве научная библиотека может быть интересной?

— Я устала. Только и делаю, что читаю исторические книги, просматриваю видеозаписи и зазубриваю порядок действий. Отсутствие практики угнетает. Как будто вернулась в школу. Да и всё остальное, — махнув рукой, откинулась на спинку стула и медленно выдохнула. — Не знаю, как объяснить. Последний месяц такой муторный получился. Да и ещё эти похороны... Неожиданная смерть Руслана Валерьевича, похороны погибших в афтершоке медиумов, приезд родителей. Какая-то бесконечная череда грусти. Я устала от всего этого. А ещё больше устала от ожидания. Что задумал Чёрный человек? Почему он так долго не проявляется? Что будет дальше? Мне не хватает определённости! —

говорю нервно, с трудом удерживая пальцы от усталой дрожи.

Каждый раз, когда задумываюсь о происходящем, начинает болеть голова.

— Стабильности скорее всего, — внимательно посмотрев на меня, заметил он. — Ты не чувствуешь твёрдой почвы под ногами и тебе кажется, что весь мир вот-вот взорвётся, а ты не готова.

— В самую точку, — вяло улыбнулась. — Не знаю, что с этим делать.

— Тебе нужно развеяться. Расслабиться чуть-чуть, — сказал он задумчиво.

— Ты сегодня тоже какой-то не такой. Что случилось?

— Мой отец ведёт себя странно.

Андрей побарабанил пальцами по столу, а затем скрестил их в замок. По его лицу видно, что он обдумывает происходящее, пытаясь выловить логику. В такие моменты он выглядит старше, мудрее. Между нами не такая уж большая разница в возрасте, но по сравнению с ним, кажусь девчонкой. Это даёт чувство уверенности. Рядом с ним кажется, что я под защитой. Что могу переложить на его плечи свои проблемы и всё разрешится наилучшим способом. Странное чувство.

— Ты знаешь, после отъезда брата, он очень серьёзно отнёсся к моему воспитанию. Он всегда контролировал меня. Следил, чтобы я не отказывался от своего предназначения. Буквально нависал надо мной, отчего казалось, что кроме него в мире ничего нет. Это всегда тяготило меня. Я хотел уехать. Не бросить свою работу, просто переехать подальше от отца. Несколько лет назад узнал о программе Ватикана по изучению одержимости. Она длится около года, потом практика, а потом есть шанс остаться работать под патронажем католической церкви. Действительно интересная возможность, я даже начал изучать итальянский и готовить документы для поступления, но мой отец сказал нет. Он был резко против моей затеи и сказал, что не выделит на это денег из бюджета и не выдаст сопроводительного письма. Обидно то, что деньги, в принципе, не нужны. У меня остались сбережения из тех, что получил после смерти матери. А вот без письма попасть в эту программу невозможно. Сам факт существования такой кафедры отрицается церковью, поэтому если нет подтверждения того, что ты являешься частью нашего института, то нет и программы. Даже если я каким-то образом попаду в Ватикан и вступлю в программу, мой отец одним звонком способен отправить меня обратно домой. Мне пришлось отказаться от этой идеи, а вот теперь... — Андрей замолчал.

— Он дал добро? Почему?

— Он сказал, что мне пора самому решать, что я хочу от жизни. Что было бы неплохо заиметь более крепкую связь с Ватиканом в свете сложившихся обстоятельств. Он готов отправить меня туда прямо сейчас. У них как раз скоро начинается набор и он решил, что я готов к этому.

— Как всё удачно складывается, — задумчиво протянула. — Зачем он хочет выслать тебя из Москвы?

— В самую точку. Именно это его цель и мне это не нравится.

— Ты откажешься?

Андрей улыбнулся.

— Ну как я могу тебя бросить, учитывая, что происходит? Другие сотрудники института не будут с тобой заниматься так, как это делаю я. Сама знаешь, за прошедший месяц напряжённость между нашими и вашими оголилась. Мы слишком разные.

— Это точно.

Мы помолчали, каждый думая о своём.

Этот месяц был непростым для всех нас, не только для медиумов, но и для экзорцистов. Открытых действий от Чёрного человека не было, но общее число происшествий возросло. Медиумы всё также пропадали, хотя после введения новых мер безопасности, количество пропавших снизилось. Участились случаи появления полтергейстов. Известные временные петли расширили свои границы и были зафиксированы появления новых. Это что-то вроде афтершока, только маленькие, размером с небольшую гостиницу или жилой дом и не несущие заряд эмоций. Просто особое событие, о котором вспоминают старожилы. Как в старинных замках, превращённых в музеи с обязательной призрачной историей об убийстве, самоубийстве и о том, что призрак покойной всё ещё бродит по коридорам замка.

Из всех происшествий, самым худшим была одержимость. Это когда призраки вселяются в тела людей. Во все времена самой сложной задачей было отличить одержимость от психической болезни. Придумывали различные уловки, методы, диагностики и всё равно иногда экзорцисты ошибались.

Я много читала об этом. Существует четыре разновидности одержимых. Первая, самая распространённая — одержимость полтергейстом. Это как волна, быстрая, опаляющая, часто заканчивающаяся ничем. Дух требует исполнения своей воли и когда цель достигнута покидает тело. Редкий случай, когда в реальности призрак переходит без медиума. Второй вид одержимости — насильственная. Когда призрак силой влезает в тело человека. Именно такую одержимость чаще всего описывают в книгах и именно с ней борются экзорцисты. К сожалению, но статистика неутешительна — более девяносто процентов одержимостей заканчивается смертью. Почти невозможно отделить призрака от тела человека. Изгнание срабатывает только тогда, когда сам призрак захочет уйти. Что бывает редко. Третий вид — это симбиоз. Когда человек добровольно впускает в себя призрака, отдавая своё тело и душу. Такие почти никогда не встречаются ни медиумам, ни экзорцистам. Дело в том, что во втором случае одержимости, тело человека борется с захватчиком наравне с душой, отчего быстро приходит в негодность и погибает. А во время симбиоза происходит такое единение, которое почти невозможно выявить и разрушить. Скорее здесь возникает обратная проблема — призрак не может покинуть тело, не уничтожив его. Существует и четвёртый вид одержимости, но в силу своей невероятной редкости, о нём практически не говорят. Это одержимость призраком вроде Попрыгунчика. Они прыгают из тела в тело, без последствий и не дожидаясь приглашения. Лёгкие и беззаботные. После люди даже не помнят, что с ними случилось.

— О чём задумалась?

— Об одержимости. Мне интересно, призрак может вселиться в медиума?

— Неожиданно, — удивился Андрей. — Нет, не может. Вы единственные, в кого они не могут вселиться. Даже Ловец на такое не способен.

— А если пригласить?

— Не знаю, — Андрей пожал плечами. — Думаю, что всё равно нет. Медиумы сами по себе особенные, мне кажется ваши способности как-то препятствуют одержимости. Но не ручаюсь. По крайней мере я о таком не слышал. А почему ты интересуешься?

— Просто стало любопытно. Я иногда думаю, откуда всё это. Довольно интересно получается, получив ответ на самый важный вопрос, сразу возникает новый. Мне интересно, как появились первые медиумы. Что было вначале — Изнанка или призраки? Что там за «дверью»? Откуда берутся новые души? Есть ли Бог? Столько новых вопросов. И,

разумеется, самый главный — существует ли судьба или же всё происходящее лишь случайность?

— Так всегда происходит. Познание мира невозможно остановить. Думаю, что и после смерти, после перехода на ту сторону, получая ответы на вопросы, мы сразу задаём новые. В тот момент, когда мы перестанем спрашивать — мы окончательно умрём.

Андрей накрыл своей рукой мою и осторожно сжал. Он смотрел прямо в глаза и от этого взгляда стало неловко. Я высвободила руку и убрала под стол, соединив ладони.

— Пожалуй на сегодня хватит вопросов.

— Да, ты права, — сказал он спокойно, поднимаясь из-за стола.

У выхода из библиотеки переоделась, Андрей помог накинуть куртку, не забыв щёлкнуть по носу. Он всегда так делал, когда я не успевала или забывала увернуться. Он умел поднимать настроение.

На улице, не смотря на подступающую весеннюю слякоть, всё ещё было холодно и по морозному свежо. Я поёжилась и носом зарылась в шарф крупной вязки. Скорее бы лето. Самый тяжёлый период зимы — её последние дни. Мороз неохотно отступает, не желая впускать тепло весны. Поднимаются колючие ветра, стремящиеся забраться под шарф, отыскивая щели, неприятно холодя кожу. Именно в такую погоду особенно противно болеть. Раньше каждый год заболела именно в конце февраля. И болела недели две, с температурой, ломотой в костях и острыми приступами кашля. Отвратительное состояние. А в этом году не заболею. Не знаю откуда такая уверенность, но болеть больше не буду. Хватит. Мне нужны силы и организму нельзя сдаваться.

По привычке окинула взглядом пространство перед Институтом. Я тренировалась весь месяц, учась обходиться без линз. Харон был прав, я быстро училась пользоваться своими способностями. Научилась контролировать зрение и перестала путаться где реальность, а где Изнанка. А потом научилась возвращать своим глазам их исходный цвет. Ведь в линзах чувствовала себя некомфортно. Как на костылях, в то время как способна бегать и даже летать. Теперь удаётся контролировать зрение без напряжения. До этого постоянно приходилось думать о контроле, теперь всё происходит естественно. Я быстро учусь.

— Марго? Андрей? Какая встреча! — из дверей Института вышла Элли.

Сегодня она выглядела значительно лучше, чем пару дней назад. Ещё одна больная тема. Не знаю, что с ней произошло во время афтершока, но всё это время она угасала. Изначально обладая болезненной внешностью, после той ночи она действительно терялась. Но при этом в ней появилась какая-то бешенная энергия. Она всё контролировала. Была буквально везде и в то же время нигде. Мне не удавалось встретиться с ней один на один, она постоянно была занята, словно боялась остаться со мной наедине. Она очень сильно изменилась. Манера двигаться, говорить, улыбаться. Раньше подозревала, что Белый человек как-то влияет на неё. В первые дни видела рядом с ней подозрительную тень, но потом всё закончилось. После того случая ночью, когда со мной связался Михаэль, больше ничего не происходило и он не выходил на связь. До сих пор не знаю, что это было и меня это изрядно тревожило.

— Элли. Что ты здесь делаешь? — напрягся Андрей.

— Вот так приветствие, — удивлённо и немного обиженно воскликнула она. — Мне снова нужно было переговорить с твоим отцом. Сам знаешь, какой он требовательный. Он кстати сказал, что хочет отправить тебя в Ватикан. Разве это не здорово? Кажется, он начинает понимать, что ты хочешь. Пришлешь открытку из Рима?

— Я не думаю, что поеду, — отрицательно сказал он, мельком глянув на меня. — Не хочу уезжать, когда такое происходит. Я не трус.

— Ну и зря, — спокойно заявила она, доставая сигареты. — Это не трусость, а рационализм. Знания, которые ты получишь там, пригодятся всем нам здесь.

Когда она закурила, увидела на её запястье длинный ожог, уходящий дальше под зимнее пальто.

— Где ты так умудрилась обжечься?!

Заметив куда смотрю, она натянула пониже рукав и кисло улыбнулась.

— Не обращай внимание — обожглась спросонья, когда готовила кофе. Заживёт. На мне всё заживает как на собаке.

— Всё равно нужно было обработать рану. Инфекцию занесёшь, — её слова меня не успокоили.

— Забей, — отмахнулась она. — Лучше скажи, что ты делаешь завтра?

***

Была одна вещь, которая беспокоила сильнее прочих. Вот уже третий месяц заканчивается, а я до сих пор не помогла ни одному призраку. Введённый запрет не облегчал поставленные задачи, поэтому частенько прогуливалась по городу, пытаюсь найти такого призрака, которому смогла бы помочь. Когда-то Бес сказал, что этому невозможно научиться. Всё приходит само собой, как знание как целоваться или заниматься сексом. Нечто естественное сродни дыханию... Вот только у меня это получилось лишь единожды. Тот момент, когда влезла в голову Чёрного человека. Однако тогда наоборот знала, что нужно сказать, чтобы не дать ему пройти через дверь. Что нужно сказать, чтобы запереть его на той стороне. Я убийца призраков? Это мой дар? Вот что означает та карта, которую вытянула на Новый год? Или же опять себя накручиваю?

Я неоднократно говорила об этом с Элли, и она решила свозить меня в одно особое место. Сказала, что знает способ, как помочь разобраться в себе.

Временная аномалия. Место, в котором время остановилось в дореволюционной эпохе. Туда не смогут попасть призраки из настоящего, для них этого места не существует. Элли считает, что именно там смогу потренироваться, открыть в себе способность сопереживать и чувствовать то, что чувствуют потерянные души.

— Ты очень изменилась за этот месяц.

Мы выезжали за пределы города, немного застряв на МКАДе. По радио играла классическая музыка, Элли барабанила пальцем по рулю, качая головой в такт мелодии. Сегодня она была в хорошем расположении духа, но из-под воротника свитера виднелся новый шрам, закрытый несколькими лейкопластырями. По сравнению с прошлой неделей выглядит лучше, но всё равно напряжение чувствовалось в каждом движении. Как будто она находится под водой и для каждого шага приходится сопротивляться толще воды.

— Сама знаешь. Этот год начался не лучшим образом, — она нахмурила брови, а затем вновь расслабилась, посмотрев на меня, подмигнула. — Не волнуйся, такие перепады бывают со мной не часто. Последствие бурной юности, ничего более.

— Понимаю.

Хотя на самом деле нет. После Нового года начала думать, что понимаю Элли. Это была ошибка. На самом деле я ничего о ней не знаю.

Дальше мы ехали молча, а когда покинули кольцевую дорогу, она задала вопрос:

— Марго, ты когда-нибудь задумывалась, может призраки правы в том, что делают? Их главное желание — выжить. И они делают всё для этого, как и любое существо на земле.

— Отличие в том, что они мертвы, — парировала её слова. — К чему этот вопрос? Как будто ты не знаешь, как я отношусь к мёртвым. Я не такая, как другие медиумы, у меня не было причин их полюбить. Всё, что получаю от них — это боль и насилие. Ничто из этого не даёт возможности хотя бы мысленно принять их сторону.

— Но ты пытаешься, — одной рукой она достала из пачки сигарету и закурила, не отрывая взгляда от дороги. — Вот почему мы едем в поместье.

— А у меня есть выбор? Ты сама говорила — от судьбы не уйдёшь. Я не хочу сойти с ума. Так что либо научусь помогать, либо свихнусь.

— Всё с тобой ясно, — грустно заключила она, словно ожидая от меня другого ответа.

Мне пришло в голову, что возможно она так изменилась из-за Белого человека. Его дни сочтены и она пытается найти выход. Даже не знаю, что бы сделала, зная, что мой любимый умрёт. Я никогда никого так не любила, как Элли любит Михаэля. Страшно представить, чем всё это закончится.

Мы давно съехали с главной трассы, оказавшись на мелкой, покрытой толстым слоем снега дороге. По ней проходила колея, как сказала Элли, это место посещают сталкеры, фотографы и любители паранормального. Вот и сейчас в боковом зеркале видела машину, постепенно нагоняющую нас.

— Элли, тебе не кажется, что эта машина слишком быстро едет?.. — сказала я, и в тот же момент чёрный внедорожник на большой скорости въехал нам в зад.

***

— Элли, — прошептала в тот момент, когда сильные руки вытащили меня из машины.

Дезориентация, мощная головная боль, тошнота и потеря видимости. Я ослепла, оглохла и превратилась в кулёк с костями, которые куда-то тащат. В ушах нарастает тонкий и звонкий свист, а вдалеке слышится женский голос. Не понимаю, что происходит.

С моей шеи с силой стягивают голубую ленту, а затем бьют по щекам. Это приводит в чувство. Надо мной склонился квадратный мужчина с тяжёлым щетинистым подбородком. Льдистые глаза как у акулы изучающе смотрят. Увидев, что я пришла в себя, он резко поднял меня, обхватив за плечи. И в этот момент увидела Элли. Она боролась с двумя мужчинами, неумело сопротивляясь по-женски с криком. В конце концов, один из них захватил её, а второй тотчас же стянул с её шеи ленту. До меня стало доходить, что происходит.

Изменив зрение, скорее почувствовала, чем увидела призраков, надвигающихся на нас со стороны Москвы. Они скользили не так быстро, как думала, но всё равно скоро будут здесь.

Я захотела переместиться, но сообразила, что понятия не имею, получится ли это у меня. Раньше не приходило в голову, смогу ли перемещаться, находясь в таком положении. Мужчина держал крепко, к тому же бросить Элли я не могла.

— Пожалуйста, отпустите нас! Вы не понимаете, что творите! — умоляюще заговорила, повернув голову, пытаясь поймать взгляд наёмника.

Как ему заплатили духи? Как всё это вообще возможно?

Вместо ответа, он вывернул мою руку, отчего взвизгнула от боли.

— Не калечить, — раздался голос мужчины, держащего Элли.

Наёмник ослабил хватку, а затем притянул к себе и процедил:

— Дёрнешься — будет больно.

— Я прошу, — шепчу очень тихо.

— Молчать! — приказал второй, а затем посмотрел на часы. — Они скоро будут здесь.

Насупившаяся, растрёпанная, с разбитой губой Элли, молча смотрела на них. Изучающе, пристально, как будто прикидывая с какого конца их нужно убивать. Она была на пределе.

Я поняла, что ещё немного и не удержусь, попробую переместиться. Я думала, что справилась со своими страхами, но сама мысль о встрече с Чёрным человеком, а то, что это именно его задумка, я не сомневалась, приводила в ужас.

И в этот момент Изнанка стала меняться. Она была почти полной копией реальности, за исключением переменчивого неба и отсутствия поместья, которое в реальности виднелось вдалеке, заключённого во временную петлю. Теперь же солнце скрылось, отчего перед глазами всё упало в сумерки — смешение ночи и дня.

Поднялся ветер и судя по тому, что Элли поёжилась, она чувствует, что они уже близко. Я задрожала и в ту же секунду они появились в поле. Вместе с Максимом.

— Сестра! — патетично воскликнул он, разведя руки в стороны.

Его глаза пусты, а мимика фальшива. Он меняется, становясь частью Изнанки, переставая быть моим братом. Совсем скоро от него останется одно лишь воспоминание. Меня удивил его облик. Длинный широкий шрам на щеке выглядел невозможным. Призрака нельзя ранить. Что с ним случилось?

— Брат, — ответила ему тон в тон.

— Вы свободны, — он обратился к наёмникам. — Ваша награда ждёт вас.

И в тот же момент меня отпустили. Я прижала покалеченную руку к груди, неотрывно смотря на призраков. Их было четверо. Трое мужчин и одна совсем молодая девушка в сиреновом разорванном пальто. Увидев, что смотрю на неё, она помахала рукой и зловец улыбку, облизнув губы.

Скоро на поляне остались одни.

— Где же твой учитель, брат? — спросила иронично, не выдержав затянувшейся паузы.

— Его сегодня не будет с нами, — спокойно ответил он. — Марго, ты и правда думала, что я не найду способа вернуть тебя на Изнанку? Тебя и твою надоедливую подругу?

Я заметила взгляд Элли. Казалось, что она пала духом, голова опущена, стоит без движения. Но проследив куда она смотрит, увидела голубую ленту. Наёмник просто бросил её, не осознавая силы простой ленточки.

— Я надеялась, что в тебе хоть что-то осталось от моего брата. Моя ошибка. Я всё ещё верю, что нас что-то связывает.

— Смерть. Это единственное, что имеет значение. Когда ты умрёшь, то очень быстро поймёшь всё, что происходит. Твой разум прояснится и мы снова будем на одной волне.

— Послушай своего брата, Марго, — голос девушки оказался звонким и немного детским. — Когда была живой, тоже сопротивлялась. Я не понимала, что они делают. Мне было больно и страшно. Но теперь знаю истину, знаю, что всё это время таким, как мы с тобой, лгали. Нас убеждали, что всё правильно, что сама Изнанка верна в своём существовании. Теперь знаю, что это не так.

Внимание всех четверых было приковано ко мне. Не знаю почему, но я была для них важнее Элли. Они отчаянно хотели, чтобы я приняла их сторону, но я не понимала, почему.

В этот момент Элли прыгнула, падая вперёд, пытаясь схватить ленту. Она не успела и сила мёртвого подняла её в воздух и бросила оземь.

— Элли! — закричала я, срываясь с места, а затем натыкаясь на прозрачную стену, сотканную из воли призраков.

— Неа! — покачал пальцем Максим.

Я почувствовала, как мышцы деревенеют, подчиняясь желанию брата.

Элли грязно выругалась. Усилием воли её подняли и, волоча ноги по земле, протащили до Максима, чтобы они оказались на одном уровне.

— Не сопротивляйся и всё пройдёт гладко, — Максим чуть запнулся, настороженно глядя на неё.

— Иди к чёрту, сволочь, — процедила Элли, а затем совершенно свободно подняла руки и направила их на него. — Сейчас ты познакомишься со своей хозяйкой!

Пронзительно закричала девушка и ей в ответ вторили вороны, слетевшие с деревьев, сбившиеся в огромную стаю. Изнанка изменила цвет, тени неправдоподобно загустели, набухая словно почки, меняя окрас на угольно-чёрный. Я видела руки Элли, по ним бежали сети чёрных вен, они заблестели, как будто она окунула их в воду.

Сила, удерживающая меня, ушла и я рухнула в мокрый снег, не в силах оторвать взгляд от открывающегося зрелища.

Я видела ручьи воды, пробивающие снег, как потоки, текущие к призракам. Мгновение и они почти окружили брата, когда он толкнул одного из своих в воду, а затем схватил девушку за руку и исчез, убегая подальше от воды. Призрак, оказавшийся в далеко не мелкой воде, пронзительно закричал, его тело полностью погрузилось под воду, а затем он исчез, растворился во тьме. Второй оставшийся, с безумием во взоре смотрел по сторонам, понимая, что пути к отступлению нет. Задержка, вызванная поступком брата, позволила ему уйти вместе с девушкой, а вот оставшемуся не так повезло. Он смотрел прямо на Элли, моля о помощи, тогда как девушка мрачно улыбалась, наслаждаясь своими действиями.

— Умри достойно, призрак, — сказала она и он остутился, беззвучно падая вниз.

Девушка опустила руки. Больше ничего не вело воду, и она истончилась, пока не исчезла полностью, оставив в воздухе едва уловимый запах соли и серы. Элли рухнула в снег, забила в судорогах, изо рта и носа потекла чёрная жижа, она захрипела, глаз закатились, оставляя только белки, полные тонкими сетками из почерневших сосудов.

— Элли! — падаю на снег подле неё, приподнимаю голову, чтобы она не захлебнулась и помогаю перевернуться.

Чёрная рвота, касаясь белоснежного, сверкающего в лучах солнца, снега, шипит, а затем исчезает, оставляя лишь небольшие ямки, вмятины.

Откашлявшись, она перевернулась обратно на спину и запрокинула голову, уставившись в лазурное, по-зимнему ясное, небо.

— Как ты это сделала? — спрашиваю осторожно.

— Харон сказал, что это последнее средство. Слишком большая сила для такой маленькой меня. Я чуть не умерла, не утонула вместе с призраком, — отвечает хрипло, продолжая смотреть в небо. — Я научу тебя этому дару. В тебе много твоей силы, ты справишься. Сможешь постоять за себя.

Вены на её руках светлеют, исчезает чернота, она приходит в норму. Я смотрю на её глаза и не понимаю, что вижу. Этого ведь не может быть, это не то, что думаю. Неправда. Ложь.

Я смотрю в её глаза и вижу черноту с яркой пылающей белым каймой вокруг радужки глаз. Это недолго длится, когда она закончила говорить и выжидательно уставилась на меня,

цвет глаз вернулся к привычным чёрно-карием.

— Что скажешь? Ты готова убивать призраков?

Сглотнув, я кивнула.

***

— Почему ты считаешь, что с Элли что-то не так?

— Только не говори мне, что не заметил все странности в её поведении.

После случившегося, напрямик направилась в Институт, чтобы встретиться с Андреем. Он должен был узнать, что случилось. Чёрт, да все должны были узнать! Призраки договорились с людьми, нашли способ с ними общаться и более того, они отдают им приказы! Как долго эти наёмники следили за нами? Как много они о нас знают? Элли сказала, что закрывает клуб. В свете новых событий, медиумам теперь опасно собираться в группы. После того, что увидела, мне даже не хватило смелости спросить напрямик, что это было. Слишком сильно боялась узнать правду.

— У неё на теле появляются странные шрамы, она не помнит некоторые наши беседы, стала говорить иначе, двигаться, а после инцидента я заметила... — запнувшись, прикоснулась пальцами к губам, раздумывая над тем, что в действительности увидела.

— Что?

— Мне показалось, что у неё чёрные глаза. Но учитывая, что и её руки тоже были чёрные, не могу утверждать, что именно увидела. Но кажется, я видела это и раньше. Месяц назад, когда Белый человек предупредил о нападении на Элли. Мы сочли, что это ложная тревога, ведь ничего не случилось. Но что если это не так? Что если...

— Медиумы не могут быть одержимыми. Это невозможно, — мягко заметил Андрей.

— Начинаю думать, что смысл моей жизни — это попадать в невозможные ситуации. Разве не так? — сыронизировала, глядя на его недоверчивое лицо.

— Этого не может быть, — как попугай заладил он и я взбесилась.

— Ты уже второй раз это говоришь, но мои аргументы не опровергаешь!

— Марго, — он усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Ты думаешь, что знаешь Элли, но это не так. Сколько вы знакомы? Месяца три не больше. А я знаю её почти десять лет. В ней нет ничего постоянного. Помнишь я говорил, что мы нашли её в ванной при смерти? Те, кто там присутствовал, говорили, шёпотом разумеется, что она была синяя как труп и с чёрными венами. Память странная штука, но что если такое длительное пребывание на Изнанке изменило её? Она никогда не была простой.

— Ты меня не убедил. Сама не могу поверить в то, что говорю, но я не схожу с ума. Я вижу то, что вижу.

— Спроси у неё.

— Блестящий план! — воскликнула с фальшивым воодушевлением. — И как же я раньше об этом не подумала! И если она одержима, то обязательно скажет об этом. Ведь одержимые не могут лгать.

— Ты невозможна. Если тебя не убеждают мои слова, подумай вот о чём — Элли за последний месяц довольно часто посещала Институт. Она постоянно разговаривает с моим отцом. Неужели ты думаешь, что опытный экзорцист не увидел бы в ней одержимую? Ради всего святого, ты же сама видела, что она постоянно носит голубые ленты! Сама говорила, что во время происшествия, первое к чему она потянулась — была лента! Это ли не доказательство?

Я поджала губы и отвернулась. Он говорил правильные вещи, но нутром чувствовала, что с Элли что-то не так. Мне пришла в голову шальная мысль, и я решила её проверить.

Наскоро попрощавшись с разочарованным Андреем, спустилась в метро.

***

Катерина пугала меня. Её способности были за гранью, они гораздо опасней и внушительней талантов медиумов. Дар Катерины предсказывать будущее, говорить истину — это тяжёлый дар, злой. Я виделась с ней всего один раз, но то, что она сказала мне, напугало и в то же время наполнило какой-то мрачной торжественностью. Женщина предупредила, что большую часть её предсказания забуду и вспомню лишь тогда, когда придёт время. Поэтому запомнила только три вещи. Первое — я умру молодой. Второе — никогда не стану призраком. Третье — проживу до глубокой старости.

О да, все любят предсказания.

Поэтому за советом решила отправиться именно к ней. Элли говорила, что Катя уехала из города, чтобы не застрять здесь во время афтершока, экстрасенсы его не любят, но думаю, она уже вернулась.

— Марго?

Катерина выглядела лучше всех. В светлом домашнем платье, в милых тапочках с ушками и с зелёной маской, трупным цветом закрывающей лицо и часть шеи. В голову влезли воспоминания о другой, более радикальной маске, отчего мурашки быстрым шагом пробежались по рукам и ногам.

— Эх, думала, что успею! — воскликнула она сокрушённо. — Проходи, я сейчас.

Я должна была удивиться, но удивления не было. Раздевшись в прихожей, переобулась в заранее приготовленные хозяйкой тапочки, прошла на кухню, где меня дожидалась чашка с домашним соком и печенья с шоколадной крошкой. И всё-таки это действительно необычайно интересно быть экстрасенсом. Она знала, что я приду, знала, что я люблю именно клубничный сок и просто обожаю печенья. Поразительный талант.

Из ванны доносилось фырчание и звук льющейся воды. А из приоткрытого окна тянуло холодом, со стороны улицы слышалось ворчание ворон и шероховатый шум лопаты в руках дворника. Пройшей ночью была метель, вероятно в последний раз решившая в этом году замести улицы высокими сугробами и грязной кашцей, в которой сапоги утопают по щиколотку.

В соседней комнате раздавалось негромкое звучание телевизора, настроенного на новостной канал. В кухню медленно вплыла бело-рыжая кошка с огромными янтарными глазами. Она посмотрела на меня, требовательно мявкнула и, не дожидаясь реакции, покинул помещение.

— Как печенья? — на пороге появилась раскрасневшаяся женщина с довольной улыбкой на лице. — Могу с собой завернуть.

— Если можно, то это было бы просто чудесно! — вторила её прекрасному настроению. — Они восхитительны. И сок, и печенья, очень вкусно!

— Я рада, — она поставила чайник и опустилась на стул, стоящий напротив меня. — Как же давно мы с тобой не виделись. Ты так изменилась за эти месяцы, не узнать ту напуганную девочку. Силы выросли, плечи расправила, нос задрала. Но страх всё ещё сидит в тебе, как заноза, ноет по вечерам под вой сквозняков и скрип обнажённых деревьев.

— Что сказать, мне ещё над многим предстоит поработать, — я не поняла, одобряет ли

она меня или нет. — Я по другому поводу пришла.

— Ты пришла без Элли, — мягко заметила она. — А ведь ты даже не догадываешься, насколько вы близки. Ближе чем сёстры, ближе чем близнецы.

— Я не понимаю, — покачала головой, ставя чашку на стол.

— Так рано ведь, эта страница ваших жизней ещё не написана, — она заговорщически подмигнула. — Ладно, ты пришла, потому что хочешь связаться с Белым человеком?

— Откуда ты узнала?!

— А больше тебе не с кем связывать с той стороны. Не с Чёрным же человеком хочешь побеседовать, — она поджала губы, помрачнела и побарабанила пальцем по столу. — К сожалению, но это невозможно.

— То есть?

— Изнанка закрыта для всех экстрасенсов. Мы без понятия, что там происходит.

В этот момент электрический чайник щёлкнул, выключаясь и я вздрогнула.

— Как такое возможно? — спрашиваю осторожно.

— Это случилось после того, как призраки напали на тебя и Элли. Я думаю Харон закрыл её, чтобы живые не контактировали с мёртвыми. Никто не знает, как призраки вышли на наёмников, была ли это одержимость, или нехороший экстрасенс, или же зеркала. Факт остаётся фактом, Харон закрыл Изнанку для нас, так что теперь мы все стали в какой-то степени мошенниками.

Я разочарованно посмотрела на неё. Она была моим лучшим шансом, хотя новость о том, что Харон продолжает действовать успокоила. Он не бросил всё на самотёк. Другой вопрос — где он? Я приезжала пару раз к тому клубу: закрытая дверь, замотанная в оградительные ленты с листами: «Опасная зона». Паша исчез, а значит способа найти Харона без Элли нет.

— Почему ты пришла без Элли? — спросила Катерина, видя моё расстройство.

— Я... не доверяю ей. С ней что-то не так.

Мне тяжело было сказать про одержимость после реакции Андрея, потому что, если и Катерина поднимет меня на смех, значит я и правда зря подозреваю Элли.

— Не думай об этом. Ты пытаешься сбежать, хотя не понимаешь, что бежать некуда, — Катерина опять заговорила загадками и не будь она столь серьёзна, я бы разозлилась от непонятных слов. — Прими то, чему она учит тебя. Слушай её, запоминай всё, что говорит. Правда откроется именно тогда, когда придёт время. Будь терпелива, Марго.

Элли

Я погружена в кокон из тишины. Вокруг меня пустоты тьмы, черные, словно сама бездна вырвалась из небытия. Или же я так глубоко погрузилась на дно, что почти нащупала его основу? Кроличья нора, в чёрную дыру и обратно. Мне не хватает воздуха, не хватает вкуса, не хватает биения сердца. Здесь так легко заблудиться, так приятно забыть о том, что за пределами этой безбрежности существует жизнь. Покой, бесконечный, безотчётливый, безымянный. Мне здесь не место, но я словно рождаюсь именно здесь.

Глубокий вдох и с силой выпрямляюсь, сминая одеяло в ногах. Несчастные доли секунды владею растерзанным телом, а затем вылетаю из него как пробка. Он перехватывает контроль с такой лёгкостью, но я уже нашла брешь. Я уже бью по ней и рано или поздно, но ухвачусь за неё, расширю и влезу, вышвырнув его наружу.

Наверное, он что-то почувствовал или, быть может, смог увидеть в теперь уже

призрачных глазах отражение моих мыслей, потому что он с силой укусил запястье да так, что потекла кровь.

От боли перед глазами всё потемнело, а он смеётся, нараспашку открыв окровавленный рот.

— Мне нравится, когда тебе больно! Это делает наши отношения такими реальными, Смотря на меня, он провёл языком по новой ране, а затем выбрался из постели и направился в ванную за аптечкой.

Эти игры начались в тот день, когда случайно перехватила контроль. Тогда он поднёс руку к горящей конфорке. Ожёг был жуткий, боль ослепительной, а его удовольствие бесконечным. Потом он резал, бил, насиловал, разными способами пытаюсь добраться до меня, чтобы сломать волю. Сначала не понимала, зачем он так старается, но теперь мы оба знаем, что на кону. Марго.

Это всегда была Марго. Каждый раз, встречаясь с ней, начиная с того дня, когда на нас напали люди и призраки Чёрного человека, я кричала ей, взывала к ней, но всё бестолку. Она не слышала, а Клаус буйствовал.

То, что он сделал тогда, чуть не убило обоих. Вызвать воду Изнанки! Какой безумец на такое способен?! После этого мы неделю не спали, потому что каждый раз, закрывая глаза, невольно призывала воду вместо тьмы. Это одно и то же, но с разных сторон. Летально.

— Эй, Брэйн, чем мы будем заниматься сегодня вечером? — подражая голосу персонажа из известного мультика, спросила его.

— Элли, ты так волнительно уязвима, но не сломлена! — вкрадчиво сказал он, поднимая голову от раковины.

По лицу стекает вода, а глаза чёрные-чёрные с сеткой из лопнувших сосудов. Я сама не узнаю себя в этом теле. Словно став безликой — потерялась. «У девочки есть имя?»

— Это всего лишь боль. Она ничто по сравнению с тем, через что прохожу каждую ночь. Старайся лучше.

Я улыбаюсь через отражение в зеркале. Необычный взгляд изнутри. Всё не такое, совсем другое.

В ответ он с силой бьётся лбом о зеркало, и я разлетаюсь сотнями режущих осколков.

— Какое на этот раз оправдание ты придумаешь для неё? — спрашиваю раздражённо, а затем зашипела, когда он залил место новой раны хлоргексидином.

— Упала. На улице так скользко, — также раздражённо отвечает он.

— Мы такие неуклюжие, — подначиваю его.

Он завтракает, а я смотрю на пустую кошачью миску и думаю, куда ушла кошка. Она знала, что со мной происходит, а я не поняла.

— Зачем ты обучаешь Марго? Ты хочешь, чтобы она убивала призраков. Зачем?

Мне невыносимо тяжело молчать. Так странно, раньше любила одиночество и тишину. А теперь потребность говорить, желание хотя бы словом ранить Клауса нестерпимо сильно. Как единственная радость и боль. И плевать на последствия, хочу убить его!

— Не твоё дело, — грубит мертвец.

А он напротив заделался молчуном. Противный гад. Сквозь черты женского лица вижу его. Вижу его суть. Его мерзость. Он склизкий и гадкий, как гадюка. Я грязная из-за него.

Он перекроил всю мою жизнь. Он всё забрал и теперь меня нет. Он разговаривает, шутит, смеётся, злится, флиртует, лжёт. Он всем лжёт и никто не видит правды. Каждый украденный день он вкушает жизнь столовой ложкой и упивается моими страданиями, моей

злостью. Я была апатичной. Я была погружённой в себя. Я была самодостаточной и молчаливой. Я была. А теперь меня нет. Есть он, к которому тянутся медиумы, с которым охотно общаются экзорцисты, в которого влюбляются, которым любят, на которого хотят равняться. Он ходит в театры, на выставки, в кино и музеи. Он ест в ресторанах, в уличных ларьках, в забегаловках, парках. Сладкая вата для него как амброзия, он готов жрать её килограммами, получая удивлённые взгляды прохожих. Он всё пробует, всем наслаждается. От выбора одежды до шоколадного фонтана с кусочками фруктов. Всё приводит его в экстаз. Наркотики, алкоголь, сигареты. Пожалуй, он только не трахается, но это скорее его мужское эго против, чем он сам.

Viva La Vida! Да здравствует жизнь...

***

— Ты собрал все документы! Виктор, я горжусь тобой!

Осунувшийся Виктор Сергеевич с ненавистью посмотрел на Чёрного человека.

— Думаешь, я не знаю, зачем тебе эти данные? Другой вопрос как ты собираешь воплотить свои мечты?

— Наши мечты, Виктор. Наши, — назидательно поправил Клаус. С секунду помолчав, устало вздохнул и покачал головой. — Как же я устал от тебя. Ты как болванчик, не можешь определиться. Шалтай-Болтай, качаешься из стороны в сторону и всё никак. Реши, кого ты любишь больше, жену или сына.

— О чём ты говоришь? — бледнея, спрашивает он.

— Да боже мой! — возмущённо воскликнул Клаус. — Я не собираюсь убивать твоего сына! Как тебе в голову такое могло прийти?

— Но ты сказал...

— Я сказал, что выбор за тобой. Твой сын живой, а жена мёртвая. Чьи интересы тебе важнее? Либо твоя жена исчезнет, либо твой сын проживёт обычную жизнь и, если всё сложится, спокойно перейдёт за грань. Решай сам.

Виктор Сергеевич сгорбился в своём кресле, безвольно опустив руки на колени и склонив голову, обнажив намечающуюся лысину. Так странно, некогда светлая и яркая, полная жизни комната вдруг предстала могильным пристанищем. Все острые углы вылезли наружу, свет, некогда тёплый и ясный, застыл в морозных тонах, поблэк, усилив тени по углам. Как странно личность человека меняет облик помещения. Силы покинули его и сама комната изменилась, подстраиваясь под своего владельца.

— Иди ты к чёрту, — махнув рукой, заявил Клаус. — Пользы от тебя всё равно не так много.

Не дождавшись ответной реакции, призрак вновь вздохнул, а затем поднялся.

— Ладно, это наша последняя встреча в этом теле. Помнишь, что ты должен сделать? Своё последнее задание?

— Я сделаю то, о чём договорились, — зло ответил мужчина. — Я ненавижу тебя, но не отступлю.

— Молодец, — процедил Клаус. — До новых встреч, Виктор Сергеевич.

***

Снег падает на землю крупными хлопьями. Хмурое серое небо нависает над городом, пригибает к земле, отчего всё кажется таким маленьким и незначительным. Клаус сидит на

крыше ржавого автомобиля и играет со спичками. Они гаснут так быстро, а он продолжает всматриваться в огонь. Его глаза черны, он не скрывает свою суть, только белое кольцо пламени гуляет вдоль чернильной радужки, разгораясь то сильнее, то слабее.

Я устала. Я так устала, но глаза невозможно закрыть. В какой-то момент пришло понимание — последний раз спала так давно, что мысль о нормальном сне кажется фантомом. То, что моё тело отдыхает, не даёт мне покоя, ведь во снах наступает бой духа. Я сражаюсь за собственное существование, за своё «я». Сражаюсь отчаянно, не понимая ради чего. Эта борьба обречена на провал, ведь я уверена, что Харон не придёт на помощь, как раньше. Знает ли он, что со мной случилось?

В любом случае его поддержка исчезла вместе с появлением Чёрного человека. Я незащищена перед тьмой и только воля удерживает на краю бездны. Но почему я сопротивляюсь? Разве та девочка не убеждала меня в том, что покорение не будет равносильно поражению и последующему забвению? Не понимаю.

Мои мысли не так отчётливы, как раньше. Мне нужно вырвать контроль над телом у Клауса, чтобы предупредить Марго. Она живая, настоящая, она так нужна им, но сама не знает насколько ценной является для мёртвых. Я должна помочь ей, должна убить Чёрного человека, ведь от этого зависит её жизнь.

Мы находились в центре, неподалёку от станции метро Парк культуры, в одном маленьком и ветреном дворике, со всех сторон окружённом старыми советскими зданиями из кирпичной кладки. Глубокой ночью здесь никого не было, только ветер да тёмно-оранжевое небо, чёрными тучами нависающее с высоты.

— Клаус! — голос Максима, полный злости и негодования возник раньше, чем он сам.

Лихорадка захватила парня с головой. В его глазах читалось как непонимание, так и разочарование. Его движения, порывистые, но иллюзорные, он хотел схватить своего Учителя, встряхнуть, залезть к нему в голову и вызнать всё, что знает Клаус.

— Они погибли! Ты убил их!

— Сколько экспрессии! Bravo, Максим, ты прекрасен в своей искренности! — засмеялся Клаус, с прищуром наблюдая за учеником. — Твоё слепое повиновение дало трещину, не так ли? Задумался о моих действиях, усомнился в моих решениях? Всё это время переваривал в себе случившееся, не так ли? Боялся говорить об этом с остальными, не видя в их глазах отражения своих сомнений? Молодец, наконец-то ты стал думать. Тебе это пригодится.

— Я не понимаю, — растерялся парень, не ожидая такой бесхитростной реакции.

— Она поверила мне. Если бы они знали, что их ждёт, она бы поняла подставу. А так всё случилось как надо и теперь она доверяет мне, её сомнения ушли и она делает то, что нужно.

Максим поджал губы.

— Всё ради неё, да? — пробормотал он, опуская взгляд.

— Да, — отрезал Клаус. — Великая цель, высшее предназначение, всё, как в твоих любимых книжках, вот только герой не ты. В наших разговорах ты видел себя особенным? Думал, что я выбрал тебя, потому что ты исключительный. Убедил себя в том, что без тебя ничего не получится. Ты занимался самообманом и покровительственно относился к своей маленькой сестрёнке, считая её незначительной. Ложь. Я знал, что из вас двоих она представляет собой наибольшую ценность. Максим, ты хоть представляешь, как сложно найти таких близнецов, как вы двое? Один должен заблокировать свои способности, тем

самым открыв их в своём близнеце. Шанс найти таких, как вы, почти нулевой, но я нашёл. Я сделал так, что ты добровольно пошёл за мной, чтобы в нужный момент Марго оказалась на той стороне, а вернувшись забрала весь дар себе. Дар, поделенный на двоих. Исключительный случай, но у меня получилось. Скоро она окажется на Изнанке и тогда с твоей помощью мы сломаем её, вылепив верного последователя. Не расстраивайся, что не являешься особенным. Ты играешь нужную роль в этой пьесе, а от нашей победы выиграют все.

Максим склонил голову перед своим Учителем.

— Я доверяю вам свою жизнь.

— Знаю. Ты не пешка, как те, кто погиб в тот день. Ты ладья, а она ферзь. Без вас обоих ничего не получится.

— Скорее ты крючок, а я наживка, чтобы поймать Марго, — устало заключил Максим. — Я знаю, ради чего всё это.

— Только посмотрите, как быстро ты стал учиться! — довольно улыбнулся Клаус. — Чувствуешь? Остальные на подходе.

Я наблюдала за их диалогом, жадно вслушиваясь в каждое слово Чёрного человека, надеясь услышать подсказку к их планам. Пока я понимала ровным счётом ничего. Зачем он учит убивать Марго призраков? Почему она так важна для них? Да, она уникальна из-за своих способностей, но из его действий получается, что убивать может не только она. Они не собираются перейти через дверь, их манит реальность. Как они собираются сюда попасть во плоти? Что за документы передал ему Виктор Сергеевич? О чём они договорились? Незнание убивало, как и мерзкая улыбочка на лице Клауса каждый раз, когда пыталась что-то у него узнать.

— Чёрный человек.

Шёпот зазвучал со всех сторон. И вслед ему появляются призраки. Как проявка плёнки, они занимают своё место в реальности, отчего по ней идёт едва видимая рябь. Такие разные и такие похожие. Серые люди.

Вот девушка, совсем молоденькая, лет шестнадцать, не больше, с огромными карими глазами и не менее большими синяками под ними. Её лицо смертельно серое, а в глазах горит огонь одержимости и жажды жизни.

Рядом с ней появился старик, с морщинами, глубокой сеткой покрывающими каждый миллиметр его лица. Кожа, обтягивающая череп без единого волоска, глаза глубоко посажены, а голова наклонена как у стервятника. И как птица-падальщик, он смотрит по сторонам всё с той же агрессией, что и девушка.

Чуть поодаль двое, мужчина и женщина, оба без определённого возраста. Им одинаково могло быть и тридцать, и сорок, когда они умерли, как внешне, так внутренне, связанные невидимой нитью. Они держаться за руки, единым целым и улыбаются с мрачной торжественностью, отчего трупные пятна на их лицах можно принять за румянец.

Вдалеке, как будто отдельно ото всех, стоял прислонившись к стенке здания молодой парень с длинными волосами, заплетёнными в дреды. Он курил ненастоящую сигарету, согнув ногу в коленях, демонстрируя толстые сапоги на широкой подошве и с блестящими заклёпками. Мальчик-гот, каждое движение которого источало лень и презрение к присутствующим, но в то же время выдавало ту же жажду, что и в остальных.

Все присутствующие голодны. Как у наркоманов, их движения наполнены ломкой, болезненными страданиями, скрытой агонией, от которой в ушах стоит тонкий, как свист,

гул, прислушаешься — его нет, а не вслушиваясь в тишину, он тут как тут.

Вслед за призраками во двор стали приходить люди. Разные, но с одинаковым надрывом в глазах. Та же ломка, что и у мертвецов. Одержимые. Единственное отличие — призраки серые, а в этих теплится жизнь, поддерживаемая за счёт таких же, как и я, заключённых.

— Чёрный человек! Ты звал нас, Хозяин? Мы пришли на твой зов! — зашептала девушка призрак, стоявшая ближе всех.

В её голосе слышится неприкрытое обожание и поклонение даже не учителю — Богу.

— Спасибо, что пришли на мой зов! — громко сказал Клаус, взбираясь на крышу машины. — Я искренне рад, что у вас получилось захватить так много тел. Ваша миссия невообразимо важна для будущего всех, кто оказался на Изнанке. Вы — герои нашего мира и ваши имена будут передаваться из уст в уста до скончания времён. Гордитесь своей храбростью и силой. Каждый из вас особенный, никто не будет забыт. То, что вы сделаете, изменит этот мир. Мы будем помнить вашу жертву, — чётко и отдельно закончил он.

— Всё ради будущего, — также тихо сказал одержимый парень, вставший рядом с девушкой-призраком. — Мы готовы.

Клаус молча смотрел на них. Меня пугал его взгляд. Такой тяжёлый и неподвижный, совершенно чуждый, нечеловеческий. Он мельком посмотрел на меня и заметив моё волнение улыбнулся кончиками губ, а затем легко спрыгнул с автомобиля и достал из лежавшей на капоте сумки ту самую папку, что вручил ему Виктор Сергеевич.

— Помните, вы должны действовать парами. Один живой и один мёртвые. Одновременно. Не справитесь и провалите задание.

Призраки, словно заранее договорившись, разбились на пары с живыми. Та примечательная парочка с трудом разомкнули свои руки и разошлись в разные стороны даже не попрощавшись, как будто ничего между ними и не было.

Чёрный человек выдавал каждому подходящему небольшой конверт из папки. Он пожимал руку каждому живому, целовал в губы, обнимал, участливо улыбался, говорил напутствующие слова. Как добрый человек, с тоской провожающий старинных друзей на войну. И это страшно. Страшно видеть, как один человек способен так повлиять на других. Он с лёгкостью управляет ими, они послушны как овцы и да, я не знаю, что он задумал, но мне достаточно видеть сквозь слова и движения, чтобы понять — они все смертники. Я не знаю, как они умрут, но их смерть будет окончательной.

Как же здесь холодно! Этот холод пробирает до костей. Как могу тягаться с тем, кто так просто убедил почти сотню призраков пожертвовать своими жизнями ради общей цели? Особенно зная, что их ждёт! Как ему это удалось?

Забирая документы, призраки парами покидали дворик. С их уходом становилось легче дышать и вот, наконец, осталось только трое. Клаус, Максим и та девушка, в сиреновом пальто, которую уже видела. И которую знаю. Пропавшая Полина. Она смотрела только на Клауса и в её глазах светилась любовь.

— Клаус, — тихо позвала она.

— Я велел тебе не появляться здесь, — с укоризной сказал Клаус. — Почему ты меня не слушаешься, Полина? Ты зачем-то заявила на операцию, чуть не погибнув при этом. Хорошо, Максим вытащил тебя, но зачем ты так рисковала?

Девушка опустила взгляд.

— Я соскучилась, — по-детски протянула она, говоря совсем иначе, чем в тот день. —

На Изнанке так тоскливо стало с тех пор, как ты ушёл. Мне совсем нечем заняться!

Клаус перевёл взгляд на Максима.

— Ты должен был следить за ней, — холодно, но ровно сказал он.

— Она как ребёнок, непослушная. То ведёт себя адекватно и разумно, то... вот так.

— Ты сломал её! — воскликнула громко, когда дошло, что с ней не так.

Полина прошла через ту же процедуру, что и Марго. Только она сломалась, и теперь её разум стал неустойчивым. Теперь в ней больше от ребёнка, чем от взрослого человека, и кто знает, к чему это приведёт.

— Она не захотела меняться, — ответ Клауса пришёл ко мне как собственная мысль.

Никто, кроме меня его не слышал. — И вот что с ней произошло.

Клаус подошёл к призрачной девушке и ласково провёл рукой по волосам, неотрывно смотря на меня.

— Такая послушная теперь. Так легко управлять ею, — Клаус наклонился и поцеловал Полину в губы. — Она полностью принадлежит мне. Скоро Марго станет такой же.

— Не станет, — возражаю ему с усмешкой. — Марго никогда не подчинится такому как ты. И не мечтай.

— Станет, — Чёрный человек мягко улыбается Полине. — Жаль, что ты этого не увидишь.

— Что ты имеешь ввиду?

— Я уничтожу тебя. Ты вредитель, таким как ты не место среди нас. А с твоей окончательной смертью всё так упростится.

Чёрно-серый рассвет. Мрачные и тусклые краски. Я устала бороться. Устала сопротивляться и проигрывать. Клаус всякий раз находит слова, которые бьют так больно, что нечем дышать. Я знала, что со смертью тела наше противостояние не закончится, но не думала, что он действительно решится меня убить. По его словам, понимаю, что времени осталось совсем немного. Скоро он убьёт тело и воплотит свои замыслы в жизни. Я должна предупредить Марго. С её помощью и помощью Института мы сможем победить призрака. По крайней мере, эта единственная вера, которая осталась.

Он насвистывает незамысловатую песенку, перебирая оставшиеся документы на столе. Довольно шуруется, как будто мы в разных мирах, и в его мире светит яркое утреннее солнышко и щебечут птички.

— Как чудесен этот мир, посмотри, — улыбается призрак. — Чувствуешь? Последний день на земле!

— Это всё, что тебе нужно было? Пара дней с Марго и документы? Почему...

— Да, да, да, — восторженно перебил он, даже не вслушиваясь в мои слова. — И это всё я! Ты даже не понимаешь, сколько всего сделал. Я восторгаюсь своим умом! Признаться честно, я не всегда был таким умным. Во время войны, как и многие другие пацаны, мечтал о славе и подвигах. И о том, чтобы поставить красных на колени. Патриотизм, вот на чём меня поймали. В деньгах моя семья не нуждалась, а вот **идея**, ради которой не нужно сидеть в Университете — да была как нельзя кстати.

— Это что, типа предисловие к автобиографии? Если да, то оно отстойное, — презрительно хмыкнув, резюмировала я. — Мы ещё посмотрим, кто из нас двоих окажется на дне.

— Ах Элли, Элли. Ничему тебя жизнь не учит, — разочарованно покачал головой Клаус. — Ты так любишь боль. Так стремишься к ней!

— Нет, — широко улыбаюсь. — Мне просто нравится тебя злить. Тогда вижу в глазах своё отражение. Ты так уверен, что Марго достанется тебе, что не видишь очевидного. Харон не допустит этого. Помнишь, что он сделал в прошлый раз? Он забрал её прямо из твоих рук. Он сделает это снова, если ты решишься похитить её.

— И на Стража найдётся управа. Если хорошенько поискать!

— А знаешь, Марго кое-что рассказала мне до того, как ты забрал моё тело. Она ведь влезла в тебя, в твои мысли и вытащила всю грязь наружу. Может после смерти ты и обрёл какую-то власть, но мы оба знаем, что ты просто пешка. Обыкновенный солдатишка, сдохнувший, так и не дойдя до Ленинграда. У тебя даже не хватило сил после смерти добраться до дома! А главное в тебя нет и гордости. Марго сказала, что ты чуть ли не в ногах валялся у русских медиумов. Ты годами искал тех, кто поможет тебе. Ты обращался ко всем и все отказали! Я не знаю, как ты достиг своего положения на Изнанке, но что-то мне подсказывает, что ты не из тех, кто доходит до финала. Марго не достанется тебе. Вспомни, сколько раз ты пытался взять её и как часто она выскользывала из твоих рук!

— Заткнись! — закричал Клаус и зеркало, висящее на стене над трюмо, треснуло в мелкую сетку. — Да, это целое искусство. Ты умеешь меня злить. Но думаешь моя злость даст доступ к этому телу? Очнись, Элли, я семьдесят лет являюсь призраком, думаешь за столько времени не научился контролировать свои эмоции?

— Это ты мне скажи, фашистская свинья, — тяну сладко как патоку, видя, как меняется мимика лица Чёрного человека.

— А вот этого не стоило говорить, — угрюмо произнёс он. — Хочешь испытать боль? Будет тебе боль.

Он закрыл глаза и от этого мне стало неуютно.

— Что ты задумал?

Всё потемнело вокруг нас и показалось, что тьма добралась до меня, но очень быстро поняла, что нахожусь в больничном помещении, проступающем из теней, замещающем реальность.

— Я сделаю тебе очень больно, Элли, — интимно прошептал он на ухо.

Но обернувшись, никого не увидела рядом.

— Ты почувствуешь всё, от и до. И это останется с тобой до самого конца.

Больничная палата, в которой проявляются почти естественным образом разные предметы, как тумбочки, заставленные крупными вазами с цветами и пакеты с фруктами. Появилось окно и помещение окрасилось в тёплые светло-жёлтые тона. Из приоткрытой форточки тянуло зимним холодом и слышалось пение птиц. От ветра колыхались светло-голубые с васильками занавески, а из коридора доносился смех. Последним появилась больничная койка, а в ней Чтец.

Я оказалась вновь заперта в собственном теле, как было в самые первые секунды появления Чёрного человека. Всё это время у меня была возможность двигаться, говорить, кричать, смеяться, я была отделённой от себя самой, бестелесным духом, которого видел только Клаус, а теперь он вновь вернул меня в моё тело. Это ретроспектива? Он показывает мне то, что сделал? Я не хочу на это смотреть!

— Элли! Какой приятный сюрприз, — Чтец улыбается.

Его правая рука закрыта гипсом, под глазами синяки, цвет лица бледный, но он всё равно улыбается, радуется, что навестила его. Руслану Валерьевичу за восемьдесят, он пережил войну в оккупированном Ленинграде. Потерял всю семью из-за войны, жил в детдоме, а с нашим даром сложно расти в таком месте, но он смог. Закончил ЛЭТИ по специальности радиотехника, женился, у него родилось двое детей, ни один из которых не обладал нашим даром. Его жена ушла пять лет назад и тогда же узнала о том, кем был её муж. Старший сын погиб во время войны в Чечне, а младшенькая удачно вышла замуж и иммигрировала в Канаду. Обычная жизнь у такого необычного человека. Он совмещал реальность и мистику, находил баланс между повседневным и призрачным, чётко соблюдал границы и с достоинством выдерживал все препоны судьбы. Стоик по характеру, улыбчивый человек. Единственный, кто смог найти слова, чтобы поддержать меня, когда я всё потеряла.

Чтец человеческих душ. Он всегда знал, когда кому-то из нас больно.

Я кричу, с надрывом, до боли, до рези, но моё тело мне не принадлежит. Другая я улыбается ему в ответ, кладёт пакет с мандаринами на стол и присаживается на кровать, беря его за руку.

— Как вы, Руслан Валерьевич? Как ваше здоровье? Простите, что раньше не навещала, сами понимаете, столько всего произошло.

— Главное, что мы живы, — он кивает головой. — Я рад, что ты есть у нас, Элли. Кажется, на старости я нашёл человека, который унаследует Лилию.

— Лилию? — непонимающе переспрашивает она.

— Клуб. Думаю, он достанется именно тебе. Моё здоровье оставляет желать лучшего, да

и возраст... в такое опасное время лидер должен быть сильным. Как показали последние события я с этой должностью больше не справляюсь.

— Руслан Валерьевич, — укоризненно протянула она. — Да что вы такое говорите! Вы ещё ого-го-го! Мы с вами ещё повоюем! Вот чуть здоровье поправите и всё завертится, как надо! — она улыбается, легонько похлопав по его руке. — Как в шестидесятом? Первый послевоенный афтершок в Ленинграде помните? Вы были единственным, кто совладал с ситуацией. И в шестьдесят втором именно вы разобрались с несносным полтергейстом, забравшимся в знаменитый дом Зингера. И вы были среди тех, кто отказал Чёрному человеку, который сейчас доставляет нам столько хлопот, — с холодной мягкостью закончила она. — Не так ли, Руслан Валерьевич?

Улыбка спала с лица пожилого мужчины, он ещё больше побледнел и попытался вырвать свою руку из крепкой хватки, но не преуспел.

— Как ты посмел? — зло прошипел он сквозь зубы.

— Здравствуй, старый враг!

Я чувствую всё, что делает Клаус. Чувствую, как бешено бьётся сердце у Чтеца, вижу его страх и знаю, чем всё закончится. Про себя кричу, молю, чтобы он прекратил, прекрасно зная, что призрак доведёт пытку до конца.

— Думал, что я забыл о тебе? Кажется, между нами осталось одно незавершённое дело.

— Она жива? — неожиданно спокойно спрашивает Чтец.

— Элли? — удивлённо переспросил Клаус. — Разумеется, более того, потом я покажу ей, как ты умер, если будет доставать. Хочешь передать привет?

— Сколько в тебе уверенности. Безнаказанности, чванливости, спеси. Ты как ребёнок, добравшийся до новогодних подарков, — презрительно заговорил он в ответ. — Но мы-то оба знаем, что ты никто. Меня не обманешь. Ты никогда не был способен на великие дела. Ты всего лишь солдатик в играх богов. Пустьшка, которую, когда надо — выбросят. Тебе не стать фюрером, мозгами не вышел.

И в этот момент Чтец захрипел. Клаус отпустил его руку, поднялся и отошёл к окну.

— А ты сейчас умрёшь, старик. И все, кого ты знаешь, тоже. Я убью всех медиумов, я уничтожу этот мир и на его останках построю новый. Ты считаешь, что я на такое не способен, но сам посмотри, что я уже сделал. Я забрался в голову к твоей ненаглядной Элли и когда я покончу с ней, она окажется на дне Изнанки, где исчезнет, не оставив и следа. Раньше я хотел провести точно такую же процедуру и с тобой, но теперь понимаю, что будет лучше, если я просто убью тебя, чтобы после смерти ты жил дальше с мыслью, что не смог уберечь её. Это уничтожит твою личность. Высшая награда.

Я плакала без слёз, видя как последние капли жизни покидают Руслана Валерьевича. Он царапал руками горло, его глаза покраснели от лопнувших сосудов, он хрипел, пытался позвать на помощь, но никто не слышал его. Никто не знал, что он умирает. Последнее, что сказал Чтец, было моё имя.

— Господи, да умри же ты наконец!

Не выдержал Клаус и в тот же миг из глаз Руслана Валерьевича потекла кровь, тело безвольно обмякло, голова опрокинулась вперёд.

Ярость захлестнула с головой. Впервые вместо трагедии, почувствовала силу. Непроизвольно потянулась за той маленькой пульсирующей частью моей души, запятнанной чёрной краской. Она ширится, наполняя вены мглой.

— Это моё тело! — закричала я и в тот же миг почувствовала свободу.

Я перехватила контроль.

Крик пронёсся по комнате, падаю на колени, с силой ударяя кулаками по полу.

— Ненавижу! — закричала от злости.

Из глаз брызнули слёзы.

— Это ещё не конец, Элли, — шёпот такой близкий, лёгкий ветер прошёлся по спине, как ласковое касание, от которого побежали мурашки.

Я быстро встаю на ноги и забираю телефон со стола.

— Мы ещё посмотрим, кто кого, — мрачно улыбаюсь, зная, что он наблюдает за мной и набираю номер Марго.

— Не смей! — закричал он.

Я почувствовала, как сотни мелких иголок влезли под кожу. Они рвали тело на части, отчего вновь упала на колени, пытаюсь справиться с острым желанием расчесать себя до крови. Я вижу, как иглы ползут под кожей, зная, что это иллюзия, зная, что этого нет, это он пытается разрушить концентрацию, чтобы перехватить контроль над телом.

— Я убью Белого человека, — прошипел он.

— Элли? Что случилось? — голос сонный и нежный раздался с другой стороны.

Я увидела Клауса прямо напротив себя, глаза в глаза, на расстоянии всего в нескольких сантиметрах. Я увидела его всего, всю его душу, всю его суть прямо на дне его ледяных и мёртвых глаз. Я знала, что он не блефует.

— Марго, помоги мне, — едва слышно прошептала, чувствуя, как ускользает контроль над телом, как я сама вновь становлюсь бестелесным призраком, безвольным, беспомощным.

Телефон отлетел в сторону и разбился о стену.

— Какая ты умная, Элли. Единственное, что пришло в голову — это просьба о помощи! — насмешливо проговорил он. — Могла придумать что-нибудь пооригинальнее, учитывая, что я поставил на кон.

— Ты не убьёшь его, иначе давным-давно бы избавился от него, — отвечаю спокойно. — Он нужен тебе. Михаэль белый, а ты чёрный. Тот же Белый пёс ни за что не подчиниться тебе. Он слушается только Белого человека. Как и Белая дама, и Всадник, и многие другие именные призраки. Они слушаются только Михаэля!

— А мы посмотрим, как долго он продержится, когда тебя не станет, — хладнокровно заявил он. — Ты только что приблизила финал. Пора разыграть последнюю партию, апофеоз уже близок, маленькая «инженю»!

Он вышел на улицу, замер наверху лестницы, сделал глубокий-глубокий вдох, улыбнулся, а затем шагнул мимо ступенек.

Марго

Я сжимаю руки в кулаки. Кто я? Что я здесь делаю? Почему всё стало так сложно? После всего, через что прошла, после всей этой невыносимой боли, после страха, беспомощности, предательства и лжи, я всё ещё я? Это на самом деле я или вместо меня теперь кто-то другой?

Эта новая я вздрагивает от малейшего шума. Пристально изучает окружающих людей, запоминает входы и выходы, и постоянно сканирует Изнанку. Она перестала доверять. Ей всюду видится подвох. Она стала нервной, раздражительной, перестала следить за собой так, как раньше. Она это я?

Мой внутренний голос постоянно рассказывает варианты будущего, в котором оказываюсь в руках Чёрного человека из-за того, что не уследила за ситуацией, не предусмотрела развитие событий, не предугадала, не подумала. Я постоянно нахожусь в движении, меня колотит от страха, а ногти до корней обгрызены. И мне не удаётся расслабиться. Стоит только подумать об отдыхе, да даже о нормальном сне, как дрожь усиливает, и приходится прикладывать значительные усилия, чтобы не исчезнуть, не сбежать. Иногда даже жалею, что не уехала вместе с Бесом. Может тогда не дошла бы до черты?

Я просыпаюсь по ночам от собственных криков, сны наполнены взрывами и вспышками. Вновь и вновь переживаю события, приключившиеся со мной. Только во снах всё не заканчивается, а как реверс повторяется вновь и вновь. Мне делают больно снова и снова, а потом просыпаюсь. Иногда кажется, что всё закончилось, но он появляется рядом с моей кроватью и я кричу, и просыпаюсь вновь. Это невозможно терпеть.

Катерина сказала, что могу доверять Элли. Однако она не опровергла тот факт, что с Элли что-то не так. Вопрос в том, могу ли доверять Катерине? После того, как на нас напали люди, поняла, что доверие — это та роскошь, которой не разбрасываются. Я хочу верить Элли. Она неоднократно спасала мне жизнь. Она так много сделала для меня и всегда была правдивой со мной. Но после всего случившегося, не так уверена в ней, как раньше. Пожалуй, меня держит только вера в то, что Элли не причинит мне вреда. От всего остального смогу ускользнуть.

***

Я сижу на кухне у Элли. Сегодня наш первый урок. Она сказала, что этому её научил Харон. Он предупредил, что подобной силой нужно пользоваться только в крайнем случае, так как есть вероятность, что вода утащит и вызываемого. Он также сказал, что только очень сильный медиум сможет пользоваться этой силой. Для остальных всё закончится смертью.

— Почему ты не умерла? Ты ведь сама говорила, что не являешься сильной?

Я скрестила руки в замок, положив их на стол и наклонилась вперёд.

Элли поставила передо мной глубокую тарелку с голубой каймой в виде лилий, а затем села напротив так, что закатное солнце оказалось позади неё, отчего почти не видела её лица.

— Адреналин. Надежда. Отчаяние. Что тебе больше нравится? — равнодушно ответила она. — Харон не стал бы обучать меня подобному, если бы не верил в то, что хоть раз, но я смогу воспользоваться этим умением. Всё получилось. Это стоило того, мы обе остались в живых. Теперь понимаю, о чём он меня предупреждал и в следующий раз даже пытаться не буду. Есть вещи похуже смерти.

— Ты думаешь будет следующий раз? — спрашиваю тихо.

— Не будь наивной. Они не в игры играют. На кону их жизни, не наши, — Элли достала из пачки сигарету и закурила. — Так что давай научу тебя защищаться. Ты для них лакомый кусочек, мы же не хотим, чтобы они тебя съели?

От ассоциации меня передёрнуло и я согласно кивнула.

— Отлично, тогда начнём с самого простого. Наполни тарелку водой.

Я подхватила тарелку и собралась встать, как она остановила меня.

— Марго, это не верный вывод. Мне не нужна обычная вода. Наполни тарелку водой с Изнанки.

— Но как это сделать? — нервно спрашиваю, возвращая тарелку обратно на стол.

Элли затушила сигарету и чуть наклонилась вперёд.

— Что ты видела, когда я вызвала воду во время атаки?

Задумавшись, воскрешая воспоминания, откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. Напряжённый и чересчур внимательный взгляд Элли нервировал, но я постаралась расслабиться и сосредоточиться на деле.

— Это было похоже на потоп. Словно мы оказались в болотистой местности и вода стала подниматься, просачиваясь сквозь землю. А потом всё как-то завертелось, ускорилось и вот вода уже повсюду. На твоих руках проступили чёрные вены и сама Изнанка окрасилась в чёрный, мутный цвет. Всё стало чёрным.

— А обычный медиум ничего не увидел бы, — негромко хмыкнув, ответила Элли. — И я ничего не увижу, когда ты начнёшь свои попытки, так что вся надежда на твою честность и старательность.

— Не понимаю.

— Это похоже на то, что мы делаем с ними. Мы находим нужные слова, образы, видения. Мы помогаем им, но с помощью этой же силы можем убить их. Я думаю, у тебя талант к этому.

— Что?

Элли достала очередную сигарету. Я невольно поморщилась. В последнее время она перешла на какие-то чересчур крепкие сигареты с тяжёлым ароматом. Это скорее сигариллы, чем обычная сигареты. С наслаждением затянувшись, сквозь образовавшуюся дымку с хитрым прищуром она посмотрела на меня.

— Та карта, что ты вытащила на Новый год. Думаю, она означает, что ты можешь убивать призраков.

— Поэтому я не могу им помочь? — в горле неожиданно запершило. — Никак не получается...

— Да, — она виновато улыбнулась. — Ладно, мы отклонились от темы. Ты должна наполнить тарелку водой Изнанки. Чтобы сделать это, не нужны никакие особые слова или действия. Это сродни медитации. Ты должна перестать быть собой и должна представить, как в этой тарелке появляется вода. Твоё воображение должно провести путь к тарелке. К примеру, над нами прорвало трубу и с потолка потекла вода прямо в неё.

— Что значит перестать быть собой?

— Я ведь водила тебя на первый уровень Изнанки? — с сомнением протянула она.

— Ты забыла? Я сама туда попала в самый первый визит.

— Чудно! — довольно воскликнула девушка. — Тогда ты помнишь то ощущение пустоты, которое испытала будучи там. Повтори его, оставив от себя только мысль о действии. О воде, что сочится сквозь потолок и падает в тарелку.

Так началась моя тренировка. Впрочем, очень быстро убедилась в безрезультатности этого представления. У меня не получалось стать пустотой и не получалось заставить воображение работать в нужном направлении. Я билась головой об стенку, но с места не сдвигалась.

Тогда Элли отвела меня в одну из пустых комнат и посадила в центре на ковёр. Она заставила сесть как йог, с прямой спиной и скрещенными ногами. Я провела в этой комнате больше часа в полнейшей темноте, тишине и одиночестве, но так и не сдвинулась с мёртвой точки. Следующая идея привела нас к ванной, Элли хотела, чтобы я наполнила её водой.

Потом пробовали со стаканом, раковиной, просто с полом в гостиной комнате. Элли не унывала, а постоянно экспериментировала. И это продолжалось несколько дней.

В одной из попыток она отказалась от идеи пустоты и заставила просто представлять себе воду, оставаясь самой собой. И у меня получилось. Вода появилась как конденсат на стекле и только собралась сказать об этом Элли, как в отражении позади мелькнула тьма.

— Получилось? — с нетерпением спросила она, встав очень и очень близко.

Я чувствовала её дыхание на своей коже, мелкие волоски встали дыбом, дыхание перехватило и я замерла, как мышка.

Она очень нежно провела рукой вдоль моих волос, а затем опустила обе руки мне на плечи и прошептала:

— Не спеши, сосредоточься, — наклонившись слишком близко, она неожиданно поцеловала меня в шею.

Резко вырвавшись из её рук, отошла в сторону, повернувшись к ней лицом. Меня напугало её выражение лица. Неприкрытое вожделение, жажда. Я почувствовала себя неодетой и закрыла грудь руками, положив ладони себе на плечи.

От этого она лукаво улыбнулась.

— Думаю, продолжим в другой раз. Тебе нужен перерыв, иначе никогда не научишься. Эмоции очень важны в освоении этого трюка. Чем они сильнее, тем больше воды можно призвать. А когда становишься во главе урагана, то способен вызвать всемирный потоп.

— Я постараюсь. Ладно, мне пора идти. Меня ждёт Андрей, прости, что забыла предупредить, — вымученно улыбнувшись, боком вышла из комнаты, а затем чуть ли не бегом покинула её дом.

Что это было? Мои опасения, слова Катерины и Андрея... Что сильнее? Бритва Оккама. Самое простое предположение — самое верное. Я не должна множить предположения, моя самая первая мысль и есть ответ. Элли одержима демоном. И имя этого демона — Чёрный человек.

***

Звонок Элли вытащил из кровати. На часах раннее утро, даже шести ещё нет. За окном темень и хмарь, тени всё ещё под фонарями, сверкают на снегу яркими фиолетовыми пятнами в противовес насыщенно-оранжевому свету ночных светил. Я подхватываю телефон, спросонья не соображая, что происходит.

— Элли? Что случилось?

Такси остановилось возле дома, я бегом выбралась из него и подбежала к ступенькам, на которых как нахохлившийся воробушек сидела Элли. Она выглядела совершенно потерянной с потухшей сигаретой в руках, которую она, слегка нахмурившись, крутила в разные стороны.

— Элли?

Подняв голову, она слабо улыбнулась.

— Кажется, я сломала руку, — с хрипотцой ответила она.

На её лбу виднелась свежая гематома, а правая рука покоилась на коленях.

— Тогда почему ты ждёшь меня, а не едешь в травмпункт?

— Я перепугалась. Всё в голове смешалось. Мне показалось, что я увидела Чёрного человека и оступилась, — неловко заправив выбившуюся прядь волос, ответила она со

смущением в голосе. — Паранойя набирает обороты, сестра.

— Лучше так, чем умереть, — вымученно улыбнулась.

Я хотела верить, что Элли смогла прогнать его, но уже вижу его вместо неё. По телефону я говорила с Элли, а сейчас передо мной кривляется призрак.

— Ладно, поехали в больницу.

***

— Кем вы приходитеесь пострадавшей? — спрашивает сурового вида медсестра.

— Ммм, мы подруги. Она переволновалась и вызвала меня.

Здесь так много больных и покалеченных. Не смотря на ранние часы, здесь полно народу. Мужчины и женщины, старые и молодые, пьяные и трезвые как стёклышко. Со всеми приключилось несчастье. Переломы, вывихи, раны и глубокие порезы, всё в одной куче, какофонией, звучащей в голове.

Тусклые выкрашенные в грязно-жёлтый цвет стены с огромными стендами, жирным шрифтом наполненные разной информацией по технике безопасности и правилами по оказанию первой помощи. Свет от потолочных ламп едва достигает пола, слышится это неповторимое гудение лампочек, а чуть вдали одна перегорела и непрерывно мигает, вызывая мигрень. Острый аптечный запах мешался с металлическим привкусом крови и пота, в этот незабываемый аромат периодически вплетался запах алкоголя и блевотины. Словом, это самое худшее место из всех, где я когда-либо была.

— У неё есть муж или парень? — чуть поджав губы вновь спрашивает медсестра.

Под глазами немолодой женщины чёткая сетка морщинок вперемишшу с синяками от недосыпа. Оттенок кожи жёлтый, болезненный с зелёным отливом, губы тонкие бескровные, а брови выщипаны в тонкую нитку. В белом хлопчатом халате, в этих больничных туфлях, без украшений, в шапочке, из-под которой выбивается блондинистый кудрявый завиток, женщина выглядела потасканной жизнью. А правдивее всего были её глаза. Усталые, тёмно-серые глаза человека, разучившегося улыбаться.

— Нет, она живёт одна.

— У неё есть склонности к мазохизму? Она состоит на учёте у психиатра? — сухим, канцелярским голосом спрашивает она, изучая пластиковый планшет с данными Элли.

— К чему эти вопросы? — дрогнувшим голосом спрашиваю у неё.

— Я должна задавать эти вопросы ближайшему родственнику, но таких у неё нет. Поэтому спрашиваю вас, — холодно отвечает медсестра, чуть подвинувшись, пропуская пациента. Проводив его взглядом, она вновь переключилась на меня. — У вашей подруги на теле множество ран и, судя по всему, многие из них она сама себе нанесла, если не все. Ожоги, глубокие порезы, следы от сигаретных бычков, укусы... Синяки возле лобка. Если у неё нет парня, то откуда всё это?

— Вы считаете, что она сама это с собой сделала? — очень-очень тихо спросила её.

— Я ничего не считаю, — отрицательно ответила женщина. — К нам она поступила с переломом, а не с попыткой суицида или как жертва насилия, поэтому ничего не могу сделать. Но можете вы. Если вам не безразлична судьба вашей подруги подайте заявление. И если потребуется, я его подтвержу. Не затягивайте, если не хотите увидеть её в гробу.

После разговора с медсестрой вышла на улицу. Холод сменился промозглой весенней свежестью. Дул лёгкий, но мокрый ветер, забирающийся под длинный вязанный шарф, пытающийся добраться до обнажённой кожи. Я медленно вертела в руках телефон,

раздумывая, стоит ли звонить Андрею. Такие доказательства он не сможет опровергнуть. Уже несколько симптомов подтвердилось. Элли одержима, а значит нужен экзорцист.

***

— Андрей, да послушай же меня! — не выдерживая, кричу на него, когда он, в очередной раз, прерывает меня на полуслове. — Элли — одержима! Это не мои фантазии, не сказки и не глупости. Это то, что случилось с нашим близким человеком, с нашей подругой, ты это понимаешь?

— Нет! — отрицает он. — Я не хочу тебе верить. Ты хоть представляешь себе, что означают твои слова? Это означает, что мы не способны увидеть одержимость. Она почти каждый день приезжала в Институт. Постоянно общалась с отцом. Она носит голубые ленты. Она возглавляет медиумов. И целый месяц никто ничего не видел? Ты можешь себе такое вообразить? Я нет. Твои слова противоречат всем основам, всему, что мы изучаем здесь. Да к чёрту основы, Элли связана с Хароном, думаешь он не увидел бы, что с ней произошло? — под конец Андрей, как и я, перешёл на крик.

Я выругалась, а затем схватила его за руку и притянула к себе, нос к носу.

— Не хочешь слышать, сам увидишь, — процедила сквозь зубы, а затем закрыла глаза.

Мне пришлось переместить нас в дом Элли, потому что иначе он мне ни за что не поверит. И пришлось сделать это, не подумав о последствиях, потому что он мне не верил!

— Чёрт! — выругался Андрей, наклонившись вперёд, держась за живот. — Что за?..

— Оказывается я компанейный телепорт, — отвечаю нервно, прислоняясь к стенке, чтобы не потерять равновесие — от схлынувшего напряжения расслабились мышцы и закружилась голова. — Мы в гостях у Элли. Она сейчас в больнице, её оставили на ночь, опасаются, что у неё могло быть сотрясение. Да и остальные шрамы, о которых ты почему-то совсем не думаешь, требуют внимания. Медсестра не оставляет попыток достучаться до неё. Интересно, Элли скажет про одержимость или же и дальше будет плести про свою неуклюжесть? — проговорила иронично. — Идём, я найду доказательства своей правоты.

Иногда Андрей приводил меня в бешенство. Он упёртый и его невозможно согнуть. Если он принял какое-то решение, ему требуется много времени и доводов, чтобы его переменить. Несгибаемый и уверенный в себе, ответственный, надёжный, сильный. Мне нравилось чувствовать себя под защитой рядом с ним. И пускай веселье обходит его стороной, всё равно в нём было что-то такое особенное, из-за чего девушки частенько пытались поймать его взгляд, когда мы гуляли по городу, обсуждая занятия или же когда он показывал местные призрачные достопримечательности. Да и вообще — я питерская девушка, которая ни разу не была в музее в Москве. Андрей знал, что меня заинтересует и старался разнообразить мой досуг, чтобы я так отчаянно не грустила. Эти вещи действительно успокаивали меня. Иногда мне даже казалось, что я нормальная. Что мы обычная парочка на свидании.

Я не собиралась хранить верность Бесу, ведь мы оба знали, что он не создан для отношений, но что-то останавливало каждый раз, когда Андрей по-особому смотрел на меня. Какие-то мелочи отвлекали и рушили момент. Специально или нет, но я держала его на расстоянии, словно зная, что быть слишком близко ко мне — опасно.

Мы изучили весь дом, методично проходя из комнаты в комнату. И в какой-то момент, Андрей начал менять своё мнение. Есть вещи, от которых сложно отмахнуться. Например, отсутствие кошки. Только сейчас заметила, что Черри нет. Раньше как-то не обращала на это

внимания, а сейчас поняла, что еда в кошачьей миске высохла, как и вода в поильной чашечке. Лоток пуст и на призыв никто не отзывается.

Дальше больше. В личной ванной комнате Элли полно окровавленных бинтов, зеркало разбито, на месте удара спёкшаяся кровь. Порванные нитки, иголки, какие-то таблетки. Элли не употребляла наркотики, но в спальне на прикроватной тумбочке я обнаружила использованный шприц. Девушка производила впечатление аккуратистки, но постельное не меняли как минимум недели три. Повсюду мусор и грязь, использованное бельё и женские средства гигиены. Это было мерзко. В воздухе стоял застарелый запах пота и чего-то липкого, серного, неприятного. Во всём доме только три комнаты имели пристойный вид. Это кухня, кабинет и гостиная, где мы занимались с Элли. И судя по всему это было сделано только ради меня. Чтобы я ничего не заподозрила.

— Почему призраки такие грязнули? — не выдержав, спросила у задумчивого Андрея.

— Они давно не были людьми. Не знают, что такое грязь. Не помнят, как следить за собой, — тихо ответил он.

А в кабинете мы сделали самую страшную находку. Документы с печатями Института.

— Эти документы нельзя выносить за пределы Института. Даже копии делать запрещено, — медленно сказал Андрей, переворачивая страницы. — Он собирал данные обо всех медиумах, известных нам.

— Источники? Зачем они ему? — удивилась, поднимая новые папки с документами.

— Они не могут туда заходить. Святая вода опасна для них. А для нас это стратегически важные места, ведь из источников мы берём всё, что помогает нам с ними бороться.

— Теперь ты мне веришь? — я аккуратно положила папки на место. — Элли нет с нами. Вчера она попыталась взять контроль над своим телом и ей удалось, она смогла связаться со мной, ненадолго, но хоть что-то. Значит, что она в ловушке, но всё ещё существует. Она не исчезла и не сдалась, мы сможем её вытащить. С помощью Института...

— Нет, — Андрей отрицательно покачал головой.

— Почему?

— У Элли нет допуска к этим документам. Ей кто-то помог из наших. Кто-то с очень высоким допуском. Из управления. Если мы заявим об одержимости, не могу ручаться за нашу безопасность. Она уйдёт.

— Не она, а он. Чёрный человек, — грубо обрубил его. — Элли не виновата в том, что случилось. Клаус завладел её телом. Это всё он делает, не она.

— В любом случае нам придётся справляться собственными силами. И это проблема. Я знаю только одного человека, который умеет проводить сеансы экзорцизма. Человека, который обладает реальным опытом в отличии от меня. Человек, которому я доверяю и знаю, что он не свяжется с призраками ни при каком раскладе.

— Тогда в чём проблема?

Андрей замаялся.

— Из-за Элли у Анастасии умерли родители. Так она думает. Её родители погибли во время изгнания Белого человека.

— О! — протянула я. — А какие-нибудь другие варианты есть?

— Нет, у нас мало времени осталось. Мы должны успеть подготовить это место до возвращения Элли. Это единственный шанс поймать призрака.

— Она откажется.

— Если попрошу я — нет. Мы дружили с самого детства. Мне она не откажет.

***

Я качаюсь из стороны в сторону. Мои глаза и открыты, и закрыты. Мой разум опустел, я забыла кто я есть и всё, что остаётся — это идти вперёд. Вся моя жизнь — это мутные кадры, видения, нечто эфемерное, несущественное. Теперь же вынуждена быть постоянно настороже. Моя паранойя растёт и ширится, в каждом человеке вижу врага. То, что я не поверила самому близкому человеку, напугало меня. Я не поверила самой себе.

С самого начала знала, что что-то не так. Знала, что Элли не в себе, но боялась сказать это по-настоящему громко. Видела и не видела её глаза, слышала и не слышала её крики, мне хотелось не верить себе, убеждала, что всё это лишь моё больное воображение, нервный срыв из-за постоянных атак Чёрного человека. Моя незащитность и новообретённая сила сыграли со мной злую шутку и Элли всё это время расплачивалась за это. Слова медсестры постоянно звучали в голове и от одной мысли, какой ужас пережила моя единственная подруга, хочется кричать. Она была в ловушке, а я наблюдала за её страданиями, даже не пытаясь действительно ей помочь.

Я пыталась переложить ответственность на других. Думала, что медиумы увидят, что с Элли что-то не так и помогут. Думала, что сотрудники Института поймут, что с ней и вылечат её. Верила, что мои сомнения направят Андрея и он выведет Чёрного человека на чистую воду, чтобы в ней же утопить. Надеялась, что Катерина скажет, что делать. Мечтала о визите Белого человека. И ждала, когда же Харон всё исправит. Все эти мысли мелькали на периферии, я не подпускала их слишком близко к себе и вот к чему это привело.

Теперь сама Элли поставила меня перед фактом и я больше не могу прятаться как маленькая девочка, я должна что-то сделать. Что-то такое, что изменит равновесие сил, что переломит эту невидимую волну. Я должна победить Чёрного человека на его же поле. И пусть пока не знаю, как это сделать, но я это сделаю.

***

Мы встретились с Анастасией в парке неподалёку от её дома. Она часто бывает в разъездах с тех пор как подтвердила свою квалификацию Экзорцист II разряда. Однако последние месяцы в связи с новой обстановкой она находится в Москве, как и другие, отслеживает и пытается нейтрализовать новых одержимых. Сложность в том, что смертность по-прежнему очень высокая, а средневековый стиль объяснений уже давно не работает. Поэтому приходится постоянно выдумывать новые объяснения тому, что случилось с погибшими. Институт похож на мафиозный клан в разгар войны, отчаянно пытающийся доказать всему миру, что всё в порядке и волноваться не о чем. Им действительно приходится периодически прибегать к методам бандитов, чтобы люди не обвиняли сотрудников в убийствах.

В город окончательно пришла весна. После Масленицы оттепель уверенно наступала на высокие сугробы, покрывая их хрупкой чёрно-серой коркой. Последние сосульки падали с крыш, оставляя на проявившемся асфальте стеклянные брызги, пускавшие почти невидимых солнечных зайчиков по стенам домов. Солнце всё чаще появлялось на небосклоне и задерживалось с каждым днём всё дольше и дольше. Пели птицы, люди повеселели, впереди очередной праздник и многие заранее предвкушали грядущее. Город радовался ранней весне.

Анастасия оказалась миниатюрной брюнеткой в коротком тёмно-синем пальто с высоким воротом, почти прикрывавшем её аккуратный ротик. Она вся была очень

чистенькой и женственной. Стрижка каре, небольшие стрелки подчёркивающие её светло-карие глаза, небольшой искусственный румянец на щеках, сквозь который проступает настоящий, появившийся от холода. Она прихорошилась, почистила пёрышки, пришла на высоких каблуках, поверх пальто накинула расписной под индийский стиль длинный шарфик, на плече дамская сумочка, в руках бумажный стаканчик из известной кофейни.

Первым она, конечно, заметила Андрея и улыбка расцвела на её лице, потом она увидела меня и нахмурилась. Лично мы не были знакомы, но заочно, скорее всего, ей обо мне рассказывала Маша. Интересно, какое у неё сложилось впечатление?

— Андрей, — мелодично воскликнула она. — Какая встреча! Я думала, ты решил проведать старую подругу, мы так давно не были вместе, всё дела да дела. Это ведь Марго, не так ли? Ты решил нас познакомить?

— Прости, что не предупредил по телефону, — извинился он. — Я боялся, что ты тогда откажешься говорить с нами.

— А в чём дело? — моментально насторожилась она. — Что случилось?

— Тут такое щекотливое дело. Я не мог обратиться в Институт, а тебе я доверяю, — осторожно заговорил он.

— К чёрту условности, скажи уже ей! Нам нужна твоя помощь в изгнании Чёрного человека из Элли, — не выдержав, выпалила я.

Секунд тридцать Настя переводила взгляд с меня на него, а затем на её лице появилась недоверчивая улыбка.

— Это что шутка такая? В каком месте я должна смеяться? — её реакция оказалась предсказуемой.

— Марго, мне нужно поговорить с Настей наедине, ты не возражаешь? — спокойной сказал Андрей, но по его взгляду поняла, что он очень мной недоволен.

Мне не следовало его перебивать, поэтому кивнула и оставила их наедине, углубившись в парк.

Я слупила. Мне не следовало таким образом вываливать всю информацию на Анастасию. Теперь Андрею будет сложно убедить её в правдивости наших слов. Интересно, захочет ли она нам помогать? А если нет, станет ли молчать о происходящем?

Андрей сказал, что из всех, она единственная, кому можно доверять. Она не станет сотрудничать с призраками и они всегда были друзьями, так что она может действительно понять, почему нельзя ничего говорить в Институте. Она хороший человек с трудной судьбой, и втягивать её было невыносимо сложно, учитывая, что случилось с её родителями и с Элли. Андрей боится потерять её, но другого подходящего экзорциста поблизости нет. Нам нужно полное доверие, учитывая некоторые особенности обряда.

Я сильно углубилась в парк и осталась в совершенном одиночестве. Солнце незаметно скрылось за густой пеленой из светло-серых туч, от поднявшегося северного ветра похолодало. Поплотнее укутавшись в тёплый шерстяной шарф оглянулась и слегка расслабила зрение. Теперь видела и Изнанку. И на месте парка на ней располагалось давным-давно заросшее и заброшенное кладбище. С реальности мне послышалось воронье карканье, хлопанье птичьих крыльев, свист от очередного порыва ветра.

Подойдя к ближайшему огороженному высокой оградой надгробию прочитала:

Чернышевский Максим Евгеньевич

10.07.1989 — 01.12.2014

— Максим, — прошептала негромко.

Я потеряла брата, не смогла ему помочь, даже поговорить с ним толком не сумела. Он никогда не прислушивался ко мне, всегда был первым, начиная с самого нашего рождения. Первенец, сначала родился он, спустя несколько минут я. Близнецы, но, как оказалось, такие разные.

Пройдя мимо, подошла к следующей могиле. Там было имя одного из медиумов, погибших во время Чёрной ночи, как её успели окрестить выжившие. Идя по заросшим тропкам, вижу на совершенно разных надгробиях имена и фамилии павших. А перед последней могилой замерла, словно нарвавшись на невидимую стену.

Воронцова Елизавета Константиновна

31.10.1987 — 02.03.15

— Нет-нет-нет, это неправда, — зашептала, ухватившись за ограду.

От неожиданности помутнело перед глазами и я упала — в реальности всего этого не было. Я оказалась вся в грязи — упала в лужу, но всё это было так неважно. Важно лишь то, что видела перед собой — имя Элли и сегодняшнее число.

— Это неправда! — крикнула громко и в ответ услышала неистовое карканье ворон.

Краем глаза среди всей этой серости увидела ярко-красное пятно. Обернувшись вновь лишь краешком взгляда заметила женскую фигуру с копной рыжих огненных волос, прикрытых косынкой и платье ей под стать.

Я почти бегу за ней, оступаясь о возникающие под ногами коряги, хватаясь за ограды, чтобы не упасть. На мгновение показалось, что она исчезла, что её здесь нет, но потом увидела вновь. Незнакомка с той страшной карты сидела на коленях перед очередным надгробием, закрывая телом гравюру с именем. Она чуть склонила голову, в её руках пышный букет из алых роз. Вся поза — смирение и скорбь совсем не вяжущиеся с вызывающим ярко-красным цветом.

— Кто ты? — спрашиваю негромко, но она даже не пошевелилась, только ветер пугает кудри, а сама она как статуя — безмолвна, неподвижна.

Я подхожу совсем близко к ней, а затем касаюсь плеча, невольно взглянув на надпись:

Чернышевская Маргарита Евгеньевна

10.07.1989 — 02.03.15

И только до меня дошёл смысл позолоченной надписи, как она обернулась и я увидела собственное лицо, изуродованное смертью. Я закричала от ужаса, отступая назад, чтобы быть как можно дальше от появившейся маниакальной улыбки на лице Красной смерти. От чёрных глазниц вместо глаз, от могильных червей, ползающих по изъеденной смертью коже. От холода, что веет от её дыхания. И в тот момент, когда кажется, что вот-вот потеряю сознания, чувствую касание и вновь кричу.

— Марго? Да что с тобой?

Меня трясут за плечи и жуткая картинка исчезает, уступая место озабоченному лицу Андрея.

— Я видела её. Видела Красную смерть! — всхлипывая, заговорила я. — Она приняла мой облик! Она убьёт и меня, и Элли сегодня!

— Что за чушь? — Андрей притянул к себе, крепко обхватил за плечи, я почувствовала, как спокойно бьётся его сердце и от этого спокойствия стало легче. — Это была иллюзия, понимаешь? Изнанка всегда показывала тебе то, чего нет. Вы с Элли не умрёте сегодня. И не завтра, и не послезавтра. Ясно?

— Я помогу вам, — раздался голос рядом.

Отстранившись от Андрея взглянула на собранную Анастасию. Под её внимательным взглядом захотелось провалиться сквозь землю, ведь я и раньше сталкивалась с иллюзиями Изнанки, поэтому не должна была так бурно реагировать. Подумаешь кладбище, подумаешь Красная смерть. Это обратная сторона моей смелости. Мои поражения и мои страхи. Я справлюсь.

Чёрно-белая палитра красок. Изнанка потеряла цвет и теперь в доме Элли всё вижу в серых тонах. Обоих экзорцистов заинтересовал этот эффект, они не знали, как выглядит та сторона в месте, готовом для обряда.

Я поеду за Элли на следующий день утром. Врачи решили оставить её ещё на одну ночь для подстраховки, так что у нас появилось время, чтобы подготовиться. Самым сложным было улыбаться и делать вид, что всё в порядке в разговорах с ней. Ведь с тех пор, как признала правду стала видеть только его черты, проступающие сквозь её лицо. А также неясную тень, кружащую над телом как самый настоящий призрак из готических романов. То, что раньше принимала за зло на самом деле было Элли. Он превратил её в тень, заняв её тело и теперь её глаза окрашены в чёрный цвет с белой пылающей каймой вокруг мёртвых и пустых зрачков.

Андрей как-то заметил, что мой новый цвет глаз напоминает инверсию их цвета, но с чем это связано было не понять. Как не понимала, почему так сильно отличаюсь от других медиумов. Мне не верится, что дело только в том, что мой брат умер на Изнанке и вся его сила досталась мне. Не укладывается в эту теорию тот факт, что у меня не получается помогать призракам. Единственный раз, когда смогла залезть мёртвому в голову, был во время Чёрной ночи. И тогда не помогала, а стремилась ударить побольнее. Почему так произошло?

Я спрашивала у других медиумов, где можно найти Теодора, чтобы подробнее расспросить о моём даре, но никто не видел его с новогодней ночи. А слова Катерины и её предсказание были слишком сумбурными, чтобы могла уловить в них крупинцы правды. Мне помогала Элли, кое-что объяснил Харон, Клаус тоже пытался что-то сказать, но его словам не доверяю. Меня приводит в ужас сама мысль о том, что он делал всё это время. А главное зачем он учил меня убивать призраков? Когда думаю об этом невольно приходит в голову мысль, что это и есть моя суть — убивать. Красная смерть — это я? Я убийца мёртвых? Я так устала гадать...

Сейчас, как ни странно, больше всего не хватает Харона. Он единственный кто действительно может всё исправить и разложить по полочкам. По словам Элли, он обладает безграничной мощью на той стороне и при желании с лёгкостью может разогнать всех призраков включая таких сильных, как Чёрный человек. Но почему он этого не делает?

Вид моей могилы напомнил о предсказании, что сделала Катерина. О том, что я умру молодой. Эта часть предсказания начинает сбываться? Три взаимоисключающие вещи и все обо мне.

***

Мы с Анастасией сидим в гостинице и смотрим на часы. Всё готово. Спальня выбранная как место для обряда, звукоизолирована. Повсюду святая вода, голубые ленты и линии ограждения, начерченные мелом, который добыли из одного святого места. Цепи, верёвки, камера, чтобы записать обряд и радиоаппаратура, чтобы, если потребуется, применять особые звуковые волны, пагубно влияющие на сознание призрака. Это поможет вышвырнуть его из тела. Помимо всего прочего, Анастасия связалась с квалифицированным врачом, который будет дежурить неподалёку на случай если потребуется медицинская

помощь. Его сестра была одержима, когда они были детьми, она была тем редким случаем, когда обряд помог. Брат вырос и решил помогать Институту, чтобы как можно больше обрядов прошло успешно.

Всё было готово, осталось только дожждаться нужного часа, и я отправлюсь за Элли, чтобы доставить её домой. Придётся брать такси, ведь машина осталась на той дороге, разбитая и ни на что уже не пригодная.

Андрей должен подъехать чуть позже. Во время обряда нельзя отлучаться, поэтому ему было необходимо завершить все свои дела, чтобы ничто не отвлекало.

— Почему ты согласилась помочь Элли?

Мы сидели уже больше часа и молчали. Настя внимательно перечитывала заметки, сделанные опытным экзорцистом, она впитывала информацию как губка и, в отличие от меня, действительно была занята. Я же маялась от ожидания и чёткого понимания, что от меня ничего не зависит. Андрей и Настя посвятили свои жизни подобным операциям, а я только вникаю в происходящее и совсем ничего не умею.

— Я помогаю не ей, а Андрею, — мельком глянув на меня, ответила она, а затем вновь устала в журнал.

— И всё же. Почему?

— По-твоему я должна была отказаться? — со вздохом ответила вопросом на вопрос. — За кого ты меня принимаешь?

— За человека, который винит Элли в смерти родителей.

— Смотрю ты совсем не знаешь чувства такта. Неудивительно, учитывая в какой семье ты родилась, — с вызовом в голосе ответила она, закрывая журнал и откладывая его в сторону. — Ты боишься, что я наврежу твоей подруги? Считаешь, что я не буду стараться? Или сомневаешься в том, что мне по силам помочь?

— Всё вместе, — я лучезарно улыбнулась. — Андрей доверяет тебе, он говорит, что вы были друзьями с детства и ты заслуживаешь доверия потому что ненавидишь призраков. Но в данной ситуации одно другому не мешает. Ты можешь ненавидеть призраков и Элли, и навредить им обоим.

— Андрей умолчал об одной важной детали, — спокойно сказала она. — Мы были парой до того, как Элли попала в Институт. Мы расстались из-за меня. Из-за смерти родителей я ушла из Института и уехала из страны. Потребовалось много времени прежде чем я вернулась. И узнала, что Андрей сблизился с Элли. Что они стали напарниками. Это почти уничтожило всё, что нас связывало, но потом она ушла и мы вновь стали общаться.

— Я не понимаю. Эти слова должны были убедить меня в том, что ты не навредишь ей?

— Нет, конечно нет. Я честна с тобой, Марго. Я не из тех людей, которые лгут. Профессия экзорциста подразумевает честность и открытость. Спустя все эти годы я перестала ненавидеть Элли. Нельзя жить с ядом в груди, можно заработать отравление и умереть. Я простила её. Но это не значит, что я хочу с ней разговаривать. Существует только две причины почему пошла на это. Первая это то, что я давала клятву защищать людей от другого мира. Вторая — чёткое понимание поведения Андрея. Он сказал, что не станет обращаться в Институт и, если я откажусь, он проведёт обряд самостоятельно. Он не опытный экзорцист, у него совершенно другая специализация, поэтому я не могла его оставить. Он один из немногих оставшихся близких мне людей. Я ответила на твои вопросы?

— Да, более чем, — вымученно улыбнувшись, сказала я.

***

В больнице меня промурыжили почти час, прежде чем отпустили Элли. Не имея чётких доказательств они не могли задерживать её, поэтому им пришлось отпустить её. Ко мне они прицепились в надежде, что я помогу ей. Отведу к психиатру или, в случае домашнего насилия, в полицию. Врач уверен в том, что Элли жертва и из-за психологического насилия стала причинять себе вред. Представляю что бы он сказал, узнав правду. Ведь фактически он прав.

Я улыбаюсь, когда она выходит из-за поворота и подходит ко мне. Посвежевшая, с аккуратной причёской, даже небольшим количеством помады на губах. Она очень хорошо выглядела и весьма довольна улыбалась глядя на меня. Но он не знает, что я вижу его в её чертах. Вижу настоящий цвет глаз, вижу Элли как тень, как размытое отражение в зеркальных поверхностях, лёгкое дыхание на коже, ветер, в котором слышится отчаянный крик.

— Ты совершенно по-другому выглядишь! Такая отдохнувшая! — я быстро целую её щёку, а затем приглашаю следовать за собой. — Идём скорее, нас такси на улице ждёт.

— Такси — это замечательно, сейчас я не в настроении толкаться в метро, — закатив глаза, ответила она. — Я открою тебе секрет прекрасной внешности — крепкий сон и диетическая кухня. Правильное питание, график сна и приёмов пищи, вот и всё. Я чувствую себя на все сто и готова к труду и обороне. Жаль только у меня всего одна рука осталась. Мне ещё целый месяц придётся ходить в гипсе, — немного расстроено добавила она. — Трудности конечно закаляют характер, только мыться очень неудобно. В больнице мне помогала медсестра... трудно представить, как я буду справляться дома! Ты мне поможешь?

От её предложения я споткнулась. Трудно ему, как же.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала, неестественно улыбнувшись.

В такси ехали молча. Таксист, бородатый весёлый дядька, всё пытался вовлечь в беседу о судьбах мира, но, не дождавшись ответа, умолк и всю дорогу напряжённо сипел.

Где-то в середине пути мне пришло сообщение от Андрея, он вернулся и теперь они готовы к нашему приезду. В эту минуту вдруг отчётливо поняла, что вот именно сейчас действительно перехожу из одного мира в другой. Не могу сказать, что до этого момента могла взять и уехать и гори оно всё синим пламенем. Нет. Но именно сейчас я собираюсь совершить преступление. Человеку непосвящённому будет казаться, что мы пытаем молодую девушку. Именно так воспринимается экзорцизм со стороны обывателя. И правда в истории было немало случаев, когда это соответствовало действительности. Но не в этот раз и не с нами. Во всей этой ситуации понимала одну простую вещь — если мы не справимся, то Элли умрёт и последствия придётся разбирать именно нам.

Расплатившись с таксистом выбралась из машины и подошла к стоящей неподалёку Элли. Она чему-то улыбалась, с прищуром глядя на безмятежное голубое небо, подёрнутое белёсой дымкой. В руках неизменная сигарета, девушка с наслаждением затягивается, закрывая глаза от блаженства и продолжая улыбаться.

— Ты чему улыбаешься? — спрашиваю, засунув замёрзшие руки в карманы лёгкого пальто.

— Мне не понравилось в больнице, — пожав плечами, ответила она. — Эти анализы, больничная еда и просто бесконечные вопросы! Удивлена, что ты так молчалива. Думаю, они и к тебе приставали.

— Да, но я ведь не знаю, что с тобой происходит. Ты держишь всё в себе.

Она хмыкнула, а затем посмотрела на вход в дом и тяжело выдохнула.

— Ну что, пойдём? — выбросив сигарету спросила она и то, как она это сказала, заставило меня занервничать.

Показалось, что призрак всё знает. И если это так, то значит он что-то задумал.

Элли успела с моей помощью снять верхнюю одежду. Она немножко улыбалась, совсем чуть-чуть и так молчаливо, что пальцы дрожали, когда я незаметно натягивала на руки резиновые перчатки. Я знала, что актриса из меня аховая, но что теперь поделаешь?

Настя напала, когда мы вышли из прихожей. Она направила водяной пистолет прямо в лицо Элли и выпустила длинную струю ей в глаза. Когда та зашипела, в дело вступили мы с Андреем. Я схватила её за руки, убирая их от глаз и опуская вниз, а он зашёл сзади и набросил ей на шею очень толстую голубую ленту. После чего Настя совершенно спокойно приложила электрошокер к плечу Элли, после чего та вырубилась, падая назад на Андрея.

— Вот и всё. Теперь всё стало ясным, — уверенно сказала Настя, прикасаясь к ожогам вокруг глаз девушки, а затем проводя рукой по обнажившейся обожжённой шеи. — Несите её в спальню, мы должны успеть её раздеть и связать до того, как она проснётся.

— Раздеть? — переспросила её, когда Андрей подхватил Элли на руки и понёс на третий этаж.

— Да. Нам нужно как можно больше обнажённой кожи. Мы должны видеть любые изменения и реакции её тела на наши действия.

Поднявшись наверх, мы зашли в глухую комнату, полностью закрытую толстыми матрасами и подушками. Нам пришлось действительно потрудиться, чтобы максимально звукоизолировать комнату, чтобы с улицы никто не услышал криков. Хорошо, что Элли не живёт в многоэтажке, потому что тогда пришлось бы искать место за городом и искать способ как заманить её туда.

Андрей положил девушку на кровать. Он с трудом разрезал гипс, отделил его от руки, а затем совершенно спокойно стащил с неё джинсы, стянул свитер и приковал наручниками на меху к деревянному каркасу кровати. Нам пришлось его усилить, потому что изначально он был довольно хлипким и не предназначенным для удержания одержимой. Затем парень привязал ноги Элли к ножкам кровати, проверил пульс и, сообщив результат, смотря прямо в камеру, отошёл в сторону.

Да, нам пришлось взять в аренду камеру. Мы не могли обратиться за этим в Институт, там все камеры подотчётны, поэтому пришлось импровизировать. А без камеры нельзя обойтись, в будущем потребуются доказательства того, что мы сделали.

Интересно, о чём будут думать будущие сотрудники Института, глядя на эту запись? Получится ли у нас сделать это изгнание по-настоящему исключительным? Может мы найдём стопроцентный способ изгнания духа?

— Все готовы? — спросила Анастасия, глядя при этом только на меня. — Маргарита, ты готова?

— Да, — уверенней, чем на самом деле, ответила я.

Наверное, так повлияла обстановка в комнате. Мы передвинули кровать от стены к центру, очертив вокруг неё несколько толстых слоёв мела, сверху, прямо над Элли повесили вместо люстры большое ведро, наполненное водой с солью, добытой в святом источнике с морской водой. Вся комната была вычищена и кроме кровати ничего прежнего не осталось.

Перед Анастасией стоял переносной столик, на котором располагались инструменты для обряда. Святая вода самых разных видов, заправленная в самые разные устройства, от

шприцов до пульверизатора, так же лежал электрошокер, дамский пистолет, заправленный дротиками со снотворным, усиленным всё той же святой водой. Помимо этого, у девушки в комплекте был сетестрел и сеть состояла из грубых голубых лент.

Простынка, на которой лежала Элли также была непростой, в её составе присутствовали голубые ленты, призванные ослабить концентрацию призрака. Для этих же целей по углам комнаты поставлены проекторы двойного освещения с пультом дистанционного управления.

В данный момент комната освещалась обычными лампами дневного освещения, но при необходимости Анастасия с лёгкостью могла переключить свет на насыщенно голубой. Это совершенно новый способ влияния на одержимых. Нам повезло, что проекторы пока ещё не находятся в системе отчётности, поэтому девушка смогла забрать два устройства. По её словам, голубой свет действительно сильно влиял на одержимого. Уже двое освободилось от призрака после применения такого света. Они говорили, что свет отделяет демона от Изнанки, подпитывающей его и поэтому они становятся невероятно чувствительными к боли и из-за этого быстрее покидают захваченное тело. Настя возлагает на него большие надежды.

Меня поразило то количество устройств, которые возила в багажнике своей машины миниатюрна девушка Настя. Из-за этого происходящее совсем не походило на фильмы ужасов. Столько способов причинить боль призраку, в основе которых лежит только святая вода. Поразительно, насколько изобретательными могут быть люди.

— Марго, ты же понимаешь, как проводится обряд изгнания? — вновь спросила Настя, тем временем проверяя работу оборудования.

Помимо предметов нападения и защиты, были также инструменты измерения изменений в комнате. От термометра до счётчика Гейгера и всё это было подключено к небольшому ноутбуку, в котором отображались все данные, включая запись с видеокamеры и с камер видеонаблюдений, поставленных во всех комнатах дома, а также на улице. Это меры предосторожности, на случай, если к нам нагрянут гости из другого мира или же с нашей реальности.

— Да, вы брызгаете водой до тех пор, пока дух не исчезнет, — отвечаю немного рассеянно.

— Нет, это неправильный ответ, — жёстко ответила она. — Мы стремимся причинить призраку такую боль, чтобы он не выдержал и покинул тело. Он равнодушен к человеческой боли, поэтому так просто причинял её Элли, но боль от святой воды он игнорировать не может, поэтому будет страдать. Проблема в том, что чем сильнее призрак, тем больше боли мы должны причинить, чтобы добраться до его болевого порога. Ты понимаешь о чём я говорю?

— Ты хочешь сказать, что у Элли почти нет шансов выжить при этом, потому что Чёрный человек стал призраком в сороковые и является носителем имени. Он очень сильный дух.

— Эти слова ласкают слух, — раздался почти мурлыкающий голос со стороны кровати. Он проснулся.

***

Теперь, когда не было нужды притворяться, он изменился. На мягких женских губах появилась улыбка дьявола, а глаза почернели, обнажив демоническую сущность нового

обладателя этого тела. Он принял расслабленную, раскрепощённую позу, вульгарно расставив ноги в стороны на сколько позволяла длина сдерживающих оков и приподнявшись над кроватью, облокотился о её спинку.

— Такая приятная скромная компания! — протянул он, глядя исключительно на меня. — А где фанфары? Где гром и молнии взрослых экзорцистов? Ребята, вы уж извините, но я что-то сомневаюсь в вашей компетенции и рассчитывал на более именитых исполнителей. В конце концов, это просто неприлично, когда такого, как я, обслуживают подмастерья!

— Ты знал, не так ли? Когда мы входили в дом ты уже знал, что будет? — воскликнула, понимая, что беспокоило с самого начала.

Подсознательно чувствовала, что он знает о том, что происходит. Видела это в его глазах, его движениях, в том, как он смотрел по сторонам, докуривая сигарету. Он как будто прощался, понимая, что не выйдет из этой комнаты. Тогда возникает вопрос — зачем ему это?

— Думаешь, я добровольно пошёл в ловушку? — скептически протянул он, оглядывая нас всех по очереди. — Ты и правда такого невысокого мнения обо мне?

— Не знаю, — отвечаю, нервно сглотнув.

Я ловлю напряжённый взгляд Андрея. Он также обеспокоен, как и я. А вот по Анастасии этого не скажешь. Она, слегка нахмурившись, изучает данные в экране ноутбука и совершенно не обращает внимания на призрака.

— А ты занервничала, дорогая, — он ухмыльнулся. — Мне всё ещё интересно, почему именно вы здесь. Ответишь?

— Марго, выйди из комнаты, — приказала Анастасия, отрываясь от ноутбука.

— Что?

— Я сказала — выйди из комнаты, ты его отвлекаешь, — она оглядела меня с ног до головы, а затем выражение её лица изменилось с требовательного на удивлённое — она не понимала, почему я всё ещё здесь.

Медленно киваю и ухожу, оставляя их с призраком. Я спускаюсь на второй этаж, захожу на кухню, ставлю чайник и только потом сажусь за стол, на котором стоял ещё один ноутбук, передающий картинку с установленной камеры в комнате наверху. Сделав звук погромче, уставилась в экран, рассматривая происходящее.

— Назови своё имя, — безэмоционально сказала Настя, с отсутствующим выражением лица глядя на призрака.

— Я вспомнил тебя! — радостно воскликнул Чёрный человек. — Ты та девчонка, чьи родители сдохли от зубов Белого пса! Ну и как тебе новая работёнка? Чувствуешь себя ближе к ним? Мечтаешь сыграть в ящик, чтобы воссоединиться с семьёй? Что ж, я тебе это устрою, если не вернёшь Марго, — мрачно выпалил он, а затем расхохотался.

На его слова она лишь улыбнулась.

— Ты никогда не проходил через эту процедуру, а значит никогда не встречался с такими, как я, — холодно заговорила она. — Запомни, из этой комнаты, в любом случае, я выйду, ты — нет. Я знаю, кто ты. Знаю, что добровольно ты не покинешь это тело, а значит мне придётся причинить тебе такую боль, что ты закончишься гораздо быстрее, чем солнце зайдёт за горизонт. Так что не пытайся достать меня — босс здесь я.

И после этого она нажала клавишу на клавиатуре и свет в комнате изменился с белого на синий. От крика, раздавшегося из встроенных колонок, у меня заложило уши и, захлопнув

крышку, закрыла их, наклоняясь вперёд. Несмотря на изоляцию, сверху доносился вой.

Анастасия оказалась действительно опытной женщиной и экзорцистом. Она знала психологию достаточно хорошо, чтобы отделить в моём сознании Чёрного человека от Элли, чтобы не складывалась картинка. Чтобы я как можно позже осознала, что пытаю его, она пытается и её.

Мне потребовалось немало мужества, чтобы вновь поднять крышку ноутбука.

***

В какой-то момент потеряли время. Не знаю, как долго это продолжалось на самом деле, запись с камеры говорила о нескольких сутках, но по внутренним ощущениям, прошли недели с момента как Анастасия приступила.

В самом начале, ещё когда только подготавливали комнату, она объяснила механизм работы экзорциста. Она сказала, что это сродни искусству и нужно обладать истинным талантом палача, чтобы понимать, когда следует остановиться, а когда поднажать. Девушка чётко следовала своей интуиции и пытки перемежались небольшими перерывами, во время которых кто-то из них оставался в комнате, в то время как другой выходил на свежий воздух, ел, спал и отдыхал. Меня не подпускали к призраку. Настя чётко разъяснила, что моё появление подольёт масла в огонь и для существа, которому не нужен отдых, это может послужить импульсом усилить борьбу. Ничто не должно провоцировать его.

Через экран ноутбука видела, как изменилась Элли с момента, как попала в ловушку. На её теле появилось множество ожогов, волосы пучками отходили от головы, как при лучевой болезни, глаза постоянно были чёрными и теперь на всём теле то там, то здесь проступали чёрные сосуды, гоняющие мёртвую кровь. Язвы, фурункулы, какая-то слизь. Даже просто смотреть на неё было страшно, но продолжать истязать и водой, и словом... теперь даже не знаю, кто из них двоих больший монстр.

Выйдя в очередной раз из комнаты и спустившись ко мне, Анастасия достала из холодильника бутылку с кефиром и медленно выпила его с закрытыми глазами.

— Сколько ещё это будет продолжаться?

В воспалённом сознании слова ударяются друг о друга с небывалой тяжестью. Когда в последний раз спала? Всё путается, стирается, даже просто думать тяжело.

— Столько, сколько потребуется, — расплывчато отвечает она, не глядя в глаза. — Он очень сильный призрак, мы ходим по грани и нужно быть очень осторожными, чтобы не переступить через неё.

— Элли... она выдержит?

— Марго, ты можешь купить в аптеке вот эти лекарства? — она взяла со стола ручку и небольшую бумажку, и составила список. — Попробую ввести их ей. Это может облегчить её состояние, но мы не можем полагаться только на них, ведь наша задача сделать максимально больно, чтобы он ушёл.

— Да, я поняла, — резко поднялась со стула и чуть не упала — от недосыпа закружилась голова.

— Если ты устала — ложись спать, — смягчилась она. — Не доводи себя до обморока, ты должна быть сильной.

— Всё в порядке.

Хотя на самом деле ничего в порядке не было и быть не могло. Всё летело к чертям и мы обе это понимали. Мы понимали, что ввязались в самую тьму, полагаясь на маленький

фонарик с едва-едва теплящимся светом.

***

Я отсутствовала не больше получаса. Сгрузив пакеты с продуктами и лекарствами, задумалась о том, стоит ли сейчас немного поспать или приготовить что-нибудь поесть. Что-нибудь сытное, но вкусное. Я не сразу поняла, что на кухне как-то непривычно тихо. Обернувшись, увидела, что звук на ноутбуке выключен, а картинка на экране довольно странная.

Элли без сознания лежала на кровати, её голова опустилась на грудь, обнажая лысую макушку. Неподалёку Анастасия и Андрей о чём-то эмоционально спорили, причём Настя довольно зло размахивала руками и всё время указывала пальцем на спящую девушку.

Включив звук, услышала их разговор.

— Мы должны это сделать! — горячо говорила она. — Это единственный способ, ты и сам уже должен был понять! Если мы сейчас не сделаем это, то потом будет поздно для всех нас!

— Нет! — оборвал её он. — Это не тот выход, который мы ищем. Да о чём ты говоришь? Это форменное убийство!

— Но это решит все наши проблемы! — закричала она. — Господи, я просто не понимаю тебя! Ты же экзорцист, сын Виктора, того самого Виктора, который смог изгнать Ложную Святую из семилетней девочки!

— Вот именно — он изгнал её, а не убил!

— О чём вы говорите?

Я вхожу в комнату и пристально смотрю на них, скрестив руки на груди и стараясь не обращать внимания на отвратительный запах застоявшейся воды, заполняющий комнату.

Анастасия поджала губы и отвела взгляд, а затем, словно перегруппировавшись внутри себя, заговорила:

— Мы не изгоним его из неё. Это невозможно. Я попыталась, но никакого прогресса. Он либо орёт от боли, либо смеётся, наслаждаясь ею. Мне даже не удаётся зафиксировать, когда ему действительно больно и он не притворяется. Ему с лёгкостью удаётся имитировать присутствие Элли, ты сама слышала, как он менял голос и выражение лица. Даже я почти поверила ему!

— К чему ты клонишь?

— Она хочет запереть его на нижних уровнях Изнанки, как это планировалось сделать с Белым человеком, — зло выпалил Андрей. — Вот только это подразумевает убийство Элли, чтобы потом сразу же отправить его вниз. И есть большая вероятность, что Элли попадёт туда вместе с ним. Она умрёт окончательно, как и он.

— Вы уже делали это раньше, — меня как ледяной водой окатили, когда поняла, о чём они говорят.

Об этом не писали в книгах, но по их лицам стало ясно — да, они такое уже делали. И не один раз.

— Ты с ума сошла? Неужели ты так её ненавидишь, что хочешь, чтобы она исчезла? — не своим голосом закричала на неё, но девушка даже бровью не пошевелила.

— Зато подумай о том, что всё закончится. Без Чёрного человека остальные призраки останутся как без рук. Он главный среди них, он решает, что делать. Оставшись в одиночестве призраки быстро растеряют весь свой пыл и всё придёт в норму. В конце

концов, на его руках столько крови, что мы просто не можем позволить ему вернуться на Изнанку и продолжить делать то, что он уже начал! — рассудительно заговорила она, слегка задрав голову и переводя взгляд с меня на Андрея. — Смерть одного человека против жизни тысячи! Мне кажется выбор очевиден и тут совершенно ни при чём наши с ней взаимоотношения.

— Всегда есть выход, — упрямо продолжил гнуть свою линию Андрей.

— Андрей прав. Убийство — это не тот выход, который мы искали. И я не верю, что с его смертью всё закончится. Господи, да послушай же себя! Ты хочешь собственными руками убить Элли! Хоть понимаешь, что собираешься сделать? — воскликнула громко.

— Какая ты милая, когда волнуешься! И так приятно, когда ты переживаешь за меня, — голос обольстительный и мягкий.

Я оборачиваюсь и напарываюсь на чёрный взгляд мертвеца. Облик Элли изменился до неузнаваемости. Экран и частично не мог передать тот ужас, который вызывала её внешность. Её лицо состарилось и исказилось, черты лица наполнились чернотой и остротой. Она потеряла брови и ресницы, с губ сошёл цвет, а розовый румянец сменился на грязно-серый, почти землистый, трупный с крупными пятнами на щеках и шее. И на этом лице сияла улыбка, демонстрирующая тёмный ряд зубов с провалами на месте отсутствующих.

Только сейчас стала понимать, о чём говорит Настя. Элли умирает. Даже если мы вызовем врача, остановим обряд, он не позволит ей жить. Его ненависть столь велика, что дай ему волю и он уничтожит это тело, а затем утащит её за собой прямо в ад.

В ответ на его слова, я послала его прямыми словами, а затем вышла из комнаты, попросив Настю выйти вместе со мной.

— Ты решилась? — спокойно спросила она, вставая возле окна.

— Дай мне время до заката. Я знаю только одно существо, способное остановить такого, как Чёрный человек.

— И кто это?

— Харон. Я отправляюсь на поиски Харона.

***

Я сидела в небольшой неотопляемой камере в заброшенном клубе, в который когда-то пришла вместе с Элли. В руках держу её телефон и просматриваю фотографии. Она не особо любила фотографироваться, но если мне удавалось её уговорить, то тогда появлялись смешные фотографии с забавными рожицами как нашими совместными, так и по отдельности.

Здесь холодно и витает слабый запах травки. Прошло всего три месяца, а вся моя жизнь изменилась так сильно. Так больно. Почему не могу спасти её? Она спасла меня, нарушила закон Харона и теперь он скрылся и не поможет ей. Я бы отправилась на Изнанку искать его, но я не знаю где и не знаю как. Его словам доверяю и понимаю, насколько глупо было бы бросаться в омут с головой. Никто не отменяет время. Возможно для меня пройдёт мгновение, а в реальности год и наоборот. Никогда не знаешь, во что вляпаешься. А если попаду в беду, то тогда мы обе пропадём.

Так рассудительно. Так логично и правильно. А она взяла зеркало и шагнула туда ради меня. Нелогично и неправильно. Я привела её в ловушку. Привела, думая, что поступаю правильно, отдавая в руки экзорцистов. Я верила им, а они собираются её убить. В этом и

проблема — я не знаю, что делать. К кому обратиться? К Катерине? Это будет правильно? Нет. У меня нет времени и к тому же мы зашли слишком далеко, что бы он сам отступил. Чёрный человек, дай ему свободы, первым делом убьёт нас, а потом её. И всё закончится его победой. Он знал, что так будет, поэтому и не сопротивлялся, когда привезла его к дому. Поэтому он курил с таким наслаждением — его последняя затяжка, последний вздох свободы. Он был готов к такому повороту, а значит точно знает, что у нас нет выхода.

Осталось только два вопроса. Знал ли он, что могу сделать экзорцисты? И если да, как он собирается этого избежать? И всё-таки почему он учил меня убивать духов? Что это за идея сделать из меня убийцу?

Я ёжусь от холода и поднимаюсь с дивана. Харон не появится, как бы его не ждала. Нам придётся самим разбираться с тем, что случилось. А я должна найти выход. Элли не может умереть вот так.

Ведь тогда получается, что она умерла спасая меня.

***

Вернувшись к дому Элли, ещё минут десять наворачивала круги вокруг него. Стусились сумерки, тёмно-фиолетовыми тенями ложась на грязно-серый снег. Оранжевый свет набирал мощь, а между домами, в сторону проспекта виднелись мощные белые фонари, совсем новенькие и такие яркие, ненасытные.

Шмыгаю носом и поджимаю губы. Всё вдруг стало таким солёным и мокрым. Всё вокруг. Я полураздета: стянула с головы шапку, стащила с рук перчатки и обнажила шею. Мне и холодно, и жарко, и горько, и сладко. Я смотрю на Изнанку и вижу их. Наблюдателей. Мертвецы, но не похожие на тех, что напали на нас. Они действительно мёртвые изнутри. Пустые оболочки, которые хотят умереть. Стоп. Не так. В них и желание смерти отсутствует, они просто перестали быть. И каждый из них смотрит в сторону дома, их головы задраны вверх, а взгляды устремлены в сторону третьего этажа. Они смотрят на него. На Чёрного человека. Чего же они ждут?

Неподалёку послышалось знакомое мяуканье, а затем между ног пробежала чёрная тень. Кошка с лёгкостью запрыгнула на скамейку, обернулась и уставилась на меня. Кошка Черри. Спасибо, что жива.

Ещё раз мякнув, она осмотрела мертвецов, подумала о чём-то своём и вновь спрыгнула вниз, секунду и тень исчезла, слившись с другими тенями.

Я обязательно позабочусь о тебе, милая.

И я вошла в дом.

***

Раньше мне всегда казалось, что когда «быть беде», то обязательно накануне человека посещает какое-то странное чувство. Кажется, что в мелких деталях проявляется предчувствие грядущего. Словно сам мир подсказывает, что что-то случится. Однако это чувство не помогает, а наоборот лишь усиливает послевкусие от произошедшего. Появляются мысли «Я мог это предотвратить!» «Я знал, что что-то не так, но ничего не сделал!» Ужасное чувство. А ещё хуже, когда его нет. Или, когда все дни такие плохие, что, становясь хуже, они не меняют тебя и уже не причиняют такую боль. И всё, что ты хочешь — это завершение.

В доме совсем ничего не изменилось. Андрей завтракал, хотя время близилось к

глубокому вечеру, а Настя что-то печатала за своим ноутбуком сидя напротив Чёрного человека и не обращая внимания на его пение на немецком языке. Что-то бодрое, но злое и жутко надоедливое.

— Ты как? — бесстрастно спросил Андрей, когда села напротив него с чашкой крепкого кофе. — Ты ведь не нашла его, не так ли?

— А искала? — устало отвечаю, кривя губы в подобии улыбки. — Я думаю, что его не в этой реальности. По крайней мере в Москве. Думаю, что у меня было бы больше шансов найти его на другой стороне.

— Это может убить тебя, — констатирует Андрей, качая головой. — Не хватало нам вас обеих потерять.

— Значит ты смирился? — нахмурившись, спрашиваю его. — Она ведь не отступит.

— Может ты нашла другой выход? Я не хочу этого делать. Более того, считаю, что мы ещё не всё испробовали и нужно продолжать пытаться дальше.

— Это убивает Элли, — вздохнув, говорю вслух очевидное. — Мне кажется, если Анастасия вызовет врача, то он скажет нам, что Элли осталось не долго. Что её нужно срочно доставить в больницу, иначе она умрёт. Я думаю, что, продолжая пытки, вы дойдёте до точки, после которой они оба умрут. И Настя права — тогда Чёрный человек вернётся на Изнанку, а Элли отправится дальше. Она умрёт.

— А тебе не кажется, что лучше так, чем запереть их обоих на нижних уровнях Изнанки, чтобы в конце концов они исчезли? — горько говорит он.

Его зелёные глаза такие уставшие, потухшие, будто выцветшие. Он осунулся, на лице проступила многодневная щетина, а под глазами всё стало синим. Андрей потерял свой блеск, то, что делало его сильным и уверенным. И сейчас передо мной сидел обычный парень, вернее молодой мужчина, который верит в лучшее и не хочет признавать, что худшее иногда может быть единственным выходом.

Я знала, что это такое. Я сама такая.

— Я согласна с тобой, — говорю прямо. — Но есть одна проблема. Чёрный человек не тот призрак, который отступает. Умерев, он не исчезнет, а продолжит своё дело. Элли никогда не была для него целью, она была связана с Белым человеком, и я не думаю, что её смерть повлияет на его планы. Другой вопрос, мы ведь даже не знаем, что он задумал. Знаем только его конечную цель: он хочет, как в Библии, оживить мертвецов. А каким способом — нам неизвестно. Ты готов так рисковать? Если мы пойдём по твоему пути, то я не думаю, что у нас будет ещё один такой же шанс схватить его.

— Да, ты права. Не будет. Но ты рассуждаешь как простая смертная, а не как медиум, который знает, что такое **небытие**. Смерть для людей — это загадка, они не знают, что после неё и поэтому могут себе позволить жить как им нравится. Они не боятся рисковать и когда умирает близкий человек они надеются, что встретятся после смерти. А мы не можем позволить себе такой роскоши, ведь мы знаем, что там. И знаем, при каких обстоятельствах от человека ничего не остаётся. Ни памяти, ни чувств, только воспоминание, быстро исчезающее в потоках времени. Воды Изнанки. Тёмные воды. И ты готова отдать им Элли? Чтобы от неё ничего не осталось? Совсем ничего — только пустота. Ты правда готова пойти на это ради уничтожения Чёрного человека?

— Нет! — я почти плачу, ведь он говорит со мной так грубо, будто я предатель, будто Элли для меня ничего не значит. — Нет, я этого не хочу. Я просто не знаю, что правильно, а что нет. Я не могу решать, кому жить, а кому умереть. Чёрт, я обычная девчонка, я не знаю,

как поступить в этой ситуации! Не знаю! И ты не знаешь! А Насте плевать, она давно уже ничего не чувствует, руководствуется принципом меньшего зла. Сейчас единственное, чего хочу — это избавить Элли от страданий. И Настя не позволит мне это сделать.

— Да, потому что Настя права, — раздаётся знакомый мужской голос за спиной.

Судя по вытянувшемуся лицу Андрея, этого человека он ожидал увидеть меньше всего. Обернувшись, встретила взглядом со злым Виктором Сергеевичем.

— Да, сын, такого от тебя не ожидал, — холодно проговорил он. — Такая дурость не могла прийти в голову моему сыну. За моей спиной проводить это! — он скривился, кивком головы указав на ноутбук, работавший в беззвучном режиме. — Слава богу, Настенька не сразу, но всё-таки решилась позвонить. Хотя это мало поможет. Я закрываю весь этот фарс.

— Отец...

— Они наверху? — заметив экран ноутбука, спросил Виктор Сергеевич.

Я лишь кивнула, а он уже вышел из комнаты.

— Мы должны увезти Элли отсюда, — очень тихо сказал Андрей. — Странно, что отец приехал в одиночку, наверное, не хочет выносить сор из избы, но это ненадолго. Скоро здесь будет пол Института, и они уж точно не станут с ней миндальничать.

— Я могу переместить её, но... — я замаялась. — Но не уверена, что получится — то, что блокирует Чёрного человека, может заблокировать и меня. И я не знаю, что будет, если перейду черту. Он...

— Мы вырубим его, я сотру черту, а ты унесёшь её... в тот клуб, где тебя впервые встретил? — задумавшись на мгновение, сориентировался Андрей.

— Хороший план, — согласно кивнула, а затем посмотрел прямо в глаза.

— Дыши, — он сразу понял, что мне нужно. — Мы справимся.

Поднимаясь на третий этаж, я всё думала, насколько быстро и молниеносно меняется жизнь. Я опять влезаю во что-то бесконтрольное, что-то, что не является мной. Мы собираемся убить Элли, чтобы этого не сделал Институт. Мы хотим дать ей возможность отправиться дальше ценой жизни будущих жертв Чёрного человека. Это то, на что мы готовы пойти. Дать ей будущее в обмен на будущее других, если мы не найдём способа остановить его раньше. И каждая его жертва будет на нашей совести.

А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо.

***

— Я могу начинать, как только вы прикажете, — Анастасия подчёркнуто не смотрела в нашу сторону, когда мы вошли в комнату.

Она, как верная собачка, смотрела только на главу Института, неотрывно глядевшего на одержимую. А она улыбалась. Чёрный человек внутри Элли улыбался так сладко и призывно, что мурашки бежали по коже.

— Для ритуала всё готово, — чуть отчётливее сказала Настя, пытаясь привлечь внимание Виктора Сергеевича.

— Отец, прошу, не делай этого, — Андрей, как бы невзначай, подошёл к столу.

— Всё, как я предсказывал, не правда ли? — как будто в пустоту сказал Клаус, однако быстро сфокусировался на отце Андрея. — Как по нотам. А ты сделаешь то, что должен?

— Виктор Сергеевич, — вступила я. — Пожалуйста, мы ещё можем ей помочь!

— Нет, — сказал, как отрезал.

И только сейчас обратила внимание на странное выражение его лица. Он как будто

скидывал с себя страшную ношу, светлел лицом, успокаиваясь. Я увидела, что он как-то незаметно оказался рядом с чертой, а в его руках водный пистолет. Совсем маленький, детская игрушка.

— Нет! — закричала одновременно с тем, как он нажал его и длинная струя ударила в мелованную черту, размывая её.

Всё произошло так быстро, но так явственно. Вижу, как Анастасия нажимает кнопку и свет меняется на голубой. Вижу, как Андрей тянет верёвку и ведро поворачивается, выплёскивая на кровать десять литров чистой святой воды. И вижу, как призрак в теле Элли, за доли секунды покидает круг. Слышу звон бьющегося стекла и становится так темно, будто мы все оказались в бездне.

Моё дыхание лихорадочное, нервное, шарю руками, а в голове рождается паника, вызванная деревянным треском ломаемых вещей. Мне страшно, не понимаю, что происходит, не понимаю, что будет дальше. А потом слышу крик Анастасии, вопль Виктора Сергеевича и голос Андрея, зовущего меня по имени. И наступает свет, и всё приходит в движение, хотя на самом деле это я оказалась прибита как бабочка к стенке комнаты. А свет — это открытые окна, впускающие свет от фонарей.

— Вот мы и поменялись местами.

Я, Андрей и Анастасия прикованы к стенам вновь изменившейся комнаты. Кровать сломана пополам, ведро, смятое под действием чудовищной силы, превращённое в угловатый шарик, валяется в углу. Там же точно с такой же силой смятые лежат камера и ноутбук. Все предметы, принадлежащие Анастасии раскурочены, разбиты, да чуть ли невзорванные, чтобы никто из нас не смог ими воспользоваться. Всё уничтожено и среди этого великолепия стоит он в окровавленном нижнем белье, но с такой счастливой улыбкой. И рядом с ним Виктор Сергеевич. Он смотрит только на сына, как будто нет ничего важнее. И в его взгляде виднеется прощание.

— Он сделал это ради жены, — совершенно спокойно сказал Клаус. — Она мертва. И она одна из нас. Виктор не смог её отпустить, поэтому решил помогать нам, чтобы когда-нибудь семья воссоединилась.

— Предатель! — громко выпалила Настя. — Лжец!

А затем она закричала. На её лице проступили глубокие порезы, как от скальпеля, симметричные, на обеих щеках.

— Не вынуждай делать тебе больно, — повторил её слова Клаус.

— Не паясничай, — оборвал его Виктор Сергеевич. — Наша сделка в силе?

— Да, — кивнул он. — А вот насчёт твоего сына, я не уверен.

— Он сделал выбор. Если он застрянет на Изнанке — я не против. Пусть будет с матерью, раз меня не хочет слушать.

— Я никогда не прощу того, что ты сделал, — не торопясь, с расстановкой, сказал его сын, поднимая голову и вперившись ненавидящим взглядом в собственного отца. — Я всегда буду помнить, что ты сделал, отец!

— Скоро это станет неважным, сын, — очень мягко ответил Виктор Сергеевич. — Передавай привет маме.

А затем он вышел из комнаты, так и не встретившись со мной взглядом. Он не хотел видеть мою боль и моё разочарование. Ведь теперь всё кончено. Я могу переместиться, но не успею забрать и Анастасию, и Андрея. И я не могу бросить одного, чтобы забрать другого. И не могу уйти, потому что просто не могу стать таким человеком.

— Как всё красиво, — оскалившись, довольно сказал Клаус. — Всё, как и планировал.

Я отрываю взгляд от Андрея и смотрю на него. Да. Всё случилось так, как он хотел. Именно это и тревожило с самого начала. Мы плясали под его дудку и никто из нас не знал, что происходит. Хотя не думаю, что он рассчитывал на пытки. Скорее верил, что Виктор Сергеевич гораздо раньше окажется здесь и переломит ситуацию. Так что теперь он зол, очень зол, хоть и скрывает это за добродушной маской. Я вижу каков он. Вижу его сквозь её черты отчётливее, чем когда-либо. Он улыбается, а с его губ стекает чёрная жижа.

— Сыграем последний акт, дорогая? — обнажив чёрные зубы, спросил он.

— Что, игры закончились? Теперь всё по жёсткому? — скривившись, отвечаю вопросом на вопрос. — В прошлый раз тебе было мало и ты решил повторить?

— О нет, — убедительно протянул он. — Я учусь на своих ошибках! — он патетично возвёл указательный палец вверх, а затем развёл руки в стороны. — Посмотри, как близко я к тебе подобрался. Ты и подумать не могла, что она это я! Рассказывала мне свои секреты, делилась неудачами и своими печалью. Мы были так близки.

Я не нашла, что ответить и отвела взгляд, посмотрев на Андрея. И только сейчас заметила, как он отчаянно пытается что-то сказать, но не может. Ему что-то мешает. Похоже Клаус решил, что Андрей и Настя не должны участвовать в беседе. Они не важны для него.

— И что дальше? Что ты намерен сделать? Ты подобрался ко мне очень близко... и даже преподавал несколько странных уроков. Что теперь?

Он молча посмотрел на меня, так внимательно, так отстранённо, а затем рассмеялся.

— Ты такая серьёзная!

Он подходит ко мне и касается лица. Я отворачиваюсь, а он жёстко возвращает назад, чтобы мы смотрели друг другу глаза в глаза. Чувствую отвратительный запах гнили и серы, идущий от него. Нам было весьма тяжело кормить, мыть и убирать за ним. Его сдерживала только черта и когда нам требовалось провести ту или иную процедуру, приходилось усыплять его, чтобы хоть немного привести это тело в чувство.

Сейчас меня отчаянно тошнило от того запаха, что исходил от него. Эта вонь резала глаза, они слезились и вместе с отчаянием, поднимавшимся изнутри, будила истерику, я вот-вот была готова расплакаться от унижения и страха.

И от стыда, ведь вся моя храбрость и вся моя сила уходили, утекали как вода, сменяясь трусостью и готовностью сбежать. Пока ещё есть такая возможность. Это всё, чего хотела — сбежать от него. От его липких, грязных прикосновений, от того, как смотрит, мужским раздевающим взглядом. Он готов съесть меня, такой голод виден в его глазах. Он пододвигается всё ближе и ближе, а я даже не могу пошевелиться, настолько сильно он сжал меня.

Мне больно от его чувств. Почти не осталось воздуха и перед глазами темнеет.

А затем всё разом прекратилось. Он стоит рядом, но не близко, улыбается, но не той сальной улыбочкой, он смотрит на меня, но без того голода.

— Эту игру мы продолжим позже, — хрипло сказал он. — Осталась одна формальность, драгоценная Марго. Ты должна умереть.

Я послала его по известному адресу, а в ответ слышала смех.

— О нет, всё будет не так! — подмигнув, заявил он, а затем подошёл к Анастасии. — Твоя воля уже не принадлежит тебе. Ты ведь не позволишь ей страдать?

Он посмотрел на Настю, а затем раздался её оглушительный крик и с неё грубой невидимой рукой была содрана вся одежда, методично, медленно, с кровью и дикой болью.

— Ты ведь не хочешь, чтобы она мучилась? Не хочешь, чтобы я причинил ей такую боль, после которой она потеряет рассудок? — он подошёл вплотную к ней и провёл пальцами по бедру, поднимаясь выше, пока не коснулся её естества. И она закричала вновь.

— Пожалуйста, хватит! — не выдержав, крикнула, срываясь в конце на шёпот.

Я успеваю перехватить взгляд Андрея, он мучается не меньше моего, он не может вырваться и не может ничего сказать. Он заперт также, как и я, но его боль во сто крат сильнее моей, ведь он знает, кто освободил Чёрного человека.

— Начинай сотрудничать, Марго, — удовлетворённо сказал Клаус, возвращаясь ко мне. — Дай мне что-то, что убедит меня в твоей готовности к диалогу.

И сдерживающие оковы спали. От неожиданности почти падаю вперёд, когда он подхватывает меня и держит с силой, невозможной для его женского обличия. Тело Элли выглядит уродливо и мерзко. Оно всё покрыто шрамами, синяками, ожогами, ссадинами, всевозможными оттенками боли, что причиняли ей все эти дни. Это тело прошло через ад, и Элли вместе с ним. Я меняю своё зрение и вижу со стороны Изнанки иное. Вместо женского тела — мужское, вместо Элли — Клаус. И он счастлив от того, что заставил нас страдать. Через страдания он получает силы.

— Что ты дашь мне, Марго? — обнимая, обольстительно спрашивает он.

Я знала, чего хочет Чёрный человек.

Мягко высвободившись, провела пальцами по его щеке точно также, как это делал он. Приблизилась к нему, закрыла глаза и коснулась губами губ. Не выдержав, он вновь сжал меня и поцеловал с такой яростью, что стало больно. Ненасытное зло, ненависть и зависть. Он завидовал моей жизни. Он хотел, чтобы страдала также, как и он. Хотел заполучить в своё пользование то, что есть у меня. Хотел сломать и подчинить. И боже, я начинаю верить, что ему удастся это сделать.

Оторвавшись от меня, Клаус блаженно улыбнулся и отпустил.

— Сладкая Марго, — тепло начал он, а затем в его глазах проснулся холод. — Однако я всё равно должен это сделать. В конце концов, я же обещал ей это.

И я не успела даже подумать, как раздался хруст, и обнажённая Настя упала замертво на пол.

— Теперь только его жизнь в твоих руках. Сбереги её, — наклонившись ко мне, прошептал на ухо Клаус.

Я упала на колени. Все мысли и чувства ушли. Такая звенящая пустота, такой оглушающий холод. Такая тишина! Меня здесь нет, как и вокруг меня ничего нет. Это длится, длится и длится. И кажется так будет всегда. Но потом сначала тихо, потом всё громче и громче слышу шум улицы, доносящийся из окна. Слышу всё так громко, что закрываю руками уши, пытаюсь сбежать обратно в оглушительную тишину.

Он подхватывает меня, поднимает за подмышки и прижимает к себе.

— Твоё сердце бьётся так быстро, — заговорил он. — У тебя шок, милая.

И я разом прихожу в себя.

— Ты обещал! — закричала, ударив его по груди. — Обещал!

— И я выполнил своё обещание, — его смех неприятно обжёг уши, новая волна рвоты подступила к горлу, у меня перехватило дыхание и потемнело в глазах.

— Ты солгал, — повторяю едва слышно.

— Я обещал, что она не будет мучиться. И она умерла быстро. Я обещал, что она воссоединится с родными. Так и произойдёт, — говорит мягко. — Я держу свои обещания.

По моей щеке вниз сбежала слеза. Это, наверное, от боли. Это, наверное, от шока.

— Не плачь, — он вновь прикасается ко мне, стирая пальцем слезу и оставляя на её месте маслянистый чёрный след, видимый только нам двоим. — Ты так беззащитна, когда плачешь. Даже я начинаю чувствовать что-то вроде стыда.

— Ты убил её. Что дальше? — устало спрашиваю, даже не пытаюсь сопротивляться.

Я потеряла всякую волю, всякую надежду. Он перерубил меня, перемолол и вытащил всё, что было внутри. О да, он настоящий Чёрный человек. Он знает, как причинить боль и как заставить человека мучиться.

— Пойдём. Пора, наконец, тебе перейти туда, где твоё место. Это должно было произойти давным-давно.

Клаус смотрит на обезумевшего Андрея и тот теряет сознание от взгляда мёртвого. Улыбаясь, призрак берёт меня за руку, и мы выходим из комнаты.

Элли

Чёрный — самый честный цвет на свете. Ему поклоняюсь, перед ним обнажаю душу, в нём вижу своё искупление и свою свободу. Чёрный — самый скрытный цвет во тьме. Другие имеют отражение, они зеркалят друг друга и вот уже тьма не такая уж тёмная. А чёрный всё также прячется. Как будто бы его и нет. Противовес белому, чёрный мой самый любимый цвет.

Мы искали друг друга с тех пор, как вернулась тогда с Изнанки. Вот только долгое время не понимала, что ищу. Не понимала, почему так тяжело видеть белое вместо чёрного. Почему сны, противоречивые и пугающие, всегда были такими притягательными. И почему с таким высоким наслаждением, надрывным, буквально на одной ноте, погружалась во тьму, всё дальше в бесконечный чёрный цвет. Как будто возвращалась домой. Как будто тьма и есть мой дом, а моя суть, мои воспоминания и чувства, всё, что пережила и переживаю — это ложь, это что-то такое мимолётное, что не имеет ничего общего с тем, кто я есть на самом деле. Ведь я — это тьма.

Наверное, поэтому не сопротивляюсь ему. Ведь он обещает вернуть меня домой. А я так устала сопротивляться своим подсознательным желаниям вновь оказаться во тьме. Эта частичка меня всегда была сокрыта от глаз. Она была спрятана глубоко-глубоко внутри и потребовалось много времени, прежде чем осознала, кто я такая. Прежде чем поняла, что настоящая я, та девочка, влюбившаяся в призрака, на самом деле умерла на Изнанке. Слишком долго она была на той стороне, слишком поздно Харон вытащил её оттуда. Она уже стала частью иной стороны, стала носительницей имени ученика Белого человека. Всё это привело к тому, что, выходя обратно на свет, она захватила кусочек тьмы и все эти годы он рос в её груди, подобно чёрной орхидеи, добывая остатки человечности и порождая меня.

И хоть по-прежнему ассоциирую себя с той девочкой, на самом деле между нами осталось очень мало общего. А совсем скоро и этого не останется.

***

— Она знает, — довольно шепчу ему на ухо. — Видишь, как она смотрит на тебя? Видишь её глаза? Она уже придумала, как от тебя избавиться.

— Не мешай, — лениво откликнулся Клаус. — Сегодня такой хороший день! Дай им насладиться.

— Так ты знаешь? — расстроилась, продолжая наблюдать за ними обоими.

— Я понял это в тот момент, когда она приехала и увидела очередной перелом. Твой звонок действительно повлиял на неё, теперь она не сомневается. Но это уже не важно.

— Ведь ты закончил, — правильно поняла его слова. — И что теперь?

— Какая ты скучная, — в его голосе мелькнуло раздражение. — Даже не пытаешься пользоваться своими мозгами. Они тебе что, просто для красоты даны?

— Ко-ко-ко, — ехидно отвечаю и вижу ответную улыбку. — У меня сегодня тоже хорошее настроение. Не люблю больницы.

Мы ехали в такси домой. Рядом сидела Марго и что-то строчила в своём телефоне. Как она побледнела за эти дни. Словно не спала с того момента, как оставила меня в больнице. Теперь, когда она точно знает, что происходит, стало легче. Но и сложнее одновременно. Я

думала, она расскажет обо всём Институту, а затем свалит куда подальше, понимая, что Клаус так просто не отстанет и лучше не рисковать. Но видимо у неё возник план получше, раз она решила так рискнуть собой. И только расслабленное состояние Клауса убедило в том, что он не собирается убивать Марго прямо сейчас. Он чего-то ждёт, а значит и я подожду, наберусь сил.

— Не думай, что обхитрила меня, — спокойно говорит он.

Наш мысленный диалог обретает всё больше чувств, как будто бы приёмник поймал чистую волну и теперь музыка доносится из динамиков без сбоев и шумов.

— Марго считает, что с Андреем и, скорее всего, с Анастасией смогут меня изгнать. Она ошибается.

— Чёрт побери, да как ты это делаешь? — изумлённо воскликнула.

— Ты мне льстишь — это простая логика. Институт скомпрометирован, Марго никому не доверяет кроме Андрея, испытывая к нему симпатию. А Андрей, исходя из его досье, не способен провести обряд в одиночку, нет соответствующей квалификации, в отличие от его подруги детства Анастасии, чьи родители погибли от рук призрака по имени Белый Пёс. Она точно не является предателем, а её умения говорят о таланте и упорстве. Определённо, эта троица устроила из твоего дома настоящую ловушку, и мы едем прямо туда.

— И тебя всё устраивает? — спрашиваю осторожно.

— Конечно нет! — раздельно и притворно-возмущённо воскликнул он.

Марго оторвалась от экрана телефона и посмотрела на него. На её лицо набежала тень, она чуть-чуть нахмурилась, а затем вновь уткнулась в мобильник.

— Тогда зачем?..

— Ты же знаешь, у меня всегда есть план, — он заговорщически подмигнул.

Сквозь арку, въехали во двор дома. Выбравшись наружу, Клаус достал сигарету и с наслаждением закурил.

— Не скоро теперь вновь получу такое удовольствие, — с лёгкой грустью в голосе сказал он.

Я молчу, наблюдая и за ним, и за Марго. Понимаю, что дальше будет только хуже. Понимаю, что девушка совершает ошибку и понимаю, что последствия будут катастрофичны, но что я могу сделать? Мои силы не безграничны, я не могу просто вышвырнуть его из своего тела. Поэтому просто следую за событиями, выжидаю в тени, надеюсь, что их план окажется лучше, чем думает Клаус.

Всё произошло быстро, так, как и было задумано. Миг и сознание уплывает, а когда возвращается, то расстановка сил изменилась. Клаус прикован к постели, Марго, Андрей и Настя стоят напротив. Моя спальня превратилась в камеру пыток, соответствующий набор инструментов разложен повсюду. Видеокамера направлена прямо на изменённую кровать, а над нами висит ведро со святой водой. Всё, как и полагается. Всё, как и должно было быть.

Я наблюдаю. Опять наблюдаю. Вижу, как повзрослела за прошедшие годы Анастасия. Её лицо посуровело, исчезла подростковая мягкость, в глазах появилось знакомое многим медиумам отчуждение. Она не станет пытаться ради боли, но не могу сказать, что ей не приятно держать меня в оковах. Другое дело Андрей. Мой дорогой друг. Он тёмный теперь. Он не из тех, кто готов пойти на пытки ради дружбы. Он не может изменить ситуацию, но она убивает его. Верный друг. Он из тех, кто заботится, а не причиняет боль. Этот надлом, что создал его отец, рано или поздно вырвется и Андрей либо изменится и станет очень жёстким и сильным мужчиной, или же сломается, прогнётся, а затем сгниёт изнутри. И

очень долго будет не понятно, каким он стал — сильным или мёртвым.

Марго искусила губы до крови, сгрызла ногти до мяса, ещё чуть-чуть и она сорвётся, хотя внешне старается выглядеть спокойной и собранной. Однако все видят, насколько ей страшно. Бедная девочка. Она на пару лет меня младше, но кажется, что между нами пропасть. Маленькая и беззащитная. Девушка только-только учится быть собой. Она преодолевает все испытания, обтёсывающие её как драгоценный камень. Если ей повезёт, то она превратится в невероятно сильную и независимую женщину. Я верю, что она останется в живых, верю, что справится. Но, к сожалению, иногда одной веры недостаточно. Поэтому мне нужен план. Нужно придумать что-то такое, что окажется сильнее задумки Клауса. Я должна переиграть его на его же поле, иначе мы все умрём.

***

И мы попали в ад.

Я даже представить себе не могла, что боль может быть такой разнообразной, такой разноплановой, такой всеобъемлющей, такой живой и страстной одновременно. Мне и в голову не приходило, что человек может причинить такую боль другому человеку. И мне хотелось молить о пощаде тогда, как Клаус смеялся над очередной пыткой. Он просил ещё, глумился над палачами, не сдавался и казалось, что боль для него как комариный укус, что он не чувствует того, что чувствую я.

Мой разум не выдерживал такой пытки, и я всё чаще уплывала в своё мёртвое озеро темноты и покоя. Умом понимала, что так делать нельзя, что это наоборот приближает смерть и все страдания пропадут втуне. Но и дальше терпеть такую боль не было сил.

— Ты этого хотел?

Спрашиваю у него после очередного раунда, во время которого Анастасия пульверизатором оставила тонкую сеть из пузырящихся уколов от груди и до бёдер. Это было даже почти не больно, хотя понимаю, что эта пытка — пытка временем и невозможностью даже почесать обожжённые места.

— Ты куда-то спешишь? — Клаус смотрит на меня безучастно, как будто потерял сознание с открытыми глазами, будто выпал из реальности.

Поэтому Анастасия негромко объявила перерыв. Совсем скоро она применит безотказное средство и мы оба потеряем сознание. Это было нужно, чтобы помыть тело, накормить его через трубку, убрать отходы и вновь проветрить комнату. Вонь уже заполнила помещение невообразимым запахом, этакой смесью из серы, железа и дерьма. То ещё амбре.

— Да, я спешу вернуть себе тело! Ты как? Не собираешься ли меня покинуть?

— Это ведь ирония? — переспросил он. — Ведь мы оба понимаем, что эти пытки лишь развлечение для тебя, для меня и для них. Никакая боль не сравнится с тем, сколько времени я провёл на той стороне. Это просто пыль. Я отключил её и до меня доходят лишь жалкие укусы. Анастасия уже на пределе, ещё немного и она решится попробовать нечто особенное.

— О чём ты?

— Сюрприз, — я увидела, как по его лицу расплзается улыбка.

Её заметила и Настя.

— Чему ты улыбаешься, демон? — громко спросила она. — Соскучился по моей ласке? У меня в запасе ещё много фокусов. Хочешь продолжения?

— Я изнемогаю, дорогая! — насмешливо ответил он, подмигнув ей.

Вышло довольно отвратительно, учитывая насколько плохо выглядело моё лицо.

Вместо ответа Анастасия включила голубой свет, а затем выстрелила очередной дозой транквилизатора.

Когда сознание вернулось, в комнате оставалась одна только Анастасия. Она с кем-то говорила по телефону, а затем, увидев, что Клаус открыл глаза, положила трубку.

— Тик-так, кажется, кое-кто решился, — даже в подсознании его голос прозвучал так материально, так плотно от удовлетворения.

Теперь мне стало ясно, почему он был так спокоен и напряжён одновременно. Он знал, что Настя сделает что-то, что ему нужно, и, в то же время, боялся, что она не решится, не сможет или ей помешают.

— Что она сделала?

— Скоро увидишь, Элли. Кажется, наше соседство и правда подходит к концу. Неожиданно жаль с тобой расставаться, — мягко заговорил он. — Ты была такой милой, такой живой и в тебе столько боли, почти океан. Мне нравилось чувствовать твои страдания...

— Рада, что тебе понравилось, — ответила глухо, обрывая его речь. — Теперь ты уйдёшь?

— Мы уйдём вместе, Элли. Ты, я и Марго, — жёстко ответил он. — Потом ты умрёшь, а мы с Марго повеселимся. Да так, что даже Изначальные это заметят.

— Изначальные?..

Во время нашей беседы в комнату вошёл Андрей и тогда же узнала, что задумала девушка. Она хочет убить нас обоих.

Эта мысль напугала. Я не понимала, почему Клаус так радуется этой идеи, ведь она была действительно смертельной. Остаётся только гадать, чего он хочет.

А потом события ускорились. Они набрали вес, динамику и драму. Мне было больно, мне было страшно, меня накрывала волна отвращения и едва сдерживаемой ярости. Смерть Анастасии, откровение Виктора Сергеевича, насилие над Марго. В этот момент понимаешь кто ты есть. Понимаешь, чего ты стоишь. Узнаёшь, на что способен. Была ли я достаточно сильна, чтобы победить его и остановить? Нет. Обряд ослабил меня до такой степени, что приходилось прикладывать силы, чтобы говорить, чтобы думать, чтобы чувствовать. Чтобы быть ещё живой.

Но вместе с этим росло понимание того, к чему всё идёт. Призракам отчаянно нужна Марго. Клаус, только он знает на что она способна, он может заставить её сделать нечто такое, что освободит их всех. И для этих целей девушка должна умереть и попасть на Изнанку.

И только я могу этому помешать. Но тогда возникает вопрос — готова ли я умереть за неё?

Марго

«Мамочка, пожалуйста, вернись. Mamочка, пожалуйста, спаси меня», — повторяю про себя эти слова вновь и вновь.

Мне вспомнилось, как в детстве мама решила сводить меня в зоопарк. Только меня, без брата. Максим заболел, а я раскапризничалась. И она решила показать мне нечто новое. Я была совсем маленькой, мне было года четыре или пять, не больше. Помню смешных мартышек и огромного белого медведя! И несколько меланхолических жирафов, и спящую пантеру, и как невозмутимо дрых большущий рыжий кот рядом с волчьей клеткой. Помню

мороженое, шоколадное, моё любимое в вафельном рожке. Помню, что маме кто-то позвонил и она стала сердиться. Она всё время говорила какие-то взрослые непонятные слова, а затем достала из сумочки сигареты и закурила. Мне было скучно стоять в стороне от вольеров, и я решила отойти и посмотреть на птичек. Мне казалось это совсем рядом! Казалось, что, обернувшись, обязательно увижу маму. Но клеток было много и птички такие красивые! А потом повсюду сновали дети и взрослые, а я такая маленькая, мне было тяжело пройти сквозь толпу. Так я потерялась. И осталась одна среди шума и гама. Я была тихой девочкой, мне было стыдно громко плакать и звать на помощь. Поэтому беспомощно смотрела по сторонам и повторяла вновь и вновь: «Мамочка, пожалуйста, вернись. Мамочка, пожалуйста, спаси меня»!

Это было очень давно и мама, конечно, нашла меня. Но не сразу. И то чувство беспомощности и незащитности осталось со мной навсегда. Сейчас оно вернулось, и я вновь маленькая девочка, потерявшая маму. Вот только на этот раз меня не спасут.

***

— Девочка Рита купаться пошла — в среду нырнула, в субботу всплыла, — с улыбкой произнёс Клаус, вставляя затычку в слив и включая воду. — Потрогай, нормальная вода? — с издевательской заботой, говорит он.

Я опускаюсь на пол, от волнения голова закружилась, начало тошнить и я закрыла глаза.

— Маргарита! — нараспев заговорил он. — Ну же, не будь букой! Впереди всё самое интересное! Обещаю, тебе понравится.

— Ты хочешь меня утопить и говоришь, что мне это понравится? — спрашиваю очень тихо, не открывая глаз.

— Уверю тебя, боль очень быстро пройдёт. А потом станет всё равно. Ты изменишься, как и твой брат. Между прочим, он тоже прошёл через это! И я его не принуждал. Доброволец. Было бы намного легче, если бы он обладал нужной силой, но расклад сложился в твою пользу, гордись этим!

Я послала его, а в ответ услышала смех.

— Марго! Ты прелесть! Но такая напуганная и взъерошенная, — ласково произнёс он. — О! Ванна наполнилась, время пришло.

Нехотя открываю глаза и смотрю на него в упор. За окном глубокая ночь и комната, освещённая несколькими лампочками у зеркала, погружена в лёгкий полусумрак, насыщенный коричневыми и фиолетовыми оттенками. В такой темноте больше ориентируешься на слух. И сейчас слышу только своё прерывистое дыхание. Зеркало запотело от горячей воды, и в ложбинке над губой у меня выступила испарина. Жарко и душно, и так хочется проснуться!

Сейчас Клаус похож на чудовище, спрятавшееся в темноте. Его глаза, сокрытые мраком, влажно блестят чернотой, улыбка вызывающе яркая, а из-за теней пальцы кажутся звериными лапами, украшенными острыми когтями. Он словно готов прыгнуть, весь чёрный в изодранном грязном белье. Ничего не осталось от Элли. Передо мной животное, покрытое чёрной слизью, сочившейся сквозь поры кожи. Он быстро облизнул губы и поднялся, направляясь в мою сторону.

Оказавшись рядом протянул руку.

— Королева Марго! Пора девочка, пора!

У меня перехватило дыхание и я спрятала руки, втянула голову в шею, как воробей

немигающе уставилась на него. Он оскалился в дурной улыбке, а затем резко схватил за плечо и с силой поднял на ноги.

— Не сопротивляйся! — процедил он, а затем потащил к ванной.

Я и не знала, что способна жалобно скулить, но именно это заменило все слова и мольбы о пощаде. Он буквально опрокинул меня в воду и я почти ушла с головой под воду, но успела ухватиться за скользкие бортики ванны. Одежда неприятно сковала тело, волосы моментально намокли, а от высокой температуры гулко забил молот в висках. Всё жарче и жарче.

Клаус держит меня за плечи и вновь облизывает губы. Он наклонился вперёд и легонько поцеловал в лоб.

— Покойся с миром, драгоценная Марго, — шёпотом сказал он, а затем резко нажал на плечи и я ушла под воду.

Честно, я сопротивлялась. Так отчаянно, как только могла. Так неистово и глупо, насколько это было возможно. Я молотила руками по краям ванны, била по его рукам, удерживающим под водой, ногами пыталась ударить или хотя быть зацепить его! Я делала всё возможное, чтобы вырваться, а крохи воздуха тем временем заканчивались. Паника уничтожала запас кислорода ещё быстрее, чем время, секунды вели к последнему отчаянному рывку, и я уже видела Изнанку отчётливее, чем реальность. Видела, что меня там ждут, там были эти странные призраки, стоявшие на улице. Мне казалось, что стены прозрачные и сквозь них всё было видно до горизонта. Сознание уплывает в никуда. Всё теряется, чёткость сменяется мутностью, а огонь рождается в груди. И тело превращается в клетку. Не сбежать и не уйти. Сколько раз пыталась обратиться к той способности, что обрела? Сколько раз пыталась переместиться, но всё бестолку. Как будто и не было ничего.

Сквозь обжигающе-горячую воду вижу его лицо, нечёткое, расплывчатое, тёмное. А потом скачок и тень раздваивается, смена вспышкой, меня вытаскивают из воды и я падаю на кафельную плитку, бьюсь локтями и коленками, задыхаюсь от неожиданной свободы. В лёгких вода, она жжётся, бьёт сумраком по вискам, всё горит яркостью перед глазами, а потом пощёчина. И я прихожу в себя.

— Элли, — хриплю раздражённым горлом.

Мне даже дышать больно, но так приятно слышать собственный живой голос!

Она наклонилась надо мной, в её глазах обречённость и тревога. Не знаю как, но она выбила его из тела и теперь он сам стал тенью, отчаянно пытавшейся завладеть телом вновь.

— У нас мало времени, Марго, — заторопилась она. — Ты должна сделать это. Слышишь? Ты обязана уничтожить его, понимаешь меня?

— Ты освободилась, Элли. Ты свободна!

Сознание, перенасыщенное кислородом, уплывало, язык заплетался, чувство покоя накатывало волнами — всё закончилось. Элли самостоятельно победила Чёрного человека, она справилась, всё закончилось.

— Чёрт Марго! Очнись! — она вновь бьёт меня по щеке. — Он может вернуться в любой момент, слышишь? В любой момент! Ты должна убить его, Марго! Используй свою силу, используй её!

— Я не понимаю!

Приподнявшись на локтях, прислонилась к стенке, запрокинув голову. Чугунная башка, ломота в костях, бой в висках — как после лихорадки, тяжело думать, тяжело понимать смысл её слов.

— Я умираю, Марго, — спокойно заявила Элли, а затем резко закашляла.

Её кашель, старческий, с надрывом и мокрый. Она отползает в сторону, склоняется над унитазом и выплёвывает чёрные сгустки. По обнажённому телу ветвятся сотни чёрных нитей, набухших, выступающих из-под кожи. Кажется, что они пульсируют, кажется, что они вот-вот взорвутся.

Передохнув, она заговорила вновь:

— Ты должна воспользоваться своей новой силой. Убей меня и когда мы с ним окажемся на грани — призови воду и уничтожь его.

— Но ты же тоже умрёшь, — нахмурилась, когда слова дошли до меня. — Что ты такое придумала, Элли?

— Ты что не понимаешь?! — внезапно закричала она. — Посмотри на меня! Я уже мертва! Чтобы остановить его, мне пришлось призвать всю тьму, что была внутри меня — это как открыть ящик Пандоры, его уже не закроешь — мне остались считанные минуты, и только ты можешь сделать мою смерть ненапрасной. Убей нас обоих, позволь мне захватить его с собой в небытие!

— Элли, — едва слышно шепчу. — Ты не можешь умереть, Элли...

Она плачет и из её глаз вытекают чёрные слёзы, оставляющие на щеках маслянистые разводы.

— Я жила все эти годы взаимы. Не дай мне умереть понапрасну, Марго! — умоляюще-ясно повторила она.

— Я не смогу это сделать.

Духота этой маленькой комнаты дурманит и без того неясный разум. Но я отчётливо понимаю, чего она хочет от меня. Вижу, что происходит с её телом, знаю, что это я во всём виновата. Если бы не этот обряд, если бы не я, она осталась бы в живых. Элли была бы жива!

— Ты справишься. Это так же легко, как и дышать. Как двигаться, как открывать и закрывать двери. Открой воду, Марго, ты сможешь!

— Я помогу, — раздался голос от двери.

Из темноты коридора вышел Андрей. Он казался монолитной статуей, мёртвой, бесцветной, неживой. А в глазах появилась та мертвецкая ярость, что бывает у доведённых до крайней черты людей. Жажда мести поселилась в его сердце и не мне её оттуда изгонять.

Он опускается рядом с Элли и позволяет ей дотронуться до себя.

— Бедный Андрей. Бедный-бедный Андрей, — шепчет она. — Ты же знаешь, что он делает это ради любви к твоей маме? Он так любит вас обоих, что не смог ни одного из вас защитить.

— Он предал меня. Предал Институт. Предал свои принципы. Он не заслуживает прощения, — процедил Андрей.

— Но ты простишь его. Рано или поздно, но обида пройдёт и ты поймёшь, почему он так поступил, — мягко ответила она. — Ты его сын, а он твой отец. И это никто не изменит.

— Ты правда хочешь умереть? — спросил он.

— Нет. Никто не хочет умирать. У меня нет выбора, и времени осталось так мало. Помоги мне, Андрей, — она резко притянула его к себе, а затем что-то прошептала на ухо.

Он сначала нахмурился, а затем внимательно посмотрел на меня. От его взгляда стало не по себе и я поёжилась, отворачиваясь.

— Ты сделаешь это? Ради меня? — отстранившись, спросила она у него.

— Да, — односложно ответил он, поднимаясь на ноги и помогая подняться ей. —

Марго... ты справишься?

— А разве у меня есть выбор? Похоже вы всё решили за меня, — мне стало так невыносимо грустно.

Страх ушёл, ушла и паника. Прилив кислорода в мозг пьянил, и всё вокруг казалось туманным.

Я вижу, как Андрей помогает Элли забраться в ванну, в ту самую воду, в которой чуть не утонула я. Вижу, как он помогает её плавно опуститься вниз, удерживая руки на её груди. А сам смотрит на меня, немигающе, как настоящий мертвец.

— Ты сделаешь это? Марго? Ты справишься? — вновь спрашивает он.

И я пролетаю птицей по своим воспоминаниям. С самого первого урока знала, что хотел от меня Клаус. Поняла, как это делается — как призывается вода. И поняла, почему кроме меня никто больше не сможет это сделать. Клаус рисковал собой, чтобы вызвать её, только Элли смогла остановить воду и он остался в живых, Элли носила в себе частицу Изнанки и это помогло им обоим. Больше ни у кого нет такой особенности. Как и нет моих способностей. Я и Элли — две стороны одной монеты.

Я закрываю глаза, а когда открываю — вокруг меня Изнанка. Ванная комната совсем другая, оставаясь прежней. Иные холодные тона, зеркала, скрывающие отражение, отсутствие воды и девушка, бьющаяся в судорогах в ванной, а рядом с ней, прикованный чёрными нитями к её коже, он. Чёрный человек. И он наблюдает за её мучениями, со скрипом, с едва сдерживаемой яростью, но, в то же время, с мрачной торжественностью, с непонятной радостью.

Для него — меня нет. И для неё тоже. Лишь тень — немёртвая в мире мёртвых. Стою рядом и вижу, как медленно разъединяются нити, с противным звоном, как от порвавшейся струны. Всё рвётся, ломается, истлевает, впитывается в пространство. Скоро они разойдутся окончательно. У меня осталось мало времени.

Её глаза чёрные как ночь, кожа бугристая, сквозь поры сочится чёрный пот. Она совсем не похожа на человека. Она горит изнутри и это пламя пожирает её душу. До этого момента думала, что если подожду, то она хотя бы сможет перейти, а убью или нет Чёрного человека — не важно. Главное, чтобы она не исчезла окончательно. Чтобы осталась, пусть в ином мире, но осталась собой, чтобы её не поглотили воды Изнанки. Но теперь, действительно видя, что с ней происходит, понимаю, что надежды оказались бесполезными. Она всё равно исчезнет.

Бедная девушка, полюбившая когда-то мертвеца.

Она спасала мне жизнь. Она помогала понимать этот новый мир. Она учила и защищала. Она была самым сильным человеком из всех, кого когда-либо встречала. Она была настоящей, а теперь один взгляд на неё причиняет боль.

Я смотрю на Клауса и вижу его целиком. Сейчас он кажется таким маленьким и несущественным. Всего лишь дух. Ещё один из многих мёртвых. Как всё изменилось. Минут двадцать назад я была одна против него — беспомощная, ревущая от ужаса девчонка и он казался великаном. А теперь пойманная в капкан крыса.

«Ты убьёшь меня, Марго?» — этот вопрос возникает в сердце. Словно она продолжает спрашивать об одном и том же. Как заевшая пластинка. Вновь и вновь.

Я подхожу к изголовью ванны и оказываюсь напротив неё. Слышу странное шептание, напоминающее лёгкое незаметное пение. Как и в прошлый раз вижу их сквозь стены. Десятки призраков, окруживших дом. Приспешники Чёрного человека? Свидетели? Чего они

ждут?

Мне стало всё равно. Сегодня стану убийцей. Я поворачиваю кран.

***

Вода была повсюду. Как будто бы попала в шторм. Моё возвращение с Изнанки реальность встретила мокрым триумфом. Все трубы в доме прорвало. Сквозь обвалившуюся штукатурку виднелись рваные, наполненные ревушей водой, раны. Шипение и пулемётная очередь. Феерия разнокалиберных брызг. И посреди этого великолепия Андрей, прижимающий к груди тело Элли. Он мокрый, с головы до пят, его глаза едва открыты, но я уверена, что они полны слёз.

Внизу раздаётся подобие взрыва и я вспоминаю, где мы находимся.

— Нам нужно уходить! — закричала ему. — Андрей, идём отсюда!

Поток ледяной воды ударил в стену, сметая приколоченную полку со стопкой полотенец. Раздался резкий свист, пахнуло жаром.

Андрей смотрит и не видит меня. Он потерялся и мне нужно увести его отсюда — слишком много воды. Подхожу к нему, медленно высвобождаю её из его объятий и кладу на мокрый пол. А затем беру его за руку и через миг мы оказываемся в предрассветном городе. Перед нами открывается невероятное зрелище — дом, объятый водяной стихией.

И вновь вижу их — странных серых мертвецов, что так долго ждали чего-то, окружая дом со всех сторон. Они медленным шагом заходят сквозь двери и стены, и что-то мне подсказывает, что это последние секунды их жизни.

— Святой источник, — дрожа от холода, произнёс Андрей. — Ты создала Святой источник, Марго.

— Я думала, что они сами возникают?

— Иногда. Но самые крупные появились благодаря особым людям. Их называют... святыми.

И в этот момент я перестала видеть мертвецов.

Элли

— Клаус, отпусти её.

Моя маленькая ванная комната. Домашняя, привычная, но совсем иная теперь. Он сделал её грязной и нечистой, с разбитым зеркалом, мусором по углам, невымытыми окнами, грязным полом и покрытым пылью, и грязью туалетом. Всё было отвратительно, но всё же было частью моего дома. И так странно видеть, и чувствовать невероятный диссонанс от того, что здесь происходило.

Я почти физически ощущала, как сильно он хотел её. Раздавив в ней волю к сопротивлению, подавив её свободолюбие, он прямо здесь и сейчас готовится забрать девушку на ту сторону, чтобы делать с ней то, что ему хочется. Чего он добивался все эти месяцы. Прямо сейчас даже не верится, что за этим простым мужским желанием стоит нечто большее. Кажется, что он потерял рассудок из-за неё и готов на всё, чтобы заполучить Марго. На это было невозможно смотреть, так больно видеть в её глазах отчаяние, потерянность и одиночество. Она чувствует себя покинутой и совершенно беспомощной. Даже зная, что я рядом, она не чувствует себя не одинокой.

— Элли. С чего это ты решила голос подать? Да ещё указываешь мне, что делать? — удивлённо спросил Клаус, мельком глянув, как набирается вода в ванной. — Осталось пара

минут и всё закончится. Потерпи.

— Клаус, отпусти Марго, иначе я уничтожу нас обоих, — шепчу ему на ухо и он морщится.

— Ты не сможешь призвать воду, — обрубил он. — И не сможешь вновь перехватить контроль над телом. Обряд изрядно ослабил тебя. Ты беспомощна, как и было задумано.

— Клаус, ты готов поставить своё существование на то, что я беспомощна и ни на что не способна? — лукаво переспрашиваю его. — Ты правда так самонадеян?

Чёрный человек выругался по-немецки, а затем рассмеялся про себя.

— Просто смотри, как я убиваю твою драгоценную подругу, Элли. Совсем скоро вы даже сможете попрощаться прежде чем я тебя отправлю плавать на самое дно Изнанки.

А затем он обращается к Марго. Он стремительно хватает её за плечо и тащит в воду. В её глазах вижу слёзы и своё отражение. Мне чудится детский голосок, звучащий в стремительном шуме воды, струящейся из-под крана. А затем иллюзия пропадает и я вновь обращаюсь к той силе, что заключена глубоко внутри меня.

Тьма возвращается с лаской и теплом. Она уютна и совершенна. Из-за её объятий забываю зачем вновь обратилась к ней, а вспомнив, с трудом сбрасываю с себя маковый дурман и наполняю свои вены чёрной смолю. Она кипит, ревет под кожей, от её жара плавится тело и Клаус орёт не своим голосом, вылетая из меня, как из пробки. Теперь мой черёд играть. И нити тьмы обволакивают его тело, крепко-накрепко спаивая нас.

— Поймала! — кричу про себя.

Удача на моей стороне, но это не означает, что он не сможет вернуть контроль над телом, чтобы уничтожить его раньше, чем тьма поглотит нас обоих. Мне придётся обратиться к ней.

Марго лежит на полу, безудержно кашляя и хрипя. Моя просьба кажется безумием, она не хочет слышать то, что говорю. В её глазах бездна сострадания и я улыбаюсь. Ей будет тяжело в этом мире, но она изменится. Станет сильной. Сейчас это как предчувствие силы. Я верю в неё так же сильно, как когда-то верила в себя. Но она уже лучше. Она не верит в чувства так, как верила я, а значит она не будет доверять незнакомцу, как доверяла я. Жаль, но Андрею придётся очень постараться чтобы заслужить её доверие. Её любовь.

Я шепчу ему на ухо:

— Позаботься о ней. Кроме тебя, никто не сможет полюбить её такой простой земной любовью. Ты нужен ей. Просто она этого ещё не знает.

На мои слова он кивает, а смотрит только на неё. И она краснеет, сама не зная, почему.

Время выходит. И руки Андрея погружают меня в воду. Невольно вспоминаются прошлые разы. Но сейчас всё по-другому. Сильнее и страшнее. Я стараюсь не сопротивляться даже когда воздух закончился и разум угасает. Но вместо покоя, о, это непослушное тело, оно сопротивляется, бьётся в воде, как билась совсем недавно Марго. Раз, два, три и теперь возвращается голос Клауса.

— Она не справится. Она не сделает этого. Она не сможет. На что ты надеешься? Ты умрёшь. Исчезнешь. Тебя не станет. Так велика твоя месть? Твоя злость и ярость скоро станут маленькими капельками в стремительных водах Изнанки. Тебя не будет. Ты понимаешь? Или твой разум такой крошечный, что ты не в силах понять значение слова «небытие»? — он говорил, страстно, с жаром.

Его голос срывался на визг, на вопль, на безумие. Он как заведённый, всё повторял и повторял, даже не ожидая моего ответа. Бесконечный дурной монолог отчаяния. Ведь он

понимает, что я уже приняла свою судьбу и лишь не хочу уходить без компании. Тьма поглощает каждую клеточку моего естества. От меня остаётся воспоминание и тело, умирающее тело, отпускает по чуть-чуть Клауса и вместе с этим в его голосе звучит надежда. У Марго осталось мало времени, но я знаю, она сможет.

Здесь, на границе миров, я, наконец, вижу всё одновременно. Совсем как она. Вижу странных серых призраков, стоящих вокруг дома. Они молятся, зовут и кажется обращаются к Марго. Чего они хотят? Опасны ли они? Не знаю. Мне уже не хватает ясности, чтобы трезво мыслить.

И вдруг вода исчезла, а затем из крана хлынула вновь. И раздался взрыв. И вода обернулась океаном. Последнее, что слышала, был голос Чёрного человека:

— Думаешь, что победила?! — кричит он. — Думаешь, что всё закончилось? Думаешь, что Марго теперь в безопасности?!

Смех сумасшедшего обрывается всплеском и мы оба опускаемся на дно во тьму.

Здесь вижу своё отражение. Здесь вижу свою суть.

***

Полночь, всё вокруг освещено ясным лунным светом. Но нет луны. Нет неба. Вместе с ним сплошной чёрный цвет плотный как вата, кусками нависающий и падающий местами на обгаренные кровью поля, где самостоятельно собирается в крупные стога, откуда вновь вместе с колючим и отчаянно музыкальным ветром, поднимается вверх.

Маленькая девочка сидит на берегу реки. На самых обыкновенных мостках, в самом обыкновенном платье с зелёными рюшами. Её белоснежные кудрявые волосы распущены и едва колышутся на ветру. Маленькая Лолита. Девочка болтает ногами в воде, её детские туфельки давно промокли, но она не обращает внимание и продолжает касаться воды, задумчиво изучая глубину широкой, до самого горизонта, реки.

Она напевает колыбельную, страшную песенку, качает головой, а в воде вспыхивают чёрные звёзды, от них доносится едва слышное корявое и тягучее звучание одной ноты. Вместе они образуют подводный концерт, неслышимый тем, кто на берегу. Он только для своих, а если хочешь послушать — присоединяйся, зайди в воду Изнанки и забудь дорогу назад.

У девочки нет глаз. Вместо них в глазницах плещется первозданная тьма с зелёным блеском, отражением света. Страшное детское лицо с улыбкой мертвеца.

— Нашла! — закричала она, а затем от неё отделилась густая тень и нырнула в воду. Секунды доля, девочка вся ушла в тень, а затем всё прошло.

Только она, совершенно невозможным образом, держит на вытянутых руках прямо над водой обнажённую молодую девушку, пустую оболочку, без мыслей, без чувств.

— Я с тобой ещё не закончила, Элли, — радостно воскликнула Нюкта.

Больше книг на сайте - Knigoed.net